

Роберт Энтони Сальваторе
Король Призраков

Переходы – 3

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - HL; OCR, ReadCheck - pip228; Conv - Igorek67)

«Король Призраков»: Издательство: Фантастика СПб; СПб; 2011

ISBN 978-5-9565-0176-4

Аннотация

Зло неистребимо, и настойчиво тянет свои когти даже из могилы. Казалось, давным-давно уничтожен Кренинибон, зловердный магический кристалл, подчинявший себе своих владельцев. Но не тут-то было. Старый слепой дракон Гефесус, чье огненное дыхание

когда-то испепелило опасный артефакт, теперь, спустя годы, становится проводником злой воли камня и его хранителей. Он становится Королем Призраков, чудовищным монстром, которому подвластна сама смерть. Это стало возможно, потому что прежние законы мироздания пошатнулись. Магия словно одичала — Пряжа Мистры распадается, и ее неуправляемые нити непредсказуемо воздействуют на тех, кому не посчастливилось оказаться у них на пути. Так пострадала Кэtti-бри, возлюбленная супруга Дзирта До'Урдена, и темный эльф отправляется за помощью к своему старому другу Кэддерли, настоящему Храма Парящего Духа.

Роберт Сальваторе КОРОЛЬ ПРИЗРАКОВ

ПРОЛОГ

Дракон испустил глухое рычание, заскрежетал когтями и присел, готовый к обороне. У него не было глаз — их выжгла ослепительная вспышка, сопровождавшая уничтожение артефакта, но остальные чувства в полной мере компенсировали этот недостаток. В пещере кто-то был — в этом Гефестус нисколько не сомневался, но чудовище не могло определить пришельца ни по запаху, ни по звукам.

— Ну?.. — спросил он раскатистым басом, почти шепотом для такого чудовища, хотя звук заполнил всю пещеру и разбудил эхо. — Ты пришел, чтобы сразиться, или предпочитаешь прятаться?

— *Я здесь, прямо перед тобой, дракон*, — последовал ответ, но беззвучный, проникший сразу в мысли гигантского ящера.

Гефестус наклонил огромную рогатую голову, оценивая телепатическое вмешательство, и снова зарычал.

— *Разве ты не помнишь меня, дракон? Ты уничтожил меня, когда разбил Хрустальный Осколок*.

— Твои загадки меня больше не интересуют, дроу.

— *Не дроу*.

Вот тогда дракон ненадолго замолчал, и веки, совсем недавно прикрывавшие ныне выжженные глаза, распахнулись шире.

— Иллидид! — взревел Гефесту с и выдохнул убийственную струю пламени, когда-то уничтожившую и пожирателя разума, и его приятеля-дроу, а заодно и Хрустальный Осколок.

Пламя снова и снова вырывалось из его пасти, плавало камни и раскаляло всю пещеру. Но через некоторое время, не переставая поливать огнем врага, Гефестус снова услышал в голове беззвучный голос:

— *Спасибо*.

Растерянность прервала смертоносное дыхание дракона — всего на мгновение, но его хватило, чтобы в воздухе разлился холод и сразу же начал пробираться сквозь красную чешую ящера. Холод Гефестусу не нравился. Он был порождением пламени, жара и огненной ярости, и морозный горный воздух больно жалил его крылья, когда Гефестусу приходилось покидать пещеру в зимние месяцы.

Но этот холод был еще хуже, поскольку он был страшнее, чем просто физическое воздействие. Это было жестокое прикосновение бездны, полностью лишенной любого живого тепла. Последние дуновения Креншинибона, его колдовской силы, что создала эту

реликвию несколько тысячелетий назад.

Ледяные пальцы проникали под чешую дракона, пронизывали его плоть и высасывали из огромного ящера жизненные силы.

Гефестус пытался сопротивляться, он рычал и фыркал, напрягал мышцы и сухожилия, стараясь выгнать из себя холод. Глубокий вдох зажег внутри его жаркий огонь, но не для того, чтобы поразить противника, а чтобы согреться.

В ушах дракона раздался звон первой упавшей на каменный пол чешуйки. Гефестус наклонил большую голову, словно стараясь оценить ущерб, хотя, конечно, ничего не смог увидеть.

Зато он мог чувствовать... омертвление.

Он чувствовал, как смерть окутывает его своим саваном, проникает в тело, сжимает сердце.

Дыхание вырвалось из пасти клубком холодного пламени. Он попытался снова вдохнуть воздух, но легкие уже не повиновались. Дракон хотел вытянуть шею, но мышцы тоже отказали, и огромная рогатая голова рухнула на каменный пол.

Темнота окружала Гефестуса еще с того момента, когда он уничтожил Хрустальный Осколок, но теперь он ощущал ее и внутри себя.

Тьма.

* * *

Два язычка пламени пробудились к жизни — два глаза, излучающие магическую энергию и безграничную злобу.

И этого было достаточно, чтобы повергнуть слепого Гефестуса в полнейшее недоумение. Он мог видеть!

Но как?

Дракон увидел и голубоватый свет, и множество молний, с треском и шипением расплзавшихся по обгоревшему полу. Они полностью закрывали площадку, подвергшуюся самому сильному разрушению, где давным-давно взорвался артефакт, и освободившиеся колоссальные запасы магической силы ослепили Гефестуса. А потом совсем недавно, в этот самый день, оттуда исходили смертоносные волны колдовских чар, атаковавшие его, а потом?..

Что произошло потом? Дракон вспомнил леденящий холод, звон осыпавшихся чешуек, начавшееся оцепенение и смерть. Теперь он снова может видеть, но какой ценой?

Гефестус попытался набрать побольше воздуха и только тогда понял, что уже не дышит.

Внезапно его охватил ужас. Дракон присмотрелся к точке, где произошел взрыв. Голубоватый занавес из магических молний постепенно рассеивался, и дракон смог рассмотреть, как сбившиеся в тесную группу фигурки танцуют на руинах своего древнего жилища. Сгорбленные, спотыкающиеся призраки — семеро личей, создавших могущественный Креншинибон, — двигались по кругу и напевали старинные песни о давно утраченном величии Фаэруна. Присмотревшись, можно было заметить, что эти существа несут в себе признаки различных культур и народов со всего континента. Но издали они казались почти одинаковыми согбенными силуэтами в обтрепанной одежде, и казалось, что при каждом движении они излучают серую мглу. Все же Гефестус узнал их — это были жизненные силы обладавшего интеллектом древнего артефакта.

Но ведь они были уничтожены еще при первом взрыве магического кристалла!

Дракон не торопился выпрямить свою змеиную шею, чтобы поднять голову и дохнуть на них смертью. Он наблюдал и размышлял. Он прислушался к их напевам и осознал их отчаяние. Личи страстно желали вернуться в свой дом, в Креншинибон, в Хрустальный Осколок.

Несмотря на испуг, дракон почувствовал любопытство и медленно перевел взгляд на

опустевший сосуд — на могущественный когда-то артефакт, который он нечаянно разрушил, поплатившись за это своими глазами.

И уничтожил его во второй раз, как он понимал. Он и не догадывался, что в магическом кристалле еще сохранились остатки силы, пока иллид его не раздражил, и он не метнул струю пламени, вновь поразившую Хрустальный Осколок.

Гефестус резко дернул головой, оглядываясь вокруг. Ярость с новой силой обуяла его, и перенесенный страх мгновенно переплавился в неукротимый гнев.

Блестящая ярко-красная чешуя дракона почти вся осыпалась на каменный пол. Лишь несколько оставшихся чешуек мерцали на скелетообразном туловище трагическим напоминанием о былой мощи и величии. Гефестус поднял крыло. Не так давно могучие крылья без труда поднимали его к самому небу, позволяя легко преодолевать высокие горные вершины на северо-западе от пещеры.

А теперь это был бесполезный отросток из костей и обрывков кожистых перепон.

Величественное чудовище, обладавшее устрашающей красотой, превратилось в жалкую карикатуру.

Еще сегодня днем он был драконом, а теперь стал... Кем? Мертвецом? Живым скелетом?

Но как?

Гефестус взглянул на второе иссохшее и сломанное крыло и увидел, что его пересекает загадочный голубой луч волшебного света. Пристальный взгляд обнаружил в этой почти прозрачной голубой мгле еще один луч — зеленоватый, искрящийся магической энергией. Эта отчетливо видимая дорожка света тянулась над самой землей от крыла дракона до артефакта, связывая Гефестуса с Хрустальным Осколком, который он долгие годы считал уничтоженным.

— *Пробудись, великий монстр*, — раздался в его голове голос иллида Яраскрика.

— Это ты все подстроил! — заревел Гефестус.

Он собрался зарычать, но неожиданно, без всякого предупреждения, был поражен потоком псионической энергии и сумел лишь что-то невнятно пробормотать.

— *Ты ожил*, — одновременно с ударом прозвучал голос. — *Ты победил смерть. Ты стал величественнее, чем прежде, и я здесь, чтобы вести тебя, чтобы учить тебя пользоваться силами, о которых ты раньше и не подозревал.*

Ярость придала ящеру сил, и Гефестус встал на лапы, высоко поднял голову и осмотрел пещеру. Однако он не осмеливался отодвинуть крыло от таинственного света, опасаясь снова обратиться в ничто. Царапая когтями пол, он приблизился к танцующим призракам и Хрустальному Осколку.

Серые сгорбленные фигурки тотчас прекратили кружение и, словно по команде, повернулись к дракону. И попятились, то ли от страха, то ли в знак уважения. Гефестус не смог определить, что ими руководило. Он осторожно вытянул лапу и прикоснулся к артефакту. Как только высохшие когти сомкнулись вокруг кристалла, Гефестус, повинувшись неведомому побуждению, поднял артефакт и сильно ударил им себя в самый центр лба, чуть выше горящих гневом глаз. Еще не опустив лапу, он уже понял, что на этот поступок его толкнула воля Яраскрика.

Но дракон не успел ответить на неожиданное оскорбление новым всплеском ярости. Поток наслаждения сменил гнев, а на смену ему пришли всеобъемлющая радость, ощущение колоссального могущества, собственной целостности и уникальности.

Чудовище, переваливаясь с боку на бок, направилось назад. Крыло вышло из полосы света, но это обстоятельство не вызвало у Гефестуса никаких опасений, поскольку его новоприобретенная уверенность и жизненные силы ничуть не уменьшились.

Нет, это были не жизненные силы, внезапно понял Гефестус.

Как раз наоборот.

— *Ты Король Призраков*, — сообщил ему Яраскрик. — *Ты неподвластен смерти. Ты сам повелеваешь смертью.*

Гефестус долго сидел на задних лапах, смотрел прямо перед собой и пытался осознать происшедшее. Голубоватый свет достиг стены пещеры, и камни заискрились, словно расцвеченные тысячами крохотных звезд. Семь личей прошли через этот светящийся занавес и встали перед драконом, образовав полукруг. Они начали молиться на своих древних и давно забытых наречиях, но смиренно опустили свои ужасные лики.

Он уже знал, что может повелевать ими, но предоставил им пресмыкаться и унижаться, поскольку в этот момент его больше занимала стена голубого сияния, разделившая пещеру.

— *Что бы это могло быть ?*

— Пряжа Мистры, — хором прошептали личи, словно прочитав его мысли.

— *Пряжа ?*

— Пряжа распадается, — прошелестел хор личей. — Магия... неистовствует.

Гефестус продолжал рассматривать проклятых существ и пытался разобраться в ситуации. Все призраки Хрустального Осколка в прошлом были древнейшими магами, чья жизненная энергия и пропитывала артефакт. Под воздействием этой энергии Креншинибон излучал колдовские двомеры.

Взгляд Гефестуса вновь вернулся к голубоватому полотнищу; нити Пряжи Мистры стали отчетливо видимыми, едва ли не осязаемыми. Дракон воскресил в памяти тот момент, когда он обрушил пламя ярости на дреоу, и иллитида, и на Хрустальный Осколок. Огонь взорвал реликвию и вызвал непереносимо-ослепительную вспышку.

А потом леденящая волна вакуума сорвала с его тела почти все чешуйки и лишила даже плоти. Возможно ли, чтобы это заклинание, откуда бы оно ни взялось, привело к падению частицы Пряжи Мистры?

— Эта нить появилась здесь раньше, чем ты начал дышать огнем, — пояснили личи, читая его мысли и отвергая неверное предположение.

— Она упала после первого разрушения магического кристалла, — произнес Гефестус.

— *Нет*, — возразил в голове дракона Яраскрик. — *Это нить Пряжи Мистры извлекла из разрушенного сосуда черную магию, вернула мне целостность и привела призраков в их нынешнее состояние.*

— А ты вторгся в мои сны, — обвинил его Гефестус.

— *Да, виноват*, — признал иллитид. — *Но в далеком прошлом ты уничтожил меня, и я вернулся, чтобы рассчитаться.*

— Я снова тебя уничтожу! — взревел дракон.

— *Не сможешь, потому что уничтожить уже нечего. Я лишь бестелесная мысль, бесплотная сущность. И я нуждаюсь в пристанище.*

Не успел Гефестус обдумать заявление иллитида, не успел распознать в нем угрозу, как новая волна псионической энергии наполнила все его существо, каждую мысль и каждую клеточку разума оглушительным шумом и треском. Он мгновенно позабыл свое имя и, уж конечно, не мог противиться неожиданному вторжению, когда могучий разум не-мертвого иллитида стал внедряться в его подсознание, в каждое нервное волоконец, образующее разум дракона.

А затем, словно с его головы сняли темное покрывало, Гефестус понял все.

— *Что ты наделал ?* — мысленно обратился он к иллитиду, но ответ уже был готов в его собственном мозгу.

Теперь Гефестусу не было необходимости спрашивать о чем-либо у Яраскрика. Это было бы равнозначно тому, чтобы задавать вопрос самому себе.

Гефестус стал Яраскриком, а Яраскрик — Гефестусом.

И оба они стали Креншинибоном, Королем Призраков.

Постепенно мысли Гефестуса немного успокоились, и он сумел восстановить всю сцену, начиная с пробуждения в нынешнем состоянии и заканчивая энтузиазмом личей. Прядь голубого огня по какой-то причине связала его с Креншинибоном и его черной магией. Так проявились лишь остатки бывшего могущества артефакта, но их было более чем достаточно. Это он понял, когда ударил себя кристаллом по голове. Черная магия

активизировалась и проникла в его физическую сущность.

Вот так было осуществлено не воскрешение, а оживление.

Призраки склонялись перед ним, и он мог читать их мысли и намерения так же отчетливо, как и они могли заглядывать в его мозг. Их единственным предназначением было служить ему.

Гефестус осознал, что превратился в наделенного разумом проводника между миром живых и миром мертвецов.

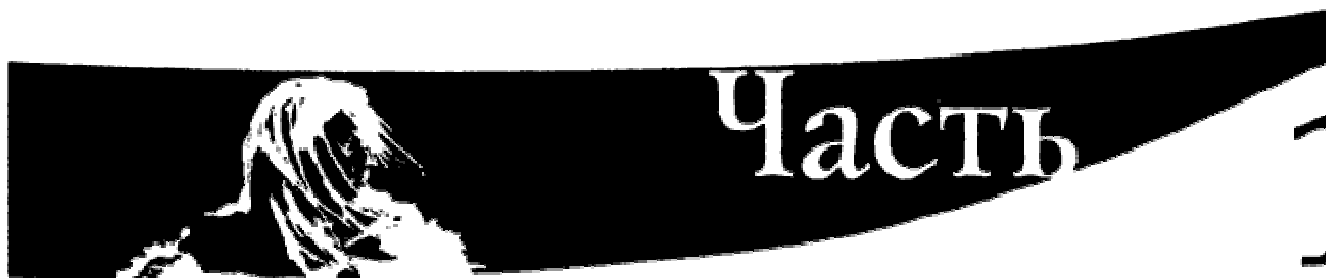
Голубое сияние сползло с противоположной стены и разлилось по полу, заняв пространство между Хрустальным Осколком и кончиком крыла Гефестуса. А спустя несколько мгновений оно покинуло пещеру, уступив место мрачному сумраку, в котором светились лишь оранжевые огоньки глаз личей, глаза Гефестуса да зеленоватое сияние Креншинибона.

Но мощь чудовища с исчезновением сияния ничуть не ослабела, и призраки все так же склонялись перед ним.

Он восстал из мертвых.

Драколич.

РАСПАД

Где заканчивается логика и начинается магия? Где заканчивается логика и начинается вера? Вот два главных вопроса сознания, как сказал мне мой друг-философ, доживший до конца своих дней, а потом повернувший назад. Вот главный предмет для размышлений, конечная цель исканий, основное определение нашей сущности. Жизнь есть преддверие смерти, и, зная это, мы не перестаем искать ответы, всегда искать ответы.

Эта истина лежит в основании Храма Парящего Духа. Это храм и библиотека, место для поклонения и размышления, для споров и философии. Его камни скреплены верой и магией; его стены воздвигнуты из удивления и надежды, его потолок поддерживается разумом. Здесь Кэддерли Бонадьос оценивает интеллект и запросы своих многочисленных посетителей, как ученых, так и приверженцев веры, и убеждает их не отступать перед главными вопросами бытия, не отгораживаться от них и не отверщать других застывшими догмами.

В обширном мире сейчас разгораются яростные дебаты: спор между рассудком и догмой. Кто мы — прихоть богов или результат гармоничного процесса? Вечные или смертные, а если вечные, то каковы должны быть отношения между компонентом вечности — душой и тем, что предназначено на корм червям? Какой будет следующая ступень для нашего сознания и духа: дальнейшее самоосмысление или утрата индивидуальности в единении со всем остальным миром? Каково соотношение между решаемыми и нерешаемыми проблемами и к чему может привести рост первых, ценой уменьшения вторых?

Даже самое простое обсуждение этих вопросов, безусловно, представляет большинству людей волнующие возможности, а кому-то может показаться заслуживающей наказания ересью. Сам Кэддерли однажды признался мне, что жизнь была бы намного проще, если бы он мог попросту принять существующий порядок и жить

только настоящим днем. Ирония его признания не ускользнула от меня. Молодой Кэддерли, один из самых выдающихся жрецов бога Денира, со скептическим недоверием относился даже к божеству, которому служил. Да, он был жрецом-агностиком, но весьма могущественным и наделенным божественной силой. Если бы он поклонялся другому богу, а не Дениру, чьи постулаты поощряли любые изыскания, молодой Кэддерли вряд ли удостоился бы дара исцеления или возможности вызывать ярость своего божества.

Сейчас он уже уверен в вечности Денира и даже допускает существование некоего небесного царства, но продолжает задавать вопросы и искать ответы. В Храме Парящего Духа ради изучения и глубокого постижения раскрываются многие истины — законы внешнего мира и даже небесные законы. Собравшиеся там ученые со всей скромностью и отвагой пытаются осветить все детали схемы нашей реальности, оспаривают контуры множественности Вселенных и законов, управляющих ими, они меняют наше представление о самой планете Торил и ее расположении относительно луны и звезд.

Кое-кто видит в этих попытках ересь, опасное вторжение в царство знания, которое должно остаться в распоряжении лишь божественных существ, во всем превосходящих нас. Что еще хуже, эти ярые фанатики судьбы утверждают, что подобные искания и бестактные толкования унижают самих богов и отвращают от веры тех, кто жаждет услышать откровение. Но для таких философов, как Кэддерли, сложность системы и множественность миров только увеличивают их преданность божеству. Гармония природы, утверждает Кэддерли, совершенство универсального закона и процесса гораздо нагляднее свидетельствуют о божественной силе, чем представление, рожденное слепотой или трусливым невежеством.

Пытливый ум Кэддерли пришел к заключению, что система божественных законов намного превосходит все предрассудки Материального Уровня.

А для многих других, даже для тех, кто поддерживает искания Кэддерли, в этом заключается источник вечного беспокойства.

Правоту жреца Денира подтверждают жизнь Кэтти-бри и ее увлечение магией. Она говорит, что находит в ней утешение, поскольку ее невозможно объяснить. Ее вера в духовность возрастает пропорционально могуществу чародейки. Магия существует независимо от каких-либо объяснений и вопросов, и в этом состоит сущность веры.

Я не знаю, существует ли Миеликки. А если она или любые другие боги присутствуют в нашей реальности, мне неизвестно, заботит ли их судьба бродячего темного эльфа. Заповеди Миеликки — нравственность, чувство общности и служения, благодарности за данную жизнь — реальны для меня и живут в моем сердце. Они были со мной еще до того, как я узнал о Миеликки, и останутся со мной даже в том случае, если я получу неоспоримое доказательство того, что никакой богини не существует.

Определяет ли наше поведение страх перед наказанием, или мы повинемся велению сердца? Я выбираю второй вариант и надеюсь, что так же ответит любой взрослый человек, хотя, исходя из горького опыта, не раз убеждался, что это не всегда справедливо. Желание попасть на те или иные небеса ценой примерного поведения было бы слишком прозрачной уловкой для любого бога, и если твои взгляды не согласуются со взглядами творца небесного царства, то... какой в этом смысл?

Поэтому я отдаю должное Кэддерли и другим искателям, тем, кто не надеется на помощь богов и отвергает простые ответы, а продолжает отважно карабкаться к вершинам истинного величия и истинной гармонии.

И пока народы Фаэруна вплоть до самой смерти заняты своими насущными делами, они не перестанут сомневаться в откровениях, приходящих из Храма Парящего Духа, а порой будут их откровенно отвергать и игнорировать. Желание Кэддерли лично исследовать мироздание силами своего достойного восхищения ума, несомненно, может вызвать страх, особенно когда дело касается одного из самых основных и пугающих понятий — смерти.

Что до меня, то я всегда поддерживал своего друга-жреца. Я помню ночи,

проведенные в Долине Ледяного Ветра, на Подъеме Бренора, где простирающаяся под ногами тундра кажется дальше, чем звезды над головой. Не были ли мои размышления тогда ближе к ереси, чем искания Храма Парящего Духа? А если Кэддерли и его сподвижники достигли такого же результата, какого достиг я, стоя на той горной вершине, значит, мой друг достаточно защищен от менее просвещенных и приверженных догмам глупцов, которые проклинают его, оскорбляют и обвиняют в ереси.

Мое странствие к звездам, среди звезд и вместе со звездами привело к абсолютному удовлетворению и бесконечной радости, к ощущению такой полноты мира, какой я еще не знал.

А самым сильным ощущением в тот миг единения со всей Вселенной было то, что я, Дзирт До'Урден, чувствовал себя богом.

Дзирт До'Урден

Глава 1 ВТОРЖЕНИЕ В СНЫ ДРОУ

Я найду тебя, дроу.

Темный эльф резко открыл глаза, и его превосходные чувства мгновенно настроились на окружающую реальность. Но голос, прервавший спокойное Дремление, остался в мозгу.

Этот голос был ему знаком, и он пробудил отчетливые воспоминания о катастрофе, происшедшей лет пятнадцать назад. Этого не может быть. Дракон был уничтожен, потому что никто, даже такой огромный красный ящер, как Гефестус, не мог выжить после того, как Креншинибон одним взрывом выбросил всю свою мощь. А если бы он даже выжил, почему не поднялся еще тогда, пока его противники были такими беспомощными?

Нет, Джарлакс не сомневался в гибели Гефестуса.

Но и голос дракона, прервавший Дремление, ему не приснился. В этом Джарлакс тоже не сомневался.

Я найду тебя, дроу.

Это наверняка Гефестус — телепатическое послание вызвало в памяти отчетливый облик огромного дракона. Его тяжесть не могла обмануть Джарлакса. Голос прервал его медитацию, и темный эльф инстинктивно отступил, заставив себя вернуться к реальности физического окружения.

Он почти сразу же пожалел об этом и довольно долго прислушивался к успокаивающему похрапыванию своего спутника-дворфа. Убедившись, что все вокруг спокойно, дроу снова закрыл глаза и обратил мысли внутрь себя, погрузившись в медитативное уединение.

Вот только он больше не был один.

Гефестус уже поджидал его там. Джарлакс мысленно увидел глаза дракона — два злобных огонька. Он ощущал ярость чудовища, едва сдерживаемую и сулящую отмщение. Злорадное рычание раскатилось в голове Джарлакса, в нем слышалось торжество хищника, поймавшего добычу. Телепатия дракона отыскала его, но знал ли Гефестус, где именно находится Джарлакс?

Он испытал мгновенный приступ паники и растерянности, потом поднял руку и прикоснулся к повязке, сегодня закрывавшей левый глаз. Повязка была заколдована и должна бы оградить его от Гефестуса, от любых магических или телепатических контактов. Но он же не придумал все это. Гефестус был с ним рядом.

Я найду тебя, дроу, — снова заверил его дракон.

«Найду» это еще не «нашел»...

Джарлакс возвел все возможные барьеры защиты, стараясь при этом не смотреть по сторонам. Он понял, что дракон намеренно повторял свою угрозу в надежде, что эльф

оглядится и выдаст свое местоположение.

Дроу постарался сосредоточиться на видах Лускана и Калимпорта и даже Подземья. Лейтенант отряда наемников Джарлакса был квалифицированным псиоником, и он много рассказывал о методах ментального обмана и защиты. Джарлакс воспользовался каждой крупницей полученных знаний.

Телепатически переданное рычание Гефестуса вместо злорадства отразило разочарование чудовища, и Джарлакс не мог удержаться от усмешки.

Тебе не удастся от меня ускользнуть , — упорствовал дракон.

Разве ты не умер?

Я найду тебя, дроу!

Тогда я убью тебя еще раз .

Равнодушный и спокойный ответ, как и надеялся дроу, привел дракона в неистовство, а вместе с тем мгновенно разрушил концентрацию внимания, чего и добивался Джарлакс.

Он встретил ярость дракона стеной отрицания, чем окончательно вывел его из себя. Затем Джарлакс передвинул повязку на правый глаз, и его прикосновение пробудило в магическом предмете новые силы и усилило защиту.

В последнее время с его магическими безделушками что-то не ладилось. Во внешнем мире что-то происходит, и Пряжа Мистры не так ровна, как раньше. Да и Киммуриэль советовал ему воздержаться от употребления магии, поскольку слишком часто стали поступать донесения о несчастных случаях при использовании самых простейших заклинаний.

Но глазная повязка сделала свое дело, и благодаря ей, а также хитрым защитным уловкам Джарлакса Гефестус был выброшен из подсознания дроу.

Спустя некоторое время Джарлакс снова открыл глаза и окинул взглядом их скромный лагерь. Вместе с дворфом Атрогейтом он находился к северу от Мирабара. Солнце еще не встало, но восточный край неба уже начинал светлеть. На сегодняшнее утро у них назначена тайная встреча с маркграфом Эластулом из Мирабара, чтобы заключить торговое соглашение между эгоистичным правителем и прибрежным городом Лусканом. Или, что более точно, между Эластулом и бандой Бреган Д'эрт — наемниками Джарлакса, все сильнее увлекающимися торговыми делами. Бреган Д'эрт все чаще использовала Лускан как связующий канал во внешний мир, меняя товары Подземья на артефакты наземных королевств и переправляя различные экзотические диковинки в город-государство дроу Мензоберранзан и обратно.

Дроу внимательно осмотрел лагерь, расположенный в небольшой впадине между трех могучих дубов. Со своего места он мог видеть и отрезок пустынной дороги. На соседнем дубе затрещала цикада, в ответ ей закричала птица. На покрытую травой лужайку выскочил кролик и, словно испугавшись тяжелого взгляда дроу, тотчас убежал, двигаясь длинными прыжками и часто меняя направление.

Джарлакс скатился с толстой нижней ветви дуба, служившей ему постелью, бесшумно приземлился благодаря волшебным сапогам и стал осторожно выбираться из-под деревьев на открытое место.

— Куда ты вздумал шагать, хотел бы я знать? — окликнул его дворф.

Джарлакс обернулся. Атрогейт все так же лежал на спине, завернувшись в походное одеяло, и смотрел на него одним полуоткрытым глазом.

— Никак не могу понять, дворф, что меня больше раздражает: твой храп или твоё рифмоплетство?

— Мне и самому интересно, — ответил Атрогейт. — Но я не часто слышу свое храпение и потому выбираю стихотворение.

Джарлакс только покачал головой и повернулся, чтобы продолжить прогулку.

— Я задал вопрос, эльф.

— Я думаю, было бы не лишним осмотреть окрестности, пока не прибыл наш высокопоставленный гость, — пояснил Джарлакс.

— Можешь не сомневаться, он придет в сопровождении половины дворфов из Щита Мирабара, — заверил его Атрогейт.

Джарлак и сам в этом ничуть не сомневался. Он услышал, как Атрогейт завозился под одеялом и поднялся на ноги.

— Осторожность, друг мой, — бросил через плечо дроу и шагнул вперед.

— Не-а, не только, — заявил дворф.

Джарлак рассмеялся, признав поражение. Не многие в этом мире знали его настолько хорошо, чтобы с такой легкостью разгадать его уловки и трюки, но за долгие годы общения с Атрогейтом он приоткрыл дворфу свое истинное лицо. Дроу обернулся и продемонстрировал грязному бородатому приятелю грустную усмешку.

— Ну?.. — спросил Атрогейт. — Ты говоришь и говоришь, но почему же ты дрожишь?

— Дрожишь?

Атрогейт пожал плечами:

— Что есть, то есть, и я вижу, что есть.

— Хватит, — взмолился Джарлак, примирительно воздев руки.

— Расскажи, или я опять начну говорить стихами, — потребовал дворф.

— Прошу тебя, лучше порази меня своими кистями.

Атрогейт подбоченился и пристально уставился на темного эльфа.

— Я еще не уверен, — признался Джарлак. — Что-то...

Он пошарил вокруг себя рукой, поднял шляпу с огромными полями, выпрямил тулью и водрузил шляпу на голову.

— Что-то?

— Или кто-то, — сказал дроу. — Возможно, мне это только приснилось, возможно — нет.

— Еще скажи, что она была рыжеволосой.

— Нет, скорее, в красной чешуе.

Лицо Атрогейта сморщилось от отвращения.

— Тебе надо бы улучшить свои сны, эльф.

— Согласен.

* * *

— Надеюсь, у моей дочери все благополучно, — заметил маркграф Эластул.

Он устроился в большом удобном кресле за тяжелым резным столом, принесенным слугами из дворца в Мирабаре, в окружении дюжины мрачных дворфов из Щита Мирабара. Напротив, в креслах меньшего размера, уселись Джарлак и Атрогейт. Дворф тотчас принялся набивать рот хлебом, яйцами и разными деликатесами. Эластул требовал цивилизованного подхода даже для тайной встречи в лесной глуши, и, к животной радости Атрогейта, это включало в программу обильный завтрак.

— Да, Арабет хорошо приспособилась к переменам, происшедшим в Лускане, — сообщил Джарлак. — Она сблизилась с Кенсиданом, и ее положение в городе становится все более прочным.

— Этот презренный Ворон, — со вздохом прошептал Эластул в адрес Верховного Капитана, одного из четверых капитанов, управлявших городом.

Ему было прекрасно известно, что Кенсидан стал главной фигурой в этой группе.

— Кенсидан победил, — напомнил ему Джарлак. — Он перехитрил Арклема Грита и Гильдию Чародеев — а это уже немало! — и убедил остальных верховных капитанов в правильности своего курса.

— Я бы предпочел капитана Дюдермонта.

— Этот вариант выгоднее нам обоим, — заметил Джарлак, пожав плечами.

— Подумать только, и теперь я сижу здесь и договариваюсь с темным эльфом и дворфом! — недовольным тоном пробормотал Эластул. — Половина дворфов Щита

предпочли бы, чтобы я вас убил, вместо того чтобы торговаться.

— Это был бы не самый мудрый поступок.

— Или не выгодный?

— И вредный для здоровья.

Эластул фыркнул, но его дочь Арабет достаточно много рассказывала ему о Джарлаксе, чтобы маркграф понял: последняя колкость была лишь наполовину шуткой, а наполовину — серьезной угрозой.

— Если Кенсидан Ворон и остальные верховные капитаны узнают о нашей маленькой сделке, они вряд ли обрадуются, — произнес Эластул.

— Бреган Д'эрт не подчиняется Кенсидану и его капитанам.

— Но между вами существует договоренность поставлять свои товары только через их рынки.

— Они достаточно разбогатели в результате мирной торговли с Мензоберранзаном, — напомнил Джарлакс. — И если я решил провести сделку вне рамок этого договора... Что ж, я, в конце концов, лишь торговец.

— Мертвый торговец, если о ней пронюхает Кенсидан.

Джарлакс встретил это заявление смехом:

— Скорее измученный, потому что тогда мне придется управлять стоящим на поверхности земли городом.

Эластулу потребовалось некоторое время, чтобы осознать высказанную дроу возможность, и подобная перспектива его совсем не обрадовала, поскольку послужила еще одним напоминанием о том, что он имел дело с темными эльфами.

Очень опасными темными эльфами.

— Так, значит, мы договорились? — спросил Джарлакс.

— Я открою туннель, ведущий к складу Баркскина, — пообещал Эластул, имея в виду тайный рынок на окраине Мирабара, где селились в основном дворфы. — Повозки Киммуриэля смогут туда пройти, но никому не позволят зайти дальше верхней площадки. И я надеюсь, что цена товара не изменится, поскольку мне предстоит потратиться на содержание стражи из-за угрозы присутствия дроу.

— Присутствия дроу? Могу тебя заверить, мой добрый маркграф, что мы не намерены гулять по твоему городу. Мы вполне довольны тем, что имеем сейчас.

— Джарлакс, ты же дроу, а это означает, что ты никогда не бываешь вполне довольным.

Джарлакс только рассмеялся, поскольку не имел ни желания, ни возможности оспаривать это утверждение. Он согласился стать посредником для Киммуриэля, не больше, а уж тому предстояло проследить за соблюдением всех условий, поскольку в душе Джарлакса вновь проснулась жажда странствий и он намеревался на некоторое время покинуть Лускан. По правде говоря, он ничуть не удивился бы, если бы по прошествии нескольких месяцев, вернувшись на север, обнаружил, что Киммуриэль произвел некоторые перестановки в правительстве Мирабара, а может, и сам стал бы истинным правителем, используя в качестве прикрытия Эластула или любого другого глупца.

Джарлакс молча прикоснулся пальцами к полям шляпы и поднялся, чтобы уйти, не забыв при этом толкнуть Атрогейта. Дворф, фыркая, словно свинья, обнаружившая трюфель, продолжал набивать рот, размазывая яичный желток и джем по густой черной бороде и свисающим косичкам волос.

— Наше путешествие было долгим и голодным, — пояснил Джарлакс Эластулу.

Маркграф укоризненно покачал головой. Однако дворфы из Щита Мирабара не без зависти смотрели на своего соплеменника.

* * *

Джарлакс и Атрогейт прошагали не менее мили, пока отрыжка у дворфа не

прекратилась настолько, что он смог заговорить.

— Значит, мы возвращаемся в Лускан?

— Нет, — ответил Джарлак. — Киммуриэль и так узнает, что я выполнил его поручение.

— Такой долгий переход ради короткого разговора и еще более короткого завтрака.

— Ты ел все утро.

Атрогейт погладил свой объемистый живот и так рыгнул, что вспугнул стаю птиц с ближайшего дерева, а Джарлак лишь беспомощно покачал головой.

— Пузико болит, — пояснил дворф. Он снова погладил живот и снова отрыгнул несколько раз подряд. — Значит, мы не идем в Лускан. Тогда куда же?

Джарлак не сразу ему ответил.

— Не знаю, — откровенно признался он.

— Я несколько не соскучился по этому месту, — заметил Атрогейт. Он забросил руку за плечо и похлопал по рукоятке одного из мощных кистеней. Две рукоятки крест-накрест пересекали его спину, а усеянные шипами шары свисали за плечами, покачиваясь при каждом повороте. — Я уже несколько месяцев ими не пользовался.

Джарлак, рассеянно глядя вдаль, лишь молча кивнул.

— Ладно, куда бы мы ни шли, тебе решать, но я могу сказать, что лучше ехать, чем шагать. Ба-ха-ха.

Дворф запустил руку в поясную сумку и нащупал красную фигурку, изображавшую адского вепря, при помощи которой мог в любой момент вызвать своего волшебного скакуна. Атрогейт уже был готов вытащить амулет, но Джарлак накрыл его руку своей.

— Не сегодня, — пояснил дроу. — Мы пока не торопимся.

— Ба, но я хочу протрястись по ухабистой дороге, чтобы перестать рыгать, чертов эльф.

— Сегодня идем пешком, — заявил дроу не допускающим возражений тоном.

Атрогейт с подозрением взглянул на своего спутника:

— Значит, ты не знаешь, куда ты шагаешь.

Дроу окинул взглядом холмистые окрестности и потер узкий подбородок.

— Скоро узнаю, — пообещал он.

— Ба! Мы могли бы зайти в Мирабар и запастись едой!

Но, едва договорив, Атрогейт, что было весьма нехарактерно для дворфа, побледнел, встретив суровый, испепеляющий взгляд Джарлакса, недвусмысленно напомнивший, кто был здесь главным, а кто играл вторую роль.

— Хороший день для прогулки! — воскликнул Атрогейт и опять громко рыгнул.

Они остановились, пройдя всего несколько миль на северо-восток от того места, где проходила встреча с маркграфом Эластулом. Дроу и дворф устроили лагерь на невысокой гряде, среди редких и чахлах деревьев, часть которых уже давно засохла, а все остальные почти лишились листвы. С западной стороны, внизу, виднелись не то развалины фермы, не то остатки маленькой деревушки, отделенной небольшим полем, которое было усеяно плоскими камнями. Часть камней торчала стоймя, что навело Атрогейта на мысль о заброшенном кладбище.

— Может, кладбище, может, развалины здания, — беспечно ответил на его догадку Джарлак.

Селунэ уже поднялась и начала свой танец среди мелких облачков, быстро несущихся по небу. Вскоре Атрогейт удовлетворенно захрапел под ее бледными лучами, но Джарлак не допускал мысли о погружении в медитацию.

Он наблюдал, как тени в неярком свете луны начали съеживаться, потом исчезли, потом, когда диск Селунэ перешел в западную часть неба, стали вытягиваться на восток. Усталость наваливалась все сильнее, но он долго сопротивлялся.

И молча ругал себя за эту глупость. Он не может всегда бодрствовать и оставаться настороже.

Джарлакс прислонился к высохшему дереву, чья тень напоминала человека, который молился богам, протянув перед собой руки. Лезть на дерево было опасно — сухие ветви могли не выдержать его веса, и Джарлакс остался стоять, опираясь спиной о корявый ствол.

Он позволил своим мыслям покинуть окружающий пейзаж и опуститься внутрь. В преддверии Дремления воспоминания смешивались с ощущениями. Затем он услышал стук своего сердца, шорох крови, текущей по венам. Он ощущал ритмы мира и легкое дыхание почвы под ногами и радовался крепкой связи с землей, словно пустил корни в глубину породы. И в то же самое время ощущал себя невесомым, как будто парил в воздухе, подчиняясь мягким объятиям Дремления, удивительным образом расслаблявшим и тело, и душу.

Только здесь Джарлакс чувствовал себя свободным. Только здесь было его безопасное убежище.

Я найду тебя, дроу.

Гефестус тоже был здесь и уже поджидал его. Перед мысленным взором дроу опять вспыхнуло два огненных глаза чудовища, на него дохнуло жаром его дыхания и опаляющей ненавистью.

Убирайся. Нам с тобой нечего делить , — мысленно ответил темный эльф.

Я ничего не забыл !

Это твоё дыхание взорвало кристалл , — напомнил чудовищу Джарлакс.

Но с твоей подачи, хитрый дроу. Я все помню. Ты ослепил меня, лишил сил, уничтожил меня !

Последнее обвинение показалось Джарлаксу странным, и не только потому, что дракон, по-видимому, не был уничтожен. Дроу показалось, что он разговаривает не с Гефестусом. Но ведь это был именно дракон!

В голове Джарлакса возник еще один образ — существо с раздутой головой и угрожающе шевелящимися щупальцами.

Я узнал тебя. Я тебя найду , — не унимался дракон. — *Ты лишил меня радостей жизни и плоти. Ты лишил меня вкуса пищи и удовольствия прикосновений.*

«Значит, дракон мертв», — подумал Джарлакс.

Не я! Он!

Голос в голове дроу гремел в точности как рев Гефестуса.

Я был слеп и спал в темноте! Но я слишком умен, чтобы умереть! Подумай о врагах, которых ты нажил, дроу! Подумай о том, что Король Призраков найдет тебя — нашел!

Последняя мысль принесла с собой такую ярость и сулила такие страшные последствия, что мгновенно вырвала Джарлакса из объятий Дремления. Он поспешно огляделся, словно ожидая нападения дракона, грозящего сжечь его дотла своим смертоносным дыханием, или иллитида, способного навсегда лишить разума одним ударом псионического заряда.

Но освещенная бледными лучами луны ночь по-прежнему была тиха и спокойна.

Слишком спокойна, по мнению Джарлакса, как перед нападением грозного хищника. Почему смолкли лягушки, не слышно ночных птиц и стрекотания цикад?

Какое-то движение на западной стороне привлекло внимание Джарлакса. Он внимательно осмотрел каменистое поле, отыскивая источник тревоги, наверное, какой-то грызун.

Он не увидел ничего, кроме неровной травы, волновавшейся под легким ночным ветерком.

На поле опять что-то шевельнулось, и Джарлакс пристально взгляделся в камни и даже приподнял повязку, чтобы лучше сфокусировать взгляд. На краю пустоши поднялась какая-то сгорбленная фигура; она раскачивалась и размахивала руками. Дроу быстро понял, что это не живое существо, а призрак, или дух, или лич.

Вдруг шевельнулся стоявший на поле камень. Потом еще один дрогнул и наклонился сильнее.

Джарлакс сделал шаг по направлению к древним памятникам.

Луна исчезла, скрывшись за большой тучей, и темнота сгустилась. Но глаза уроженца Подземья были способны видеть и при более скудном освещении. В глубоких пещерах, далеко от поверхности земли, клочок светящегося мха для него был таким же ярким, как горящий факел. И без света луны Джарлакс увидел, как стоявший вертикально камень снова шевельнулся. Совсем немного, словно кто-то ворочался в земле у его основания.

— Кладбище... — прошептал дроу, узнав, наконец, в камнях старинные надгробия и вспомнив предположение Атрогейта.

В этот момент снова показалась луна, осветила пустошь. В грязи, под покачнувшимся камнем, что-то шевелилось.

Рука — рука скелета.

Странная, зеленоватая молния зажглась на поле, и ее ветви расплзлись во все стороны. В этом ярком свете Джарлакс увидел, как закачались другие камни и под ними зашевелилась земля.

Я нашел тебя, дроу, — донесся до него зловеший шепот чудовища.

— Атрогейт, — негромко окликнул Джарлакс своего спутника, — просыпайся, мой добрый дворф.

Атрогейт фыркнул, кашлянул, рыгнул и перевернулся на бок, спиной к дроу.

Из висящего на поясе чехла Джарлакс достал небольшой арбалет и проверил натяжение тетивы. Потом он представил себе тяжелый дротик с тупым концом, и волшебный колчан тотчас выдал его в протянутую руку эльфа.

— Просыпайся, добрый дворф, — повторил дроу, не отрывая взгляда от ожившего поля.

Костлявая рука у подножия сильно наклонившегося камня отчаянно хватала воздух.

Не дождавшись ответа Атрогейта, Джарлакс опустил арбалет.

— Эй, вот она, расплата за бекон! — возопил дворф, когда дротик ударил его пониже спины.

Дворф прокатился по земле, завозился, словно перевернутый краб, но все же вскочил на ноги. И принялся подпрыгивать на полусогнутых ногах, потирая ушибленную задницу.

— Что ты узнал, эльф?! — крикнул он, немного успокоившись.

— То, что ты своим громким храпом разбудил мертвецов, — ответил Джарлакс и махнул рукой поверх плеча дворфа, показав на усеянное камнями поле.

Атрогейт одним прыжком развернулся.

— Я вижу... темноту, — сказал он.

Не успел он закончить, как из-за туч снова показалась луна, к тому же над полем, словно энергетическая сеть, опять вспыхнула зеленоватая молния. Стало видно, как из могил поднимаются скелеты и бредут к поросшей деревьями каменистой гряде.

— Похоже, они направляются к нам! — воскликнул Атрогейт. — И выглядят достаточно голодными. Даже изголодавшимися, я бы сказал!

— Давай-ка убираться отсюда, и побыстрее, — предложил Джарлакс.

Он запустил руку в поясную сумку и выудил оттуда статуэтку скакуна, у которого вокруг копыт вились языки пламени.

Атрогейт кивнул и достал фигурку кабана.

Они одновременно бросили на землю фигурки и призвали своих скакунов: фыркающего дымом и бегущего на обьятых пламенем копытах адского жеребца Джарлакса и распространявшего вокруг себя жар и пламя нижних уровней адского вепря. Джарлакс, первым вскочивший на скакуна, повернул его в противоположную от поля сторону, но, оглянувшись, увидел, как Атрогейт схватился за рукоятки кистеней и с диким ревом погнал вепря на кладбище.

— Так быстрее! — закричал дворф, раскручивая на цепях тяжелые металлические шары. — Ба-ха-ха!

— О богиня Ллос, — застонал Джарлакс, — если ты послала его, чтобы меня помучить,

знай, что я сдаюсь, только забери его обратно!

Атрогейт неся прямо к кладбищу, и вопрь под ним злобно брыкался и лягался. Поблизости ударила еще одна зеленая молния, осветив десятки восставших трупов, тянувших костлявые руки навстречу дворфу.

Атрогейт заревел еще громче и сильно сжал ногами бока кабана-демона. Волшебный скакун, разъяренный не меньше своего бородатого седока, устремился в гущу скелетов, и дворф раскрутил над головой шипастые шары. Поднявшиеся скелеты окружили его со всех сторон, но тяжелые кистени крушили кости, отбивали протянутые руки и пальцы, дробили ребра в мелкие осколки.

Боевой вопрь, пробивая себе путь в толпе безмозглых трупов, пустил в ход клыки и копыта. Атрогейт ударил скакуна в бок коленом, и волшебный кабан, прыгнув вперед, изрыгнул пламя нижнего уровня. Из-под копыт тоже взметнулись оранжевые языки огня, опалившие все в радиусе, равном половине роста дворфа. Вокруг Атрогейта образовалось огненное кольцо, земля задымилась, а кое-где загорелись высохшие пучки растительности.

Огонь заставил ближайших противников немного замедлить ход, и они задержали остальных, но мертвецы сомкнули кольцо и не выказывали ни малейших признаков страха.

Ловким движением руки Атрогейт обрушил один из шаров на череп скелета, превратив его в облачко беловатой пыли. Дворф широко размахнулся вторым кистенем, шар описал плавную дугу и сбил сразу три протянутые костлявые конечности.

Но скелеты то ли не замечали потерь, то ли не обращали на них внимания и продолжали наступать. Кольцо смыкалось все теснее и теснее.

Атрогейт отвечал на усиливающийся натиск оглушительным ревом и все быстрее раскручивал усеянные шипами шары. Ему уже не надо было прицеливаться. Дворф не мог промахнуться, даже если бы очень постарался. Со всех сторон к нему тянулись скрюченные пальцы и словно ухмыляющиеся черепа щелкали челюстями.

Но вот вопрь завизжал от боли. Он высоко подпрыгнул и зажег еще одно огненное кольцо, однако безмозглые скелеты даже не замечали, как обугливаются их ноги. Острые когти рвали кожу вепря, и боевой скакун, озверев от ярости и боли, сбросил со спины седока. Атрогейт отлетел в сторону, сокрушив целый ряд скелетов, но на их место тотчас устремились другие.

* * *

Джарлакс ненавидел такие схватки. Применял ли он обычное оружие или действовал при помощи магии, темный эльф всегда старался ошеломить своего противника, вызвать у него растерянность и вывести из равновесия.

Но нельзя рассчитывать на растерянность, когда против тебя идут толпы безмозглых скелетов или зомби.

С тяжелым вздохом он вырвал из шляпы длинное перо, бросил его на землю и на древнем наречии магов прочел соответствующее заклинание. В то же мгновение поднялся клуб черного дыма, а перо превратилось в гигантскую нелетающую птицу диатриму, десяти футов ростом и с шеей толстой, как туловище взрослого человека.

Птица, повинаясь мысленной команде дроу, ринулась на поле и начала сбивать мертвецов ударами коротких мощных крыльев и дробить кости огромным клювом.

Но все больше и больше скелетов поднималось из могил, и все они неудержимо рвались в бой.

Джарлакс по-прежнему держался у края поля. Он осторожно надел на палец волшебное кольцо и вытащил из сумки тонкую палочку.

Дроу поднял руку с кольцом, и магия во много раз усилила его удар и увеличила зону поражения, так что в рядах скелетов образовался узкий проход. Второй удар разнес на кусочки трех мертвецов, попытавшихся зайти с левого фланга.

Обеспечив себе безопасность хотя бы на некоторое время, дроу поднял волшебную

палочку, воззвал к ее магии и бросил перед собой ослепительно-яркую молнию колдовского огня, чрезвычайно губительного для оживших мертвецов.

В отличие от огня, вызываемого адским ведром, огонь волшебной палочки скелеты не могли проигнорировать. Пламя нижних уровней только опаляло им ноги, возможно, слегка повреждало кости, тогда как колдовской огонь противодействовал магии, поднявшей их из могил и заставившей драться.

Джарлак направил заряд в то место, где упал Атрогейт, и с радостью услышал долгожданный крик — крик от боли в глазах после слишком яркой вспышки.

А когда дворф, наконец, выбрался из груды костяных обломков, темный эльф не удержался от смеха.

Но до победы в этом бою было еще далеко. Из земли продолжали подниматься все новые и новые скелеты, и каждый старался вцепиться в противника костлявыми руками.

Вебрь Атрогейта погиб, разорванный в клочья острыми когтями, а для создания нового скакуна магической статуэтке требовалось еще несколько часов. Птица Джарлакса тоже пала жертвой разъяренных мертвецов. Дроу прикоснулся к ленте на шляпе, но нащупал только кончик начинавшего расти пера. Следующую диатриму можно будет призвать лишь спустя несколько дней.

Атрогейт повернулся, словно намереваясь снова броситься на подходившую толпу скелетов.

— Садись позади меня! — крикнул ему Джарлак.

— Здесь пока не все враги уничтожены, — откликнулся дворф, все еще потирая раздраженные вспышкой глаза.

— Тогда я тебя оставляю, и пусть скелеты разорвут тебя на кусочки.

— Ты заставляешь меня бежать с поля боя! — заорал Атрогейт, раздробив в пыль череп ближайшего скелета.

— Возможно, магия, поднявшая этих мертвецов, и тебя превратит в зомби, — бросил Джарлак и повернул коня в сторону каменистой гряды.

Спустя несколько секунд он услышал за спиной сопение и ворчание подошедшего дворфа. Атрогейт раздраженно вертел в руке ониксовую статуэтку адского ведра.

— Тебе не удастся вызвать его прямо сейчас, — напомнил ему Джарлак.

Он протянул руку, и дворф неохотно принял ее.

Атрогейт взобрался на коня позади Джарлакса, и дроу погнал жеребца, оставив мертвецов далеко позади. Сначала они скакали во всю прыть, потом конь немного замедлил бег, а потом дворф захихикал.

— Что с тобой? — спросил Джарлак, но Атрогейт в ответ лишь разразился оглушительным хохотом. — Что происходит? — потребовал ответа дроу.

Но у него не было времени оглянуться на спутника, а дворф, казалось, слишком увлекся своим занятием, чтобы отвечать.

Наконец они добрались до места, где могли считать себя в безопасности. Джарлак резко остановил коня и оглянулся. Лицо дворфа побагровело от смеха.

Причиной тому служила прихваченная с поля боя рука скелета, костлявые пальцы которой все еще продолжали хватать воздух. Джарлак спешил и, не дожидаясь, пока дворф последует его примеру, отпустил адского жеребца. Атрогейт, окруженный клубами черного дыма, тяжело рухнул на землю.

Однако и теперь он не перестал смеяться, так забавляли его судорожные движения оторванной от скелета руки.

— Избавься, наконец, от этой мерзости! — приказал Джарлак.

Атрогейт ответил скептической усмешкой.

— Я считал, что у тебя больше воображения, — сказал он, затем поднялся на ноги и отстегнул тяжелый нагрудник. Как только латы упали, дворф запустил свою добычу за спину и застонал от наслаждения, когда скрюченные пальцы принялись царапать его спину. — Как ты думаешь, долго еще она проживет?

— Надеюсь, дольше, чем ты, — ответил дроу, прикрыл глаза и беспомощно покачал головой. — Мне кажется, что не слишком долго, — добавил он.
— Ба-ха-ха! — заревел Атрогейт. — А-а-а-ах!

* * *

— В другой раз, когда мы столкнемся с подобными существами, я бы хотел, чтобы ты меня слушался, — заявил Джарлак Атрогейту на следующее утро, когда дворф снова взялся за свою игрушку.

— В другой раз? Тебе что-то известно, эльф?

— Это нападение не было случайным, — признался темный эльф. — Во время медитаций меня уже дважды посещало чудовище, которое я считал убитым, но оно как-то сумело обмануть смерть.

— Это чудовище наслало на нас скелеты?

— Это огромный дракон, — объяснил Джарлак. — Далеко на юге...

Тут Джарлак умолк, не зная наверняка, где находится логово дракона. Да, он был там, но при помощи магической телепортации. Он в общих чертах представлял себе, где расположен этот отдаленный район, но не точное местонахождение пещеры. Хотя дроу тотчас вспомнил о том, кто должен был хорошо знать это место.

— Неподалеку от гор Снежные Хлопья, — закончил дроу. — Это великий дракон, мысли которого могут уноситься на сотни миль.

— Ты думаешь, нам надо бежать отсюда еще быстрее?

Джарлак покачал головой:

— Ради уничтожения этого существа я могу заручиться могущественной поддержкой.

— Гм.

— Только сначала надо убедить их не убивать тебя.

— Гм.

— Нет, в самом деле, — настаивал дроу. — Это могущественный жрец по имени Кэддерли, избранник своего бога, обещавший меня убить, если я вернусь.

— Гм.

— Но я найду способ.

— Ты можешь говорить и можешь молить, но я надеюсь, что не мне, в конце концов, придется заплатить.

Джарлак пристально посмотрел на дворфа.

— Ладно, ты не можешь вернуться, куда тебе хочется, хоть я и не знаю, зачем тебя тянет туда, где дракон охотится!

К пристальному взгляду добавился громкий стон.

— Знаю, знаю, — сказал Атрогейт. — Больше никаких стихов. Но этот, последний, был совсем не плох, верно?

— Он требует доработки, — ответил дроу. — Хотя и не такой основательной, как твои предыдущие попытки.

— Гм, — протянул просиявший от гордости дворф.

Глава 2 РАЗОРВАННЫЙ КОНТИНУУМ

Дзирт До'Урден отбросил походное одеяло и вытянул вверх обнаженные руки, широко растопырив пальцы на фоне утреннего неба. Как хорошо после темной зимы снова оказаться в пути, вне границ Мифрил Халла. Свежий прохладный воздух, лишенный гари кузниц, утренний ветерок, поглаживающий плечи и длинные густые белые волосы, — все это вливалось в тело Дзирта новые потоки энергии.

И как хорошо остаться наедине с женой.

Темный эльф напряг шею и начал поворачивать голову из стороны в сторону. Потом снова потянулся, встал на колени, окончательно сбросив одеяла. Ветер охлаждал обнаженное тело, но Дзирт не беспокоился. Прохлада только придавала ему бодрости и жизненных сил.

Он медленно поднялся на ноги, напряг все мышцы, чтобы избежать судорог после сна на твердой земле, а потом шагнул за пределы круга из камней, ограничивающих маленький лагерь, чтобы взглянуть на Кэтти-бри.

Она стояла неподалеку, на склоне холма, одетая лишь в переливчатую блузу, когда-то служившую одеянием гному-чародею. Кэтти-бри свела перед собой ладони, погружившись в глубокое созерцание, и Дзирт залюбовался ее скромной красотой. Блуза доходила только до середины бедер, и естественное очарование Кэтти-бри не скрывали и не затмевали никакие причудливые украшения.

Они возвращались в Мифрил Халл из Серебристой Луны, где правила великая леди Аластриэль — наставница Кэтти-бри в искусстве магии. Визит нельзя было назвать очень удачным. В воздухе ощущалась какая-то таинственная угроза, и маги чувствовали, что с Пряжей Мистры не все благополучно. По всему Фазруну шепотом передавались слухи об ужасах непредвиденных последствий заклинаний, о промахах и осечках магических зарядов и о знаменитых чародеях, внезапно лишившихся рассудка.

Аластриэль призналась, что и сама опасается за цельность Пряжи Мистры — главного источника магической энергии. Кроме того, Дзирт никогда не видел, чтобы лицо леди Аластриэль было таким пепельно-бледным, даже в тот день, когда он много лет назад впервые пришел в Мифрил Халл, или в те времена, когда орды короля Обальда, объятые безумной яростью, спустились со своих гор. Никогда еще избранница Мистры, одна из Семи Сестер и любимая всеми правительница Серебристой Луны, не казалась такой расстроенной и даже испуганной.

Бдительность, наблюдения и медитация — такими были рекомендации леди Аластриэль в тот день, когда она вместе с другими магами из всех сил пыталась определить, что же могло произойти. И Кэтти-бри, достигшая многообещающих успехов в Искусстве, хотя занялась магией меньше десяти лет назад, приняла слова правительницы Серебристой Луны близко к сердцу.

Дзирт понимал, что именно поэтому она встала так рано и ушла из лагеря, чтобы медитировать в одиночестве.

Он с улыбкой любовался женой, смотрел, как ветерок играет ее медно-рыжими волосами, все еще яркими и густыми, свободно распущенными по плечам, как в такт ее мыслям покачивается тело, хотя и немного раздавленное с возрастом, но все такое же любимое и желанное.

Кэтти-бри неторопливо развела руки в стороны, словно приглашая магию, и рукава блузы, скользя к плечам, открыли ее локти. Дзирт восхищенно улыбнулся, когда она медленно поднялась на несколько футов над землей, используя прием левитации. Пурпурные язычки волшебного огня продолжением яркой ткани побежали по всему телу, словно магия женщины и магия блузы объединились в одно целое. Налетел волшебный ветерок, и красновато-рыжие волосы разошлись над спиной Кэтти-бри широким веером.

Дзирт видел, что она творит простейшие заклинания безопасной магии, стараясь приблизиться к Пряже Мистры и разгадать причину опасений леди Аластриэль.

Внимание Дзирта привлекла вспышка далекой молнии, и он резко повернул голову в ту сторону, откуда вскоре донесся глухой раскат грома.

Дроу удивленно изогнул бровь. На утреннем небе не было ни облачка, но, тем не менее, он увидел голубоватый зигзагообразный разряд, упавший с неба на далекую равнину.

Дзирт уже сорок пять лет провел на Поверхности, но ни разу ему не приходилось наблюдать в природе подобного явления. Он видел ужасные штормы с палубы «Морской феи» капитана Дюермонта, видел пыльные бури в пустыне Калима, видел снежный шквал, всего за один час засыпавший землю снегом по колено. Однажды в Долине Ледяного Ветра он даже наблюдал такое редкое явление, как шаровая молния, и сейчас был склонен

предположить, что видит какой-то вариант этого специфического разряда.

Но эта молния двигалась по прямой линии и оставляла за собой мерцающий голубоватый шлейф энергетического потока.

Судя по направлению полета, молния должна была пересечь равнину к северу от их лагеря. Дзирт снова посмотрел, как справа от него Кэтти-бри мерцает огоньками и парит в воздухе. Может, стоит прервать ее медитацию и показать загадочный феномен? Дроу перевел взгляд на молнию и в шоке широко раскрыл глаза цвета лаванды. Разряд сильно прибавил скорость, изменил курс и теперь несся прямо на них.

Дзирт еще раз посмотрел на Кэтти-бри и понял, что молния нацелена в нее.

— Кэт! — крикнул он и пустился бегом.

Похоже, жена его не слышит.

Магические поножи ускорили его бег, и движения ног сливались в одно неясное пятно. Но молния двигалась быстрее, и Дзирт мог только снова и снова окликать Кэтти-бри, когда огненный шар с шипением пронесся мимо. Он ощутил, насколько велик этот энергетический разряд. От близости мощного источника белые волосы дроу встали дыбом.

— Кэт! — кричал он парящей в воздухе женщине. — Кэтти-бри, беги!

Она слишком глубоко погрузилась в медитацию, хотя в последний момент все же повернула голову в сторону Дзирта.

Но было уже поздно. Ее глаза расширились, и в тот же момент молния поглотила ее. С раскинутых рук посыпались голубые искры, пальцы задергались, тело изогнулось, словно от мощного электрического удара.

Странная молния задержалась лишь на несколько мгновений, а потом понеслась дальше, оставив парящую в воздухе женщину, окутанную мерцающей голубоватой дымкой.

— Кэт, — беспомощно повторял Дзирт, карабкаясь по камням.

К тому времени как он добрался до жены, шлейф молнии почти исчез, оставив на земле только потрескивающую искрами линию.

Кэтти-бри парила над этой линией, и ее тело все еще дрожало и подергивалось. Дзирт, затаив дыхание, остановился рядом с ней и увидел, что открытые глаза Кэтти-бри закатились и видны только белки.

Он схватил ее за руку и ощутил слабый электрический разряд. Не обратив на это внимания, Дзирт оттащил жену с голубой линии. Прижав ее к груди, он безуспешно попытался опустить Кэтти-бри на землю.

— Кэтти-бри, — молил Дзирт, — не покидай меня!

Его сердце ударило не меньше тысячи раз, а Дзирт все еще прижимал к себе жену, и, наконец, ее тело расслабилось и медленно опустилось. Он отклонился назад, заглянул в любимое лицо и замер оттого, что вновь смотрит в прекрасные голубые глаза Кэтти-бри.

— Клянусь богами, я думал, что потерял тебя, — сказал он и облегченно вздохнул.

Но радость была недолгой, потому что Кэтти-бри даже не моргала. И смотрела не на него, а куда-то мимо. Дзирт оглянулся, пытаясь определить, что привлекло ее внимание, но ничего не увидел.

— Кэт? — прошептал он.

Напрасно он старался поймать ее взгляд. Кэтти-бри не смотрела ни на него, ни на что-то другое. Ее взгляд был направлен в никуда.

Дзирт легонько встряхнул ее. Кэтти-бри что-то неразборчиво пробормотала, и он наклонился ближе.

— Что? — спросил он и снова тряхнул.

Она поднялась над землей на несколько дюймов, руки раскинулись в стороны, глаза закатились, снова заплясали пурпурные огоньки и затрещали искры.

Дзирт потянулся, чтобы опять опустить ее на землю, но удивленно застыл на месте. Тело Кэтти-бри замерцало, словно испуская волны энергии. Испуганный и растерянный, эльф мог лишь беспомощно наблюдать за происходящим.

— Кэтти-бри? — снова окликнул он любимую спустя короткое время.

А потом, заглянув в побелевшие глаза, увидел, что лицо изменилось. И очень сильно изменилось! Морщинки вокруг глаз словно растаяли. Волосы стали длиннее и гуще, даже пробор появился на другом месте, хотя Кэтти-бри не причесывалась так уже много лет! И все ее тело стало тоньше, а кожа обрела большую гладкость.

Кэтти-бри помолодела.

— Это лук помог мне найти себя во дворце короля дворфов, — промолвила она, хотя Дзирт не был уверен, что все понял.

Зато он явно услышал дворфский акцент: так Кэтти-бри говорила в те годы, когда она большую часть времени проводила среди дворфов клана Бренора, в тени Пирамиды Келвина, в далекой Долине Ледяных Ветров. Она все еще парила над землей, но магические огоньки и искры пропали. И глаза вновь стали нормальными — бездонные голубые озера, покоровшие когда-то сердце Дзирта.

— Да, это Искатель Сердец, — ответил ей Дзирт.

Отступив на шаг назад, он снял с плеча волшебный лук и протянул его Кэтти-бри.

— Но с помощью лука нельзя удить рыбу в Мер Дуалдоне, так что я выбрала леску Пузана, — сказала Кэтти-бри, все так же глядя в пустоту, словно не замечая Дзирта.

Дроу растерянно поморщился.

Женщина глубоко вздохнула. Глаза у нее опять закатились, оставив взгляду Дзирта только яркие белки. Вновь появились огоньки и искры энергетического поля, откуда-то налетел ветерок, задевший только Кэтти-бри, словно волны излучаемой энергии вернулись к ней обратно. Ее волосы, ее кожа, ее возраст — все вернулось, и переливчатая ткань блузы больше не трепетала от неосязаемого ветра.

В следующее мгновение она уже лежала на земле, и снова без сознания.

Дзирт тряс Кэтти-бри, окликал на разные лады, но она ничего не замечала. Он щелкнул пальцами перед ее лицом, но веки не дрогнули. Он поднял ее, чтобы отнести в лагерь, а оттуда — в Мифрил Халл, но, поворачивая, заметил, что волшебная блуза порвана чуть пониже плеча. А потом со страхом заметил видневшиеся сквозь прореху синяки. Едва сдерживая дрожь, Дзирт осторожно отвел в сторону разорванную ткань.

От ужаса и растерянности у него перехватило дыхание. Он тысячи раз видел Кэтти-бри обнаженной и всегда восхищался ее ровной и гладкой кожей. А сейчас перед ним была отметина, даже шрам в форме песочных часов величиной с кулак. Нижняя половина была почти полностью обесцвечена, а в верхней виднелась тоненькая полоска кровоподтека, как будто осталось лишь чуть-чуть песка.

Дзирт дрожащими пальцами прикоснулся к шраму. Кэтти-бри никак не отреагировала.

— Что это? — растерянно прошептал он.

Затем он поднял ее и быстро зашагал к лагерю, и голова Кэтти-бри перекатывалась на его плече, словно у спящей.

Глава 3

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕОБЪЯСНИМОГО

Это было здание с рвущимися в небо башнями, извилистыми лестницами, летящими опорами и огромными цветными окнами. Это было место света и просвещения, веры и науки. Это был Храм Парящего Духа, творение Кэддерли Бонадьюса, избранника Денира. Кэддерли Вопросающего, как звали его собраты по вере. Их бог Денир от всех своих почитателей требовал пытливости ума и непрерывных размышлений.

Это колоссальное сооружение Кэддерли возвел на руинах Библиотеки Назиданий, которую многие считали самой обширной библиотекой на Фаэруне. И архитекторы из таких далеких и таких разных земель, как Серебристая Луна и Калимпорт, приезжали в горы Снежные Хлопья, чтобы взглянуть на величественное здание и полюбоваться летящими конструкциями, которые лишь недавно стали применяться в землях Фаэруна, но еще нигде не достигли такого масштаба. Магия и божественное вдохновение украсили храм

великолепными витражными окнами, а также фресками, изображающими ученых в их бесконечных поисках истины.

Храм Парящего Духа, служивший еще и библиотекой, стал пристанищем для магов, жрецов и мудрецов, желавших обсудить суеверия и поспорить о любых истинах. Ни в одном заведении на континенте больше не существовало такого удивительного согласия между религиями и наукой, и никто здесь не боялся, что логика, наблюдения и эксперименты могут увести исследователя с божественного пути. В Храме Парящего Духа поклонялись истине, и только истине.

Ученые не опасались отстаивать здесь свои теории. Философы не боялись подвергать сомнению общепринятые понятия пантеона и материального мира. Жрецы любых религий и богов могли не опасаться гонений, пока придерживались концепции разумного обсуждения, что само по себе могло вызвать нападки со стороны ограниченных и недалеких умов.

Храм Парящего Духа был тем местом, где позволялось задавать любые вопросы и узнавать обо всем. Споры о различных религиях Торила зачастую граничили с ересью. Здесь испытывалась природа магии, и, когда настало время неуверенности и растерянности, когда нарушилась целостность Пряжи, сюда устремились ученые со всех континентов.

И Кэддерли встречал всех и каждого с распростертыми объятиями, и каждый мог поделиться с ним своими тревогами. Кэддерли выглядел очень молодо, гораздо моложе своих сорока четырех лет. Его серые глаза сверкали юношеским задором, а по плечам рассыпалась густая грива волнистых каштановых волос. Его движения отличались проворством и ловкостью, а походка была пружинистой, словно у юноши. К обычному наряду жрецов Денира, состоявшему из светлой туники и брюк, он обычно добавлял легкую синюю накидку и такую же синюю широкополую шляпу, украшенную алой лентой.

И в эти непростые времена, когда во всем мире стали происходить сбои в магической системе, глаза Кэддерли горели не страхом, а, скорее, любопытством. Кэддерли навсегда остался студентом, его ум не лишился пытливости, и он не мог бояться того, что еще не было изучено.

Он просто хотел это понять.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — приветствовал он однажды ярким утром троих посетителей в одеяниях друидов.

— Полагаю, перед нами молодой Бонадьус, — сказал один из гостей, седобородый старец.

— Не такой уж и молодой, — признался Кэддерли.

— Много лет назад я был знаком с твоим отцом, — сообщил друид. — Могу я надеяться на гостеприимство в это беспокойное время?

Кэддерли посмотрел на него с некоторым любопытством.

— Но ведь Кэддерли жив, я полагаю?

— О да, — ответил Кэддерли, потом усмехнулся. — А ты Клео, не так ли?

— А, твой отец рассказывал тебе... обо мне... — обрадовался друид, но в тот же момент удивленно ахнул. — К-Кэддерли? Это ты?

— А я уж подумал, что ты пропал в наступающем хаосе, старый дружище! — воскликнул Кэддерли.

— Но как же это может быть?.. — Клео не скрывал своего удивления.

— Так ты не погиб? — спросил моложавый жрец. — Конечно, не погиб, ведь ты же стоишь здесь передо мной!

— Я долгие годы странствовал в обличье черепахи, — объяснил Клео. — Безумие настигло меня в теле самого любимого животного. Но как ты можешь быть Кэддерли? Я слышал о его детях, которым примерно столько же лет...

В это время к жрецу подошел молодой человек, очень похожий на Кэддерли, с такими же необычными, миндалевидными глазами.

— А вот и один из них, — ответил Кэддерли, жестом подзывая сына. — Мой старший сын Тимберли.

— Который выглядит старше, чем ты, — сухо заметил Клео.

— Это длинная и запутанная история, — сказал Кэддерли. — И она связана с этим местом, с Храмом Парящего Духа.

— Отец, тебя ждут в обсерватории, — сообщил Тимберли, вежливо поклонившись гостям. — Приверженцы Гонда опять настаивают на своем превосходстве, заявляя, что технические приспособления сильнее магии.

— И обе стороны, несомненно, ожидают, что я займу их позицию.

Тимберли пожал плечами, а Кэддерли тяжело вздохнул.

— Дружище, — обратился он к Клео, — я бы хотел подольше с тобой поговорить, чтобы восполнить все пробелы.

— Могу рассказать тебе о жизни черепахи, — невозмутимо ответил Клео, сдерживая улыбку.

— В наше время в Храме Парящего Духа существует множество точек зрения и мало согласия, — пояснил Кэддерли. — И конечно, все немного нервничают.

— Тому есть веские причины, — заметил один из друидов.

— И отыскать их — наша главная цель, — сказал Кэддерли. — Что ж, входите, друзья, мы вам рады. У нас много еды, а разговоров еще больше. Не стесняйтесь, добавьте и ваши суждения.

Друиды переглянулись, и двое одобрительно кивнули Клео.

— Я же говорил, что так и будет, — сказал Клео. — Последователи Денира всегда считались самыми разумными среди жрецов.

Он повернулся к Кэддерли, а тот, поклонившись, приветливо улыбнулся и ушел.

— Видишь? — обратился Кэддерли к сыну, когда друиды вошли в Храм Парящего Духа. — Я всегда тебе говорил, что способен рассуждать разумно.

Он похлопал Тимберли по спине и зашагал вслед за друидами.

— И каждый раз при этом мама шепчет мне на ухо, что твоя рассудительность в первую очередь обусловлена твоими желаниями, — добавил Тимберли.

Кэддерли остановился на полушаге и притворился, что падает. А затем, не оглядываясь, рассмеялся и продолжил свой путь.

* * *

Тимберли обогнул здание и свернул к южной стене, в обширный сад, где должен был встретиться со своей сестрой-близнецом Ханалейсой. Этим утром они договорились сходить в Кэррадун, маленький городок на берегу озера Импреск, находящийся в дне пути от Храма Парящего Духа. Подойдя к ограде сада, Тимберли улыбнулся еще шире, когда увидел сестру в обществе своего любимого дядюшки.

Зеленобородый дворф подпрыгивал возле грядки с недавно посаженными семенами, выкрикивая слова ободрения и размахивая руками, одна из которых была обрублена по локоть. Точь-в-точь как птица, которая пытается взлететь против сильного ветра. Этот дворф, Пайкел Валуноплечий, разительно отличался от своих соплеменников тем, что выбрал для себя путь друида, и по этой, а также многим другим причинам стал любимцем Тимберли.

Ханалейса Мопассант Бонадьюз была как две капли воды похожа на свою мать Данику в молодости — с такими же соломенными волосами и темно-карими, как и у Тимберли, глазами. Она подняла взгляд от ряда новых сеянцев и приветливо улыбнулась брату; манипуляции Пайкела явно забавляли ее ничуть не меньше, чем Тимберли.

— Дядюшка Пайкел говорит, что растения будут крупнее, чем обычно, — сказала Ханалейса, когда Тимберли миновал ворота сада.

— Эва! — взревел Пайкел, и Тимберли убедился, что дворф выучил новое слово.

— Но я думал, что боги не слушают его, — заметил Тимберли, на что Пайкел отреагировал протяжным «О-о-о-о!» и строго помахал пальцем.

— Верь, братец, — ответила Ханалейса. — Дядюшка Пайкел знает, что делает.
— Хи-хи-хи, — откликнулся дворф.
— Нас ждет Кэррадун, — напомнил Тимберли.
— А где Рори? — спросила Ханалейса, имея в виду их младшего семнадцатилетнего брата Рорика.

— Наверное, где-то с толпой жрецов обсуждает целостность магических нитей, что управляют миром. Я думаю, после того, как закончится этот странный период, не меньше десятка могущественных волшебников захотят стать его наставниками.

Ханалейса кивнула. Она, как и Тимберли, прекрасно знала о способности и желании младшего брата ввязываться во все дебаты. Девушка отряхнула пыль с коленей и похлопала ладонями, чтобы очистить их от прилипших комочков земли.

— Веди, — сказала она брату. — Дядюшка Пайкел не даст моему саду засохнуть, верно?

— Доо-да! — торжествующе воскликнул Пайкел и пустился в танец дождя... или танец солнца... или танец плодородия, или еще в какой-то танец.

Покидая своего дядюшку, близнецы Бонадыус искренне улыбнулись ему, как делали всегда, с самого детства.

* * *

Женщина плотно прижалась к циновке лбом и ладонями, потом подняла ноги перпендикулярно туловищу, плавно развела их в стороны, затем снова свела вместе, подняла вверх и так же плавно вытянулась в безукоризненной стойке на голове.

Она не нарушила дыхания, ни на волос не отклонилась от вертикального положения, когда сильнее уперлась ладонями в пол и медленно поднялась в стойку на руках. Даника двигалась так плавно, словно выполняла упражнения под водой или гравитация отступала перед ее медитативной сосредоточенностью. Более того, когда женщина все так же легко поднялась с ладоней на пальцы, со стороны могло показаться, будто ее тянула вверх невидимая нить.

Так она стояла на кончиках пальцев — безупречно прямо и совершенно неподвижно, без всякого напряжения и не считая времени. Даника не пыталась сохранить равновесие, ее мышцы надежно удерживали тело в нужном положении. Женщина закрыла глаза, и ее соломенного цвета волосы, в которых уже мелькали серебряные нити, свесились до самого пола.

Она глубоко погрузилась в себя, но, тем не менее, ощутила чье-то приближение, услышала звук открывающейся двери и открыла глаза в тот самый момент, когда в комнату заглянул Айвен Валуноплечий, косматый и желтобородый брат Пайкела.

Даника моргнула, приветствуя дворфа.

— Когда их магия иссякнет, миром будем править я и ты, девочка, — заявил Айвен и многозначительно подмигнул.

Даника грациозно опустила ноги и мгновенно перевернулась, оказавшись опять лицом к дворфу.

— Что ты узнал, Айвен? — спросила она.

— Больше, чем следовало, но не так много, чтобы быть уверенным, — ответил он. — А еще брат сказал, что старшие детишки отправились в Кэррадун.

— Насколько я слышала, Тимберли не прочь повстречаться там с девушками.

— Ага, — протянул дворф, и его лицо стало абсолютно серьезным. — А как же Хана?

Даника рассмеялась:

— А что с ней?

— Вокруг нее тоже увивается какой-нибудь парень?

— Айвен, ей же двадцать три года. Это ее дело.

— Ба! Нет, не ее, пока дядюшка Айвен не потолкует с этим глупцом!

— Она сама справится. Она же тренировалась...
— Нет, не справится!
— Как я вижу, о Тимберли ты так не беспокоишься?
— Ба! Парни делают то, что должны делать, но им лучше не пытаться сделать это с моей девочкой Ханой.

Даника, безуспешно пытаясь скрыть смех, приложила к губам ладонь.

— Ба! — опять воскликнул Айвен и махнул на нее рукой. — Я увезу эту девочку в пещеры к Бренору.

— Не думаю, что она на это согласилась бы.

— А кто ее спрашивает? Эта молодежь совсем отбилась от рук.

Он продолжал ворчать, пока Даника не справилась со своим смехом, чтобы суметь задать вопрос:

— Ты о чем-то хотел меня спросить?

Айвен умолк и несколько мгновений смотрел на нее в полной растерянности.

— Да, — несколько неуверенно протянул он и еще немного подумал. — А где младший? Моему брату стало скучно, когда ушли старшие, и он подумал, не прогуляться ли ему в Кэррадун.

— Я сегодня еще не видела Рорика.

— Но с Тимберли и Ханой он не уходил. Ты не возражаешь, если он пойдет со своим дядюшкой?

— Более надежной компании для него я и придумать не могу, мой добрый Айвен.

— Да уж, это точно, — согласился дворф и засунул большие пальцы рук под подтяжки.

— Чего нельзя сказать о невестках и зяте...

— Только о зяте, — поправил ее Айвен и снова подмигнул.

— Только не ломай костей, — попросила его Даника. — И не оставляй никаких отметин.

Айвен кивнул, потом соединил пальцы рук, громко хрустнул суставами и, поклонившись, вышел из комнаты.

Даника понимала, что он никому не причинит вреда, по крайней мере, до тех пор, пока поклонники дочери будут держаться в рамках приличий. Но она понимала и то, что Айвен и Пайкел создадут Ханалейсе немало трудностей.

А может быть, эти двое послужат отличным испытанием для намерений молодых людей. Парень должен испытывать сильные чувства, чтобы не отступить, когда двое дворфов возьмут его в оборот.

Даника усмехнулась и вздохнула, вспомнив о том, что на протяжении нескольких лет, пока они служили королю Бренору в Мифрил Халле, Айвен и Пайкел Валуноплечие были для ее детей самыми лучшими охранниками.

* * *

Расплывчатая тень, когда-то бывшая Фетчигролом, архимагом великой и потерянной цивилизации, уже не помнила своего имени, поскольку давным-давно отказалась от личности, чтобы вместе с другими жрецами создать Хрустальный Осколок. Фетчигрол познал жизнь; он познал мир мертвецов, превратившись в лича; в магическом кристалле он был сгустком чистой энергии; потом наступило забытие и небытие.

Но даже из этого последнего состояния существо, бывшее когда-то Фетчигролом, вернулось, повинувшись прикосновению Пряжи. Из вольного духа он превратился в удаленный придаток, послушный злой воле загадочного триумвирата силы, возникшего в обожженной огнем пещере за много миль к юго-востоку.

Фетчигрол служил объединенной ярости Креншинибона — Гефестуса — Яраскрика, или Короля Призраков, в которого они превратились.

Подобно остальным шести фантомам, Фетчигрол рыскал в ночи, разыскивая тех, кто

вызвал гнев его повелителя. И вот среди нижних отрогов гор Снежные Хлопья, на западном берегу большого озера, блестевшего в свете луны, на тропе, ведущей дальше в горы, к знаменитой библиотеке, он учуял свою добычу.

Заслышав голоса, тень Фетчигрола возбужденно затрепетала; в первую очередь, лишенный покоя, призрак искал выход своей собственной злобе и безграничной ненависти. Он проплыл в самую густую тень под раскидистым деревом и наблюдал за тем, как двое молодых людей, перешагивая через корни деревьев, идут по залитой лунным светом тропе.

Они прошли прямо перед ним и ничего не заметили, хотя девушка вдруг повернула голову и слегка вздрогнула.

Как ему хотелось выскочить из засады и выпить из них жизнь! Но Фетчигрол слишком далеко ушел от их мира, слишком глубоко погрузился в Мир Теней — Царство Тьмы, вторгшееся на Фаэрун. Как и шесть его братьев, он не обладал достаточной плотностью, чтобы непосредственно воздействовать на существа из плоти и крови.

Его сил хватало только на призраков. Только на лишенных энергии мертвецов.

Он следовал за парой до подножия горы, пока они не отыскиали местечко, где решили сделать привал. Злобный дух, уверившись, что они останутся на месте хотя бы до рассвета, отправился на поиски сосуда.

И нашел его в паре миль от своих жертв, в виде мертвого медведя, наполовину сгнившая туша, которого была уже объедена червями и насекомыми.

Фетчигрол поклонился труп, а затем начал читать заклинания, чтобы образовать канал для энергии Короля Призраков и призвать дух медведя.

Вскоре труп зашевелился.

* * *

Медленными шагами и с болью в сердце, терзавшей гораздо сильнее, чем боль в уставших руках и плечах, Дзирт До'Урден пересек мост через реку Сарбрин. Уже показалась восточная дверь Мифрил Халла, и несколько дворфов клана Боевого Топора бросились ему навстречу, чтобы помочь с тяжелой ношей.

Кэтти-бри неподвижно лежала на его руках, и лишь голова покачивалась из стороны в сторону при каждом шаге, а открытые глаза по-прежнему смотрели в пустоту.

И лицо Дзирта, на котором читались растерянность и ужас, только усугубляло эту страшную картину.

Дзирт миновал дверь под крики «Позовите Бренора!» и «Освободите дорогу!», а уже через пару минут навстречу ему выкатилась повозка, и несколько дворфов осторожно переложили в нее бесчувственную Кэтти-бри.

Лишь теперь Дзирт понял, насколько он измучен. Он прошел несколько миль с Кэтти-бри на руках, не осмеливаясь остановиться на отдых, поскольку она нуждалась в помощи, на которую он был не способен. Он пытался убедить себя, что жрецы Бренора знают, что надо делать, и то же самое сейчас твердили собравшиеся вокруг него дворфы.

Возница быстро погнал повозку через ущелье Гарумна, потом вниз, по извилистым подземным туннелям, до самых покоев Бренора.

Известия все равно его опередили, и Бренор уже ждал в большом зале. Рядом с ним стояли Реджис и остальные домочадцы, а Бренор нервно ходил взад и вперед и беспрестанно дергал себя за бороду, давно уже утратившую огненно-рыжий цвет и ставшую грязновато-оранжевой.

— Эльф, — воскликнул Бренор, — что произошло?

Отчаяние, прозвучавшее в этом вопросе, едва не добило Дзирта, поскольку он не мог ни вразумительно объяснить происшедшее, ни обнадежить короля. Он собрал остатки сил и, перебросив ноги через борт повозки, осторожно спустился на пол. Встретив взгляд Бренора, дроу осмелился лишь слабо кивнуть. Затем он откинул задний борт и, стараясь не растерять последние крохи оптимизма, взял Кэтти-бри на руки.

В тот же миг Бренор оказался с ним рядом. Широко раскрыв глаза, он протянул дрожащую руку, не осмеливаясь прикоснуться к своей любимой дочери.

— Эльф? — едва слышно спросил он, и голос так сильно задрожал, что короткое слово растянулось на несколько слогов.

Дзирт посмотрел на него, не зная, что сказать.

Кэтти-бри пострадала от удара неистовой магии и теперь была потеряна и для них, и для всего реального мира.

— Эльф? — снова воскликнул Бренор, наконец-то решившись провести пальцами по лицу приемной дочери.

* * *

Она стояла совершенно неподвижно, приняв боевую стойку и глядя на толстый сук высохшего дерева. Ханалейса, похожая на мать не только внешне, погрузилась в себя и пробуждала силы.

Конечно, можно было дотянуться до ветки, а потом, используя вес тела, обломить ее, но это казалось совсем неинтересным.

Вместо этого она представила ветку своим противником, врагом, вызвавшим ее на бой.

— Поторопись, к ночи здорово похолодало! — окликнул ее Тимберли из лагеря, разбитого неподалеку от тропы.

Ханалейса уже отгородилась от внешнего мира и не позволила себе даже улыбнуться. Сохраняя предельную сосредоточенность, она нанесла резкий и сильный удар по ветке рядом со стволом сначала слева, потом дважды подряд справа, опять слева и вернулась в защитную стойку, приподняв ногу для удара в прыжке.

Через мгновение она взвилась в воздух, в развороте нанесла ногой удар, отломивший крайний кусок ветки, а вторым ударом разломила остаток пополам. Закончила Ханалейса еще одним прыжком и тогда резким движением ноги сверху вниз переломила сук у основания, уже ослабленного предыдущим попаданием.

В результате на землю упало три аккуратных обломка толстой сухой ветви.

Ханалейса приземлилась, даже не покачнувшись, потом подняла сложенные вместе ладони к груди и поклонилась дереву, как побежденному противнику. Закончив эту схватку, она подобрала предназначенные для костра обломки и направилась к лагерю, откуда снова донесся голос брата.

Она успела пройти всего несколько шагов, как вдруг услышала невдалеке чьи-то шаги. Девушка беззвучно замерла на месте, лишь ее глаза двигались, осматривая освещенные луной участки леса в поисках любого движения.

Не далее как в двадцати шагах от нее через кусты ломилось что-то большое и грузное, и это существо, похоже, приближалось к их лагерю.

Ханалейса медленно согнула колени, почти припав к земле, и аккуратно сложила дрова, оставив в руке лишь самый толстый обломок. Некоторое время она не двигалась, стараясь определить источник звука и решить, что делать дальше. Затем ловким движением приподняла ногу над землей, сняла один ботинок, так же проворно сбросила второй и, осторожно переступая босыми ногами, стала на цыпочках пробираться к лагерю.

Вскоре между деревьев показался костер, не без труда разведенный ее братом, и тут она увидела огромную неуклюжую фигуру, которая двигалась впереди нее в том же направлении.

Ханалейса затаила дыхание и стала лихорадочно обдумывать следующее движение, поскольку чудовище уже было недалеко от ее брата. Родители давно учили ее драться, и драться успешно, но еще ни разу ей самой не приходилось сталкиваться с такой очевидной угрозой.

Голос брата, снова окликнувшего ее по имени, положил конец колебаниям. Тимберли тоже слышал шаги зверя, а тот продолжал быстро продвигаться к костру.

Ханалейса с криком устремилась вперед, стараясь отвлечь внимание зверя на себя и опасаясь, что размышляла слишком долго.

— Возьми меч! — крикнула она брату.

Приблизившись к животному — как она поняла, это был медведь, — Ханалейса высоко подпрыгнула и, подняв сухую ветку, с силой швырнула ее в зверя. И только тогда осознала истинную природу чудовища. Это был не просто медведь, которого можно отпугнуть криком или дубинкой. В лунном свете блеснули кости черепа, и стало видно, что половина морды страшного животного уже сгнила.

Ханалейса догнала зверя и, пробегая мимо, ударила его по носу открытой ладонью. Сильный толчок заставил чудовище покачнуться, но это не спасло девушку от ответного удара лапой, от которого Ханалейса перевернулась в воздухе.

Она легко приземлилась, но потеряла равновесие и попятилась назад, а в этот момент мимо нее с обнаженным мечом в руке пронесся Тимберли. Он, не замедлив шага, бросился в бой и мощным выпадом вонзил в чудовище клинок. Лезвие легко прошло сквозь болтавшуюся шкуру и стукнуло о кость.

Но медведь продолжал идти, не обращая внимания ни на рану, ни на торчавший меч. Широко раскинув страшные когтистые лапы, разинув зубастую пасть, он неумолимо надвигался на Тимберли.

Ханалейса в прыжке пронеслась мимо брата, развернулась в воздухе и нанесла двойной удар ногами по плечам и груди чудовища. Конечно, если бы это было живое существо, состоящее из нескольких сотен фунтов мышц и крепких костей, у нее не было бы никакого шанса его сдвинуть. Но медведь давно умер, и половина его массивной туши сгнила или была съедена червями.

Чудовище качнулось назад, и Тимберли сумел выдернуть меч.

— Не коли, а руби! — крикнула ему Ханалейса, как только приземлилась на ноги.

И тотчас же бросилась в атаку, осыпая медведя градом ударов и толчков. Ей удалось отбросить в сторону лапу с ужасными загнутыми когтями, а потом провести серию ударов по плечам зверя.

Ханалейса слышала, как от ее натиска трещат сломанные кости, но и это не отвлекло мертвого медведя, и она была вынуждена отступить, когда чудовище грозно замахнулось на нее тяжелой передней лапой.

Медведь окончательно разъярился и бросился вперед, стараясь обхватить девушку лапами. Ханалейса отскочила назад, едва не упала, споткнувшись о протянувшийся через тропу толстый корень, но ухватила рукой за березовый ствол и удержалась.

И сразу же испуганно вскрикнула, увидев, что медведь несется прямо на нее. Вернее, он попытался сделать это, но в свете луны справа и позади медведя сверкнул меч, лезвие опустилось на плечо чудовища и прошло насквозь.

Мертвый медведь оглушительно заревел и едва не упал на Ханалейсу, однако она успела увернуться, а чудовище наткнулось на ствол и повалило его. Медведь набросился на дерево и разнес его в щепки, словно в отместку за неудачу. А Ханалейса тем временем откатилась в сторону и успела отбежать.

Медведь кинулся, было вдогонку, но ему помешал Тимберли. Он держался сзади и без устали рубил огромную тушу своим тяжелым мечом. Во все стороны полетели ошметки плоти, кишасшие червями, и посыпались осколки разбитых костей.

Но чудовище, опустившись на все четыре лапы и склонив голову, продолжало наступать на Ханалейсу.

Ей пришлось усилием воли подавить отвращение и поднимающуюся панику. Ханалейса прижалась спиной к толстому стволу дерева и подогнула ноги. Как только медведь разинул пасть, чтобы схватить девушку, она стала наносить удары ногами по морде зверя.

Тимберли тоже не отставал, но, несмотря ни на что, чудовище продолжало наступать. Нос и верхняя челюсть отломились и повисли сбоку, а оживший труп все еще пытался

атаковать.

В последний момент Ханалейса сумела рвануться в сторону и назад, перекатилась по земле и встала на ноги. Все ее инстинкты призывали бежать от этого места.

Она отказалась уступать своему страху.

Медведь переключился на Тимберли. Удар меча пришелся по ключице, но мощный взмах лапы вырвал оружие из рук юноши и отбросил далеко в сторону.

Монстр поднялся во весь рост, вытянул лапы и приготовился подмять под себя безоружную воительницу.

Ханалейса запрыгнула зверю на спину и со всех сил, используя инерцию прыжка, вонзила средний и указательный пальцы, сложенные в виде клинка, в основание черепа медведя. Сказались годы тренировок в рядах монахов.

Она почувствовала, как пальцы пробили череп. Отдернув руку, девушка стала бить снова и снова. Она выломала кость, проникла в мозг и принялась вырывать из него целые куски.

Медведь резко развернулся, и Ханалейса слетела со спины, сильно ударилась о пару растущих рядом молодых вязов; тонкие деревца согнулись, и она благополучно приземлилась с другой стороны. Но одна нога застряла между стволами. Ханалейса в отчаянии уставилась на приближающееся чудовище.

И вдруг из-за ее спины блеснул меч, опустился на череп медведя, разнес его пополам и разрубил шею. Но чудовище продолжало идти! От ужаса Ханалейса широко раскрыла глаза. Она никак не могла освободить ногу!

Но медведь двигался только по инерции и, дойдя до пары вязов, тяжело завалился на бок.

Ханалейса вздохнула с облегчением. Тимберли тотчас подбежал к ней и помог выбраться из ловушки, потом поднял сестру на ноги. На ее теле в нескольких местах виднелись глубокие царапины, а на плече растекался багровый синяк.

Но чудовище было мертво — опять.

— Что за напасть появилась в этих лесах? — спросила Ханалейса.

— Я не... — начал отвечать Тимберли, но умолк.

Они оба одновременно вздрогнули и удивленно оглянулись. В воздухе неожиданно разлился сильный холод.

Потом откуда-то донесся шипящий звук, напоминавший хохот, и брат с сестрой встали спиной друг к другу, заняв оборонительную позицию, как их учили.

Но холод рассеялся, и смех утих.

На фоне еще горевшего костра они увидели, как улетает прочь какая-то тень.

— Что это было? — спросил Тимберли.

— Надо вернуться, — едва слышно прошептала Ханалейса.

— До Кэррадуна ближе, чем до Храма Парящего Духа.

— Тогда вперед!

Они побежали в лагерь и быстро собрали свои вещи.

Затем каждый взял по горящей ветке вместо факела, и они пустились по тропе в обратный путь. По дороге им не раз встречались места, где налетал непонятный холод, сопровождаемый свистящим хохотом, и не раз казалось, что в некоторых закоулках тени темнее, чем самая темная ночь. Они слышали топот убегающих прочь лесных зверей и хлопанье крыльев перепуганных птиц.

— Прибавь шагу, — по очереди подгоняли они друг друга, и эти слова звучали еще настойчивее после того, как догорели оба факела.

Они не останавливались, пока не достигли берегов Импреска, где раскинулся темный спящий городок, а до рассвета оставалось еще несколько часов. Владелец лучшей в Кэррадуне гостиницы «Дрожащий кедр» был им хорошо знаком, и брат с сестрой, подбежав к ее двери, громко и настойчиво постучали.

— Эй, там! Что за грохот в такой поздний час? — донесся сердитый крик из окна

второго этажа. — Постой, постой, это что, ребяташки Даники?

— Впусти нас, добрый Бестер Билдж, — откликнулся Тимберли. — Пожалуйста, позволь нам войти.

Когда тяжелая дверь распахнулась, они немного расслабились. Веселый старик Билдж втащил их внутрь, велел Тимберли подбросить в камин несколько поленьев, а сам побежал на кухню, пообещав принести горячего супа и что-нибудь выпить.

Тимберли и Ханалейса с облегчением переглянулись в надежде, что холод и тьма остались снаружи.

Они не могли знать, что Фетчигрол последовал за ними до самого Кэррадуна и сейчас уже обосновался на старом кладбище за городской стеной, предвкушая резню, которую он планировал устроить завтра после захода солнца.

Глава 4 СЛЕД В РАССЕЛИНЕ

Атрогейт поднял оторванную от скелета руку, потом ворчливо пожаловался на ее бездействие и слегка встряхнул. Пальцы снова начали хватать воздух, и дворфф, довольно усмехнувшись, завел костлявую конечность за плечо, а потом удовлетворенно вздохнул, когда острые пальцы добрались до труднодоступного места в центре его зудящей от грязи спины.

— Эльф, как ты думаешь, долго еще она продержится? — спросил он.

Джарлак слишком глубоко задумался, чтобы заметить кривлянье дворффа, и рассеянно пожал плечами, продолжая неспешно шагать по тропе. Дроу не знал, куда ему идти. И те, кому он был хорошо знаком, сразу догадались бы, насколько серьезна ситуация, по выражению растерянности на его лице, так несвойственной Джарлаксу Бэнру.

Дроу понимал, что нельзя ждать, пока Гефестус его настигнет. Он не хотел сражаться с таким могущественным врагом на его условиях, да еще имея в союзниках одного Атрогейта. Джарлак подумывал вернуться в Лускан — Киммуриэль и Бреган Д'эрт наверняка оказали бы ему помощь, но такой вариант шел вразрез с инстинктами темного эльфа. В этом случае Гефестус все равно оказался бы в более выигрышной позиции благодаря способности поднять на ноги толпы мертвецов.

Более того, Джарлак сам хотел навязать бой дракону и верил, что Кэддерли мог бы ему в этом помочь. Но как привлечь на свою сторону жреца, не желающего иметь дело с темными эльфами? Впрочем, кроме одного-единственного темного эльфа.

И было бы совсем неплохо, если бы в этой охоте принял участие Дзирт До'Урден, да еще вместе со своими могущественными друзьями.

Но как это устроить?

А потому по настоянию Джарлакса они шагали на восток через Серебряные Земли к Мифрил Халлу. Дорога займет не меньше десяти дней, хотя Джарлак и не был уверен, что может себе это позволить. В тот день он отказался от Дремления, а когда пришла ночь, все же погрузился в созерцательную задумчивость, стоя на шаткой опоре.

В таком положении его застиг холодный бриз. Дроу инстинктивно попытался свернуться клубком, но соскользнул с тонкого бревна, на котором стоял, и моментально вернулся в реальный мир. Еще не встав на ноги, Джарлак уже сунул руку в карман и вытащил горсть керамических шариков. Он разбросал их вокруг лагеря, очертив круг, и каждый осколок, ударяясь о землю, открывался силой заложенного двомера и вспыхивал ярким светом.

— Что за?.. — воскликнул Атрогейт, разбуженный неожиданно яркими вспышками.

Джарлак даже не оглянулся. Он уже пустился в погоню за тенью. Она убегала от вспышек, причинявших страдания любому существу из потустороннего мира. Джарлак бросил шарик перед расплывчатой тенью и, когда она метнулась в сторону, бросил еще один.

— Поторапливайся, дворфф! — крикнул он через плечо и вскоре услышал, как за его

спиной сопит и пыхтит припустивший вслед за ним Атрогейт.

Как только дворф обогнал его, Джарлакс вытащил волшебную палочку и пустил заряд более мощного и губительного света, направив его в сторону тени. Убегавшее существо взвизгнуло, и от этого неестественного звука у дроу по спине пробежал холодок.

Но странный визг не испугал Атрогейта. Храбрый дворф самозабвенно преследовал врага, уже раскручивая кистени. Он прочитал заклинание для одного из шаров, и на его металлической поверхности выступило взрывчатое масло. Дворф в прыжке настиг скорчившееся существо и размахнулся, что было сил, решив покончить с тенью одним решительным ударом.

Но кистень прожужжал в ночном воздухе, ничего не встретив на пути.

Зато Атрогейт взвыл от боли, ощутив резкий укол в плечо, где тотчас разлился мучительный обжигающий холод. Он отпрыгнул назад, резко развернулся, но шары метались в воздухе, не находя цели.

Дворф заметил, как к нему тянутся темные холодные руки призрака, и решил применить другую тактику. Он раскрутил шары в противоположных направлениях и примерился, чтобы они столкнулись точно в центре темного сгустка.

Джарлакс с любопытством наблюдал за боем, стараясь оценить возможности противника. Эта тень наверняка была одной из пешек Гефестуса, а с бестелесными выходцами из потустороннего мира он был довольно хорошо знаком.

Оружие Атрогейта должно было причинить ущерб призраку хотя бы отчасти, поскольку кистени дворфа тоже обладали магической силой. Перед подобным натиском не могли в полной мере устоять даже самые могущественные существа, обитавшие одновременно в материальном мире и мире Тьмы.

Джарлакс даже отвернулся, когда шипастые шары Атрогейта столкнулись, вызвав ослепительно-яркую вспышку и мощный взрыв, от которого даже могучий дворф невольно покачнулся и отступил назад.

Вновь взглянув на схватку, дроу заметил нечто необычное: вспышка и взрыв заставили тень съежиться и побледнеть. Лишь когда существо снова устремилось к Атрогейту, протянув перед собой руки, чтобы поразить его мучительным холодом, оно сумело полностью восстановиться.

— Эльф, я не могу поразить это проклятое наваждение!

Дворф заревел от боли и опять шагнул назад.

— Больше масла! — крикнул в ответ Джарлакс, отыскав неожиданное решение. — Стукни шарами друг о друга еще раз.

— Это больно, эльф. У меня руки немеют!

— Выполняй! — прикрикнул Джарлакс.

Дроу снова взмахнул волшебной палочкой, и ослепительный луч заставил тень съежиться, обеспечив дворфу несколько драгоценных мгновений. А Джарлакс тем временем сорвал с головы шляпу, засунул в нее руку и, пока Атрогейт раскручивал шары, вынул небольшой лоскут ткани, похожей на черную подкладку шляпы. Он бросил его вверх, и лоскут, вращаясь на лету, начал заметно увеличиваться в размере.

Стальные шары опять столкнулись, вынудив дворфа отступить. Призрак, как и ожидал Джарлакс, слегка побледнел и стал уменьшаться, превращаясь в ничто — нет, не совсем в ничто, а словно уходя на другой уровень бытия или в другое измерение.

А потом на него опустился лоскут ткани — магический туннель между измерениями, созданный волшебной шляпой Джарлакса.

От накрытой тканью площадки во все стороны раскатились волны магической энергии — пурпурные, голубые и зеленые. Вслед за ними разнесся глухой рокот.

Ткань мира разорвалась.

Джарлакс и Атрогейт оказались в зоне невесомости, а площадка, только что бывшая частью лесной лужайки, сменилась... звездным пейзажем.

— Эльф, что ты наделал! — завопил Атрогейт, и его голос завибрировал, словно звук

доносился загадочным, пульсирующим ветром.

— Держись от нее подальше, — предупредил приятеля дроу, ощутив слабый толчок в спину, подгонявший его к звездному окну, которое, как он знал, было трещиной, ведущей на Астральный Уровень.

Атрогейт, обеспокоенный тем, что находится недостаточно далеко от опасной границы, стал отчаянно извиваться. Он размахивал руками и ногами, несколько раз перевернулся, но все его усилия не могли остановить медленного дрейфа к звездам.

— Не так! — закричал Джарлакс.

— А как, глупый эльф?

Джарлакс нашел решение без особого труда. Его вынесло к сохранившемуся дереву, которое крепко держалось корнями за край небесного свода. Дроу ухватился одной рукой за ствол и без труда подтянулся. Он знал, что легкого толчка будет достаточно, чтобы уйти из опасной зоны. Да, это было именно то, на что он рассчитывал, — трещина в ткани Первого материального Уровня, получившаяся в результате смешения двух субстанций из разных измерений. Джарлакс, который имел в своем распоряжении наборы предметов, создававших межпространственные переходы большей мощности, чем можно было ожидать от каждой вещи по отдельности, носил на ремне пряжки, обладающие такими же свойствами, и, кроме того, различные безделушки, усиливающие их двомеры, ничуть не удивился последствиям смешения различных субстанций.

А вот взаимодействие туннеля между измерениями и загадочной тени действительно вызвало его удивление. Оставалось только надеяться, что ловушка удержит потустороннее существо от возвращения на Первый материальный Уровень.

— Брось туда что-нибудь! — крикнул Джарлакс, но, увидев, что Атрогейт раскручивает один из своих кистеней, быстро добавил: — Только то, что не надо будет потом возвращать!

Атрогейт в последний момент удержал кистень и стащил со спины тяжелый вещевой мешок. Дождавшись, пока сила инерции повернет его лицом к трещине, он швырнул туда свой багаж. Энергия противодействия толкнула дворфа в обратную сторону, и этого хватило, чтобы дроу мог воспользоваться веревкой. Он бросил один конец дворфу и, как только Атрогейт поймал его, резко дернул, предоставив Атрогейту проплыть мимо дерева.

Джарлакс отметил, что дворф пролетел всего несколько футов, а затем, выйдя из зоны невесомости, грузно шлепнулся на спину. Дроу снова внимательно осмотрел россыпь звезд, сиявшую всего в десятке шагов от него, потом оттолкнулся назад и легко спрыгнул на землю рядом с ворочавшимся дворфом.

— Что это ты натворил? — с полной серьезностью спросил Атрогейт.

— Понятия не имею, — признался Джарлакс.

— Однако это сработало, — заметил дворф.

Джарлакс, хотя и не разделял его уверенности, молча подмигнул приятелю.

Некоторое время они еще наблюдали за расселиной, но феномен постепенно стал исчезать, и вскоре пейзаж восстановился полностью, не сохранив никаких видимых следов. Вот только призрак тоже исчез.

* * *

— Мы все еще идем на восток? — спросил Атрогейт, как только они собрались в путь на следующее утро.

— Таков был план.

— Победный план.

— Точно.

— Я думаю, мы уже одержали победу прошлой ночью, — проворчал дворф.

— Мы победили мелкую сошку, — пояснил Джарлакс. — А я не раз убеждался, что поражение пешки еще сильнее злит ее могущественного хозяина.

— Значит, надо было дать этой тени выиграть?

Вздых Джарлакса вызвал у Атрогейта взрыв смеха.

Они шли весь день, и поздним вечером, разбив лагерь, Джарлакс решился немного отдохнуть.

Гефестус разыскал дроу в его же подсознании.

Умный ход. — Голос драколича проник в его мозг. — *Неужели ты и впрямь веришь, что так легко можешь от меня скрыться?*

Джарлакс мгновенно включил защиту, мысленно обратившись к Мензоберранзану, величайшему городу Подземья. Он сосредоточился на отчетливых воспоминаниях о битве, которую его банда развязала по приказу Верховной Матери Бэнр. В тот раз Джарлакс, бывший намного моложе, вступил в бой с двумя мастерами различных школ боевых искусств, и произошло это прямо перед входом в Мили-Магтир, военную школу для молодых дроу. В жизни Джарлакса это была самая ожесточенная битва, и он вряд ли остался бы в живых, если бы не вмешательство третьего мастера, представителя Дома низшего ранга — Дома До'Урден. Хотя надо признать, что это случилось за много десятилетий до того, как Дзирт сделал свой первый вдох.

Эти воспоминания давно запечатлелись в мозгу Джарлакса Бэнра, и образы были такими отчетливыми и ясными, что всегда сильно возбуждали его и полностью завладевали мыслями, а потому дроу надеялся, что не выдаст своего местонахождения назойливому Гефестусу.

Отлично, дроу! — мысленно поздравил его Гефестус. — *Но, в конце концов, это не имеет значения. Или ты до сих пор надеешься от меня скрыться? Надеешься, что твой простой, хотя и, бесспорно, находчивый трюк уничтожит одного из Семерки?*

«Какой Семерки?» — спросил себя Джарлакс.

Он быстро задвинул эту мысль в дальний уголок сознания и сразу же восстановил защиту. Он знал, что его смелая выходка вряд ли сильно повлияет — если вообще повлияет — на самоуверенность Гефестуса, но понимал, что до сих пор драколич не слишком продвинулся в своих поисках. Неожиданно в его мозгу мелькнула смутная догадка, и Джарлакс окончательно вышел из состояния медитации, прервав контакт с драконом. Он медленно отошел от дерева, к которому прислонялся во время отдыха.

— Семерка, — задумчиво повторил он и остановился, стараясь вспомнить все, что было ему известно о происхождении Хрустального Осколка... и семи личах, которые его создали. — Семерка, — снова прошептал Джарлакс, ощутив невольную дрожь.

* * *

На следующий день Джарлакс решил, что надо двигаться быстрее, и демонические животные — конь и вепрь — всю дорогу неслись вскачь. Когда неподалеку появился дым костра, дроу велел остановиться.

— Скорее всего, это орки, — сказал он дворфу. — Мы добрались до границ владений короля Обальда.

— Так давай уьем их, — предложил Атрогейт.

Джарлакс покачал головой.

— Тебе пора научиться использовать своих противников, мой волосатый друг, — пояснил он. — Если это орки Обальда, они состоят в дружественных отношениях с Мифрил Халлом.

— Ба! — воскликнул Атрогейт и сплюнул на землю.

— Мы придем к ним не врагами, а обычными путниками, — заявил Джарлакс. — И посмотрим, что мы сможем от них узнать. — Заметив на лице Атрогейта разочарование, дроу быстро добавил: — Но держи свои кистени наготове.

У костра действительно сидели орки из Королевства Многих Стрел, служившие Обальду, и, хотя при виде странной пары — дроу и дворфа — они вскочили со своих мест с

оружием в руках, стрелять из луков никто не стал.

— Мы путешественники из Лускана, — обратился к ним дроу на превосходном орочьем наречии. — Едем к королю Обальду и королю Бренору с торговыми предложениями. — Потом, едва шевеля губами, снова приказал Атрогейту сохранять спокойствие и двигаться медленным шагом. — Мы можем поделиться с вами хорошей едой и еще лучшим грогом, — добавил он, снова повернувшись к оркам.

— Что ты им сказал? — спросил Атрогейт, заметив, как просияли лица похожих на свиней солдат.

— Что мы будем рады с ними выпить, — прошептал в ответ Джарлакс.

— Ну, их к свиньям! — запротестовал дворф.

— Как пожелаешь, — ответил дроу. Он соскользнул с седла и отпустил своего волшебного коня. — Только сначала посмотрим, что мы сможем у них выведать.

Все держались довольно настороженно, но только до тех пор, пока дроу не достал из своих сумок достаточное количество еды и питья. Грог особенно пришелся по вкусу оркам, хотя дворф с отвращением выплюнул первый же глоток. Он изумленно взглянул на Джарлакса, словно не мог представить, что такой крепкий напиток может обладать столь отвратительным вкусом. Джарлакс подмигнул ему и протянул свою флягу, наполнив кружку Атрогейта другой жидкостью.

— Горлодер.

Других жалоб от Атрогейта не последовало.

— Вы друзья Дзирта До'Урдена? — спросил один из орков, когда напиток развязал языки.

— Вы его знаете?! — воскликнул дроу, и несколько орков кивнули. — И я тоже! Я не раз с ним встречался, и порой нам приходилось сражаться вместе. Горе тому, кто оказывался поблизости от его мечей!

Последняя фраза была принята орками не слишком радостно, а один из них даже угрожающе заворчал.

— Дзирт ранен в самое сердце, — сказал орк и усмехнулся, словно это обстоятельство доставляло ему удовольствие.

Дзирт пристально взгляделся в его лицо и попытался разгадать его замечание:

— Кэтти-бри?

— Стала слабоумной, — пояснил орк. — Ее поразила магия. И лишила разума.

Еще двое орков хихикнули.

Джарлакс догадался, что дело в Пряже, поскольку был наслышан об опасных последствиях, повсюду подстерегавших магов. Обрывки Пряжи Мистры не миновали и Лускана — города, где не так давно стояла Главная Башня Гильдии Чародеев и где сейчас среди горожан еще оставалось немало магов, в том числе и союзников Бреган Д'эрт.

— И где она теперь? — спросил Джарлакс, но орк только пожал плечами, словно ему было все равно.

А вот Джарлакс очень заинтересовался этим обстоятельством, поскольку его план сформировался окончательно. Чтобы победить Гефестуса, ему нужен Кэддерли. Чтобы привлечь Кэддерли на свою сторону, ему нужен Дзирт. А что, если и Кэтти-бри, а значит, и Дзирту тоже необходима помощь Кэддерли?

* * *

— Гвенвивар, — раздался голос маленькой девочки.

Глаза Кэтти-бри вернулись в нормальное состояние, показав яркую голубизну.

Дзирт и Бренор в оцепенении стояли в небольшой комнате и смотрели на Кэтти-бри, чье поведение внезапно стало соответствовать манере десятилетнего ребенка. Ее тело опять поднялось над кроватью, повсюду заплясали багровые язычки огня и затрещали искры, густые волосы развевались под ветерком, не ощущаемым ни Бренором, ни Дзиртом.

Дзирт уже наблюдал подобное явление и рассказывал о нем Бренору, но, когда внешность и поведение, а также вся сущность его дочери так резко и драматично изменились, король дворфов едва не лишился сознания. В этот момент Кэтти-бри стала совсем другой, словно превратилась в девочку-подростка.

Бренор окликнул ее прерывающимся от горя и растерянности голосом, но она его не услышала.

— Гвенвивар? — позвала она снова.

Потом она как будто пошла куда-то, ступая медленно и осторожно, хотя на самом деле почти не двигалась. Одна рука протянулась вперед, по направлению к кошке — кошке, которой здесь не было.

Она снова заговорила — негромко и вполне спокойно:

— Гвенвивар, а где твой темный эльф? Ты можешь меня к нему отвести?

— Великие боги! — выдохнул Дзирт.

— Что это, эльф? — спросил Бренор.

Маленькая девочка выпрямилась и повернулась в другую сторону, спиной к Дзирту и Бренору.

— Это ты дроу? — спросила она. Затем помолчала, словно выслушивая ответ. — Мне говорили, что дроу злобные, но ты мне таким не кажешься.

— Эльф? — жалобно взмолился Бренор.

— Это ее первые слова, обращенные ко мне, — прошептал Дзирт.

— Меня зовут Кэтти-бри, — сказала она, все еще глядя в стену. — Мой папа — Бренор, вождь клана Боевого Топора.

— Это она в Пирамиде Келвина, — произнес Бренор.

— Король дворфов, — продолжала Кэтти-бри. — Он мне не родной отец. Бренор взял меня совсем маленькой, когда настоящие родители...

Она замолчала и тихонько вздохнула.

— Наша первая встреча в Пирамиде Келвина, — едва слышно прошептал Дзирт.

Он и в самом деле, словно опять услышал Кэтти-бри, тогда еще девочку, какой она была в тот не по сезону теплый зимний день на склоне далекой горы.

Кэтти-бри посмотрела на них через плечо — нет, не на них, а сквозь них:

— Очень красивая ко...

Не закончив фразу, она резко втянула воздух, закатила глаза и прижала руки к бокам. Невидимый поток магической энергии снова охватил ее и сильно встряхнул.

На глазах ошеломленных мужчин Кэтти-бри опять повзрослела.

В следующее мгновение она стала опускаться, но Дзирт и Бренор, подхватив Кэтти-бри, бережно уложили ее на кровать.

— Эльф? — с отчаянием спросил Бренор.

— Я не понимаю, — дрожащим голосом признался дроу.

Он попытался скрыть выступившие на глазах слезы. Воспроизведенная любимой женой сцена была одним из самых драгоценных его воспоминаний и на всю жизнь осталась в его сердце и душе.

Они еще долго просидели около постели Кэтти-бри, даже после того, как пришел Реджис и напомнил Бренору, что его ждут в зале для аудиенций. Бренору Боевому Топору пора было снова стать королем Мифрил Халла.

Но Бренор испытывал мучительные страдания, покидая любимую дочь в таком ужасном состоянии. К его большому облегчению, Дзирт, убедившись, что женщина затихла, вышел вместе с ним, оставив в комнате верного Реджиса.

* * *

Чернобородый дворф стоял в одном ряду с остальными третьим от центра и пытался не забыть свой «урок». Он был эмиссаром, официальным посланником к королевскому двору.

Такое задание было не в новинку для Атрогейта, поскольку когда-то ему приходилось самому ежедневно давать аудиенции предводителям окрестных банд.

— Когда-то, давным-давно.

— Не говори стихами, — тихо напомнил он самому себе.

Джарлак строго предупреждал, что эти глупые игры со словами мгновенно выдадут Дзирту До'Урдену всю правду о замаскированном дворфе. Атрогейт прочистил горло и пожалел, что при нем нет ни кистеней, ни другого оружия, что помогло бы выбраться отсюда, если его узнают.

Первый из посетителей изложил свое дело королю дворфов и направился к выходу.

Атрогейт снова повторил все, что должен был сказать, еще раз убедил себя, что дело очень простое и что Джарлак все подготовил. Эту процедуру он проделывал снова и снова, пока не услышал, что Бренор уже обратился к нему.

— Подойди же, друг-дворф, — сказал он, глядя на Атрогейта. — Я не могу долго сидеть здесь и ждать, слишком много дел.

Атрогейт поднял взгляд на сидящего на троне Бренора, потом посмотрел на Дзирта, стоявшего немного сзади. Когда их взгляды встретились, в глазах темного эльфа мелькнула тень узнавания, ведь им пришлось скрестить оружие в Лускане восемь лет назад, когда капитан Дюдермонт потерпел поражение.

Но если он и разгадал маскарад дворфа, то виду не подал.

— Я рад тебя видеть, король Бренор, потому что слышал о тебе много удивительных историй, — с энтузиазмом заговорил Атрогейт, подходя к трону. — Надеюсь, ты не сердись, что я пришел встретиться с тобой лично. Если бы я вернулся домой к своим родичам, не сказав тебе ни слова, они выгнали бы меня обратно!

— А где же твой дом, добрый?..

— Штутгард, — подсказал Атрогейт. — Штутгард с Каменных гор, из клана Штутгарда.

Бренор с любопытством поднял брови и покачал головой.

— К югу от гор Снежные Хлопья, далеко-далеко на юг отсюда, — соврал дворф.

— Боюсь, я ничего не знаю ни о твоём клане, ни о Каменных горах, — сказал Бренор, оглянувшись на Дзирта.

Но тот лишь пожал плечами и покачал головой.

— Зато мы много слышали о тебе, — ответил Атрогейт. — В Каменных горах поют песни о тебе и о Мифрил Халле!

— Я рад это слышать, — сказал Бренор. Он взмахнул рукой, давая понять, что с формальностями пора покончить. — А ты, верно, пришел с предложением установить торговлю? Или образовать какой-то союз?

— Нет, — ответил Атрогейт. — Я простой дворф, брожу по свету, а теперь вот решил встретиться с Бренором Боевым Топором.

Король дворфов кивнул:

— Хорошо. Не хочешь ли ты некоторое время погостить в Мифрил Халле?

Атрогейт пожал плечами.

— Я шел на восток, в Адбар, — пояснил он. — Там живут мои родичи. Я надеялся зайти в Мифрил Халл на обратном пути на запад и не планировал нигде останавливаться. Но в пути до меня дошли слухи о твоей дочери.

При этих словах и Бренор, и Дзирт насторожились.

— И что ты слышал о моей дочери? — спросил Бренор, не скрывая подозрительности.

— Слышал, что ее коснулась упавшая нить из магической Пряжи.

— Ты, в самом деле, услышал об этом?

— Да, король Бренор. И я решил поспешить, насколько позволят мои короткие ноги.

— Ты, наверное, жрец?

— Нет, я простой бродяга-драчун.

— Тогда зачем? Что ты спешил мне предложить, Штутгард из Каменных гор? —

взволнованно воскликнул Бренор.

— Имя, которое тебе, вероятно, надо узнать, — ответил Атрогейт. — Имя человека Кэддерли.

Бренор и Дзирт переглянулись, потом оба уставились на странного гостя.

— Он живет неподалеку от моего дома, — объяснил Атрогейт. — И по пути сюда я, конечно же, зашел и к нему. У него там собрались десятки уважаемых жрецов и чародеев и все стараются разобраться, что к чему, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— А кто он такой? — спросил Бренор, тщетно пытаясь сохранить хотя бы внешнее спокойствие. Однако он выдал тревогу тем, что подался вперед со своего трона.

— Он и его гости пытаются решить проблемы, — сказал Атрогейт. — Я думаю, тебе стоит узнать, что не один несчастный, чей мозг пострадал от прикосновения Пряжи, попав туда, вышел совершенно здоровым.

Бренор вскочил с трона:

— Кэддерли лечит подобные случаи?

Атрогейт пожал плечами:

— Я решил, что тебе нужно об этом узнать.

Бренор резко повернулся к Дзирту.

— Более месяца тяжелой дороги, — предупредил его дроу.

— Магия еще работает, — возразил Бренор. — У нас есть повозка, сделанная моими парнями для поездок в Серебристую Луну. У нас есть летящие сапоги...

При этих словах у Дзирта загорелись глаза. Дворфы клана Боевого Топора и впрямь не хотели мириться со своей изоляцией и предпринимали различные меры еще до того, как начались несчастья. У них не было возможности прибегнуть к магической телепортации, чтобы переноситься в соседние города или летать по небу в огненной колеснице, как это делала леди Аластриэль. И потому дворфы нашли более материальное решение, соорудив повозку, на которой можно было проехать по крутым каменистым склонам. Они даже приспособились передвигать повозку с помощью магии.

Бренор еще не закончил говорить, а дроу уже спустился с тронного возвышения.

— Я немедленно выхожу, — бросил через плечо Дзирт.

— Могу я пожелать тебе удачи, король Бренор? — спросил Атрогейт.

— Штутгард с Каменных гор, — повторил Бренор и обернулся к писцу. — Запиши это имя!

— Слушаюсь, мой король!

— Если моя девочка обретет мир в Храме Парящего Духа, я обязательно навещу твой клан, добрый друг, — пообещал Бренор, снова обернувшись к Атрогейту. — А ты знай, что навеки стал другом Мифрил Халла. Можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь. Все расходы я беру на себя! А сейчас, прости, мне пора идти.

Он быстро поклонился и выбежал из зала, не дав Атрогейту возможности выразить свою благодарность.

* * *

Энергия, энтузиазм и надежда впервые за последние несколько дней проснулись в сердцах Дзирта и Бренора, и они оба помчались вниз, к комнате Кэтти-бри. Но отблески багрового пламени и треск искр, пробивавшиеся через щели под дверью, заставили их остановиться.

— Нет, неужели опять? — простонал Бренор.

Он оттолкнул Дзирта и распахнул дверь.

Над кроватью в воздухе стояла Кэтти-бри. Глаза ее закатились, руки были прижаты к бокам, и все тело беспрестанно дрожало.

— Моя девочка...

Бренор внезапно умолк, увидев, что Реджис свернулся клубком на полу у

противоположной стены и закрыл голову руками.

— Эльф! — закричал Бренор, но Дзирт уже подбежал к Кэтти-бри, осторожно подхватил ее и бережно уложил в постель.

Бренор сердито выругался и бросился к Реджису.

Припадок Кэтти-бри закончился, и ее тело обмякло в объятиях Дзирта. Он усадил ее в постели, нежно обнял и прижал к себе и только тогда заметил необычное состояние Реджиса.

Хафлинг отчаянно замахал руками, несколько раз ударил Бренора и проворно увернулся от его протянутых рук. Он явно был сильно испуган и, казалось, видел не дворфа, а какое-то ужасное чудовище.

— Пузан, что с тобой? — воскликнул Бренор.

Вместо ответа раздался вопль, и последовал новый взрыв отчаянного страха. Бренор невольно отшатнулся, а хафлинг поспешно отполз в сторону, потом встал на колени и вскочил на ноги. Опустив голову, он метнулся к противоположной стене, сильно ударился и со стоном сполз на пол.

— О боги! — пробормотал Бренор, нагнулся и подобрал что-то с пола. Потом повернулся к Дзирту и показал ему свою находку.

Это был рубин хафлинга — магический кристалл, позволявший Реджису уговаривать самых упрямых противников.

Тем временем Реджис очнулся и вновь вскочил на ноги. С тем же ужасным криком он бросился мимо Бренора, а когда тот попытался его перехватить, стал яростно отбиваться руками и ногами и даже попытался укусить. Несмотря на то, что Бренор все время окликал его, хафлинг явно не слышал ни слова. С таким же успехом на месте Бренора мог быть демон или дьявол, решивший поужинать хафлингом.

— Эльф! — закричал Бренор, отскочил назад и прижал к груди окровавленную руку.

Реджис метнулся к двери. Но Дзирт успел в прыжке перехватить его, и оба кубарем выкатились в коридор. Дзирт ни на мгновение не прекращал попыток удержать беднягу, так что, когда они остановились, эльф оказался позади хафлинга, его ноги охватывали туловище Реджиса, а руки малыша он ловко завел за спину, не давая тому пошевеливаться.

У Реджиса не было ни единого шанса вырваться или ударить эльфа, но он не переставал отчаянно извиваться и пронзительно кричать.

В коридоре собрались любопытные дворфы.

— Эльф, какую занозу ты загнал малышу в задницу? — спросил один из них.

— Лучше помоги мне с ним справиться, — попросил его Дзирт.

Дворф подошел и наклонился, но поспешно отскочил, когда хафлинг попытался его укусить.

— Девять Кругов Ада, что это с ним?

— Просто заберите его! — крикнул из глубины комнаты Бренор. — Свяжите и унесите отсюда, но не причиняйте вреда!

— Да, мой король!

Дворфам потребовалось немало времени, чтобы выполнить приказ, но, в конце концов, они все же забрали брыкающегося Реджиса у Дзирта.

— Можно было бы его слегка стукнуть и успокоить, — предложил один из дворфов, но сердитый взгляд Дзирта заставил его отказаться от этой идеи.

— Отнесите хафлинга в его комнату и присмотрите за ним, — приказал эльф.

После этого он вернулся в спальню Кэтти-бри и закрыл за собой дверь.

— Она даже ничего не заметила, — сказал Бренор, когда Дзирт сел на край кровати. — Она не видит окружающий мир.

— Мы знали об этом и раньше, — заметил Дзирт.

— Ни на что не реагирует! А теперь и малыш тоже.

Дзирт пожал плечами.

— Кэддерли, — напомнил он королю дворфов.

— Он нужен им обоим, — сказал дворф и посмотрел на дверь. — А Пузан, должно

быть, попробовал на ней свой рубин.

— Он пытался добраться до нее, — согласился Дзирт.

— Только она добралась до него первой, — подытожил дворф.

Глава 5 ЗЛОБНЫЙ МЕРТВЕЦ

— Это произойдет в Храме Парящего Духа, — объявил Король Призраков.

Тот призрак, что преследовал Джарлакса, узнал о намерениях дроу еще до того, как сообразительный эльф отправил тень в пространство между уровнями. А все, что стало известно призраку, стало известно и дракону-личу.

Враги Гефестуса, Яраскрика и в основном самого Креншинибона соберутся именно здесь, в горах Снежные Хлопья, где уже сеют хаос два посланных Королем Призраков духа.

И, кроме них, будет еще один, человек-южанин. Хрустальному Осколку было известно, что его тоже можно отыскать, хотя и не так легко, как Джарлакса. В конце концов, Креншинибон поддерживал мысленную связь с темным эльфом на протяжении многих дней. Сочетание псионических способностей Яраскрика и магического кристалла дало возможность без особого труда вычислить местоположение знакомого им эльфа. Джарлакс был тем средоточием ненависти, которое привело к объединению трех могущественных существ, преследовавших общую цель. Но скоро они сумеют разыскать и человека, с которым еще не сталкивались.

Кроме того, по крайней мере, одному из них — дракону — грядущая катастрофа сулит немалое удовольствие.

Для Яраскрика уничтожение врагов будет информативным и познавательным процессом, прекрасным испытанием не слишком приятного, но выгодного союза.

А Креншинибон, служивший проводником между чересчур эмоциональным драконом и сугубо практичным пожирателем разума, разделит с ними обоими все ощущения, сопутствующие уничтожению Джарлакса и остальных противников.

* * *

— Дядюшка Пайкел! — окликнула Ханалейса зеленобородого дворфа, заведя его на улице Кэррадуна на следующее утро.

Дворф снаряжился как для большого похода, что означало большую палку в руке и котелок, водруженный на голову вместо боевого шлема.

Пайкел просиял широкой улыбкой и что-то крикнул в дверь магазина за своей спиной. Пока он крепко обнимал подошедшую Ханалейсу, из лавки показался ее младший брат Рорик.

— Что вы здесь делаете? — с улыбкой спросила девушка поверх плеча дворфа.

— Я же говорил, что хочу пойти с вами.

— А потом все утро спорил со жрецами о природе космоса, — напомнила Ханалейса.

— Ду-ид! — крикнул Пайкел, выпустив из своих объятий девушку. А в ответ на удивленные взгляды Ханалейсы и Рорика добавил: — Хип-хип-хип.

— Он уже все понял, — пояснил Рорик, и Ханалейса кивнула.

— А жрецы и чародеи тоже уже все поняли? — спросила она. — Я имею в виду твои заявления?

Рорик опустил голову.

— Значит, они тебя прогнали, — сделала вывод Ханалейса.

— Только из-за того, что не могли перенести, что их обскакал наш младший братец! — вмешался Тимберли.

Он как раз в этот момент вышел из-за угла. На его мече после вчерашнего столкновения с ключицей мертвого медведя осталась глубокая зазубрина, и пришлось

навестить местного кузнеца.

Рорика подбодрили слова брата, но, взглянув на него, а затем на сестру, юноша растерянно заморгал.

— Что произошло? — удивился он, заметив, что Тимберли держит в руке обнаженный меч и внимательно осматривает лезвие.

— Вы вышли из храма вчера ближе к вечеру? — спросил Тимберли.

— Да, уже в конце дня, — ответил Рорик. — Дядюшка Пайкел хотел спуститься с гор при помощи трех древесных корешков, но отец запретил, опасаясь осложнений при пользовании магией, даже друидической.

— Ду-ид! — насмешливо вставил Пайкел.

— Я бы тоже не стала путешествовать при помощи магии, — согласилась Ханалейса. — Сейчас не то время.

Пайкел стукнул себя в грудь, потом посмотрел на Ханалейсу.

— Значит, вы ночевали в лесу? — продолжал расспросы Тимберли.

Рорик молча кивнул, не совсем понимая, к чему клонит брат, а Пайкел, видимо уловив суть, тяжело вздохнул.

— В лесах происходит что-то непонятное, — сказал Тимберли.

— Ага, ага, — согласился Пайкел.

— О чем это вы? — удивился Рорик, переводя взгляд с брата на сестру.

— Брр, — произнес Пайкел и обхватил себя руками.

— Я проспал всю ночь, — заметил Рорик, — и мне не было холодно.

— На нас напал зомби, — рассказала Ханалейса. — Медведь-зомби. И там в лесу был кто-то еще.

— Ага, ага, — подтвердил Пайкел.

Рорик с любопытством взглянул на дворфа:

— А ты мне ничего не сказал.

Пайкел пожал плечами.

— Но ты почувствовал его? — спросил Тимберли.

— Ага, ага, — повторил Пайкел.

— Значит, вы сражались — сражались по-настоящему?! — не скрывая любопытства, воскликнул Рорик.

Трое детей выросли в тиши библиотеки, в окружении могущественных жрецов и престарелых чародеев. Они слышали рассказы о битвах, в особенности о сражениях своих родителей против ужасного Проклятия Хаоса и против их деда, но, за исключением тех случаев, когда отца и мать призывали для борьбы или братья дворфы отлучались в Мифрил Халл ради службы королю Бренору, жизнь молодых людей протекала мирно и спокойно. Они тщательно изучали боевые искусства — рукопашный бой и владение мечом — на занятиях с магами, жрецами и монахами. При таких родителях, как Кэддерли и Даника, эти трое получили всестороннее образование, о каком только могли мечтать дети Фаэруна, но в практическом отношении, особенно в боевом деле, они оставались неопытными новичками и до вчерашней ночи не имели возможности себя испытать.

Ханалейса и Тимберли обменялись тревожными взглядами.

— Рассказывайте! — настаивал Рорик.

— Это было очень страшно, — призналась его сестра. — Я еще ни разу в жизни не была так напугана.

— Но и захватывающе тоже, — добавил Тимберли. — Как только начался бой, стало некогда думать о страхе.

— Вообще ни о чем думать было невозможно, — сказала Ханалейса.

— Хи-хи-хи, — кивая, согласился Пайкел.

— А как же тренировки? — воскликнул Рорик.

— Нам повезло, что наши родители и дядюшки, — сказала Ханалейса, указав на просиявшего от удовольствия Пайкела, — не поддались ощущению мира и спокойствия, а

научили нас...

— Драться, — закончил за нее Тимберли.

— И быстро реагировать, — добавила Ханалейса.

Она более философски относилась к сражениям и роли боевых тренировок в окружающем мире. В этом отношении она была похожа на свою мать и потому упражнениям с мечом или палицей предпочитала сосредоточенность и точность рукопашных приемов, культивируемых в ордене Даники.

— При всем опыте владения мечом, вчера ночью мы могли бы погибнуть, если бы не смогли победить свои страхи.

— Значит, ты тоже почувствовал чье-то присутствие? — спросил Тимберли у Пайкела.

— Ага.

— И это существо все еще там.

— Ага.

— Надо предупредить всех тех горожан, кто собирается посетить Храм Парящего Духа, — предложила Ханалейса.

— Ага, ага.

Пайкел поднял перед собой здоровую руку и показал пальцами вперед, а потом стал покачивать кистью, словно изображая рыбу, скользившую по озеру. Все поняли, что дворф настаивает на возвращении при помощи магии корешков, и Пайкел, убедившись, что им все ясно, с усмешкой добавил:

— Ду-ид.

— Нет, этого нельзя делать, — возразила Ханалейса, и Тимберли тоже неодобрительно покачал головой.

— Мы могли бы выйти завтра до рассвета, — сказал Тимберли. — Что бы то ни было, оно ближе к Кэррадуну, чем к храму. А можно попросить лошадей, чтобы быстро проехать первую половину пути. Я уверен, хозяин конюшни не откажется проводить нас до отрогов гор.

— Если поторопимся, можем вернуться домой до захода солнца, — согласилась Ханалейса.

— А сейчас надо позаботиться о том, чтобы горожане были готовы к неприятным неожиданностям, — предложил Тимберли, потом посмотрел на Ханалейсу и пожал плечами. — Хотя мы не знаем, что это было и там ли оно сейчас. Возможно, это был всего лишь когда-то убитый нами медведь. В него вселился злобный дух, а теперь он исчез.

— А может, и не исчез, — вставил Рорик.

По его тону было ясно, что он на это надеется. В своем юношеском задоре, он слегка завидовал старшему брату и сестре, но этому чувству очень скоро суждено было рассеяться.

* * *

— Наверное, болтается здесь уже сотню лет, — пробормотал один из морских псов — так в Кэррадуне называли рыбаков с обветренными лицами, населявших город.

Мужчина равнодушно махнул рукой, словно не желая больше обсуждать эту тему.

— Да, но мир стал спокойнее, — недовольно заметил другой посетитель таверны.

— Нет, не весь мир, — возразил третий. — Только его часть, где живут родители этих троих ребят. Я думаю, мы стали более цивилизованными!

Его слова вызвали смешки других посетителей — отчасти язвительные, отчасти добродушные.

— В остальном мире стало спокойнее, — продолжал он. — И это беспокойство подбирается к нам, можете в этом не сомневаться.

— Нашему-то поколению знакомы жестокие сражения, — добавил первый. — А вот будут ли готовы драться молодые, выросшие при Кэддерли?

— Ну, его детишки не сплеховали, — ответил ему кто-то, и в подтверждение этих слов

по столам застучали доньшки кружек.

Потом посетители дружно выпили в честь стоявших у стойки бара близнецов.

— Мы остались в живых, — громко заговорила Ханалейса, привлекая всеобщее внимание. — Но ведь это злобное существо и сейчас может бродить по лесу.

Ее надежда вызвать тревогу не оправдалась. Только кружки застучали еще громче, да кое-где послышался смех. Ханалейса посмотрела на Тимберли, а потом они оба обернулись к дворфу, который выразил свое сожаление протяжным «О-о-ох».

— Жителям Кэррадуна надо поставить часовых у каждого ворот и вдоль стен! — крикнул Тимберли. — Надо, чтобы по улицам ходили вооруженные патрули с факелами. И прошу вас, осветите город!

Его энергичное выступление привлекло некоторое внимание, но в следующий момент все взгляды обратились к входной двери. Кто-то настежь распахнул дверь и крикнул:

— Тревога! Тревога!

Но больше, чем крики, посетителей таверны поразили донесшиеся вслед за этим вопли, полные ужаса и боли.

Рыбаки вскочили со своих мест, опрокидывая столы.

— Ох-ох, — вздохнул Пайкел, схватил Тимберли за руку и придержал Ханалейсу обрубком второй руки, призывая не вмешиваться.

Они пришли в таверну, чтобы предупредить людей и организовать их, но Пайкел был уверен, что дальнейшее вмешательство уже не требуется.

Тимберли еще пытался что-то кричать, но уже собирались группы из экипажей рыбацких судов, раздавались призывы пойти в доки за оружием, распределялись районы города для обороны.

— Но, люди... — попытался протестовать Тимберли и тут же получил увесистый толчок от Пайкела.

— Ш-ш-ш! — предостерег его дворф.

— Будем держаться вместе, — заговорила Ханалейса. — Нас четверо. Посмотрим, чем мы сможем помочь.

Вслед за остальными они вышли на улицу. Но и в таверне осталось несколько человек — в основном капитаны судов, решившие обсудить общую стратегию. Пайкел, прошептав несколько слов, сунул свою черную дубовую палку — волшебную дубинку — под мышку обрубленной руки и провел пальцами по нижнему концу. Из верхнего конца палки брызнул яркий свет, превратив оружие в горящий без огня факел.

В двух кварталах от таверны, по пути к воротам, через которые они входили в город, трое молодых людей и дворф узнали, из-за чего возникла тревога. Улицы заполнили гниющие трупы и скелеты. Мертвые люди и эльфы, дворфы и хафлинги и даже животные свободно разгуливали по городу и нападали на живых.

Увидев семейство, пытающееся спрятаться под насыпью дороги, ребята Бонадьос и дворф устремились туда, но Рорик резко остановился, вскрикнул, а потом неловко поднял ногу и задрал штанину. Пайкел первым подошел ближе, увидел отчетливо проступившие капли крови и какое-то мелкое существо. Рорик дернул ногой, и напавшая тварь отлетела на обочину дороги.

А потом этот комок костей и перьев снова взлетел и устремился к Рорику.

— Птица, — ахнула Ханалейса.

Пайкел проследил за ее полетом, резко взмахнул палкой и горящим концом сбросил птицу на мостовую. Свет оказался губительным для неживых существ, и мертвая птица осталась тлеть на дороге.

— Ша-ла-ла! — торжествующе воскликнул Пайкел, высоко подняв дубину.

Потом дворф поправил на голове котелок, заменяющий ему шлем, и свернул в ближайшую аллею. Как только свет волшебной дубинки проник в темноту, стала видна толпа скелетов, и все они тотчас бросились на дворфа.

Тимберли обнял брата за спину и подтолкнул в ту сторону, откуда они пришли, а затем

крикнул притаившемуся семейству, чтобы и они не отставали.

— Дядя Пайкел! — закричала Ханалейса и бросилась на помощь дворфу.

За углом ее встретил отвратительный треск костей, навстречу полетели осколки ребер и целые черепа, сорванные со скелетов. Свет дубинки Пайкела метался, словно язычок пламени в разгар урагана, и сам дворф двигался с той же быстротой. Такого яростного сражения Ханалейсе еще ни разу не приходилось видеть, и уж тем более она не ожидала воинственного пыла от всегда спокойного дядюшки-садовника.

Тогда она переключила внимание на улицу, где еще оставались двое жителей Кэррадуна с тремя маленькими детьми. Пайкел и сам мог справиться с мертвецами, несмотря на огромное численное превосходство противников, и Ханалейса бросилась на помощь беззащитным горожанам. Два скелета уже догоняли несчастных беглецов. Она на всей скорости врезалась в мертвецов, заставив их отступить на несколько шагов, а сама на мгновение замерла, стоя на носке одной ноги, резко развернулась и второй ногой со всего размаху врезала по грудной клетке ближайшего скелета. Костяные осколки брызнули во все стороны, а Ханалейса, отдернув ногу, но, не опуская ее и не теряя равновесия, отклонилась назад, мгновенно изменив направление следующего удара, который пришелся точно в лицо второму скелету.

Умение держать равновесие не подвело Ханалейсу, и она, разворачиваясь на одной ноге снова и снова, трижды ударила врага в грудь.

Затем последовал высокий прыжок, и опорная нога описала высокую дугу перед лицом скелета, но это был лишь отвлекающий маневр. Приземлившись на обе ноги, Ханалейса без промедления ринулась вперед и провела серию прямых сокрушительных ударов кулаками.

Оба скелета превратились в груды обломков, и Ханалейса стала отступать вслед за бегущими горожанами. К ее немалому облегчению, из аллеи выскочил Пайкел. Они приветствовали друг друга улыбками и стали вместе отражать нападки оживших мертвецов, действуя ногами, руками и светящейся дубинкой дворфа.

Вскоре к ним стали присоединяться горожане, а потом подбежал и Тимберли, энергично разбивая своим длинным мечом попадавших под удары скелетов и зомби.

Но их было слишком много!

Мертвецы поднимались со старого кладбища, где нашли упокоение многие поколения жителей Кэррадуна; они поднимались и из леса, где цикл жизни неустанно повторялся, чтобы утолить голод заклинания колоссальной мощности. Даже по берегам озера Импреск, под его темными водами, тысячи скелетов рыб, выброшенных после очистки доков и лодок, поднимались на поверхность, выскакивали из воды на берег или причал и отчаянно пытались уничтожить хоть что-нибудь живое.

А над темной гладью озера стоял и наблюдал за происходящим Фетчигрол. Его мертвые глаза вспыхивали, отражая оранжевые языки пламени разгоравшихся сразу в нескольких местах пожаров. И каждый мучительный вопль, каждый испуганный крик, доносившиеся из темноты, вызывал в мертвенном взгляде отблески удовлетворения.

Призрак чувствовал, что неподалеку произошло не одно кораблекрушение и в озере покоится немало давно погибших рыбаков.

* * *

— Я в порядке! — настаивал Рорик, пытаясь выдернуть ногу из пальцев дядюшки Пайкела.

Но дворф крепко держал его одной рукой — а он мог удержать и норовистую лошадь, не то что подростка, — и обрубком второй руки легонько ткнул Рорика, чтобы тот не слишком сильно вертелся.

Они снова были в таверне, но спокойствия снаружи не прибавилось. Скорее, наоборот.

Пайкел оторвал от лоскута полоску ткани и окунул ее в свой перевернутый котелок-шлем, куда перед этим вылил какой-то крепкий напиток и настой трав, всегда имевшийся у

него под рукой.

— Мы не можем здесь оставаться! — воскликнул, войдя с улицы, Тимберли. — Они все ближе.

Пайкел проворно обмотал окровавленную голень Рорика, при помощи культи завязал узел и затянул его, ухватившись за один конец повязки зубами.

— Слишком туго, — пожаловался Рорик.

— Ш-ш-ш, — успокоил его дворф.

Затем Пайкел взял котелок и водрузил на голову, то ли забыв, то ли даже не собираясь вылить его содержимое. Жидкость потекла по зеленым волосам и бороде друида, но он, словно ничего не заметив, только слизнул пару капель, попавших на губы. Прихлопнув котелок, дворф сунул под мышку свою дубинку и подтолкнул Рорика вперед.

Юноша торопливо шагнул, но едва не упал, наступив на раненую ногу. Похоже, рана была гораздо глубже, чем он надеялся. Однако Пайкел был настороже, он успел поддержать парня, и они вдвоем вышли вслед за Тимберли. Снаружи их поджидала Ханалейса.

— Их слишком много, — мрачно сказала она, качая головой. — Нет ни единого шанса прогнать мертвецов, остается только отступить.

— К докам? — спросил Тимберли. Он видел, как именно туда стекаются толпы горожан, но, казалось, его не слишком обрадовал их выбор. — Там у нас за спиной останется только озеро.

Выражение лица Ханалейсы говорило о том, что ей эта идея нравится ничуть не больше, чем брату, но выбирать было не из чего. Они присоединились к потокам горожан и побежали в сторону озера.

На полпути к докам была организована оборона, и Ханалейса с Тимберли с радостью заняли место в рядах защитников. Пайкел, одобрительно кивнув близнецам, провел Рорика дальше, к строениям у самой верфи. Это был комплекс старого форта, и именно его капитаны выбрали для своего штаба.

— Постараемся ради отца и мамы, — сказала Ханалейса Тимберли. — Не опозорим их имени.

Тимберли, уже чувствуя себя ветераном, улыбнулся сестре.

Шанс проявить себя не заставил долго ждать. Очень скоро им пришлось выбежать вперед, чтобы оказать помощь последним группам горожан, которых по пятам преследовали монстры. Ханалейса и Тимберли бесстрашно врезались в толпу мертвецов и принялись энергично крушить врагов.

Их отпор стал еще более эффективным, когда вернулся дядюшка Пайкел. Его горящая дубинка уничтожала каждого зомби, который оказывался в пределах досягаемости.

Но, несмотря на отчаянные усилия близнецов, дворфа и остальных горожан, отряд был вынужден постепенно отступать под натиском скелетов. На место каждого уничтоженного зомби тотчас вставало трое таких же мертвецов. А ряды защитников таяли, по мере того, как то одного, то другого бойца костлявые руки и когти утаскивали в ужасную толпу.

И эти несчастные жертвы очень скоро поднимались снова, чтобы сражаться на стороне противника.

Ужас и отвращение при виде мертвецов, ополчившихся на своих близких, сильно подрывали моральный дух защитников, и горожане постепенно, шаг за шагом, стали отступать.

Под стенами старого форта они немного приободрились, поскольку дальше отступать было некуда, оставалось только драться. Но вскоре и этот рубеж обороны стал рассыпаться.

Ханалейса оглянулась на брата, и во взгляде ее карих глаз сквозили отчаяние и грусть. Они не имели возможности отступить в воду, а стены ненадолго удержат толпы врагов. И брат, и сестра не могли скрыть страха.

— Надо найти Рорика, — сказал Тимберли дворфу.

— Э?.. — откликнулся Пайкел.

Он не понял, что дети Бонадьос хотели перед смертью собраться все вместе.

Глава 6

ПОЛИТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В этот момент Бренор Боевой Топор не желал слышать ничего подобного.

— Но Обальд злится, — объяснял ему гном Нанфудл. — Он считает, что это мы виноваты в странном безумии всякой магии и в молчании его бога.

— Ладно, эта дубина вечно считает нас виноватыми, — отмахнулся Бренор.

Он посмотрел на дверь, ведущую к коридору в ущелье Гарумна, надеясь увидеть Дзирта. Утро не принесло облегчения ни для Кэтти-бри, ни для Реджиса. Накануне хафлинг довел себя до полного изнеможения и с тех пор погрузился в тоскливое забытие.

— Но эмиссар Обальда... — не отступал Нанфудл.

— Некогда мне с ним разговаривать! — крикнул Бренор.

С другого конца зала несколько дворфов наблюдали за неожиданным для короля взрывом эмоций. Среди них в своем кресле на колесах был и генерал Банак Браунанвил, тяжело раненный много лет назад в первом сражении с орками Обальда, после чего у него отнялась нижняя половина тела.

— Мне некогда! — снова воскликнул Бренор, хотя и с некоторым намеком на извинения. — Моя дочь должна ехать! И Пузан тоже!

— Я могу отправиться с Дзиртом, — предложил Нанфудл.

— Девять Кругов и десятый в придачу, если я тебе это позволю! — заорал Бренор. — Я не оставляю свою девочку!

— Но ты же король! — крикнул один из дворфов.

— И весь мир сходит с ума, — добавил Нанфудл.

Бренор заскрипел зубами, едва сдерживая нетерпение.

— Нет, — ответил он, наконец. — Затем кивнул гному, который давно стал одним из самых ценных и доверенных советников, и пересек комнату, остановившись у кресла Банака. — Нет, — повторил Бренор. — Сейчас я больше не король.

Несколько дворфов изумленно ахнули, но Банак Браунанвил невозмутимо кивнул, принимая ответственность, которая, как он знал, будет на него возложена.

— Ты уже правил этим местом, — произнес Бренор. — И я знаю, что ты справишься и на этот раз. Я слишком давно не видел перед собой дороги.

— Ты спасешь свою девочку, — сказал старый генерал.

— На этот раз я не могу оставить тебе в помощь Пузана, — продолжал Бренор. — Но гном тоже неглуп.

Он оглянулся на гнома, и тот не мог удержаться от улыбки, вызванной комплиментом и доверием, оказанным королем.

— У нас немало светлых голов, — согласился Банак.

— Только не затевай очередную войну с Обальдом, — наказал ему Бренор. — По крайней мере, до тех пор, пока я не вернусь, чтобы лично уничтожить десяток этих псов.

— Ни за что.

Бренор хлопнул друга по плечу, повернулся и пошел к выходу. Одна часть его сознания твердила, что ответственность перед кланом Боевого Топора лежит на его плечах, особенно в это смутное время. Но другая, большая часть отвергала эту ответственность. Да, он был королем Мифрил Халла, но он был еще и отцом Кэтти-бри и другом Реджиса.

И все остальное в этот печальный момент не имело для него никакого значения.

Дзирта он отыскал в ущелье Гарумна, в компании самого грязного и дурнопахнущего дворфа, которого только можно было себе представить.

— Я готов отправиться в путь, мой король! — с энтузиазмом приветствовал его Тибблдорф Пуэнт. Устрашающего вида дворф вытянулся в струнку, и его латы, сплошь покрытые шипами и лезвиями, громко звякнули и заскрипели.

Бренор посмотрел на дроу, но тот только прикрыл глаза, давно предпочитая не спорить

с этим воином.

— Ты готов отправиться в путь? — переспросил Бренор. — Когда здесь назревает новая война?

В глазах Пуэнта на мгновение зажглась радостная надежда, но он решительно тряхнул головой:

— Мое место рядом с моим королем!

— Пока я отсутствую, правителем Мифрил Халла будет Браунанвил.

Возникшее на секунду сомнение в глазах дворфа так же быстро растаяло.

— С моим королем Бренором! — возразил он. — Если ты отправляешься в путь, Пуэнт и его ребята идут следом!

После такого заявления несколько соседних дверей распахнулось, и в широкий коридор выскочили прославленные «веселые мясники».

— О нет-нет! — заворчал Бренор. — Только не это!

— За моего короля! — раздался одновременный рев из двадцати глоток.

— Я не могу лишиться правителя Браунанвила лучшего отряда, который только знал Фаэрун, да еще в такое беспокойное время, — сказал Бренор. — Нет, это невозможно. — Он посмотрел в лицо Пуэнту. — И тебя тоже. Да и в повозке для тебя мало места.

— Ба! Мы побежим следом! — не унимался Пуэнт.

— Мы помчимся на волшебных подковах, но волшебных сапог, чтобы не отставать от повозки, у нас нет, — объяснил ему Бренор. — Я уверен, что вы будете бежать, пока не свалитесь замертво, но на этом все и закончится. Нет, друг мой, твое место здесь, на тот случай, если Обальд решит, что это подходящее для междоусобиц время. — Он тяжело вздохнул, обернулся в поисках поддержки к Дзирту и тихонько добавил: — И мое место тоже здесь.

— Ты недолго будешь отсутствовать, — заверил его Дзирт. — А твое место сейчас рядом со мной, Кэтти-бри и Реджисом. Я предупреждаю, что на забавы времени не останется. И повозка уже ждет.

— Мой король! — закричал Пуэнт.

Взмахом руки он отпустил своих «мясников», а сам вслед за Дзиртом и Бренором поспешил по туннелю, который должен был привести их к попавшим в беду друзьям.

В конце концов, в повозке, запряженной лучшими мулами, каких только смогли отыскать, уехали четверо пассажиров. Но остался не Пуэнт, а Реджис.

Несчастный хафлинг не переставал метаться, отбиваясь от чудовищ, которых, кроме него, никто не видел. Он бился с таким отчаянием и яростью, словно стоял на краю самого Абисса. Он не мог есть. Не мог пить. Он ни на минуту не переставал размахивать руками и ногами и не реагировал ни на какие уговоры. Только усилиями нескольких дворфов удавалось хоть что-то влить ему в горло, а в условиях тяжелого путешествия по диким местам это было бы невозможно.

Бренор до хрипоты спорил со всеми, но Дзирт положил этому конец.

— Хватит, — сказал он и повел огорченного Бренора к повозке. — Даже если магия не подведет, если повозка выдержит, — продолжил Дзирт, — пройдет не меньше десяти дней, пока мы доберемся до Храма Парящего Духа. И еще столько же времени потребуется, чтобы вернуться. Малыш не переживет путешествия.

Они оставили Реджиса в бессильном изнеможении.

— Со временем он может поправиться, — говорил Дзирт, пока они шагали по горным туннелям. — В отличие от Кэтти-бри, он не был поражен Пряжей.

— Эльф, он же невменяем!

— Да, но я же говорю, что это может измениться. Твои жрецы, возможно, проникнут в его сознание... — Внезапно Дзирт замолчал и остановился. — Или это сделаю я.

— Что ты задумал, эльф? — сердито спросил Бренор.

— Иди готовь повозку, — попросил Дзирт. — Но не уезжай без меня.

С этими словами он развернулся и понесся назад, не замедляя бега до самых дверей

комнаты Реджиса. Ворвавшись внутрь, он схватил лежавший на столике у кровати рубин. Дрожащими руками дроу раскачал на цепочке волшебный кристалл.

— Что ты собираешься делать? — спросил его Кордио Хлебноголовый, прославленный жрец Мифрил Халла, стоявший рядом с кроватью хафлинга.

Дзирт поднял подвеску, и волшебный рубин, поймав свет факелов, сверкнул дразнящими бликами.

— Еще не знаю. Но, пожалуйста, разбудите малыша и держите его крепче все вместе.

Дворфы с любопытством посмотрели на дроу, но долгие годы, проведенные вместе, научили их доверять темному эльфу, и они выполнили его просьбу.

Очнувшись, Реджис опять начал метаться, и его ноги задвигались, словно он пытался убежать от невидимого чудовища.

Дзирт наклонился к Реджису, окликнул его по имени, но тот, казалось, не слышал старого друга.

Дроу поднес к лицу хафлинга рубин и начал раскачивать его. Отблески притягивали и завораживали Дзирта, и вскоре в глубине рубина он обнаружил Реджиса.

Дзирт, — раздался голос хафлинга и эхом отозвался в голове дроу, — *помоги мне*.

Дзирт лишь мельком увидел образы, мучившие его друга. Он оказался в стране теней — на Уровне Теней, возможно, или каком-то из других нижних уровней. Со всех сторон к нему подступали злобные и страшные чудовища, тянули когтистые лапы, и зубастые морды дышали ему прямо в лицо. Боковым зрением он успел заметить ужасные когти, грозящие разорвать в клочья любого, и свободная рука Дзирта инстинктивно потянулась к мечу. Он закричал и начал вытаскивать висевший на поясе клинок.

А потом его что-то сильно ударило и отбросило в сторону, через кровать, которой он даже не увидел. Он рухнул на пол, хотя тоже не видел его.

Дзирт услышал, как поблизости что-то зазвенело, и понял, что это был волшебный рубин. Что-то обожгло его запястье, Дзирт зажмурился, стараясь прогнать боль. Когда он открыл глаза, то опять был в комнате Реджиса. Над ним стоял Кордио. Дроу посмотрел на руку: струйка крови выступила в том месте, где наполовину вытащенное из ножен лезвие задело предплечье.

— Что?.. — недоуменно обратился он к дворфу.

— Прошу прощения, эльф, — ответил Кордио, — но мне пришлось тебя ударить. Ты увидел чудовищ, как и Реджис, и начал вытаскивать меч...

— Не говори больше ничего, добрый дворф, — прервал его Дзирт.

Он сел на полу и крепко сжал руку, стараясь остановить кровотечение.

— Дайте повязку! — крикнул Кордио дворфам, которые с трудом удерживали бьющегося хафлинга.

— Он там, — сказал Дзирт, пока Кордио перевязывал ему руку. — Я нашел его. Он просил о помощи.

— Да, мы это слышали.

— Он в ужасном месте и окружен чудовищными тенями.

Один из дворфов подошел к ним и подал Кордио рубиновую подвеску. Жрец протянул кристалл Дзирту, но дроу жестом отказался.

— Сохрани камень, — попросил Дзирт. — Возможно, ты найдешь способ добраться до Реджиса. Но будь осторожен.

— О, я сначала заручусь помощью отряда «мясников», чтобы они смогли меня отключить, — заверил его жрец.

— Этого мало, — предупредил Дзирт. — Надо еще убедиться, что ты сам сможешь выбраться из того места, где заключен малыш.

Он с жалостью посмотрел на несчастного Реджиса. Теперь Дзирт знал, какой ужас подстерегает его бедного друга при каждом пробуждении.

Он догнал Бренора в восточных пещерах. Король уже сидел на скамье удивительной повозки с широкими колесами, изготовленной из обожженного дерева и металла,

содержавшего составленные Нанфудлом добавки, что делало его крепким как железо, но не таким хрупким. Это было настоящее произведение искусства дворфов Мифрил Халла и предмет их гордости.

Однако повозку не успели закончить полностью. Предполагалось, что в ней будет закрытое место для сна, отделение для багажа и другая сбруя, чтобы использовать упряжку из шести, а может, и восьми мулов. Но по приказу Бренора работы срочно свернули, приделав только деревянные стены и откидной задний борт. С такой же поспешностью подобрали и пару молодых крепких мулов, а также подковали их волшебными подковами, что позволяло животным бежать рысью весь день, не останавливаясь на отдых.

— Я отыскал Реджиса в его кошмарах, — сказал Дзирт, забираясь на сиденье рядом со своим другом. — Воспользовался рубином, как он сам пытался сделать, чтобы добраться до Кэтти-бри.

— Ты безмозглый идиот!

Дзирт покачал головой.

— Со всеми предосторожностями, — заверил он Бренора.

— Это я вижу, — хмуро проворчал дворф, кивнув на перевязанную руку дроу.

— Но я его нашел, и он видел меня, хотя только на мгновение. Бренор, он заперт в царстве кошмаров. А я, хоть и пытался его вытащить, не добился никаких успехов. Вместо этого он сам потащил меня за собой, и эти видения завладели бы мною, как случилось с ним. Но я верю, что надежда все же осталась. — Он вздохнул и назвал имя, с которым были связаны их надежды: — Кэддерли.

Услышав это имя, Бренор подстегнул мулов, и повозка, миновав восточные ворота Мифрил Халла, свернула на юго-запад.

Пуэнт уселся на сиденье возницы рядом с Бренором. Дзирт из осторожности бежал параллельно повозке, но был вынужден время от времени запрыгивать на борт, чтобы перевести дух, поскольку мулы неслись вперед, не требуя передышки. Кэтти-бри, в своем одиноком забытье, все это время спокойно лежала на заднем сиденье, не видя и не слыша ничего, что видели и слышали они.

* * *

— А ты отлично их изучил, — поздравил Атрогейт Джарлакса, когда они, лежа на вершине травянистого холма, увидели приближавшуюся с северо-востока повозку.

Джарлакс явно не испытывал подобной уверенности, поскольку быстрое появление повозки захватило его врасплох. Он никак не ожидал встретить отряд Бренора раньше завтрашнего утра.

— Они за один день уморят всех своих мулов, — проворчал дроу, качая головой.

Рядом с повозкой показался темный силуэт, и Джарлакс понял, что это Дзирт.

— Ничего не жалеют ради своих близких друзей, — заметил Атрогейт.

— Друг мой, нет ничего могущественнее той привязанности, которая их соединяет, — ответил Дроу.

Едва договорив, он кашлянул, чтобы прочистить горло и скрыть прозвучавшую в его голосе тоску. Но, перехватив любопытствующий взгляд Атрогейта, понял, что ему это не удалось.

— Их чувства делают их слабыми, — заявил Джарлакс, стараясь говорить как можно убедительнее. — И я знаю, как эту слабость использовать.

— Угу, — хмыкнул Атрогейт и добавил свое знаменитое: — Ба-ха-ха!

Джарлакс только усмехнулся:

— Спустимся к ним или просто поедем следом?

Джарлакс на мгновение задумался, а потом, к удивлению дворфа и к своему собственному удивлению, вскочил на ноги и стал отряхиваться.

— Штутгард из Каменных гор? — воскликнул Бренор, как только за поворотом дороги показалась фигура стоящего у обочины дворфа. — Я думал, ты остался в Мифрил... — продолжил он, останавливая повозку.

Но сразу же замолчал, увидев внушительное оружие дворфа — пару массивных кистеней, покачивавшихся за мощными плечами. В голове Бренора зародилось подозрение. Учитывая пройденное ими расстояние, Штутгард должен был покинуть Мифрил Халл немедленно после их разговора.

— Нет, но я все равно рад тебя видеть, король Бренор, — ответил Атрогейт.

— Что ты такое говоришь, дворф?

Пуэнт, всегда готовый к драке, принял боевую стойку.

Неожиданно раздавшийся рев заставил их посмотреть в сторону и вверх. На толстом суку одинокого дерева, нависавшего над дорогой, лежала Гвенвивар и перебирала лапами, словно собираясь прыгнуть на дворфа.

— Мир, добрый король! — воскликнул Атрогейт и легонько хлопнул ладонями перед собой. — Я тебе не враг.

— И не Штутгард из Каменных гор, — раздался другой голос из-за спины Атрогейта.

Бренор и Пуэнт, посмотрев вперед, одновременно кивнули, хотя и не могли видеть своего спутника-дроу. Атрогейт обернулся, ожидая увидеть Дзирта, но темный эльф, соблюдая осторожность, все еще скрывался в зарослях кустарника.

— Я должен был тебя узнать еще на приеме у Бренора! — крикнул Дзирт.

— Это из-за кистеней, — пояснил мнимый Штутгард. — Мне говорили, что с ними я выгляжу внушительнее. Ба-ха-ха! Сколько лет прошло с тех пор, как мы скрестили оружие, Дзирт До'Урден?

— Кто это? — спросил Бренор у Дзирта, потом перевел взгляд на стоявшего у дороги дворфа. — Кто ты?

— Где он? — крикнул в ответ Дзирт, вызвав удивленные взгляды Бренора и Пуэнта.

— Он же прямо перед тобой, эльф. Ты что, ослеп? — закричал Пуэнт.

— Я не о нем, — ответил Дзирт. — Не о... Штутгарде.

— О, я в отчаянии, потому что такой ничтожный дворф, как я, не в состоянии заставить вернуться дроу.

— О ком ты? — с возрастающим раздражением спросил Бренор у Дзирта.

— Он имел в виду меня, — послышался еще один голос.

На противоположной от Гвенвивар стороне дороги появился Джарлакс.

— Наверное, Морадин почесал свою задницу, — проворчал Бренор. — Сначала вывалился один, потом другой...

— Рад снова видеть тебя в добром здравии, король Бренор, — с поклоном приветствовал его Джарлакс.

Тогда и Дзирт вышел из-за кустов и направился к повозке. У дроу не было в руках оружия — обнаженного, по крайней мере, и на ходу он даже забросил за плечо свой лук.

— Что происходит, мой король? — спросил Пуэнт, беспокойно переводя взгляд с дворфа на дроу. — Что это значит?

— Это не драка, — заверил его Бренор, чем вызвал некоторое разочарование неистового бойца. — Пока еще не драка.

— Драки не будет, — добавил Джарлакс, останавливаясь рядом со своим спутником.

— Ба! — фыркнул Пуэнт.

— И в чем дело? — потребовал объяснений Бренор.

Атрогейт встретил подошедшего Дзирта ворчанием и горестно тряхнул головой, так что вплетенные в его бороду бусинки застучали друг о друга.

— Атрогейт, — проходя мимо, прошептал Дзирт, и дворф раскатисто расхохотался.

— Ты его знаешь? — спросил Бренор.

— Я тебе о нем рассказывал. Мы встречались в Лускане. — Дзирт повернулся к Джарлаксу. — Восемь лет назад.

Наемник-дроу поклонился:

— Печальный день для многих.

— Только не для тебя и тебе подобных.

— Я уже говорил тебе, Дзирт До'Урден, и повторяю сейчас: к падению Лускана, к поражению капитана Дюдермонта Бреган Д'эрт не имеет отношения. Я бы с радостью вел дела с ним...

— Только он не захотел бы связываться с тобой и твоими приятелями, — прервал его Дзирт.

Джарлакс не стал заканчивать фразу, а только широко развел руки, признавая его правоту.

— И все-таки в чем дело? — снова спросил Бренор.

— Я услышал о твоём несчастье — о Кэтти-бри, — ответил Джарлакс. — И знаю, что надо ехать к Кэддерли. Потому и попросил своего друга...

— Солгать нам, — вставил Дзирт.

— Это показалось мне более благоразумным, — признал Джарлакс. — Но путь ведет к Кэддерли. И ты это знаешь.

— Я ничего не знаю, когда дело касается Джарлакса, — бросил Дзирт, и Бренор кивнул, соглашаясь с его словами. — Если дело только в этом, зачем же ты подстерегал нас на дороге?

— Тоже хочет ехать, я точно знаю, — вмешался Пуэнт и скрестил руки на груди, громко стукнув нарукавниками.

— Не совсем так, — поправил его дроу. — Хотя я не возражал бы против такой компании.

Он замолчал и осмотрел мулов, явно удивляясь их свежему виду, хотя они пробежали уже не меньше двух обычных перегонов.

— Волшебные подковы, — подсказал Дзирт. — Мулы с ними способны бежать в шесть раз быстрее, чем обычно.

Джарлакс кивнул.

— Теперь он точно захочет поехать с нами! — воскликнул Пуэнт, но Джарлакс со смехом покачал головой.

— Нет, добрый дворф, я с вами не поеду, — возразил дроу. — Но хотел бы кое о чем попросить.

— Удивительно, — сухо проронил Дзирт.

— Я тоже нуждаюсь в помощи Кэддерли, хотя и по совершенно другим причинам, — пояснил Джарлакс. — И мои услуги тоже ему нужны, по крайней мере, он будет рад моему присутствию, когда узнает, в чем дело. Но, к несчастью, наша последняя встреча с могущественным жрецом прошла не слишком гладко, и он потребовал, чтобы я больше не попадался ему на глаза.

— И ты считаешь, что он отнесется к тебе более благосклонно, если ты приедешь с нами, — догадался Бренор.

Джарлакс молча поклонился.

— Ба! — воскликнул король дворфов. — Тебе бы лучше иметь более убедительные доводы.

— Они более чем убедительные, — заявил Джарлакс, но посмотрел при этом на Дзирта, а не на Бренора. — И я готов вам о них рассказать. Однако это длинная история, а ради твоей жены нам не стоит медлить.

— Только не притворяйся, что тебе есть дело до моей девочки! — закричал Бренор, так что Джарлакс даже попятился.

Но Дзирт увидел в лице соплеменника нечто, чего расстроенный Бренор не смог заметить. В темных глазах дроу мелькнула искренняя боль; он действительно беспокоился о

ней. Дзирт мысленно вернулся к тому дню, когда Джарлак позволил ему, Кэтти-бри и Артемису Энтрери ускользнуть из Мензобер-ранзана, одному из многих случаев, когда Джарлак позволял им уйти. Дзирт попытался согласовать эти воспоминания с текущей ситуацией и догадаться об истинных мотивах темного эльфа. Лжет он или говорит правду?

Дзирт склонялся к последнему, и это удивило его самого.

— О чем ты думаешь, эльф? — спросил его Бренор.

— Я хотел бы послушать эту историю, — ответил Дзирт, не сводя взгляда с Джарлакса. — Но выслушать ее в пути.

Джарлак подтолкнул локтем Атрогейта, и дворф вытащил фигурку вепря, а сам дроу в то же время достал ониксовую статуэтку вороного коня. В следующее мгновение на дороге возникли оба скакуна, и мулы Бренора, прижав уши, испуганно попятились.

— Девять Кругов, это еще что такое? — воскликнул Бренор, удерживая упряжку.

По знаку Джарлакса Атрогейт отвел своего боевого вепря в сторону и занял место позади повозки.

— И я хочу такого! — сказал Тибблдорф Пуэнт, с восхищением глядя на трусившего мимо него боевого кабана. — О, мой король!

Джарлак придержал коня и заставил его встать с другой стороны от повозки. Дзирт, запрыгнув на борт, устроился с той же стороны. Затем он позвал Гвенвивар.

Пантера отлично знала свое место. Соскочив с дерева, огромная кошка одним прыжком пронеслась мимо Атрогейта, забралась вглубь повозки и свернулась рядом с Кэтти-бри.

— Нам предстоит длинная дорога, — заметил Дзирт.

— История тоже длинная, — откликнулся Джарлак.

— Тогда не торопись и рассказывай обо всем подробно.

Но повозка все еще не трогалась с места, и оба дроу обернулись к Бренору. В ответном взгляде темных глаз дворфа отчетливо читалось сомнение.

— Ты уверен в нем, эльф? — спросил он Дзирта.

— Нет, — ответил тот. Но затем, посмотрев на Джарлакса, изменил свое мнение. — Вперед, к Храму Парящего Духа, — сказал он.

— С надеждой, — добавил Джарлак.

Дзирт оглянулся на Кэтти-бри. Женщина сидела спокойно, абсолютно безучастная к окружающему миру.

Глава 7 ПОДСЧЕТ НИТЕЙ

— Но это же бесполезно! — вскричал Ванабрик Престоковин, одаренный молодой чародей из Врат Бальдура.

Он хлопнул по столу ладонями и рассыпал стопку лежавших перед ним пергаментов.

— Спокойнее, друг мой, — обратился к нему Далебрентия Промайс, его товарищ из того же портового города. Этот старый человек с огромной седой бородой полностью соответствовал общепринятым представлениям о маге и даже носил типичную для них одежду: голубую коническую шляпу и синий балахон, украшенный золотыми звездами. — Мы должны с почтением относиться к свиткам и книгам Храма Парящего Духа.

Еще несколько месяцев назад такой взрыв разочарования в этом зале величайшей библиотеки, где бережно хранились обширные собрания книг в самых разных областях науки, мог бы вызвать море замечаний. Но сейчас, хотя многие маги, волшебники и жрецы, работавшие в этой комнате, посмотрели на несдержанного молодого человека с осуждением, кое-кто еще и одобрительно кивнул.

Этот факт не ускользнул от Кэддерли, который сидел в дальнем конце комнаты за столом, тоже заваленным пергаментами. На одном из них жрец Денира пытался свести всю совокупность странных случаев использования магии к математическим уравнениям и таким образом разгадать их закономерность.

Однако хоть Кэддерли и скрывал свое разочарование, результаты работы его совершенно не радовали, поскольку совокупность рассматриваемых случаев все меньше и меньше походила на разворачивающуюся последовательность и наводила на мысли о настоящем коллапсе логики, которая поддерживала Пряжу Мистры. В отличие от Смутных Времен, не все боги склонились на сторону Тьмы и не все они замолчали, но отсутствовали ощутимые трудности в общении с богами и непредсказуемость в использовании магии, как со стороны жрецов, так и чародеев.

Кэддерли встал и направился к столу, где сидели гости из Врат Бальдура. Он двигался неспешными, неторопливыми шагами и с самой обезоруживающей улыбкой на лице.

— Мы приносим свои извинения, брат Бонадьус, — сказал ему Далебрентия. — Мой друг очень молод и очень обеспокоен.

Ванабрик бросил в сторону Кэддерли встревоженный взгляд и, несмотря на благодушный кивок, держался очень напряженно.

— Я не виню ни тебя, ни Храм Парящего Духа, — заговорил Ванабрик. — Мой гнев, как мне кажется, так же не сфокусирован, как и моя магия.

— Мы все испытываем разочарование и тревогу, — сказал Кэддерли.

— Мы оставили троих членов гильдии в различной степени безумия, — пояснил Далебрентия. — А четвертый — друг Ванабрика — был уничтожен собственным огненным шаром, когда по просьбе крестьянина расчищал клочок земли. Он посылал заряд на большое расстояние, я в этом уверен, а шар взорвался, едва успев сорваться с его руки.

— Пряжа Мистры существует вечно, — выпалил Ванабрик. — Она должна быть... стабильной и бесконечной, а иначе все труды моей жизни обратятся в злую шутку!

— И жрецы с этим согласны, — вмешался гном, последователь бога Гонда.

Его поддержка говорила о многом. Приверженцы Гонда, предпочитавшие логику и механизмы, дымный порошок и хитроумные изобретения, полагавшиеся скорее на свой ум, а не на магию, меньше других пострадали от неожиданных бедствий.

— Он молод, — сказал Далебрентия Кэддерли. — Он не помнит Смутных Времен.

— Но я не так молод, — заметил Кэддерли.

— Внутренне, — добавил Далебрентия и рассмеялся, частично снимая напряженность.

Еще двое чародеев из Врат Бальдура — один средних лет, как жрец Денира, а второй даже старше Далебрентии — тоже рассмеялись.

— Но те из нас, кто ощущает боль в коленях перед каждым дождем, не так склонны к сочувствию, мой добрый обновленный брат Бонадьус!

Эти слова вызвали улыбку и у самого Кэддерли, поскольку его отношения с возрастом были и в самом деле очень странными. Он начал строительство Храма Парящего Духа после того, как ужасное Проклятие Хаоса разрушило стоящую здесь Библиотеку Назиданий. Используя магию, данную ему богом Дениром — нет, не данную, а направляемую через него, — Кэддерли страшно постарел и уже считал, что умрет с завершением строительства. И он, и Даника смирились с такой судьбой ради храма, который должен был стать величественным вкладом в дело просвещения.

Но, как оказалось, трагические изменения были временными. Возможно, так испытывалась его преданность богу Дениру и делу, которое он для себя выбрал. После завершения строительства Храма Парящего Духа Кэддерли начал молодеть физически и стал выглядеть моложе, чем был на самом деле. Ему недавно исполнилось сорок четыре года, а выглядел он так, словно ему еще не было и двадцати, — моложе своих детей-близнецов. Но впоследствии это странное омоложение стабилизировалось, и со временем Кэддерли стал стариться с обычной скоростью.

— Да, я проделал самое странное из путешествий, — сказал Кэддерли, дружески похлопывая Ванабрика по плечу. — Боюсь, что постоянными могут быть лишь перемены.

— Но не такие же! — воскликнул Ванабрик.

— Будем надеяться, — промолвил Кэддерли.

— Нашел ли ты какие-нибудь ответы, добрый жрец? — спросил Далебрентия.

— Только один: Денир, как и я, напряженно работает, выстраивает собственную логику, ищет причины хаоса и применяет законы к неуправляемым процессам.

— И все безуспешно, — с оттенком пренебрежения произнес Ванабрик.

— Терпение, друг мой, — сказал Кэддерли. — Необходимо найти ответы на вопросы и правила, которые можно будет применить. Как только мы узнаем их, мы сможем определить рамки их применений, и тогда можно будет изменить ход мыслей и наши заклинания.

После этих слов гном, сидящий за соседним столом, начал хлопать в ладоши, а потом аплодисменты распространились по всему залу, и многие посетители встали. Кэддерли понимал, что они приветствуют не его, а луч надежды, блеснувший среди туч тяжелых испытаний.

— Спасибо, — негромко сказал Далебрентия Кэддерли. — Нам необходимо было это услышать.

Кэддерли перевел взгляд на Ванабрика: молодой жрец по-прежнему стоял со скрещенными на груди руками и искаженным от гнева и тревоги лицом. Но и он тоже кивнул Кэддерли.

Кэддерли снова похлопал его по плечу и пошел к выходу, кивая и улыбаясь всем, кто молча его приветствовал.

За дверью зала жрец тяжело вздохнул. Он не солгал, говоря Далебрентии, что Денир упорно трудится, пытаясь объяснить необъяснимое, но и не открыл всей истины.

Денир, бог знаний, истории и здравомыслия, на настойчивую мольбу Кэддерли ответил не откровением, а всего лишь ощущением мрачной тревоги.

* * *

— Сохраняй веру, друг мой, — обратился Кэддерли к Ванабрику в тот же вечер, когда группа жрецов из Врат Бальдура покидала Храм Парящего Духа. — Я уверен, это лишь временная турбулентность.

Ванабрик не согласился и, не став спорить, вышел за дверь.

— Будем надеяться, — сказал Далебрентия, подходя к Кэддерли, и протянул на прощание руку.

— Почему бы вам не остаться хотя бы на ночь и не уехать на рассвете?

— Спасибо, брат, но мы и так слишком долго отсутствовали, — ответил Далебрентия. — В нашей гильдии несколько жрецов после контакта с нитями Пряжи впали в безумие. Мы должны вернуться и, используя полученные знания, попытаться им помочь. Позволь еще раз поблагодарить тебя за такую чудесную библиотеку.

— Это не моя библиотека, друг Далебрентия. Эта библиотека принадлежит всему миру. Я всего лишь хранитель знаний, заключенных внутри храма, и смиренно выполняю свои обязанности, возложенные на меня великими мудрецами.

— Не только хранитель, но и автор многих томов, как я заметил, — сказал Далебрентия. — И мы должны радоваться, что ты так ревностно выполняешь свой долг, брат Бонадьос. Весьма отраднo, что в наше беспокойное время есть место, где можно обменяться мыслями, даже если результат оказывается не таким продуктивным, как мы надеялись. Но мы столкнулись с неизведанными явлениями, и я уверен, если удастся понять причину разрушения Пряжи Мистры, ты добавишь в свою коллекцию немало новых работ.

— И я с радостью приму все, что выйдет из-под твоего пера или пера твоих собратьев, — заверил его Кэддерли.

Далебрентия кивнул.

— Наши писцы запечатлеют каждое слово, услышанное нами в Храме Парящего Духа. И если подобное несчастье снова обрушится на Фаэрун — сохрани нас, Тимора, — наш опыт поможет жрецам и магам будущих времен.

Беседуя, они не размыкали рук и черпали новые силы друг в друге, потому что оба — мудрый Кэддерли, избранник бога Денира, и Далебрентия, выдающийся маг еще со Смутных

Времен, что случились два десятка лет назад, — подозревали, что их испытания не временная трудность, а катастрофа, способная погрузить в невообразимый хаос весь Торил.

— Я с великой радостью прочту слова Далебрентии, — сказал Кэддерли, когда они, наконец, завершили рукопожатие.

После этого старый жрец повернулся и пошел догонять своих спутников.

Повозка загремела колесами по вымощенной камнем дороге от ворот Храма Парящего Духа, увозя опечаленных, но не отчаявшихся жрецов, какими они приехали сюда. Хотя им не удалось найти ничего существенного, чтобы решить возникшие проблемы, трудно было покинуть храм, не увозя с собой хоть немного надежды. Содержимое библиотеки ничуть не уступало ее величественному зданию, поскольку тысячи свитков и книг уже были пожертвованы жителями даже таких далеких городов, как Глубоководье, Лускан и Серебристая Луна, и еще более отдаленного Калимпорта, находившегося на самом южном краю континента. Здесь, как ни в каком другом месте, царили атмосфера просветленности и надежды, ощущение величия и надежды.

Далебрентия забрался на сиденье рядом со стариком Ресмилиту, а Ванабрик устроился на сиденье возницы вместе с Пирсоном Блютом, который правил парой запряженных пони.

— Мы отыщем ответы на наши вопросы, — сказал Далебрентия, обращаясь не только к Ванабрику, но и ко всем остальным.

После этого их сопровождал только стук колес и копыт, и вскоре повозка покатила по утрамбованной земляной дороге, ведущей из предгорий Снежных Хлопьев в Кэррадун.

Темнота сгустилась, когда по обе стороны дороги появились деревья, и их кроны нависли над повозкой. В лесу было удивительно тихо, лишь ветерок иногда шевелил листву, и это могло показаться странным, если бы только жрецы обратили внимание на окрестности.

Огни Храма Парящего Духа уже давно растаяли в темноте.

— Зажгите огонь, — попросил Ресмилиту.

— Свет привлечет к нам врагов, — возразил Ванабрик.

— Юноша, нас четверо могущественных жрецов, каких врагов мы можем опасаться в эту темную и холодную ночь?

— Вроде не так уж и холодно, — заметил Пирсон Блют, оглядываясь через плечо.

Замечание возницы соответствовало истине, но и он, и двое других путников с удивлением увидели, что Ресмилиту обхватил себя руками и весь дрожит.

— Хорошо, зажги огонь, — сказал Далебрентия Ванабрику.

Молодой чародей закрыл глаза, прочел короткое заклинание, прикоснувшись к своему дубовому посоху, и на верхушке вспыхнул магический огонек. Стало немного светлее, и, хотя огонь не излучал тепла, Ресмилиту удовлетворенно кивнул.

Далебрентия обернулся, чтобы достать из сундука одеяло.

И вдруг снова стало темно.

— Ах, Мистра, ты опять меня испытываешь! — воскликнул Пирсон Блют, а Ванабрик выразил недовольство более энергичными ругательствами.

Спустя мгновение легкомысленность Блюта сменилась тревогой. Вокруг стало темнее, чем самой темной ночью, как будто двомер Ванабрика не только не подействовал, но вместо света призвал тьму. Блют остановил упряжку. Он не видел пони, не видел даже сидевшего рядом Ванабрика. Он ничего не мог видеть, словно все они провалились в беспросветно-черную бездну.

— Пропади пропадом это безумие! — крикнул Ванабрик.

— Э, да ты умудрился погасить даже звезды, — заговорил Далебрентия самым легкомысленным тоном, на какой только был способен.

Это означало, что и задняя часть повозки тоже пала жертвой неудачного двомера.

Ресмилиту вскрикнул и, стуча зубами, снова пожаловался на то, что мерзнет. Остальные трое путников не успели удивиться, как сами ощутили пробиравший до костей неестественный холод.

— Что это? — выпалил Блют.

Он не хуже других понимал, что холод не был природным явлением, а предвещал смертельную угрозу.

Первым закричал от боли Ресмилиту, когда какое-то невидимое существо, взобравшееся в повозку, вцепилось в старого мага когтями.

— Света! Больше света! — закричал Далебрентия.

Пирсон Блут хотел, было исполнить его приказ, но пони дико заржали и начали брыкаться и лягаться. Несчастный возница никак не мог справиться с упряжкой. Сидящий рядом Ванабрик размахивал руками, наконец, решившись погрузиться в глубины непредсказуемой магии. Он вызвал вспышку яркого света, но только на мгновение. Этого хватило, чтобы увидеть напавшую на Ресмилиту тень.

Существо оказалось приземистым и невысоким — уродливый торс с широкими плечами, шишкообразной головой без шеи, вместо нижних конечностей только складки кожи, зато верхние — жилистые, длинные, с загнутыми острыми когтями. Ресмилиту откатился на другой конец повозки, но уродливая тень последовала за ним, подтягиваясь, как подтягиваются на руках безногие люди.

— Пропади! — крикнул Далебрентия, размахивая тонкой волшебной палочкой из обожженного дерева, с металлическим наконечником.

Существо взвыло от боли, но и Ресмилиту тоже закричал, и все остальные услышали треск его рвущегося одеяния.

— Пропади! — Далебрентия снова повторил ключевое для палочки слово, и его спутники услышали, как рвутся магические заряды, хотя вспышек и не было видно.

— Больше света! — закричал Далебрентия.

Опять послышался стон Ресмилиту, и существо тоже закричало, но теперь в его визге слышалось злорадное наслаждение, а не боль.

Ванабрик вскочил на сиденье и бросился на плотное мясистое чудовище, стал бить его руками и ногами, чтобы оторвать от несчастного старика.

Существо не обладало большой силой, и молодому чародею удалось оторвать одну лапу от жертвы, но в этот момент закричал Пирсон Блут, повозка накренилась и выкатилась из пятна магической тьмы. Огонь на дубовом посохе Ванабрика осветил пространство. Однако мудрецы не успели обрадоваться, потому что перепуганная упряжка продолжала тянуть повозку с дороги, и в следующее мгновение экипаж покатился по крутой насыпи. Все четверо пытались удержаться, но передние колеса наскочили на толстый корень, и повозка перевернулась.

Раздались треск ломающегося дерева и крики путников. Самым громким был визг пони, чьи задние ноги были раздроблены осью.

Далебрентия вылетел из повозки и тяжело приземлился на мох под одним из деревьев. Он понял, что сломал руку, но, преодолевая боль, сумел встать на колени. Оглядываясь в поисках выпавшей волшебной палочки, он наткнулся на несчастного Ресмилиту. Ужасное существо придавило его к земле своей тяжестью и яростно разрывало тело бедняги.

Далебрентия пополз к старому магу, но яркая молния заставила его отшатнуться, в то же время она сбила темное существо и отбросила далеко в темноту. Далебрентия повернулся к Ванабрику, чтобы хоть как-то подбодрить его. Но не успел даже этого. На его глазах к другу, держащему ярко горящий посох, бросилось сразу несколько алчных чудовищ.

Сбоку Далебрентия увидел Пирсона Блута: один из монстров забрался ему на спину, обхватил шею длинной костлявой лапой, а второй вцепился в лицо.

Далебрентия начал читать заклинание. Он хотел вызвать огненный шар и послать его в сторону, мимо Ванабрика, чтобы разогнать подступающую орду и при этом не задеть своего товарища.

Но обезумевшая магия подвела старого чародея. Шар взорвался, едва слетев с его руки. На Далебрентию обрушились палящие волны энергетического заряда, и он упал на спину, прикрыв рукой обожженные глаза. Стараясь сбить пламя, он стал кататься по земле и в агонии не слышал даже криков товарищей и ужасных существ, тоже завопивших от боли.

Где-то в уголке мозга у него еще теплилась надежда, что огненный шар уничтожил врагов и пощадил его друзей.

Но в следующее мгновение надежда исчезла. Сильным ударом грязных когтей страшное существо разорвало ему кожу на шее. Далебрентия, словно пойманная на крючок рыба, да еще ослепленный и оглушенный взрывом, уже не мог оказать набросившемуся на него существу никакого сопротивления.

* * *

Если бы Кэддерли еще на час остался у двери храма после того, как попрощался с чародеями из Врат Бальдура, он мог бы увидеть яркий взрыв далеко внизу на горной дороге, обративший высокую сосну в фейерверк вроде тех, которыми иногда развлекал своих детей. Но Кэддерли вернулся к себе сразу, как только повозка исчезла из виду.

Отсутствие значительных успехов в разрешении стоящей перед ним задачи заставило Кэддерли прибегнуть к медитации и снова попытаться получить совет от Денира, единственного бога во всем пантеоне, способного хоть как-то намекнуть на источник непредсказуемых и тревожных событий.

Кэддерли уединился в небольшой комнатке, ее освещали две высокие свечи, стоящие по краям брошенного на пол одеяла. Он сел на одеяло, скрестил ноги и положил руки на колени ладонями вверх. Потом долго следил за своим дыханием, добиваясь, чтобы вдохи и выдохи чередовались через равные промежутки, и при помощи мысленного счета старался очистить мысли от всех тревог и волнений. Под этот мерный счет он отрешился от окружающего мира и, поднявшись над Материальным Уровнем, двинулся к царству абсолютного разума, к царству Денира.

С тех пор как начались эти несчастья, он не раз пытался приблизиться к Дениру, но никак не мог добиться успеха. Раз или два Кэддерли казалось, что он совсем близко, но бог ускользал из его мыслей раньше, чем жрец успевал получить ясную картину.

А сегодня он особенно остро ощутил присутствие своего бога и прилагал все усилия, стараясь полностью отрешиться от собственного сознания. Вокруг него появились звезды, Кэддерли словно плыл по небу и, наконец, увидел Денира в образе старого писца, сидевшего в центре ночного неба с длинным свитком в руке и что-то напевавшего, хотя слова пока оставались неразборчивыми.

Жрец направил полет к богу. На этот раз фортуна улыбнулась ему, и он достиг необходимой концентрации мысли, чтобы попасть в область разума, где правил Повелитель всех Символов и всех Образов.

Он разобрал слова.

Числа. Денир трудился над «Метатекстом», объединяющим логику множественной Вселенной.

Кэддерли постепенно стал различать слабо мерцающие нити, образующие сеть в небе над ним и Дениром: волшебное покрывало, поддерживающее магию на всем Торице. Пряжа Мистры. Кэддерли задумался. Возможно ли, чтобы Пряжу Мистры и «Метатекст» можно было связать между собой иным способом, кроме философского? А если это так и Пряжа Мистры нарушена, то не вкралась ли ошибка и в «Метатекст»? Нет, это невозможно, сказал Кэддерли себе и снова сосредоточил внимание на Денире.

Кэддерли понял, что Денир нумерует нити, записывает их в свой свиток и определяет положение каждой отдельной нити в общем полотне. Неужели он пытается как-то повлиять на разрушенную паутину при помощи совершенной логики и устойчивости «Метатекста»? Эта мысль поразила жреца. Неужели именно его бог найдет способ залатать образовавшиеся в полотне магии прорехи?

Он ведь собирался обратиться с мольбой к богу, просить божественного откровения, но внезапно, к своему удивлению, понял, что Денир не ответит на его мольбы и что не Денир привлек его сюда. Нет, он попал в это место и в это время, так же как и сам бог, благодаря

совпадению, а не замыслу.

Кэддерли придвинулся ближе — достаточно близко, чтобы заглянуть через плечо бога, пока тот сидел в этой пустоте и записывал результаты своих наблюдений.

Пергаментный свиток, как он увидел, словно огромная головоломка, содержал последовательности чисел. Денир пытался расшифровать Пряжу Мистры, определить тип и место каждой нити. Возможно ли, чтобы Пряжа, подобно обычной паутине, состояла из отдельных, соединенных между собой частей? Возможно ли, чтобы разрыв, если именно в нем заключалась причина неустойчивости, был результатом разрушения какой-то поддерживающей нити?

Или дело в несовершенстве замысла? Нет, определенно нет!

Кэддерли продолжал молча заглядывать в пергамент через плечо Денира. Он запомнил несколько последовательностей чисел, чтобы записать их, когда окажется в своем кабинете. Кэддерли, конечно, не был богом, но все же хотел разгадать их, надеясь впоследствии предоставить их Дениру, чтобы помочь Писцу Огма в его вычислениях.

Когда, наконец, Кэддерли открыл глаза в физическом мире, он увидел, что рядом с ним все еще горят свечи. Судя по их высоте, он пробыл в царстве разума около двух часов. Кэддерли поднялся и прошел к столу, чтобы записать увиденные последовательности чисел, представлявшие модель Пряжи.

Нарушенной Пряжи.

Интересно, где могут быть недостающие нити?

* * *

Если Кэддерли не увидел вспышку света у подножия гор, то Айвен Валуноплечий, собиравший дрова для своей кузницы, увидел ее достаточно ясно.

— Интересно, что там случилось? — пробормотал дворф.

Потом он подумал о своем брате и решил, что Пайкел сильно разозлился бы, узнав, что такая могучая сосна превратилась в столб пламени.

Чтобы лучше видеть, Айвен поднялся на каменистую гряду. Картина не стала более отчетливой, но наверху он ощутил ветерок, принесший с собой запах дыма и крики. Он бросил заплечный мешок на салазки, куда укладывал дрова, поправил шлем, украшенный большими оленьими рогами, и поднял свой Дровокол — обоюдоострый боевой топор, названный так Айвеном, после того как Кэддерли заговорил оба его лезвия, сделав их невероятно острыми. Теперь топор с одинаковой легкостью раскалывал и бревна, и черепа гоблинов. Даже не оглянувшись на Храм Парящего Духа, желтобородый дворф стал спускаться по темной дороге, быстро перебирая короткими ногами.

К тому времени, когда он подошел, мясистые твари уже пировали на телах чародеев из Врат Бальдура.

Айвен резко остановился, но те существа, что были поблизости, уже заметили его и устремились навстречу, подтягиваясь на жилистых и цепких лапах.

Мысль о поспешном отступлении исчезла сразу, как только Айвен услышал стон одного из чародеев.

— Ну, тогда ладно, — решил дворф и бросился на чудовищ.

Дровокол негромко загудел, когда Айвен, словно без определенной цели, взмахнул им перед собой. Острые лезвия легко рассекали черную кожу, и при каждом ударе раздавался визг, а на землю летели куски разорванных тел. Темные существа были слишком медлительными, чтобы избежать могучих взмахов дворфа, и слишком глупыми, чтобы забыть о своем ненасытном голоде и убежать.

Одно за другим, чудовища падали под натиском Айвена, и чавкающие звуки их разрывающихся тел раздавались при каждом взмахе Дровокола. Крепкие руки дворфа не знали усталости, и он бил врагов без промедлений, но уродливые создания еще очень долго не давали ему передышки.

Наконец, убедившись, что убивать уже некого, Айвен бросился к самому старому из магов, лежащему ближе всех.

— Этому уже не поможешь, — пробормотал он, как только перевернул тело и увидел разорванное горло.

Признаки жизни подавал только один из четверых несчастных. Бедняга Далебрентия, сильно обожженный, лежал на земле с зажмуренными глазами и сильно дрожал.

— Я тебя заберу, — прошептал Айвен. — Ты еще жив, и я отнесу тебя к Кэддерли.

С этими словами он быстро огляделся, забросил за спину Дровокол, нагнулся и просунул одну руку под колени Далебрентии, а второй ухватил его за плечи. Но еще до того, как он успел выпрямиться, дворфа поразило ощущение холода, но не ночной прохлады, а чего-то более угрожающего, словно за его спиной стояла сама смерть.

Он медленно повернулся и потянулся за оружием.

Поблизости стояла и смотрела на Айвена темная фигура. В отличие от толстых уродцев, усыпавших поляну, — четверо магов тоже сумели уничтожить несколько своих врагов, — это существо было похоже на сгорбленного старика.

Холод настолько усилился, что у Айвена застучали зубы. Он хотел окликнуть старика, или тень, или призрака, или что-то еще, но обнаружил, что не может.

А потом понял, что не должен этого делать.

В голове Айвена замелькали картины из далекого прошлого, и он словно закружился в танце вместе с шестью могущественными соратниками вокруг артефакта огромной силы.

Потом появился красный дракон, и Айвен даже нагнулся — настолько низко пролетело над ним огромное чудовище.

Картина снова сменилась, и появился образ еще одного существа — ужасного создания с головой спрута с многочисленными щупальцами, развевающимися вокруг головы, словно косички бороды дворфа.

Невидимый ветерок прошелестел имя: Яраскрик.

Айвен застыл, все еще держа на руках Далебрентию.

А потом бросил его на землю, поднял обутую в тяжелый башмак ногу и наступил на горло мага, прервав его стоны и всхлипывания.

Удовлетворенно усмехнувшись, Айвен, который уже не был Айвеном, огляделся по сторонам. Затем поднес руку к каждому из умерших чародеев, и все они поднялись, повинаясь его зову.

Разорванные шеи, наполовину съеденные руки и огромные раны в животах не имели значения. Ведь призыв Айвена был эхом призыва Короля Призраков, а Король Призраков без труда мог поднять из земли тела умерших.

В сопровождении четверки телохранителей Айвен Валуноплечий зашагал по темной дороге прочь от Храма Парящего Духа.

В ту ночь он не смог добраться до своей цели и тогда отыскал пещеру, где ему и его спутникам предстояло провести дневные часы.

После наступления темноты у него будет достаточно времени для убийств.

Глава 8

БИТВА МЕЧА И РАЗУМА

Резким ударом ноги сбоку Ханалейса переломила берцовую кость скелета, сумевшего проскочить мимо меча Тимберли. Затем она нагнулась влево, выше подняла правую ногу и нанесла еще удар, сбив череп со скелета, повернувшегося в ее сторону.

В то же самое время девушка ткнула кулаком вправо, в направлении очередной цели, и сильный удар с громким чавканьем проломил гниющую грудь зомби.

Такой выпад выбил бы воздух из легких здорового мужчины, но зомби не нуждался в дыхании. Чудовище продолжало наступать, и взмах тяжелой руки блокировал выпад девушки, задев по плечу и заставив сместиться на шаг вправо, ближе к брату.

Ночь безостановочной борьбы измотала Ханалейсу, но она нашла в себе силы снова шагнуть вперед и осыпать зомби градом ударов и пинков. Она старалась не обращать внимания на брызги гнили, летящие в лицо после каждого выпада, на прикосновения разлагающейся плоти и хрустевшие под кулаками кости, на вываливающиеся из пробитых животов внутренности и клубки могильных червей. Ханалейса снова и снова била зомби, пока тот не рухнул на землю.

На его месте тотчас появился другой: казалось, поток врагов неиссякаем.

Меч Тимберли просвистел перед лицом Ханалейсы как раз в тот момент, когда она поворачивалась навстречу противнику. Тимберли разрубил плечо зомби, отделил руку и рассек грудную клетку, отбросив чудовище в сторону.

— Мне показалось, что тебе надо перевести дух, — пояснил брат.

Но сразу же вскрикнул. Защита Ханалейсы ослабила его оборону, и он не успел парировать удар очередного монстра. Правая рука мгновенно покрылась кровью из длинной глубокой раны, и Тимберли отступил назад, орудуя рукоятью меча, чтобы отогнать мерзкое чудовище.

А Ханалейса уже снова вступила в бой. Она высоко подпрыгнула между двумя скелетами и развела ноги в стороны. Раздался хруст костей, и оба скелета разлетелись на части.

Ханалейса легко приземлилась, осталась стоять на носке левой ноги и резко развернулась, ударив правой в живот следующего противника.

Нога погрузилась в тело зомби, а когда Ханалейса попыталась отдернуть ее, оказалось, что нога застряла в позвоночнике. Девушке ничего не оставалось, как дернуть сильнее, и тогда Ханалейса оказалась в еще более сложном положении, поскольку зомби, не до конца уничтоженный ее ударом, продолжал размахивать руками, стараясь ее схватить.

Меч Тимберли угодил сбоку в голову зомби и проткнул череп насквозь.

Ханалейса, все еще не освободив ногу, подалась назад.

— Помоги мне! — крикнула она брату, но тотчас замолчала, заметив окровавленную руку Тимберли.

И кровотечение не унималось; Тимберли не переставал сражаться, и при каждом сокращении мышц на землю выплескивались все новые струйки крови.

Ханалейса понимала, что брат долго не продержится. Да и все остальные тоже. Измученные и испуганные, люди уже отступили почти к самой стене портового склада, им срочно требовалась передышка от непрерывной атаки, чтобы перегруппироваться и перевязать раны, — иначе Тимберли истечет кровью и может умереть.

Наконец-то она сумела освободиться от зомби, встала на обе ноги и оглянулась в поисках Пайкеда, или пути к отступлению, или чего-нибудь, что могло бы дать хоть какую-то надежду. Но увидела только, как еще одного защитника утащили в бескрайнюю толпу мертвецов.

Вдали, в нескольких кварталах от доков, разгорались огни пылающего Кэррадуна.

Девушка печально вздохнула, решительно выругалась, шмыгнула носом, удерживая подступившие слезы, и снова со всей ожесточенностью бросилась в бой, распределяя непрерывные удары между своим ближайшим противником и скелетом, напиравшим на Тимберли. Она прыгала и крутилась, била руками и ногами, и брат старался от нее не отставать.

Но он истекал кровью, и удары меча становились все слабее.

Конец был уже близок.

* * *

— Они слишком тяжелые, — пожаловалась девочка, безуспешно пытавшаяся поднять бочонок.

Но внезапно он стал намного легче и был поднят через люк, словно уже опустел.

Девочка заглянула вниз, но там никто ей не помогал, и тогда она проверила донышко, опасаясь, что вылила виски в погреб.

Сидевший неподалеку на крыше Рорик старательно концентрировал внимание на невидимом слуге, которого вызвал на помощь девочке. Это было совсем простое заклинание, но Рорик и не считал себя настоящим магом и потому в это беспокойное время непредсказуемой магии не осмеливался на более сложные трюки.

Он удовлетворенно усмехнулся, сознавая свой успех, но тотчас напомнил себе, что настоящий лидер должен быть разумным, а не только хорошо тренированным физически или в области магии. Его отец никогда не был выдающимся бойцом, по крайней мере до тех пор, пока не получил силу от бога Денира, что произошло перед самым уничтожением Библиотеки Назиданий. И все же Рорик пожалел, что не был таким сильным, как его брат или сестра. Он тяжело опирался на палку, ногу сводило от боли в голени, а из грязной раны при каждом шаге сочился гной. Все это напоминало ему, что он не может назвать себя настоящим воином.

Так же как и настоящим чародеем, понял он, когда его слуга-невидимка внезапно рассеялся. Девочка от неожиданности упала вместе с бочонком, стенка треснула, и виски выплеснулся на угол складской крыши.

— Ну, что теперь? — спросил подошедший рыбак, и до Рорика не сразу дошло, что человек, намного его старше и более закаленный, смотрит в его сторону и обращается именно к нему.

— Командуй сам, — негромко ответил Рорик и показал на край крыши, под которым всюю кипела битва.

* * *

— Ду-ид, — раздался справа от Ханалейсы знакомый голос.

Она посмотрела в ту сторону, но ее внимание привлекло какое-то движение на крыше, и Ханалейса, отступив на шаг, удивленно замерла.

Через головы защитников вперед полетели бочонки с виски — десятки бочонков! Они падали и разбивались, некоторые попадали на головы зомби и скелетов, другие просто на мостовую.

— Что за?.. — раздалось изумленные голоса защитников.

— Ду-ид, — последовал выразительный ответ.

Все взгляды обратились туда, откуда выбежал Пайкел. В высоко поднятой правой руке он держал свою дубинку, направив горящий конец на орду мертвецов. Сначала искры и яркий свет одной только дубинки отогнали чудовищ и освободили путь дворфу, и Пайкел побежал вперед. Но, что более важно, падающие искры поджигали разлитый виски, а ничто не горело так ярко, как виски из Кэррадуна!

Дворф продолжал бежать, волшебная дубинка рассыпала искры, и вокруг в ответ поднимались языки пламени.

Несмотря на боль и усталость, несмотря на страх за братьев, Ханалейса не удержалась и хихикнула, когда Пайкел пробежал мимо нее, хлопая обрубком руки, словно раненая утка. Он не просто бежал — он подпрыгивал при каждом шаге.

В памяти на мгновение всплыл образ пятилетнего Рорика, вприпрыжку носившегося вокруг маминого сада в Храме Парящего Духа с бенгальским огнем в руке. Воспоминание вызвало неожиданную радость и уверенность в том, что дядюшка Пайкел все сделает как надо.

Но она быстро прогнала воспоминания и разделалась с очередным скелетом, оказавшимся по их сторону от стены огня. А потом ринулась к Тимберли. Брат уже кричал защитникам, чтобы они организованно отступали. Ханалейса достала из кармана чистый лоскут и постаралась как можно туже перевязать его разорванную руку.

И вовремя. Брат успел одобрительно кивнуть ей, а затем потерял сознание. Ханалейса

подхватила его и позвала на помощь, попросив одну из женщин взять у него меч, поскольку знала — и в этом никто не сомневался, — что оружие еще понадобится, и очень скоро.

Измученные не только физически, но и морально, защитники отступили в здание склада. Никто из них уже не надеялся, что Кэррадун переживет неожиданное и беспощадное нападение.

* * *

— Вы спасли нас всех, — сказала Ханалейса Рорику, когда они снова собрались все вместе.

— Самую опасную работу проделал дядюшка Пайкел, — сказал Рорик, указав на дворфа.

— Ду-ид. Хии-хии-хии, — произнес дворф. Потом потряс своей дубинкой, покачал лохматой головой и добавил: — Бу-ум!

— Но мы еще не спасены, — сказал Тимберли, глядя через небольшое оконце на хаос снаружи. Он снова был в сознании, но очень слаб, и его голос звучал мрачно. — Этот пожар не долго продлится.

Он был прав, но горящий виски на время прекратил битву и дал им возможность отдохнуть. Безмозглые твари не знали страха, они продолжали напирать, карабкались по своим обгоревшим собратьям и подпитывали огонь гниющей тканью и плотью.

Несколько мертвецов проскочили сквозь пламя, они уже царапали стены, отрывали доски обшивки, и вскоре огонь снаружи начал затухать.

Один из зомби, объятый пламенем, продолжал двигаться вперед и добрался до двери склада. Он даже успел поднять руки и несколько раз ударить в дверь, но затем упал и затих. К несчастью, огонь перекинулся на деревянную дверь. Это было бы еще полбеды, но в этом месте на крыше опрокинулся бочонок, и примерно треть горючей жидкости вылилась, попав на стену и дверь.

Огнем мгновенно занялся весь угол склада, и несколько человек испуганно закричали. Кто-то бросился тушить пожар, но безуспешно. Что еще хуже, склад виски был опустошен меньше чем наполовину. Этот крепкий напиток составлял основной предмет экспорта из Кэррадуна, корабли с полными бочек трюмами уходили отсюда каждые десять дней.

Паника мгновенно распространилась среди сотни людей, собравшихся в помещении склада. Огонь уже поднялся на крышу, и в некоторых местах загорелся потолок.

— Надо уходить отсюда! — раздался чей-то призыв.

— На причалы, — подхватило сразу несколько голосов, и люди бросились к задней двери.

— Ох-ох! — вздохнул Пайкел.

Тимберли закинул себе на плечо руку Рорика, и братья, тяжело опираясь друг на друга, двинулись к выходу, призывая Ханалейсу и Пайкела не отставать.

Пайкел шагнул вслед за ними, но Ханалейса, схватив дворфа за руку, потянула назад:

— Эй?

Девушка показала на ближайший полный бочонок, подбежала к нему, подняла и понесла к передней двери, где снаружи яростно бились скелеты и зомби. Оглянувшись на Пайкела, Ханалейса стала выплескивать виски вдоль стены.

— Хи-хи-хи, — согласился дворф и тоже принес бочонок.

Сначала он поднял его ко рту, сделал приличный глоток, а потом стал поливать пол и дверь.

Ханалейса быстро осмотрела склад. Отважные горожане не утратили присутствия духа и покидали помещение быстро, но без лишней суеты и давки.

В складе становилось все жарче. С потолка сорвалась обгоревшая балка, и по полу тоже побежало пламя.

— Хана! — закричал Рорик от задней стены.

— Уходите! — откликнулась Ханалейса. — Дядя Пайкел, уходим!

Дворф подбежал к ней, они перепрыгнули через горящую балку и метнулись к двери.

С потолка снова посыпались горящие обломки, и политая виски боковая стена вспыхнула от пола до самого потолка.

Но Ханалейса, добежав до задней двери, вдруг поняла, что скелеты и зомби так и не прорвались внутрь.

— Беги! — приказала она Пайкелу и вытолкнула его из склада.

К ужасу дворфа, к ужасу братьев и всех, кто это видел, Ханалейса развернулась и бросилась обратно, вглубь горящего здания.

Горячий дым забивал ноздри и жег глаза. Она едва могла что-то видеть, но хорошо знала, куда идти. Перепрыгнув через догоравшую балку, Ханалейса тут же пригнулась и кувырком перекатилась по полу, увернувшись от второго бревна, упавшего сверху.

Она благополучно добралась до передней двери, но в этот момент вспыхнул стоявший неподалеку бочонок. Образовавшийся огненный шар воспламенил другие бочки. Ханалейса, собрав все силы, ударила ногой по тяжелому засову, запиравшему дверь. Она услышала, как дерево затрещало от удара, и это было неплохо, потому что на повторный удар времени уже не осталось. В этот момент воспламенился виски, которым они с Пайкелом поливали пол, и Ханалейсе, чтобы не сгореть заживо, пришлось поспешно отбежать назад.

Но дверь уже распахнулась, и мертвецы, движимые ненасытным голодом, повалили внутрь.

Оставленные бочонки загорались один за другим, и вскоре обвалилась чуть ли не половина крыши, но Ханалейса упорно заставляла себя двигаться к выходу. В дыму почти ничего не было видно, и она споткнулась о горящее бревно, больно ударив ногу.

Но быстро отползла и снова поднялась на ноги.

Пожар бушевал, и в нее со всех сторон летели горящие щепки. Дым стал таким густым, что нечем стало дышать. Она не видела, где находится дверь. Ханалейса сильно хромала, но не могла позволить себе остановиться. Рванувшись вперед, она наткнулась на сложенные в штабель поддоны и опрокинула их.

Она ничего не видела, не могла дышать, уже не знала, где выход, но понимала, что любая ошибка приведет к неминуемой смерти.

Ханалейса повернула вправо, потом влево, шагнула в сторону и в растерянности остановилась. Потом закричала, но голос потонул в реве пламени.

И тогда страх сменился смирением. Она знала, что обречена. Что ее идея была осуществлена ценой жизни.

Так тому и быть.

Девушка упала на четвереньки и подумала о своих братьях. Она надеялась, что обеспечила им достаточно времени, чтобы уйти. Дядюшка Пайкел сумеет вывести их в безопасное место, решила она и покорно кивнула.

* * *

К чести Бренора, он не произнес ни слова. Но Тибблдорф Пуэнт и Дзирт не могли не заметить его беспокойных, настороженных взглядов, обращенных то на Джарлакса, то на Атрогейта, мелькавших среди деревьев на своих волшебных скакунах.

— У него есть задатки «мясника», — заметил Пуэнт, сидевший на козлах рядом с Бренором, тогда как Дзирт шел рядом с повозкой. Командир «веселых мясников» указал в сторону Атрогейта. — Слишком чистый, на мой взгляд, но мне нравится его кабан. А какие кистени!

— Разве «мясники» якшаются с дроу? — спросил Бренор.

Пока Пуэнт обдумывал его колкость, вмешался Дзирт:

— Иногда.

— Ба, эльф, ты не дроу и никогда им не был, — возразил Бренор. — Ты знаешь, что я

имел в виду.

— Знаю, — кивнул Дзирт. — Ты не хотел никого обидеть, и я все понял. Но и Джарлак не такой, каким ты представляешь себе наш народ.

— Но он не Дзирт.

— И Закнафейн им тоже не был, если уж на то пошло. Но я уверен, король Бренор с радостью принял бы в Мифрил Халле моего отца.

— А этот незнакомец в родстве с твоим отцом?

Дзирт посмотрел, как Джарлак в лесу управляется со своим демоническим конем, и честно пожал плечами:

— Мне говорили, что они были дружны между собой.

Бренор немного помолчал и тоже бросил взгляд на странное существо в чудовищно огромной шляпе, каким ему казался Джарлак. Ограниченному дворфу все в нем казалось странным, все говорило о том, что он чужой.

— Я все-таки в нем не уверен, — проворчал король дворфов. — Моя девочка в беде, а ты хочешь, чтобы я доверял таким, как этот Джарлак и его приятель-дворф.

— Это верно, — согласился Дзирт. — И я не могу сказать, что не испытываю опасений.

Дзирт подпрыгнул и ухватился за спинку сиденья, намереваясь немного проехать в повозке. Затем он в упор посмотрел на Бренора, требуя его полного внимания.

— Но я знаю и то, что, если бы Джарлак хотел нашей смерти, мы уже бродили бы по Долине Фуги. Если бы не помощь Джарлакса, мы с Реджисом не смогли бы выбраться из Лускана. И еще много лет назад мы с Кэтти-бри не ускользнули бы из Мензоберранзана, не будь на то воли Джарлакса. Я не сомневаюсь, что дело не только в его заботе о Кэтти-бри или в желании нам помочь.

— У него самого есть проблемы, — сказал Бренор. — И можешь назвать меня бородатым гномом, если все его трудности состоят только в том, что он должен удостовериться в окончательном уничтожении Хрустального Осколка.

— Очень может быть, — не стал спорить Дзирт. — Но даже если это и так, с таким союзником, как Джарлак, наши шансы гораздо больше. Если бы он не подослал в Мифрил Халл своего приятеля, мы даже не повернулись бы в сторону Храма Парящего Духа и Кэддерли.

— Он просто хотел нас выманить! — довольно громко воскликнул Бренор.

Дзирт помахал в воздухе рукой, чтобы немного успокоить дворфа.

— Ну, вот опять. Если бы единственной целью Джарлакса была наша уязвимость, он устроил бы засаду сразу за воротами Мифрил Халла, и нас бы уже давно клевали вороны.

— А может, ему что-то от тебя понадобилось, — не сдавался Бренор. — Верховные Матери из Мензоберранзана, наверное, все еще не отменили выкуп за голову Дзирта До'Урдена.

Это было весьма вероятно, и Дзирт снова оглянулся на Джарлакса. Но вскоре тряхнул головой. Если бы Джарлак добивался чего-то подобного, он сразу за пределами Мифрил Халла напал бы на повозку с превосходящими силами и легко захватил бы всех четверых или, по крайней мере, тех, кто представлял для него ценность. Но даже за пределами обычной логики в сознании Дзирта было что-то еще: мотивы и побуждения Джарлакса вызывали у него удивление всякий раз, когда Дзирт давал себе труд над ними задуматься.

— Я в это не верю, — сказал Дзирт Бренору. — Нисколько не верю.

— Ба! — с откровенным сомнением фыркнул Бренор.

Он тряхнул поводьями, заставляя упряжку бежать еще быстрее, хотя за этот день они уже преодолели пятьдесят миль, а полдень только миновал. Повозка быстро катилась вперед, демонстрируя непревзойденное мастерство дворфов.

— Значит, ты считаешь, что он просто надеется с нашей помощью встретиться с Кэддерли? Ты купился на его сказку, эльф? Ба!

Трудно было подобрать подходящий ответ на одно его «Ба!», не говоря уж о двух, но, едва Дзирт задумался, донесшийся сзади крик прервал их спор.

Все трое, обернувшись, увидели, что Кэтти-бри парит над скамьей, а ее закатившиеся глаза сверкают белизной белков. Она поднялась не настолько высоко, чтобы перелететь через задний борт, и, покачиваясь в состоянии невесомости, двигалась вместе с повозкой. Она постоянно шевелила одной рукой, словно плыла по воде, как они видели во время предыдущих припадков, а вторую вытянула вперед и крепко сжала, как будто держала меч.

Бренор резко натянул поводья и бросил их Пуэнту, перескочив через спинку сиденья раньше, чем тот успел их поймать. Но Дзирт уже перепрыгнул через борт и схватил Кэтти-бри за руку, не давая ей удариться о поручень. Второй рукой дроу остановил Бренора и стал внимательно наблюдать за Кэтти-бри, пытаясь понять, что происходит перед ее мысленным взором.

Ее глаза вернулись в нормальное положение, снова открыв глубокую голубизну.

Правая рука Кэтти-бри дернулась вперед, и женщина поморщилась. Казалось, она смотрела прямо перед собой, но определить наверняка было трудно. Вытянутая вперед рука медленно повернулась, как будто воображаемый меч опустил острiem к земле. Потом Кэтти-бри отдернула руку назад, видимо стряхивая что-то с кончика клинка. Ее дыхание стало коротким и прерывистым. По щеке прокатилась одинокая слеза.

— Я убила ее, — негромко произнесла Кэтти-бри.

— О чем это она? — спросил Бренор.

Дзирт поднял руку, призывая дворфа к молчанию, и стал наблюдать дальше. Подбородок Кэтти-бри опустился, словно она смотрела в землю, потом она опять подняла голову, глядя на воображаемый меч.

— Уверен, она видит кровь, — прошептал Бренор.

Он услышал, как застучали копыта коня, когда подъехал Джарлак, а потом и Атрогейт, но не отвел взгляда от своей любимой девочки.

Кэтти-бри громко шмыгнула носом, стараясь выровнять дыхание, и по ее щекам прокатилось еще несколько слезинок.

— Она смотрит в будущее или в прошлое? — спросил Джарлак.

Дзирт неуверенно покачал головой, хотя, по правде говоря, почти наверняка знал, какую сцену переживает его любимая.

— Она ведь была наверху и чуть не перелетела корму. Не мне говорить, но не надо глупить.

На этот раз король Бренор повернул голову и бросил в сторону дворфа полный ненависти взгляд.

— Прошу прощения, добрый король Бренор, — извинился Атрогейт, — но я так думаю.

Кэтти-бри зарыдала и задрожала всем телом. Дзирт решил, что видел уже достаточно. Он обнял женщину, прижал ее в груди и стал что-то шептать ей на ухо.

И вдруг мир вокруг дроу потемнел. На одно мгновение он увидел жертву Кэтти-бри, женщину в одеянии мага Главной Башни Гильдии Чародеев — волшебницу по имени Сидния, которую он знал, как знал и о том случае, который только что воспроизвела Кэтти-бри.

Не успел он полностью осознать, что видел тело первой реальной жертвы Кэтти-бри, первый случай, когда кровь убитого ею человека брызнула на ее кожу, как мысленное видение померкло, и он стал погружаться в царство смерти и...

Дзирт не знал, куда именно. Он тревожно оглядывался, но не видел ни повозки, ни Бренора, а только странную равнину, едва освещенную, испещренную глубокими тенями. Темно-серый, почти черный туман двигался ему навстречу, подгоняемый неощутимым ветерком.

И в этом незнакомом месте они напали на него — темные плотные существа, похожие на уродливых троллей, которые передвигались при помощи длинных жилистых лап и скалили острые зубы.

Дзирт быстро повернулся спиной к Кэтти-бри и, как только первое чудовище

протянуло к нему свои когти, выхватил меч. Даже блеск Сверкающего показался ему слишком темным. Но первый же выпад достиг цели, и клинок выполнил свою работу, отрубив руку монстра по локоть. Дзирт подался вперед и погрузил в тело темной твари клинок Ледяная Смерть.

Он быстро вернулся на место, обернулся и, к своему ужасу, обнаружил, что Кэтти-бри исчезла. Он пробежал несколько шагов, но на кого-то наткнулся, споткнулся и покатился по земле. Вернее, попытался сделать кувырок, но оказалось, что земля на несколько футов ниже, чем он рассчитывал, и Дзирт, стукнув зубами, тяжело упал на спину.

Темные твари мгновенно окружили его, но Дзирт отчаянно отбивался. Он сумел подняться на ноги и высоко подпрыгнул, пытаясь избежать их острых зубов и когтей.

Приземлившись, Дзирт обрушился на врагов со всей яростью. Оба меча сверкали один над другим, кололи и рубили во всю мощь, и проклятые твари замертво отлетали, оглашая воздух визгом и воплями.

— Кэтти-бри! — закричал Дзирт.

Он не видел ее, но знал, что ее утащили злобные уродливые существа.

Он шагнул вперед, но услышал оклик с правой стороны и повернулся на зов, но в этот момент получил жестокий удар, словно какое-то существо высоко подпрыгнуло и обрушилось на него с невероятной силой.

Он отлетел назад не менее чем на десять шагов, по пути выронил меч и ударился обо что-то твердое, возможно о ствол дерева. А потом обнаружил, что не может двигаться. Как будто уродливые твари или то, что его ударило, превратилось в клейкую массу и сковало его с ног до головы. Он едва мог шевельнуть одной рукой, ничего не видел и даже дышал с трудом.

Дзирт изо всех сил старался вырваться и отыскать Кэтти-бри, но чувствовал, как черные существа все плотнее смыкаются вокруг него.

Глава 9 ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Вспыхнул свет. Яркий луч маяка прорезал густой дым и поманил ее за собой. Ханалейса ощутила его чудесное тепло, так сильно отличавшееся от жгучих укусов огня. Свет звал ее к себе, словно обладал волшебной притягательной силой. И когда она, наконец, вырвалась за дверь и вместо клубов дыма увидела перед собой причал, Ханалейса нисколько не удивилась, увидев там дядюшку Пайкела и его волшебную дубинку с ярко сиявшим наконечником. Она попыталась поблагодарить дворфа, но только закашлялась от дыма. Едва не теряя сознания, она все же сделала еще шаг и крепко обняла Пайкела, а подошедшие братья с двух сторон похлопали ее по спине, чтобы помочь справиться с дымом.

Прошло немало времени, пока Ханалейса перестала кашлять и выпрямилась. Пайкел поспешил отвести всех подальше от склада, где еще взрывались оставшиеся бочонки с виски.

— Зачем ты туда пошла? — возмущенно спросил ее Рорик, когда миновала непосредственная опасность. — Это было так глупо!

— Та-ат, — посетовал Пайкел и погрозил ему пальцем.

С оглушительным грохотом обвалилась еще часть крыши, увлекая за собой секцию стены. В образовавшийся проем стало видно, как безмозглые мертвецы продолжали ломиться в открытую Ханалейсой дверь. И тотчас падали, объятые пламенем.

— Она заманила их внутрь, — объяснил Тимберли своему младшему брату. — И обеспечила нам необходимое время.

— Что же они делают?! — все еще прерывая слова кашлем, воскликнула Ханалейса, взглянув поверх голов братьев на причал.

Ответ напрашивался сам собой, и ее восклицание скорее было выражением изумления, чем недоумением. Люди отчаянно толкались вокруг двух небольших рыбацких судов, стоявших у причала.

— Они хотят переправиться через озеро на северный берег, к Бьернадину, — сказал Тимберли, имея в виду ближайшую к Кэррадуну прибрежную деревушку.

— У нас нет на это времени, — возразила Ханалейса.

— У нас нет выбора, — напомнил Тимберли. — Они собрали лучших моряков. И надеются пригнать оттуда еще лодок.

На причале поднялся крик. Потом отчаявшиеся горожане стали толкаться и драться между собой за право попасть на одно из первых суденышек.

— Только моряки! — кричал один из оказавшихся на борту, поскольку первоначально решили переправить через озеро экипажи рыбацких судов, чтобы они могли быстро пригнать дополнительные лодки.

Но операция пошла совсем не так, как было задумано.

— Отчаливай! — кричали люди с палубы первого судна, тогда как другие все еще прыгали с причала, стараясь попасть на борт.

— Там слишком много людей, — прошептала Ханалейса своим спутникам.

И действительно, маленькая рыбацкая шхуна, всего двадцать футов длиной, не могла перевезти такую толпу, что собралась на ее палубе. И все же концы были отданы, и судно отошло от причала. Несколько человек бросились в воду, пытаясь догнать шхуну вплавь, и кое-кто даже успел уцепиться за поручни, едва выступавшие из холодных вод Импреска.

Вторая шхуна тоже отчалила, но она не была так сильно перегружена и, как только отошла от берега, подняла прямоугольные паруса. А на первом судне собралось столько народу, что члены экипажа не могли даже добраться до такелажа. Первая шхуна сильно накренилась и шла неуклюжими зигзагами, заставляя оставшихся на берегу людей тревожно перешептываться. Кроме того, из-за неустойчивости судна снова разгорелись споры на борту, и поднялся крик.

На берегу многие уже качали головами и с минуты на минуту ожидали катастрофы, как вдруг ситуация ухудшилась еще больше. Оставшиеся в воде люди начали отчаянно кричать и метаться. Со дна озера поднялись скелеты рыб и, словно брошенные ножи, с силой вонзались в тела пловцов. Шхуна качнулась, когда державшиеся за поручни люди внезапно разжали руки, — вода вокруг забурилась и окрасилась кровью.

А потом, словно по чьему-то приказу, поднялись погибшие моряки. Костлявые руки вцепились в поручни низко сидящих на воде шхун, и давно утонувшие моряки начали подниматься на борт, а люди завопили от ужаса.

Несколько человек в панике бросились за борт с первой шхуны. Судно сейчас же накренилось и опасно вильнуло, потеряв управление. Перепуганный экипаж второй шхуны не смог вовремя отреагировать и отвести свой корабль в сторону. Они столкнулись с оглушительным треском, и обреченные пассажиры отчаянно завопили от страха. Скелеты погибших моряков уже завладели палубой, и людям ничего не оставалось, как бросаться в озеро и пытаться добраться до берега вплавь.

Люди давным-давно освоили берега озера Импреск, и его воды видели смену тысяч и тысяч поколений. Все дно в глубине вод зашевелилось от поднимавшихся мертвецов, а рыбы скелеты набрасывались на барахтавшихся в воде горожан целыми стаями.

Те же, кто остался на причале, и в их числе Ханалейса с братьями и Пайкел, могли только в ужасе смотреть на происходящее, потому что ни один из восьмидесяти с лишним человек, отплывших на шхунах, не добрался до берега живым.

— Что теперь делать?! — закричал Рорик.

Его лицо блестело от слез, а слова едва можно было разобрать из-за душивших юношу рыданий.

Каждый, кто остался на причале, задавал себе тот же самый вопрос. А потом с треском и грохотом рухнуло здание склада. Благодаря уловке Ханалейсы в пламени погибло множество скелетов и зомби, но оставалось их еще больше. А горожане на причале оказались в ловушке, прижатыми к озеру, куда не решались войти.

Остатки дисциплины рухнули окончательно, самые отчаявшиеся стали разбегаться на

север и на юг от причала. Экипажи нескольких рыбацких лодок сумели объединиться, чтобы попытаться пройти вдоль берега, и в надежде на защиту к ним присоединились некоторые горожане.

Многие смотрели на детей Кэддерли и Даники, которых считали героями и покровителями всей окрестной территории. А они, в свою очередь, обратились за поддержкой к своему единственному защитнику — дядюшке Пайкелу.

Пайкел Валуноплечий с радостью принял возложенную на него ответственность и ткнул култей в небо. Потом он зажал под ней волшебную дубинку и стал перепрыгивать с места на место, одновременно ударяя себя пальцем по губам и время от времени повторяя: «Умм. Умм».

— Ну и что дальше?! — вскричал капитан рыбацкой лодки.

Вокруг Пайкела и троих его спутников уже собрались все, кто еще оставался на пристани.

— Мы найдем место, где можно будет защищаться, — сказал Тимберли, после того как в поисках ответов тщетно оглянулся на Пайкела. — Здесь оставаться нельзя. Надо найти какую-нибудь узкую улочку.

— Ух-ух, — возразил Пайкел, хотя люди уже собрались покинуть доки.

— Дядя Пайкел, нам нельзя здесь больше оставаться! — закричал Рорик, но дворф лишь невозмутимо улыбнулся ему в ответ.

А потом зеленобородый дворф закрыл глаза и стал постукивать своей палкой по настилу, словно прислушиваясь к земле. Он повернулся налево, к северу, потом нерешительно развернулся, немного постоял и, снова повернув на север, быстро зашагал вдоль берега.

— Что он делает?! — воскликнул капитан, и многие повторили его вопрос.

— Не знаю, — ответил Тимберли.

Но после этого они с Рориком снова оперлись друг на друга и зашагали вслед за Пайкелом.

— Мы не можем слепо доверять глупому дворфу! — запротестовал капитан.

— Тогда вы наверняка погибнете, — заявила Ханалейса без колебаний.

Ее слова, вероятно, подействовали на людей, поскольку все дружно устремились вслед за Пайкелом. А дворф, покинув территорию доков, вышел на северный берег и быстро двинулся дальше, к темным скалам, что прикрывали гавань Кэррадуна от северного ветра.

— Мы не сможем перебраться через эти скалы! — раздалась чья-то жалоба.

— Мы слишком близко к воде! — закричала одна из женщин.

И в самом деле, через мгновение три скелета моряков высунулись из воды. После этого Ханалейса, Тимберли и остальные воины стали внимательно следить за правым флангом.

Всю дорогу до очевидного тупика они проделали по каменистой тропе, пока после отлогого подъема не вышли к обрыву, под которым виднелось небольшое озеро, и торчали острые камни.

— Превосходно! — заорал капитан рыбацкой лодки и шагнул к Пайкелу. — Ты всех нас погубил, глупый дворф!

И его слова были похожи на правду, поскольку ожившие мертвецы уже пустились в погоню, а дальше людям двигаться было некуда.

Но Пайкела это не беспокоило. Он встал на краю обрыва, рядом с раскидистой сосной, закрыл глаза и нараспев прочел друидское заклинание. Дерево в ответ опустило одну ветку.

— Хип-хип-хип, — довольно произнес Пайкел, открыл глаза и подвинул ветку к стоявшему рядом Рорику.

— Что это? — удивился юноша.

Пайкел кивнул на обрыв, а потом направил взгляд Рорика на пещеру на противоположном берегу озера.

— Ты хочешь, чтобы я туда прыгнул? — недоверчиво спросил Рорик. — Ты хочешь отправить меня вниз?

Пайкел кивнул и легонько подтолкнул его к обрыву.

Рорик не удержался от крика, но послушное дерево доставило его — мягко, словно мать, укладывающая младенца в колыбель, — до каменного выступа у входа в пещеру. Там он подождал, пока спустились капитан и еще двое горожан, а потом вошел внутрь.

Пайкел покинул обрыв последним, когда к нему уже подступала толпа скелетов и зомби. Несколько чудовищ прыгнули вслед за ним, но тотчас упали и разбились о торчавшие внизу камни.

Пайкел со своим ярко горевшим посохом возглавил образовавшуюся группу и повел людей вглубь пещеры. Сначала она представляла собой высокий и неглубокий зал, по щиколотку залитый водой. Но инстинкт дворфа и магический разговор с землей сослужили свою службу. В задней части пещеры обнаружился наклонный проход, уходивший вглубь прибрежных скал, а потом и в горы Снежные Хлопья.

Около полусотни уцелевших жителей Кэррадуна, из которых половина была способна на борьбу, а остальные либо слишком стары, либо слишком малы, чтобы держать оружие, углубились в темноту. Вскоре после того, как они вошли в пещеру, обнаружилось пригодное для обороны место. Коридор сужался до узкой горловины, а за ней открывалась следующая пещера.

Здесь было решено сделать первый привал. Часовых поставили у прохода, завалив его для верности огромным валуном, и у каждого из двух выходов, идущих дальше в горы.

В адрес дядюшки Пайкела больше не прозвучало ни одной жалобы.

* * *

Джарлакс убрал волшебную палочку и крикнул Атрогейту:

— Следи за его лицом!

Дроу спрыгнул с коня сразу на задний борт повозки, пролетев мимо стоявшего на одном колене Бренора. Король дворфов крепко сжимал правой рукой рану на левом плече, пытаясь остановить кровотечение.

Сверкающий пробил прекрасную броню и глубоко вонзился в мышцы плеча.

Джарлакс схватил Кэтти-бри как раз в тот момент, когда она от толчка мечущегося Дзирта едва не вылетела за борт повозки. Дроу обнял ее, прижал к себе, как недавно делал Дзирт, и внезапно ощутил, что погружается в пучину безумия. Джарлакс узнал это искривление пространства, но волшебная повязка на его глазу предотвратила падение. Он продолжал держать Кэтти-бри в своих руках, что-то шептал ей, а женщина громко всхлипывала. Постепенно ему удалось опустить ее на дощатый настил и усадить, прислонив спиной к боковой стенке.

Отвернувшись, он покачал головой, глядя, как Тибблдорф Пуэнт разрывает окровавленный рукав Бренора.

— Ах, мой король, — причитал суровый воин.

— Он дышит! — крикнул с обочины Атрогейт, где Дзирт был накрепко приклеен к дереву вязким зарядом, пущенным Джарлаксом при помощи волшебной палочки. — Он сражается и бьется, но, хоть и не двигается, все же на удар напрашивается!

— Не вздумай, — предостерег его Джарлакс, заметив, что и Бренор, и Пуэнт одновременно повернули головы в сторону Атрогейта, а потом уставились на него.

— Что же случилось? — спросил Бренор.

— Я не знаю, что произошло с твоей дочерью, — признался Джарлакс. — Но когда я взял ее на руки, меня через нее потащило в темноту. — Он искоса взглянул на Дзирта. — В то место, где, боюсь, до сих пор остается наш друг.

— Реджис, — негромко пробормотал Бренор. Он снова посмотрел на Джарлакса, но дроу, погрузившись в размышления, устремил взгляд куда-то вдаль. — Что тебе об этом известно? — потребовал ответа Бренор.

Но Джарлакс только покачал головой.

Он повернулся к Кэтти-бри и мысленно вернулся к тому путешествию, которое проделал, когда прикоснулся к ней. Он был уверен, что это не просто видение. Похоже, его мысли обратились к другому уровню существования — к Уровню Теней, возможно, или к какой-то другой области, куда он надеялся больше никогда не возвращаться.

Но даже за это короткое время Джарлакс погрузился не полностью, как будто этот темный уровень и Первый материальный Уровень накладывались друг на друга и между ними открылась загадочная и опасная расселина.

Он вспомнил призрака, который следил за ним по приказу Гефестуса, и о межпространственном переходе, наброшенном на это существо, и об открытой ненароком щели в Астральный Уровень.

Мог ли этот призрак, это сгорбленное существо, физически переноситься между Торилом и темным уровнем?

— Это возможно, — негромко произнес дроу.

— Что? — хором спросили Бренор и Пуэнт.

Джарлакс посмотрел на них, но опять покачал головой. Он пока не знал, как объяснить то, что, по его мнению, могло произойти.

* * *

— Он успокаивается! — крикнул из-под дерева Атрогейт. — Спрашивает о девочке и говорит со мной.

С помощью Пуэнта Бренор поднялся на ноги и вместе с дроу и дворфом подошел к Дзирту.

— Как ты себя чувствуешь, эльф? — спросил король, подойдя к Дзирту, который оставался совершенно беспомощным и плотно приклеенным к дереву.

— Что случилось? — ответил вопросом дроу, глядя на перевязанную руку Бренора.

— Просто царапина, — заверил его Бренор.

— Ба! На два пальца выше, и ты снес бы ему голову! — вмешался Атрогейт, вызвав сердитые взгляды Бренора и Джарлакса.

— Я?! — воскликнул Дзирт, но тотчас замолчал и смущенно нахмурился.

— Точно как в Мифрил Халле, — проворчал Бренор.

— Теперь я знаю, куда угодил Реджис.

Темный жрец поднял голову и с беспокойством посмотрел на своих друзей. Бренору стало ясно, что теперь он еще сильнее переживает за хафлинга. Но когда взгляд Дзирта переместился на Кэтти-бри, его лицо буквально исказилось от страха. Если Реджис ненароком угодил в темный мир и был там заперт, то Кэтти-бри находилась на грани двух миров.

— Ты же вернулся, эльф, вернется и наш малыш, — попытался успокоить его Бренор.

Но Дзирт не был в этом уверен. Он сам лишь чуть-чуть прикоснулся к миру Теней, а Реджис со своим рубином проник в глубины мысленного плена Кэтти-бри.

Джарлакс слегка повернул запястье, и в его руке появился кинжал. Он жестом приказал Атрогейту отойти, а сам нагнулся и стал осторожно вырезать Дзирта из плена.

— Если еще раз надумаешь сходить с ума, пожалуйста, предупреди меня заранее, — сказал Джарлакс Дзирту и подмигнул.

Дзирт ничего не ответил и даже не улыбнулся. И лицо дроу помрачнело еще сильнее, когда Атрогейт протянул ему потерянный меч, покрасневший от крови лучшего друга.

ПОИСКИ ТРЕЩИНЫ

Часть

2

Я знаю, что она испытывает постоянные мучения, и не могу до нее добраться. Я заглянул в темноту, где она заключена, в бездну теней, более мрачную, чем нижние уровни. Она затащила меня, хоть и не преднамеренно, когда я пытался немного ее утешить, и за это короткое время я едва не сломался.

Так же непреднамеренно она затянула туда Реджиса, когда он пытался достучаться до нее при помощи волшебного рубина, и хафлинг не выдержал. Он бросил веревку тонущей Кэтти-бри, чтобы ее спасти, а вместо этого сам погрузился в пучину безумия.

Она потеряна для меня, и, боюсь, навеки. Кэтти-бри затерялась в забвении, в абсолютной пустоте, в состоянии безразличия и бездеятельности. А те редкие случаи, когда она частично пробуждается, доставляют мне еще более сильную боль, поскольку еще отчетливее выявляют глубину ее иллюзий. Она как будто заново проживает свою жизнь по частям, заново просматривает ключевые моменты, сформировавшие эту прекрасную женщину, которую я люблю всем сердцем. Она снова стояла на склоне Пирамиды Келвина в Долине Ледяного Ветра, снова переживала нашу первую встречу, и, хотя для меня это одно из самых драгоценных воспоминаний, видеть это событие далекими глазами моей возлюбленной слишком мучительно.

Какой же одинокой чувствует себя моя любимая Кэтти-бри, когда весь мир вокруг нее разрушен?

И Реджис, бедный Реджис. Я не знаю, насколько глубоко погрузилась в темноту Кэтти-бри, но мне совершенно ясно, что Реджис полностью ушел в это обиталище теней. Я могу засвидетельствовать глубину его падения, как может и Бренор, у которого на плече остался шрам от моего меча, пока я сражался с воображаемыми чудовищами. А были ли они воображаемыми? Я не могу даже предполагать. Но для Реджиса это праздный вопрос, поскольку для него они определенно реальные, они окружают его со всех сторон, беспрестанно тянут к нему свои когти, ранят и мучат его.

Мы все четверо — Бренор, Кэтти-бри, Реджис и я — типичные представители своего мира. Падение Лускана, неудача капитана Дюдермонта, появление Обальда — все эти события были лишь предвестниками. А теперь мы становимся свидетелями разрушения того, что считали незыблемым и вечным, — разрушения Пряжи Мистры. Колоссальное значение этой катастрофы можно прочесть на лице обычно спокойной леди Аластриэль. Возможные последствия отображаются в безумии Реджиса, отчуждении Кэтти-бри, в том, что я сам едва не лишился рассудка, в шраме на плече короля Бренора.

Не только чародеи Фаэруна ощутят на себе всю тяжесть этих перемен. Как будут лечиться болезни, если боги не услышат отчаянных молений своих жрецов? Как будут общаться короли разных государств со своими союзниками и соперниками, если процессы прорицаний и телепортации станут слишком длительным и трудным делом? Насколько слабее станут армии и караваны, насколько беспомощнее станут маленькие города, лишившись поддержки знатоков магии? И что ожидает основные расы Фаэруна, такие как гоблины и орки, в случае значительного ослабления эффективности волшебства? Как смогут друиды заботиться о своих полях? Какие чудеса поддержат и уберегут диковинные сооружения нашего мира? Или они падут в этой катастрофе, как пала Главная Башня Гильдии Чародеев и давно потерянный для нас Неферил?

Не так давно я беседовал с гномом Нанфудлом из Мифрил Халла. Мы вспомнили его гениальную идею направить взрывчатый газ в туннель под горной грядой, где союзники

Обальда установили свою артиллерию. Блестящая выдумка гнома и его помощников-дворфов, которая помогла взорвать горы эффективнее, чем самый мощный магический заряд могущественного Эль-минстера. Нанфудла можно скорее назвать последователем бога Гонда, бога изобретений, а не знатоком Искусства. Я спрашивал его об этом, интересуясь, почему он возится со своими приспособлениями, когда таких же результатов можно достичь, просто прикоснувшись к Пряже.

Ответа я, конечно, не получил, поскольку это не в привычках Нанфудла. Вместо этого он пустился в философские рассуждения о кажущемся комфорте и нашей зависимости от «того, что есть».

Еще никогда смысл его выражения не был для меня так ясен, как сейчас, когда я вижу, как «то, что есть» вокруг нас постепенно разрушается.

Разве знают крестьяне вокруг больших городов Фазруна, таких как Глубоководье и Серебристая Луна, как возделывать поля без помощи магии друидов? Смогут ли они сами удовлетворить запросы огромного населения? И это лишь верхушка проблем, которые возникнут, если волшебство исчезнет окончательно! Даже система канализации в Глубоководье, созданная многими поколениями и поддерживаемая усилиями магов, которые призывают элементаров, чтобы очистить город от отходов, станет огромной проблемой. Исчезнут элементаров, и что тогда?

А Калимпорт? Реджис не раз рассказывал мне, как много там живет людей, намного больше, чем могут прокормить окружающие его пустыни и океан. Но баснословно богатые наши к естественным источникам прибавили источники магические, и городские рынки не оскудевают благодаря работе многочисленных жрецов и магов, которые доставляют продукты из самых отдаленных земель посредством телепортации.

Какая катастрофа разразится, если исчезнет их поддержка?

И я не могу не вспомнить о своем родном городе, о Мензоберранзане. Только магия удерживает кобальдов в повиновении, только магия обеспечивает безопасность великих Домов от их соперников, и только при помощи магии удерживаются все нити этого сообщества. Говорят, что богине Ллос нравится хаос и если магия исчезнет, она получит его в избытке!

Сообщества нашего мира развивались не одно столетие. Имеющаяся система создавалась многими поколениями, и, боюсь, в процессе этой эволюции мы давно позабыли основы структур человеческого общества. Что еще хуже, даже попытки заново научиться этим принципам вряд ли помогут сделать наши земли более плодородными, чем магические приемы. Такие города, как Калимпорт, никогда не смогут самостоятельно удовлетворить свои нужды.

Да и сам мир в целом не достигнет такого единения мыслей и целей, как сейчас. Потому что сейчас люди путешествуют и общаются с представителями далеких земель гораздо чаще, чем в давно забытые времена. Купцов из Врат Бальдура часто видят в Глубоководье и наоборот. Их караваны при поддержке магов странствуют, преодолевая огромные расстояния. А это значит, что вероятность войн между могущественными государствами уменьшается. Если жители Врат Бальдура нуждаются в результатах труда ремесленников и фермеров Глубоководья, вряд ли они решат пойти войной на этот город!

А что произойдет, если магия рухнет? Что произойдет, если «то, что есть» внезапно исчезнет? Как мы выживем, если исчезнут источники питания, если вмешательство богов не остановит болезни?

Станут ли люди всего мира объединяться, чтобы построить новые структуры в новой реальности для удовлетворения своих нужд?

Или мир постигнет катастрофа невиданного доселе масштаба?

Боюсь, последнее предположение вернее. Исчезновение «того, что есть» разделит мир и вызовет войны, и цивилизация сохранится лишь в отдельных районах, защищенных от вторжения безумия.

Я беспомощно наблюдаю за отчужденностью Кэтти-бри и безумием Реджиса, смотрю на раненое плечо Бренора и боюсь, что вижу перед собой будущее.

Дзирт До'Урден

Глава 10 БОРОДАТЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ

— Ты что-то слишком радуешься такому простому трюку, — сказал Гефестус своему компаньону в пещере к югу от Храма Парящего Духа.

— Все дело в эффективности и целесообразности, дракон, а не в удовольствии, которого я совсем не испытываю, — ответил Яраскрик голосом Айвена Валуноплечевого, чье тело иллитид избрал местом своего пребывания, по крайней мере, частичного.

Каждый, кто знал Айвена, удивленно почесал бы затылок, услышав в его скрипучем голосе странный акцент. А, присмотревшись повнимательнее, изумился бы еще больше, поскольку Айвен стоял слишком спокойно: вопреки обыкновению, он не дергал себя за желтую бороду, не переминался с ноги на ногу, не похлопывал себя ладонями по бедрам или груди.

— Я по-прежнему остаюсь внутри тебя, — добавил Яраскрик. — Гефестус, Креншинибон и Яраскрик — это одно целое. Контроль над этим дворфом позволяет мне выражать свои мысли вслух, хотя вряд ли это так уж необходимо.

— Конечно, ты же читаешь каждую мою мысль, — подтвердил дракон без тени сарказма. — Зато часть своего сознания используешь в качестве щита, чтобы скрыть от меня свои мысли.

Дворф поклонился.

— Ты этого даже не отрицаешь? — спросил Гефестус.

— Я весь в твоём сознании, дракон. Ты знаешь то, что знаю я. И любые обращенные ко мне вопросы имеют лишь риторическое значение.

— Но мы теперь не полностью едины, — возразил дракон, вызвав усмешку у дворфа. Дракон явно был растерян. — У тебя же хватит ума распахнуть свои мысли по разным закоулкам мозга и кое-что припрятать под личиной этого уродливого дворфа, не так ли?

Яраскрик в теле Айвена снова отвесил поклон:

— Ты мне льстишь, великий Гефестус. Поверь, мы связаны неразрывно. Я не могу причинить тебе вред, не навредив себе, поскольку все, что задевает одного, задевает и другого. Ты ведь и сам понимаешь, что это так.

— Тогда зачем ты подобрал этого дворфа, зачем нужен этот заместитель?

— Отчасти он нужен для тебя, поскольку ты никогда не испытывал такой тесной мысленной связи, — ответил иллитид. — И ты можешь испытать неудобство, не понимая, где кончается один голос и начинается второй. Так мы, того и гляди, дойдем до борьбы за контроль над телом, в котором оба живем, и будем до изнеможения спорить о каждом простейшем движении. Лучше я пока побуду здесь.

— Как скажешь.

— Загляни в себя, Гефестус.

Дракон послушно сосредоточился и долгое время не отвечал. Наконец он взглянул на дворфа в упор и признал:

— Это неплохая идея.

Яраскрик опять поклонился. Затем перевел взгляд на другой угол пещеры, где находились ожившие тела бальдурианских жрецов и пара сгорбленных фигур, прятая в самой глубокой тени.

— Вот и Креншинибон собрал свои составные части, — произнес иллитид голосом дворфа.

Прежде чем Гефестус успел что-то ответить, вперед вышел Фетчигрол.

— Мы и есть Креншинибон, — сказал призрак. — Сейчас мы существуем в разных телах, нас разъединила выпавшая из Пряжи нить, но мысленно мы составляем одно целое.

Гефестус качнул огромной головой, но Яраскрик, ощущавший в последние дни странные изменения, не торопился соглашаться.

— Нет, не едины, — возразил иллитид. — Вы стали щупальцами одного спрута, но в ваших движениях ощущается независимость.

— Мы делаем то, что нам приказывают, — не согласился Фетчигрол, но его заявление не убедило Короля Призраков.

Иллитид был прав. Семь привидений снова обрели малую толику независимости, но никто не считал это отклонение угрозой Королю Призраков.

— Вы отличные солдаты Креншинибона, — сказал Яраскрик. — Но даже в рамках вашей собственной философии налицо стремление к независимости, что вы и доказали в горах.

Призрак негромко застонал.

— Мы существуем в двух мирах, — пояснил Яраскрик. — И благодаря Креншинибону, еще и в третьем. Самопожертвование Фетчигрола и шести его собратьев привело к тому, что вы — и мы все — способны без труда спуститься в царство смерти и вызвать бессознательных слуг, что и сделал Фетчигрол.

— Кэррадун охвачен хаосом, — раздался голос призрака, хотя темное лицо гуманоида осталось совершенно неподвижным. — А разбежавшиеся люди, как только будут убиты, пополнят наши ряды.

Яраскрик махнул рукой в сторону четверых чародеев, поднятых им после смерти. Один из них даже избежал палящего жара огненного заряда, от которого у остальных сморщились и почернели лица.

— Как же теперь легко! — воскликнул иллитид, впервые изменив своей обычной невозмутимости. — Мы могущественны даже с одной этой силой.

— Но у нас есть не только эта сила, — заметил Гефестус.

Призрачный компаньон Фетчигрола, повинуясь зову Короля Призраков, подлетел ближе.

— Орды из Царства Теней повинуются нам, стоит только позвать, — сказал Сольме. — Врата не слишком крепкие. Дверь не заперта. Ползуны изголодались по плоти Торила.

— Пока они убивают, наши ряды растут, — добавил Фетчигрол.

Яраскрик кивнул и прикрыл глаза, обдумывая дальнейшие перспективы. Любопытное стечение обстоятельств и случайное сочетание магии, интеллекта и грубой силы — Креншинибона, Яраскрика и Гефестуса — сулили практически неограниченные возможности.

Но имелась ли у них общая цель?

Покорить или разрушить? Созерцать, обдумывать, исследовать? Какие плоды приготовило им древо судьбы? Какой конец?

Рычание Гефестуса нарушило размышления Яраскрика. Открыв глаза, он прочел во взгляде дракона подозрение.

— Стоит ли немедленно решать, к чему мы когда-то придем? — с едва сдерживаемой яростью спросил дракон. — Я хочу отомстить.

Яраскрик отчетливо слышал внутренний диалог дракона, перемежаемый образами Храма Парящего Духа, где жил тот жрец, что помог уничтожить всех троих компаньонов. Именно это место притягивало к себе всю ярость и ненависть Гефестуса.

Прошлой ночью они даже пролетели над этим зданием, и Яраскрику с Креншинибоном пришлось сдерживать неистовый гнев Гефестуса. Если бы не два их голоса, звучавшие в противовес третьему, дракон в порыве злобы немедленно обрушился бы на это место.

Яраскрик не отвергал саму возможность возмездия, даже не допустив и намека на возражение.

— Прямо сейчас! — ревел Гефестус.

— Не стоит, — осторожно возразил иллитид. — Магия неустойчива, по крайней мере, колдовство, и даже магия жрецов слабеет, но это не означает, что она исчезла полностью. Она еще не покинула этот мир, хотя и стала более независимой. А этот Храм Парящего Духа битком набит могущественными жрецами и колдунами. И недооценивать силу этого собрания было бы слишком рискованно. Храм падет, и они все погибнут, но только в тщательно выбранный нами момент. И не раньше.

Гефестус испустил долгий низкий рев, но Яраскрик не опасался неконтролируемой вспышки со стороны этого существа, поскольку знал, что Креншинибон постоянно внедряет в мозг дракона свои доводы. Дракон жаждал действия, опустошительного и разрушительного, жаждал сеять смерть и уничтожать каждого, кто хоть как-то способствовал его гибели. Как и все представители расы драконов, Гефестус обладал импульсивным и взрывным характером.

А природа иллитида требовала терпения и осторожных размышлений, и никто в этом мире не обладал большим терпением, чем Креншинибон, существовавший уже целое тысячелетие.

Они одержали победу над Гефестусом и успокоили хищника. Их обещания оставить на месте Храма Парящего Духа дымящиеся руины звучали благоразумно и искренне, и Гефестус верил им, как верил, что это и его собственные мысли.

Приятное предвкушение убавляло драколича. Он ведь тоже умел терпеливо ждать. До поры до времени.

* * *

— Держите фланг! — крикнул Рорик людям, которые сражались среди валунов, загромождавших левую часть пещеры.

Они стояли по щиколотку в воде и с трудом сдерживали натиск скелетов и зомби. Оборона центральной части, охраняемой троими детьми Бонадьос и Пайкелом, не вызывала опасений. Здесь уровень воды достигал коленей, и это обстоятельство затрудняло продвижение мертвецов не меньше, чем усилия защитников.

С правой стороны профиль и изгибы туннеля тоже играли на руку защитникам. Перед ними проход немного расширялся, и дно его закрывал довольно глубокий бассейн. Скелеты и зомби, стремившиеся вперед, полностью уходили под воду, а тех, кто умудрялся выбраться на поверхность, встречали тяжелые дубинки. Этот бассейн и послужил основной причиной, по которой было выбрано место для привала, когда стало ясно, что преследователи уже отыскивали беглецов. Сначала этот вариант ни у кого не вызывал сомнений, но со временем неустанная настойчивость преследователей заставила многих людей, в том числе и Тимберли, и Ханалейсу, пожалеть о том, что они не нашли более узкого места, чем тридцатифутовое пространство.

— Они не справятся, — сказал Рорик брату и сестре в тот момент, когда Ханалейса ударом ноги сбила со скелета голову и отшвырнула ее обратно в туннель.

Ханалейсе не надо было объяснять, что это значит. Ее взгляд моментально метнулся влево, к огромным булыжникам, загромождавшим туннель. Беглецы считали, что обломки скал сослужат им службу: плотный строй преследователей расколется, и мертвецы станут обходить препятствия, но оказалось, что защитники отрезаны друг от друга и с трудом сдерживают натиск.

Ханалейса хлопнула Тимберли по плечу и бросилась в ту сторону. Не успела она сделать и пары шагов, как раздался крик Рорика. Обернувшись, Ханалейса увидела, что младший брат упал, а из раненой ноги опять хлещет кровь. Тимберли нагнулся к нему, но с громким плеском тоже рухнул на пол. Рыбий скелет, выскочив из воды, вцепился ему в лицо.

И остальные защитники средней линии тоже застонали от укусов мертвых рыб, заполонивших бассейн.

— Отступаем! — закричал кто-то. — Бежим!
— Бежать некуда! — ответил ему второй.
— Уходим в туннель! — настаивал первый, и люди зашлепали по воде, отступая вглубь пещеры.

Линия обороны была разбита.

Рорик и Тимберли одновременно поднялись на ноги. Рорик махнул рукой, призывая брата отступить. Тимберли, со сломанным носом и залитым кровью лицом, резко обернулся назад и поднял меч.

Ханалейса взглянула налево и увидела, как один из защитников упал, схваченный десятком гниющих рук. Видя, как человек исчезает в толпе мертвецов, Ханалейса ничего не могла сделать, как только закричать:

— Дядюшка Пайкел!

Совсем как в детстве, когда приходилось сталкиваться с непреодолимыми трудностями.

Если Пайкел и услышал ее, он никак не отреагировал. Зеленобородый дворф, закрыв глаза, неподвижно замер в стороне от линии обороны. В вытянутой руке он держал волшебную дубинку, а обрубком второй руки описывал медленные круги. Ханалейса хотела еще раз его окликнуть, но не решилась, заметив, что дворф уже читает заклинание.

Девушка нерешительно взглянула налево, потом опять в центр. Решив, что надо довериться дворфу, она устремилась к скалам, где сразу несколько скелетов набросилось на упавшего защитника, угрожая разорвать его в клочья. Она прыгнула в самую гущу свалки, со всей решимостью работая одновременно руками и ногами. Удар ноги отбросил назад первого скелета, кулак с размаху пробил грудь отвратительного зомби. Ханалейса на мгновение остановилась, опираясь на носок левой ноги, резко развернулась и отшвырнула еще одного противника.

— Ко мне! — крикнула она товарищам упавшего защитника, которые уже приготовились бежать, как и те, что обороняли центр.

Она невольно поморщилась, когда костлявая рука достала до ее плеча и оставила глубокую кровавую царапину. Но тотчас резко отвела локоть назад, расколов череп нападавшего и отбросив его далеко в сторону.

А потом возобновила выпады руками и ногами в мрачной решимости биться до самого конца.

Люди, отступившие вглубь пещеры, быстро оставили мысли о бегстве и бросились на помощь Ханалейсе. Пример девушки воодушевил их. И пристыдил.

Вскоре Ханалейса с некоторым удовлетворением убедилась, что толпа скелетов отброшена назад и упавший защитник вырван из их костлявых пальцев. Вряд ли это обстоятельство имело решающее значение, но почему-то обрадовало девушку. Они погибли с честью в бою, и это имело для нее огромное значение.

Она оглянулась на братьев как раз в тот момент, когда Пайкел с четвертой попытки все же закончил свое заклинание. Сверкающий шар, примерно с кулак Ханалейсы, сорвался с его дубинки и поплыл над головами защитников. Таинственный снаряд ударился о голову одного из скелетов и отскочил. Ханалейса от удивления приоткрыла рот; скелет замер и мгновенно обледенел.

— Что?.. — выдохнула она, но шар в этот момент уже упал в воду.

А потом и она, и все остальные в пещере удивленно вскрикнули, увидев, что вся поверхность маленького озера покрылась льдом.

Стоявшие впереди защитники закричали не только от удивления, но и от боли — замерзающая вода заставила одних отпрыгнуть назад, а других приковала к месту. Неприятные последствия, но, тем не менее, продвижение скелетов и зомби, а также коварных останков рыб было приостановлено.

По воле Пайкела ледяные дорожки протянулись от центра бассейна до самых краев, заморозив всю воду.

— Вперед! — закричала Ханалейса, и люди вслед за ней бросились на левый фланг, где лед не сдерживал натиска противника.

Люди поспешно помогали закованным в лед товарищам выбраться из ловушки. Их усилия стали еще отчаяннее, когда показалась новая толпа мертвецов. Они беспрепятственно ступали на лед и двигались вперед, используя своих замерзших собратьев в качестве опоры на скользкой поверхности.

Но уловка Пайкела обеспечила беглецам необходимое время, и группа уставших и сильно избитых людей смогла углубиться в туннель. Они двигались вперед, пока не добрались до узкого прохода, который, к счастью, через сотню шагов вывел их в небольшую пещеру. Здесь они решили организовать очередную линию обороны. Двое воинов уничтожали прорывавшихся вслед за ними мертвецов.

Как только первая пара уставала или получала опасные раны, на их место заступали следующие защитники.

Тем временем Рорик собрал группу людей, и они принялись стаскивать к выходу крупные обломки скал и валуны. Как только материала, по мнению Рорика, набралось достаточно, он крикнул воинам, чтобы те отошли в сторону. Люди стали торопливо передавать по цепочке камни и бросать их навстречу нападавшим. Остальные продолжали собирать и складывать валуны.

Так продолжалось некоторое время, пока груда камней полностью не завалила устье туннеля, перекрыв доступ в пещеру. Упрямые мертвецы продолжали скрести образовавшуюся стену когтями и даже пытались грызть камни. Тогда вперед выступил Пайкел. Он ласково погладил стены и потолок туннеля и обратился к растениям, призывая их вступить. Его просьба была услышана, и через несколько минут баррикаду надежно закрепили пробившиеся из земли лианы и корни.

На некоторое время люди избавились от смертельной угрозы. Все они были сплошь покрыты синяками и царапинами, многие получили и более серьезные ранения, а отбитый у скелетов мужчина вряд ли смог бы в ближайшем будущем сражаться, даже если и остался бы в живых после таких повреждений. Кроме того, беглецы оказались в глубоком туннеле, в полной темноте и незнакомой местности. Сколько еще туннелей они сумеют отыскать под отрогами Снежных Хлопьев и сколько еще врагов последуют по их следам?

— Что же мы будем делать дальше? — спросил кто-то из мужчин, осознав трудность их положения.

— Скрываться и сражаться, — решительно ответил Тимберли, шмыгнув разбитым носом.

— И погибнем, — угрюмо добавил седобородый капитан рыбацкого судна.

— Ага, а потом встанем и начнем драться на другой стороне, — вставил третий.

Тимберли, Ханалейса и Рорик переглянулись, но не нашли, что возразить.

— О-о-ох, — произнес Пайкел.

Глава 11 ОЖИВШИЙ КОШМАР

— Придется вам сменить упряжку, — с преувеличенно тяжелым вздохом произнес Джарлак.

— Мы проехали больше тысячи миль от Мифрил Халла, — напомнил ему Бренор. — И всю дорогу беспощадно погоняли. Даже с этими подковами...

Он грустно покачал головой. В самом деле, прекрасные мулы исчерпали свои возможности, по крайней мере, на некоторое время. Но поработали они великолепно. Каждый день, от рассвета до заката, они неутомимо тащили повозку. Благодаря магическим подковам и прекрасно сконструированной повозке они за один день проделывали путь, на который обычному экипажу потребовалось бы дней десять.

— Все это верно, — признал дроу. — Но они очень устали.

Дзирт и Бренор с любопытством переглянулись, зато Пуэнт не преминул вмешаться.

— Я хочу такого же! — воскликнул он, показывая на плюющего огнем вепря Атрогейта.

— Ба-ха-ха! — завопил в ответ дворф. — Я чувствую себя здорово, когда скачу в бой на огненном борове! А если орки затевают игру, я бью его пятками и предаю их огню! Ба-ха-ха!

— Ба-ха-ха! — эхом отозвался Тибблдорф Пуэнт.

— Может, мы запряжем в повозку эту парочку? — предложил Бренор, махнув рукой в сторону двоих дворфов. — Я смог бы подковать их магическими подковами.

— Теперь ты понимаешь, что мне приходится выносить последние десять лет, — сказал Джарлакс.

— Но ты все равно держишь его при себе, — заметил Дзирт.

— Потому что он достаточно силен, чтобы разогнать моих врагов, — объяснил Джарлакс. — А если приходится отступать, я всегда могу оставить его позади.

Джарлакс передал поводья мула Дзирту, и тот отвел животное к задку повозки, где только что привязал его напарника. Срок службы этой упряжки подошел к концу. По крайней мере, на время.

Демонический скакун Джарлакса сильно упирался, не желая впрягаться в повозку.

— Ему это не нравится, — заметил Бренор.

— В этом отношении у него нет выбора, — ответил Джарлакс и все-таки затянул упряжь. Потом отряхнул руки и направился к передней скамейке, где уже сидели Бренор и Пуэнт. — Держи поводья крепче, добрый дворф... — Он замолчал, заметив скептические взгляды обоих дворфов. — Я отдал вам своего скакуна, а вы предлагаете мне тащиться пешком? — с притворной обидой спросил он.

Пуэнт оглянулся на Бренора.

— Пропусти его, — приказал Бренор.

— Я буду тебя защищать, мой король, — объявил воин, когда Джарлакс запрыгнул рядом с ним на скамью.

— Он успеет тебя убить раньше, чем ты поймешь, что драка началась, — заметил Дзирт, шагая рядом с повозкой.

— Да, это точно, — подтвердил Джарлакс.

Дворф запыхтел и начал что-то бормотать, но Бренор приказал ему заткнуться, на что Джарлакс отозвался веселым смехом.

Король дворфов щелкнул поводьями, но демонический конь фыркнул пламенем и протестующе повернул голову.

— Прошу тебя, позволь мне, — не без тревоги произнес Джарлакс и перехватил у Бренора поводья.

Дроу не воспользовался ими, а просто мысленно приказал коню двигаться вперед. Демоническое существо без труда сдвинуло повозку. Единственное, что ограничивало его скорость, — это два привязанных сзади мула, измученные долгой работой.

А дорога действительно была длинной. К этому дню они преодолели большую часть пути, и вдалеке уже показались горы Снежные Хлопья, хотя до них предстояло ехать еще целый день.

Джарлакс уверял, что его лошадь способна бежать и после захода солнца, поскольку отлично видит в темноте, но, учитывая состояние мулов, едва передвигавших ноги, в конце дня Бренор объявил привал. Было решено устроиться на ночевку у подножия гор.

Джарлакс отпустил коня на нижний уровень, бывший местом его постоянного пребывания, и Атрогейт освободил своего вепря. Потом Атрогейт и Пуэнт отправились на поиски бревен и валунов, чтобы как-то огородить лагерь. Но едва дворфы успели отойти, а Бренор и Джарлакс — отвязать мулов, как животные начали испуганно фыркать и всхрапывать.

— Что это с ними? — удивился Бренор.

Джарлакс натянул повод мула, но тот продолжал фыркать и пятиться.

— Погодите-ка, — сказал Дзирт.

Он уже стоял в повозке рядом с сидевшей там Кэтти-бри. Когда остальные повернулись к нему, ожидая разъяснений, они увидели, что дроу-разведчик пристально всматривается в заросли деревьев на противоположной стороне дороги.

— Эльф, что ты там увидел? — прошептал Бренор.

Но Дзирт лишь махнул ему рукой, призывая к молчанию.

Джарлакс привязал мула к задку повозки, поглядывая попеременно то на Дзирта, то на деревья. Дзирт снял с плеча Тулмарил и натянул тетиву.

— Эльф? — снова зашептал Бренор.

— Девять Кругов, а это что такое?! — послышался рев Пуэнта за их спинами.

Бренор и Джарлакс, одновременно оглянувшись, увидели черно-серое раздувшееся существо, которое при помощи длинных лап двигалось среди валунов навстречу Атрогейту и Пуэнту. Дзирт не сводил взгляда с деревьев и вскоре заметил, как из подлеска выползло еще несколько таких же созданий.

Дроу замер — он слишком хорошо знал этих тварей, этих плотных, коренастых темных бестий. Он уже попадал в то место, где они обитали.

Там была заперта Кэтти-бри.

И Реджис.

Неужели он снова попал туда? Дзирт поднял лук, прицелился, но помедлил, размышляя, не оказался ли он снова на грани помешательства. А вдруг его выстрел пошлет стрелу напрямик в сердце Бренора?

— Стреляй, Дзирт! — услышал он голос Джарлакса, говорившего на наречии дроу — языке, которого Дзирт не употреблял уже много лет. Можно подумать, что Джарлакс без труда читает его мысли. — Это не воображаемые твари!

Дзирт отпустил тетиву, и магический лук послал луч палящей энергии, ударивший темное существо в грудь и отбросивший его назад, в кустарник.

Но вместо одного появилось еще несколько таких же созданий, а крики дворфов подсказали Дзирту, что и позади него разворачивается такая же сцена.

Руки дроу замелькали, доставая из волшебного колчана одну стрелу за другой, натягивая тетиву и посылая во врагов светящиеся палящие снаряды. Их оказалось так много, что промахнуться было невозможно; каждая стрела прожигала мясистую плоть, а порой проходила насквозь и поражала идущее следом существо. В воздухе появился устойчивый запах горячей плоти, а в промежутках между раскатистыми выстрелами Тулмарила слышались отвратительное бульканье и хлопки разрывающихся тел.

Несмотря на сокрушительный залп магических стрел, ползуны продолжали наступать. Многие уже перебрались через дорогу и вплотную приблизились к повозке. Дзирт выпустил очередной залп, а потом пришлось бросить Тулмарил и обнажить мечи, чтобы встретить врагов в ближнем бою.

Из-за повозки выскочил Бренор, держа в руке старый испытанный щит, украшенный пенящейся кружкой — эмблемой клана Боевого Топора. В другой руке король дворфов сжимал сильно поцарапанный топор, служивший ему уже на протяжении не одного десятка лет. В тот же момент на сиденье повозки вскочил Джарлакс. Он уже вытащил две тонкие волшебные палочки, одну из которых недавно использовал, чтобы усмирить Дзирта.

— Огненный шар, — пояснил дроу Бренору, когда тот вопросительно оглянулся, удивляясь, что эльф еще не взял в руки оружие.

— Тогда спали их!

Но Джарлакс ненадолго задумался и покачал головой, не решаясь прочитать заклинание. Если его подведет первая палочка, он рискует приклеить себя к повозке. Если же откажет вторая, он может сжечь и себя, и Кэтти-бри, и Бренора тоже.

К удивлению дворфа, Джарлакс взял обе палочки в левую руку, щелкнул пальцами правой — и получил нож. Один поворот запястья превратил нож в кинжал, а после второго

поворота в руке оказался длинный меч.

Джарлакс собрался, было убрать волшебные палочки, но передумал и заткнул их за пояс. Если ситуация изменится и придется прибегнуть к магии, пусть лучше они будут под рукой.

* * *

Атрогейт мастерски орудовал своими кистенями. Тяжелые, усыпанные шипами шары с гудением носились на концах цепей, пролетая и спереди, и со всех сторон от дворфа, и над его головой.

— Бери свое оружие! — крикнул он Тибблдорфу Пуэнту.

— Я и есть мое оружие, глупец! — закричал ему в ответ воин.

Как только мясистое существо подползло ближе, Атрогейт собрался шагнуть вперед, чтобы обрушить на него удары шаров, но его опередил Пуэнт. Слегка пригнувшись, он нанес удары сразу кулаками и коленом. Шипы на рукавице прокололи темную кожу, и пойманная тварь с визгом замахала лапами и оскалила зубы, пытаясь добраться до противника. Пуэнт начал бешено кружиться, словно охваченный припадком безумия. Шипы и лезвия на латах дворфа быстро превратили захваченного ползуна в бесформенную грудку обрывков плоти.

— Ба-ха-ха! — одобрительно воскликнул Атрогейт.

Усмехнувшись, он отсалютовал Пуэнту и, все еще посмеиваясь, прыгнул вперед и стал наносить удары кистенями по каждому, кто осмеливался подобраться на длину цепей.

Его своеобразное оружие было не слишком приспособлено к борьбе с такими многочисленными и бесформенными врагами, поскольку их мягкие тела словно переливались и часто ускользали от ударов. Обычный боец вскоре мог бы оказаться в трудном положении, но Атрогейт не был обычным бойцом. Он обладал силой и выносливостью великана, приобрел опыт в столетиях непрерывных войн, да и его кистени нельзя было назвать обычными.

Атрогейт ловко раскрутил шары, направив их точно навстречу движущемуся ползуну, а потом метким ударом отбросил его прямо на лежащий впереди камень.

У него не было времени отсалютовать самому себе или крикнуть Пуэнту, чтобы тот его догонял, поскольку навстречу выползли еще три темных существа, а за ними показалась целая толпа.

Черные когтистые лапы постоянно тянулись ему навстречу, но кистени Атрогейта неизменно отбивали их в сторону. Боковым зрением дворф увидел еще одного монстра, забравшегося на стоящее неподалеку дерево. Когда ползун на него прыгнул, Атрогейту было уже нечем защищаться.

Он только успел закрыть глаза.

* * *

Бренор напомнил себе, что у него за спиной в повозке осталась беспомощная Кэtti-бри. Сосредоточившись на этой мысли, дворф со всего размаху опустил топор на ближайшее мерзкое создание и разрубил его надвое. Брызги крови ничуть не беспокоили Бренора, и он боковым ударом рассек второго противника, а тяжелой рукоятью отбил протянутые к нему лапы.

Уголком глаза он заметил движение с другой стороны и инстинктивно замахнулся, ожидая четвертого противника, как вдруг обнаружил рядом с собой не мясистый мешок, а дроу.

Но проворный Джарлакс легко перепрыгнул летящий топор.

— Осторожнее, дружище, — приземляясь, произнес он, хотя и не слишком разборчиво, поскольку в зубах держал волшебную палочку.

Джарлакс шагнул вперед и одновременным выпадом пробил глубокие дыры в груди

ближайшего противника сразу обоими мечами.

— Мог бы и предупредить, — проворчал Бренор, продолжая рубить и колоть ползунов.

Громкий визг, раздавшийся позади и справа, свидетельствовал о том, что противные твари добрались до мулов.

* * *

У Дзирта не было ни одного свободного мгновения, чтобы оглянуться на Бренора и Джарлакса, да он и не ожидал, что они будут сражаться бок о бок. Он вырвался вперед и с каждым шагом разил темных тварей, потом сделал быстрый разворот, и мечи, почти не замедляя движения, рассекли плоть ползунов. Последовал второй разворот, и ловкий разведчик продвинулся немного вперед, потом сделал три быстрых шага и на ходу заколол следующего противника. Остановившись, Дзирт подпрыгнул и на лету дважды вонзил меч в ближайшего ползуна. Он легко приземлился позади своей жертвы, немедленно развернулся, и мечи, со свистом блеснув в воздухе, рассекли уродливые тела.

Затем дроу повернул обратно к повозке и с удовольствием отметил, что конь Джарлакса уничтожает всех ползунов, которые оказываются поблизости. Демонический скакун без усталости топтал их копытами и фыркал, разбрасывая миниатюрные огненные шары.

Дзирт прорубил себе дорогу к повозке и едва не вскрикнул, когда увидел, что одно из существ взобралось на борт. Дроу одним прыжком взлетел на переднее сиденье, не снижая скорости, перескочил через перила и бросился к Кэтти-бри, по дороге разрезав дерзкого уродца пополам.

Как он хотел с ней остаться! Но на это не было времени. Привязанные к заднему борту мулы отчаянно ржали и били копытами.

Дзирт спрыгнул на землю между мулами, ловко увернулся от их зубов и копыт и точными ударами освободил животных от нападков ползунов. Позади мулов он остановился и повернул, намереваясь повторить свою вылазку.

Но как только увидел, что Бренор и Джарлакс действуют в паре, словно учились у одного мастера или вместе прошли сотни боев, понял, что в этом уже нет необходимости. В отличие от привычки Дзирта к широким размахам и разворотам, боевой стиль Джарлакса, основанный на выпадах вперед и колющих ударах, вполне соответствовал прямолинейной свирепости Бренора. Дворф и дроу работали в тандеме: один отвлекал противника, а второй спокойно наносил завершающий смертельный удар.

Дзирт удивленно усмехнулся и не стал высказывать вперед, а вместо этого остался позади, обошел повозку и постарался расчистить пространство вокруг коня Джарлакса и мулов.

* * *

Атрогейт, считая, что обречен, громко крикнул, но в этот момент над ним вперед головой пронеслась еще одна тень. Тибблдорф Пуэнт, нагнувшись, ударил в ползуна шипом своего шлема и вместе с монстром прокатился по земле. В следующее мгновение он уже вскочил и запрыгал вокруг, плотнее насаживая на шип свою жертву.

— Да, это здорово! — закричал Атрогейт. — Просто здорово!

Неистовый воин был слишком разъярен, чтобы его услышать. Он уже врзался в толпу ползунов и принялся бить их кулаками, локтями и коленями и даже попытался укусить, когда темная лапа мелькнула у самого лица.

Атрогейт быстро догнал его, раскрутил свои кистени, и они загудели в воздухе, при каждом обороте разбивая плотные тела темных существ. Дворфы неустанно продвигались вперед, разбрасывая убитых врагов направо и налево, и на шлеме Тибблдорфа Пуэнта все еще красовались останки одного из ползунов.

Джарлакс и Бренор придерживались оборонительной тактики и выверенными

движениями кололи и рубили каждого, кто осмеливался подойти ближе. Как только ряды ползунов поредели и можно было не опасаться за повозку, Дзирт вскочил на переднюю скамью, снял с плеча лук и стал посылать светящиеся стрелы вверх голов Бренора и Джарлакса, освобождая им путь.

Пуэнт и Атрогейт, расчистив от нападавших лагерь, присоединились к остальным, и тогда Дзирт снова убрал лук и вытащил мечи. Обменявшись понимающими взглядами, все пятеро рассыпались цепью и проверили всю территорию до дороги и ее отрезок, а потом бегом вернулись к повозке.

Не обнаружив ни одного ползуна, четверо бойцов — дворфы и Джарлакс — заняли позиции со всех четырех сторон от лагеря, а Дзирт забрался на сиденье рядом с Кэтти-бри, держа наготове Тулмарил Искатель Сердец, готовый в любой момент прийти на помощь своим товарищам.

Но вскоре его внимание переключилось на любимую. Кэтти-бри неожиданно сильно задрожала и встала, хотя и не сделала попытки куда-то пойти, а потом поднялась над повозкой, и ее глаза закатились.

— О нет! — простонал Дзирт и сделал шаг назад.

Ему пришлось отступить от страдающей Кэтти-бри, и это причиняло ему самую сильную боль.

Глава 12 **КОГДА ТЕНИ ВЫХОДЯТ НА СВЕТ**

Даника и Кэддерли поспешно бежали через залы Храма Парящего Духа, не понимая, из-за чего поднялся такой шум. Им пришлось проталкиваться через толпу перешептывающихся жрецов, чтобы добраться до входной двери, но и на большой открытой веранде народу собралось ничуть не меньше.

— Оставайся здесь! — крикнул один из магов, видя, как Даника пробралась к выходу и спрыгнула на мощеную дорожку. — Кэддерли, не позволяй ей...

Он прекратил свои увещевания, когда Кэддерли поднял руку, призывая к тишине. Жрец доверял Данике и просил остальных следовать его примеру. И все же увиденная картина сильно озадачила Кэддерли. Через лужайку у стен Храма Парящего Духа непрерывным потоком мчались олени, белки, зайцы и прочая лесная живность.

— Мы видели даже медведя, — сказал ему старший из магов.

— Так это медведь так сильно их испугал? — скептически спросил Кэддерли.

— Медведь удирал вместе с остальными, словно перепугался насмерть, — пояснил чародей, а когда Кэддерли недоверчиво нахмурился, остальные подтвердили его слова молчаливыми кивками.

— Медведь?

— Огромный медведь. Должно быть, где-то возник пожар.

Но, посмотрев на юг, откуда бежали звери, Кэддерли не увидел в ясном дневном небе никаких признаков дыма. На всякий случай он принялся, но все равно ничего не ощутил. Тем временем Даника уже подходила к границе леса. Где-то невдалеке послышался рев еще одного медведя, потом голос большой лесной кошки.

Кэддерли протолкнулся к ступеням и осторожно спустился. Из-за деревьев выскочил большой олень и понесся по лужайке. Кэддерли хлопнул в ладоши, чтобы испугать его и заставить свернуть в сторону, но животное, казалось, его даже не услышало. Пробегая мимо, олень задел Кэддерли, но, даже не заметив, поскакал дальше.

— Я же тебе говорил! — крикнул маг. — Они совсем лишились рассудка.

В лесу снова заревел медведь, на этот раз ближе и еще громче.

— Даника! — позвал Кэддерли.

В реве медведя слышались боль и отчаяние, и раскатистый бас перемежался испуганным визгом.

— Даника! — снова окликнул Кэддерли и шагнул к лесу, но в этот момент из-за кустов показалась его жена.

— Внутрь! Все внутрь! — закричала она.

Кэддерли недоуменно посмотрел на нее, а затем едва не вскрикнул от ужаса. Следом за Даникой из леса показалась толпа быстро ползущих существ. Они с поразительной скоростью неслись к храму на длинных цепких лапах.

Жрец изучил не один каталог обитателей Фаэруна, куда входили описания животных и монстров, но ни разу не встречал ничего подобного. В первый момент ему показалось, что эти существа похожи на безногих людей, ползущих на руках, но после более внимательного осмотра Кэддерли сразу же отказался от этой мысли. Приземистые короткие торсы заканчивались широкими сгорбленными плечами, а лапы эти темнокожие существа использовали для ходьбы. Хотя внизу у них имелись какие-то отростки вроде плавников у морских млекопитающих. Передвигались они наполовину прыжками, наполовину подтягиванием. Если бы это существо выпрямилось, несмотря на едва заметные ноги и втянутые в плечи головы, оно сравнялось бы ростом со средним человеком.

И их лица разительно отличались от человеческих отсутствием лбов, плоскими носами с вывернутыми наружу ноздрями и горящими злобой желтыми круглыми глазами. Но самое большое беспокойство у Кэддерли и остальных людей вызвали их рты — настоящие пасти, полные острых зубов. Эти пасти занимали всю нижнюю половину лица, так что выступающая вперед нижняя челюсть, казалось, растет прямо из груди, и непрерывно щелкали, грозя смертельно опасными укусами.

Даника опережала своих преследователей, да и бегала она намного быстрее, но один из ползунов внезапно бросился сбоку ей наперерез.

Кэддерли в ужасе закричал, стараясь предостеречь, но тут же замолк. Даника уже резко остановилась, качнулась на пятках и высоко подпрыгнула, подобрав ноги, так что оказалась точно над подбежавшим чудовищем. Темное существо тоже остановилось и потянулось к ней длинными лапами, но Даника оказалась быстрее — молниеносный удар ногами пришелся в запрокинутое лицо ползуна. Воспользовавшись энергией толчка, Даника отпрыгнула в сторону, а ползун опрокинулся.

Тогда Даника, нагнув голову, пустилась бежать изо всех сил, остановившись лишь на мгновение, чтобы махнуть рукой Кэддерли и напомнить ему и всем остальным, что им грозит смертельная опасность.

Жрец повернулся и вдруг понял, что опасность грозит им со всех сторон. Из леса выбирались все новые и новые толпы ползущих чудовищ. Невидимый до сих пор медведь, чей рев они постоянно слышали, тоже добрался до лужайки. Огромный зверь отчаянно метался, но из-под массы черно-серых тел его уже почти не было видно.

У Кэддерли тревожно заколотилось сердце. Он взбежал по ступенькам, но на веранде уже царила паника — жрецы и маги беспорядочно толкались у дверей, загораживая друг другу дорогу. С обеих сторон в открытых окнах виднелись другие обитатели храма, и все они призывали своих собратьев как можно скорее спрятаться внутри.

Кэддерли, оглянувшись на Данику, понял, что все не успеют вовремя покинуть веранду. Он искренне пожалел, что не взял с собой ручной арбалет или хотя бы прогулочную трость. В физическом отношении он был безоружен.

Но у него имелся еще один шанс — Денир.

Кэддерли остановился на верхней ступени, закрыл глаза и начал молиться, умоляя бога подсказать решение. А потом вдруг понял, что читает заклинание.

Открыв глаза, он резко развел руки в стороны. Даника в это время добежала до ступеней, и чудовища преследовали ее по пятам.

Мощный поток энергии сорвался с рук Кэддерли, ушел в землю и прокатился гигантской волной, подбрасывая траву, камни и множество чудовищ.

За первой волной последовала вторая, потом еще и еще, и каждая отбрасывала монстров все дальше, оставляя полукруг свободного пространства. Хищные твари пытались

сопротивляться, но неизменно уступали и откатывались назад.

— Что это? — спросил кто-то из магов, и Кэддерли, несмотря на свою сосредоточенность, расслышал этот женский голос.

Но ответа у него не было.

Он и сам ничего не понимал, кроме того, что заклинание обеспечило им необходимое время и все успели скрыться в храме. Кэддерли с Даникой зашли последними, причем Данике пришлось буквально на себе тащить обессиленного жреца.

* * *

Даника с облегчением услышала, как кто-то распорядился выставить охрану у каждого окна и двери. Кэддерли в этот момент мало на что годился, он сам нуждался в ее помощи. Женщина тревожно оглянулась вокруг, внезапно осознав, что кого-то не хватает. Храм Парящего Духа представлял собой огромное здание с множеством помещений, поэтому сразу заметить чье-то отсутствие было невозможно. Но в этот момент опасности она остро ощущала, что некоторых домоладцев храма нет на месте.

Где Айвен Валуноплечий?

Она снова огляделась по сторонам, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видела этого преданного дворфа. Но стон Кэддерли вернул ее к решению более насущных проблем.

— Что ты там делал? — спросила его Даника. — Я никогда не видела...

— Я и сам не понимаю, — признался Кэддерли. — Я обратился к Дениру, прося подсказать выход.

— И он ответил!

Жрец посмотрел на нее отрешенным взглядом, но потом с сомнением покачал головой.

— «Метатекст», Пряжа... — прошептал он. — Теперь он стал их частью...

Даника озадаченно взглянула на мужа.

— Мне кажется, что Денир, «Метатекст», а теперь еще и Пряжа больше не три отдельных понятия. Они стали единым целым, — попытался объяснить Кэддерли.

— Но, кроме Мистры, никто из богов...

— Так было раньше, — сказал Кэддерли, более уверенно качнув головой. — Он записывал Пряжу, воплощал ее в числах, и теперь...

Звон разбитого стекла, сопровождаемый криками, а затем и отчаянными воплями, прервал их разговор.

— Они пришли, — сказала Даника и шагнула вперед, увлекая за собой Кэддерли.

Первое сражение они обнаружили в третьей от фойе комнате, где группа жрецов встретила двух чудовищ, которые бросились в окно вперед головой и разбили стекло. Но жрецы встретили их тяжелыми дубинками, кроме того, почти все они были уже в защитных доспехах, так что могли держать ситуацию под контролем.

Кэддерли опередил Данику и стал торопливо подниматься по центральной лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, пока не добрался до четвертого этажа, где проживало все семейство Бонадьос. Едва открыв дверь, Кэддерли схватил свой широкий кожаный пояс, на котором с обеих сторон висели две кобуры для небольших арбалетов. На шею он повесил связку дротиков особой конструкции, а затем, на ходу заряжая оружие, присоединился к Данике.

Они уже направлялись к лестнице, когда обнаружили весьма неприятную особенность страшных темных монстров: чудовища прекрасно лазили по стенам. В зале послышался звон разбитого стекла, а потом звучный шлепок, означавший, что ползун уже забрался внутрь.

Даника первой бросилась на звуки, но, когда она сильным ударом распахнула настежь дверь, Кэддерли отстранил жену и поднял арбалет.

Одно существо было уже в комнате, второе просунуло голову в окно, и оба они хищно скалились, показывая острые зубы.

Кэддерли выстрелил, дротик мелькнул в воздухе и вонзился в грудь поднимавшегося на

подоконник монстра. При попадании в цель два элемента оперения дротика сошлись вместе и разбили закрепленный между ними небольшой сосуд. От удара жидкость воспламенилась и прожгла в черном теле огромную дыру. Пораженное чудовище вылетело за окно.

Кэддерли поднял второй арбалет, чтобы выстрелить в оставшегося ползуна, но быстро отвел оружие, поскольку его опередила Даника. В последний момент она шагнула, поставила левую ногу перед правой и мощным взмахом отбила обе протянутые к ней лапы. Используя энергию размаха, Даника слегка развернулась и, как только левая нога коснулась пола, носком правой нанесла удар прямо в глаз монстра.

Ползун взвизгнул, дернулся и снова вытянул лапы, но Даника была к этому готова и легко увернулась от удара, а потом резко шагнула вперед и мощным пинком в грудь отбросила темное существо к стене.

Оно отреагировало с предсказуемой яростью, и женщина легко отскочила за пределы досягаемости страшных когтей.

Но она быстро поняла, что так можно и нужно бороться с чудовищами: быстрый точный удар, а потом отскочить, чтобы не попасть под его ужасные когти.

Когда зазвенело стекло в соседней комнате, Кэддерли уже с радостью убедился, что Даника овладела ситуацией. Он обогнул перегородку и решительно распахнул дверь, держа наготове арбалет.

Кэддерли едва не наткнулся на приготовившееся к прыжку чудовище.

Сдавленно вскрикнув, он выстрелил из арбалета, и дротик вонзился в ползуна, когда тот был всего в двух футах от Кэддерли. На таком расстоянии жрец Денира даже ощутил взрывную волну, когда воспламенилась жидкость. Затем чудовище отлетело к противоположной стене и осталось там, широко раскинув дрожащие когтистые лапы и с такой дырой в груди, что Кэддерли свободно мог просунуть в нее кулак.

Жрец тяжело и отрывисто дышал, но все же услышал снаружи какой-то шум. Он уронил один арбалет, но надежно привязанное оружие повисло на уровне бедра, и принялся торопливо перезаряжать другой.

В комнату, громко хлопнув дверью, вбежала Даника, и жрец едва не выронил пузырек со взрывоопасной жидкостью.

— Их слишком много! — закричала она. — Нас окружают со всех сторон. Придется позвать на помощь кого-нибудь снизу.

— Иди! Иди! — крикнул ей в ответ Кэддерли, быстро устанавливая дротик, поскольку в окне уже появилось следующее темное существо.

Даника, даже не заметив приближавшегося врага, бросилась к лестничной площадке. Ползун перевалился через подоконник и ринулся на Кэддерли.

Тетива арбалета соскользнула с пальца, и Кэддерли еще повезло, что он успел поймать выпавший из желобка дротик. Его взгляд застался между арбалетом и быстро приближавшимся ползуном, а потом перед глазами мелькнула темная лапа с черными когтями.

* * *

Центральная лестница Храма Парящего Духа спускалась на один пролет, огибала площадку, потом спускалась еще на пролет в обратном направлении, и так по два пролета на каждый этаж. Но Даника не воспользовалась ступенями. Она перепрыгнула несколько ступеней первого пролета, перескочила через перила и приземлилась уже на середине второго пролета. Но не стала спускаться ниже лестничной площадки, решив осмотреть третий этаж.

Как она и боялась, здесь ее встретил звук бьющегося стекла. И тогда Даника понеслась вниз, перепрыгивая через перила, чтобы не тратить времени на ступеньки. Навстречу ей донесся топот ног поднимавшихся по лестнице людей.

— Разделитесь на группы и патрулируйте каждый этаж! — крикнула она.

Целесообразность ее приказа подтвердилась сразу, как только первая группа поднялась на площадку второго этажа, где на них немедленно напали двое ползунов.

Взмах руки послал в чудовищ магические заряды, а одетые в доспехи жрецы прикрыли проход, защищая невооруженных магов.

Почти каждому обитателю Храма Парящего Духа не раз приходилось принимать участие в битвах, и, подчиняясь дисциплине, люди разделились. Треть защитников осталась охранять второй этаж, а остальные стали подниматься дальше.

Даника уже исчезла из виду. Перепрыгивая через три ступеньки, она бросилась наверх. Кэддерли оставался в одиночестве дольше, чем она предполагала, и, хотя она верила в него — а как не верить в того, кто противостоял ужасному дракону и вампиру, кто на ее глазах стал проводником божественной силы и создал величайшую библиотеку? — Даника сознавала, что оставила его одного.

Одного на два десятка окон в пустом крыле здания.

* * *

Он испуганно закричал и отшатнулся, но не успел полностью избежать удара длинных и острых загнутых когтей. Кэддерли ощутил, как рвется кожа под его левым глазом, и едва не потерял сознание.

Он и сам не помнил, как нажал курок арбалета. Дротик был не до конца вставлен в гнездо и, только благодаря удаче, полетел в нужную сторону. Наконечник вонзился в тело ползуна, жидкость взорвалась, и ударная волна отбросила чудовище назад. Раздался отвратительный визг, и монстр отлетел к стене, схватившись длинными лапами за огромную пробоину в животе.

Кэддерли слышал визг, но был ли он вызван болью, злостью или торжеством победы — определить не смог. Согнувшись пополам и спотыкаясь, жрец Денира выбрался из комнаты; кровь из раны уже залила ему лицо и капала на пол. К счастью, когти не задели глаз, но он так опух, что Кэддерли мог видеть только неясные вспышки света.

Он едва держался на ногах и не сразу определил, куда идти, но слышал, как в других комнатах бьются окна и чудовища заползают внутрь. Мозг твердил ему, что надо заряжать арбалеты, и Кэддерли попытался это сделать, но быстро понял, что времени уже не осталось.

Он закрыл глаза и воззвал к Дениру.

И обнаружил лишь числа — длинные цепочки чисел, описывающих Пряжу.

Растерянность длилась только до тех пор, пока очередной монстр не выскочил в холл. И тогда числа образовали определенную последовательность, и в голове Кэддерли возникло заклинание.

Вокруг жреца образовался сверкающий защитный колокол божественной энергии, и, хотя Кэддерли инстинктивно старался отскочить от яростно набросившегося на него существа, длинные когти ползуна не причинили и не могли причинить ему серьезного вреда.

Ни одно существо не могло проникнуть сквозь щит, которым жрец Денира как-то сумел себя окружить.

В голове возникло еще одно заклинание, и Кэддерли уже не тратил времени, чтобы произносить слова вслух, а просто выпустил арбалет, оставив его висеть на крепкой бечеве, и воздел руки. Жрец ощущал, как удивительный и могущественный поток божественной энергии наполняет его тело, словно он вытягивает его из воздуха. Заряд отзывался в руках легким покалыванием, проходил через все туловище в ноги, потом проливался на пол, распространялся во все стороны и образовывал пылающую сеть вроде паутины.

Атакующий его ползун немедленно взвыл от боли, а Кэддерли, унося с собой защитное поле, медленно двинулся в сторону лестницы. Разъяренному существу не хватало соображения, чтобы понять свою ошибку, и чудовище продолжало преследовать его, все так же воя, поскольку нижняя часть его туловища уже задымилась от опаляющего жара энергетической сети.

Подбежали еще несколько монстров, и все они попытались напасть на Кэддерли, но, едва войдя в защитную зону, твари начинали выть и визжать. Так жрецу удалось добраться до края ступенек, где на него чуть не наткнулась Даника.

Напавший первым ползун к тому времени уже умер. Потом, под действием энергии, призванной Кэддерли неизвестным двомером, упали второй и третий. Жрец замахал рукой Данике, чтобы она не подходила, но женщина не послушалась и шагнула вперед.

Едва она вступила в магический круг, как вокруг нее тоже возникло сияние.

— Что ты сделал? — спросила Даника.

— Не имею ни малейшего представления, — признался Кэддерли.

Но он не собирался стоять без дела и обсуждать этот вопрос.

— Тогда давай очистим весь этаж, — предложила Даника, и они вместе зашагали по коридору.

Даника шла впереди и градом ударов прикончила двоих ползунов, как только они начали корчиться от боли, соприкоснувшись с энергетическим полем.

Одно существо попыталось прорваться в боковую дверь, и Даника уже повернулась, чтобы его догнать, но Кэддерли протянул в его сторону руку и произнес очередное заклинание. Луч света — копье божественной энергии сорвалось с его указательного пальца и пронзило ползуна, бросив его на дверной косяк. Существо выжило после этого удара, но стало легкой добычей для Даники, которая поспешила прикончить монстра несколькими точными ударами.

К тому времени как к ним на подмогу добрались исцарапанные до крови и основательно побитые жрецы, одно крыло храма уже было полностью очищено от врагов. Вокруг Кэддерли еще сохранялось защитное сияние, а, кроме того, его раны стали затягиваться с удивительной быстротой.

Озадаченные жрецы обратили на него вопросительные взгляды, но он не мог ничего объяснить. Он обратился с мольбой к Дениру, и его бог — а может, какое-то другое могущественное существо — ответил на просьбу неизвестными до сих пор двомерами.

Но обсуждать странные явления было некогда, и Кэддерли это прекрасно понимал, поскольку Храм Парящего Духа представлял собой гигантское сооружение со множеством окон, комнат, ниш, коридоров, причем на нескольких этажах.

Они сражались с ползунами всю ночь, вплоть до самого рассвета, пока ползуны не перестали забираться в окна. И все же уставшие, израненные жрецы и маги продолжали осматривать здание все утро, пока не убедились в том, что большая часть храма очищена от чудовищ, хотя и ценой жизни нескольких человек.

Кэддерли и Даника знали, что осталось еще немало пропущенных помещений, но и у них уже не было сил на борьбу. Теперь предстояло заколотить окна толстыми досками, подлечить раненых и организовать защиту на случай нового нападения с наступлением ночи.

— А где Айвен? — спросила Даника Кэддерли, когда они на несколько минут остались наедине.

— Я думаю, он ушел в Кэррадун.

— Нет, ушел Пайкел вместе с Рориком и...

Еще два имени застряли в горле Даники. Все трое их детей ушли в Кэррадун по дороге через лес, откуда появились ужасные создания.

— Кэддерли? — дрожащим голосом прошептала она.

Но и ему пришлось сделать глубокий вдох, чтобы побороть ужасное предчувствие.

— Необходимо их отыскать, — сказал он, наконец.

Но Даника покачала головой:

— Ты должен остаться здесь.

— Ты не можешь...

— Одна я доберусь быстрее.

— Мы даже не знаем, чем вызвано это нападение, — посетовал Кэддерли. — Неизвестно, какие силы стоят за этой напастью!

— А кто лучше может это выяснить, если не я?! — воскликнула его жена, и на ее лице мелькнула тень улыбки.
Очень слабой улыбки.

Глава 13 Я ВАМ НЕ ВРАГ

На лице Кэтти-бри появилась понимающая улыбка, так странно не соответствовавшая закатившимся глазам. Она опять парила в воздухе.

— Ты намерен его убить? — спросила она, словно говоря со стоявшим перед ней собеседником.

Пока Кэтти-бри произносила эти слова, ее глаза вернулись в нормальное состояние.

— Акцент, — отметил Джарлакс.

В это время Кэтти-бри слегка откинулась назад, словно опираясь на спинку стула.

— Если ты собираешься убить Энтрери, чтобы освободить Реджиса и предотвратить его следующие нападки, мое сердце подсказывает, что это доброе дело, — сказала она и сосредоточенно наклонилась вперед. — Но если ты намерен его убить только ради того, чтобы утвердиться, только ради уничтожения, мое сердце наполняется слезами.

— Калимпорт, — прошептал Дзирт, отчетливо вспомнив давний разговор.

— Что?..

Бренор хотел что-то спросить, но Кэтти-бри, не дав ему закончить вопрос, продолжала говорить:

— Конечно, мир несправедлив, мой друг. Конечно, если рассуждать по справедливости, ты пострадал. Но стоит ли становиться убийцей из-за своей обиды? Поможет ли убийство устранить несправедливость? Посмотри в зеркало, Дзирт До'Урден. Посмотри на себя без маски. Убийство Энтрери не изменит цвет его кожи, как не изменит и цвет твоей кожи.

— Эльф? — не выдержал Бренор, но Дзирт, поглощенный шокирующими воспоминаниями, его не слышал.

Тяжесть того давнего спора с Кэтти-бри снова обрушилась на его плечи. Он опять оказался в той маленькой комнатке и опять получил один из самых сокрушительных ударов из всех, какие ему кто-либо осмеливался нанести. Именно в тот момент он понял, что любит Кэтти-бри, хотя пройдут еще годы, пока он решится что-то предпринять.

Он слегка смущенно посмотрел на Бренора и Джарлакса, но был слишком потрясен, чтобы что-то сказать. А Кэтти-бри продолжала вспоминать тот разговор, воспроизводя его слово в слово.

— ...если бы ты только научился смотреть, — сказала она, и губы изогнулись в обезоруживающей очаровательной улыбке, с которой она часто обращалась к Дзирту и от которой мгновенно таяло его сопротивление. — И если бы ты научился любить. Я уверена, тебе было бы намного легче, Дзирт До'Урден.

Она повернула голову, как будто услышала какой-то шум, и Дзирт вспомнил, что в тот момент в комнату вошел Вульфгар. В тот период Вульфгар ухаживал за Кэтти-бри, хотя она уже дала ему понять, что сердце ее принадлежит Дзирту.

И он уже тогда был в этом уверен.

Вспоминая, что должно последовать дальше, Дзирт не удержался от дрожи. Внезапно Джарлакс поднялся со своего места и что-то накинул ему на голову. Дзирт на мгновение напрягся, ожидая удавки на шее, но это была всего лишь глазная повязка. Джарлакс надежно закрепил ее на голове Дзирта и подтолкнул его вперед.

— Иди к ней! — подсказал он.

Всего мгновение отделяло Дзирта от того момента, когда он мог снова услышать слова, навеки изменившие его жизнь. Слова, освободившие его.

— Задумайся, друг мой, — тихо сказала Кэтти-бри, и Дзирт замер, предоставляя ей

закончить фразу. — Что тебя беспокоит сильнее: то, каким тебя видит мир, или то, каким ты кажешься себе в глазах остального мира?

Из глаз цвета лаванды хлынули слезы, и Дзирт бросился к своей любимой и крепко обнял ее. Волшебная глазная повязка Джарлакса не дала ему погрузиться в темноту. Дзирт опустил Кэтти-бри на скамью, прижал к себе и держал в объятиях до тех пор, пока она не расслабилась и не смогла спокойно сесть.

Наконец Дзирт обернулся к остальным и пристально взглянул на Джарлакса.

— Я тебе не враг, Дзирт До'Урден, — сказал дроу.

— Что ты сделал? — потребовал объяснений Бренор.

— Эта повязка предохраняет разум от постороннего воздействия, как магического, так и псионического, — объяснил Джарлакс. — Не полностью, но достаточно для того, чтобы Дзирт, сознавая опасность, не попал в то место...

— Где заключен сейчас разум Реджиса, — закончил за него Дзирт.

— Я не понимаю ни слова из того, о чем вы тут толкуете, — сердито заявил Бренор. — Девять Кругов, эльф, ты мне объяснишь, что происходит?

Дзирт растерянно покачал головой.

— Похоже, столкнулись два разных уровня или два мира из разных уровней, — произнес Джарлакс, и Дзирт с Бренором уставились на него так, словно у дроу выросла вторая голова.

Джарлакс глубоко вздохнул и криво усмехнулся.

— Я не случайно встретил вас на этой дороге, — признался он.

— Неужели ты думал, что мы хоть на минуту в это поверили, глупец? — язвительно спросил Бренор, и Джарлакс смущенно хихикнул.

— И не случайно подослал в Мифрил Халл Атрогейта в облике Штутгарда. Я хотел заставить вас отправиться в Храм Парящего Духа.

— Да, ты что-то говорил о Хрустальном Осколке, — ответил Бренор и не пытался скрыть недоверия.

— Все, что я рассказал, — чистая правда, — заверил его Джарлакс. — Но ты прав, добрый дворф. Я рассказал не всю историю.

— Мне не терпится услышать продолжение.

— В этом деле замешан дракон.

— Как и всегда, — усмехнулся Бренор.

— Меня и моего друга преследовали, — продолжил Джарлакс.

— Мерзкие твари, — поддакнул Атрогейт.

— Нас преследовали существа, способные без труда призывать мертвецов, — пояснил Джарлакс. — И я уверен, что это создатели Хрустального Осколка, которые каким-то образом сумели преодолеть границы этого уровня.

— Эй, ты снова ставишь меня в тупик, — проворчал Бренор.

— Существа, принадлежащие одновременно двум мирам, как Кэтти-бри, — предположил Дзирт.

— Может быть. Я не могу этого утверждать. Но в том, что они обладают способностью существовать в двух измерениях, я уверен. При помощи шляпы я мог создавать дыры между измерениями, и одну из них я набросил на преследовавшее меня существо.

— Которое мне никак не удавалось прихлопнуть своими кистенями, — вставил Атрогейт.

— Переход с одного уровня на другой, — пояснил Джарлакс. — И мой преследователь сделал то же самое, когда на него упала брошенная мною дыра. Такое сочетание двух магий образовало трещину, ведущую на Астральный Уровень.

— И это существо пропало, — догадался Бренор.

— И я надеюсь, что навсегда, — согласился Джарлакс.

— И зачем же теперь тебе понадобилась помощь Кэддерли?

— Это был всего лишь посланник, а не источник угрозы. А источник...

— В драконе, — произнес Дзирт.

— Как всегда, — буркнул Бренор.

Джарлакс пожал плечами, не желая комментировать его замечание.

— Что бы это ни было, оно еще живо и обладает колоссальной силой, достаточной для того, чтобы посылать свои мысли через весь мир и рассылать своих эмиссаров. Оно с легкостью набирает себе слуг из числа умерших, а возможно... — Он оглянулся на разбросанные тела недавно убитых ими существ. — Возможно, обладает силой призвать слуг из той темноты, куда ты заглянул.

— Да что же это такое, проклятый эльф! — воскликнул Бренор. — Во что ты нас втянул?

— Я заставил вас выйти на дорогу, которая, надеюсь, поможет твоей дочери обрести спокойствие, — без колебаний ответил Джарлакс. — И еще мы с Атрогейтом надеемся с вашей помощью найти ответы на свои вопросы.

— Ты завлек нас в самую середину, — не унимался Бренор.

— Как мне хочется разбить твою костлявую рожу! — угрожающе зарычал Пуэнт.

— Мы и так оказались в самом центре событий, — произнес Дзирт. Обернувшись, они увидели, что он стоит на коленях рядом с Кэтти-бри, и больше не стали возражать. — Весь мир оказался в центре этих событий.

Глава 14 СМЯТЕНИЕ РАЗВЕДЧИКА

— Мы не можем сидеть и ждать, когда они снова нападут на нас в сумерках! — вскричал молодой жрец, и его слова были подхвачены многими другими.

— Мы еще не знаем, будет ли новое нападение, — напомнила Гинанс, пожилая женщина, жрица из ордена Кэддерли, которая с самых первых дней составляла каталоги свитков в Храме Парящего Духа. — Мы еще ни разу не сталкивались с такими существами, как эти... уродливые шишки из плоти! И еще неизвестно, обладают ли они непереносимостью света, или атака была прервана на рассвете по каким-то другим причинам.

— Они ушли с первыми лучами солнца, — возразил жрец. — И это подсказывает мне, что сейчас самое время организовать контратаку и действовать более агрессивно.

— Верно! — раздалось сразу несколько голосов.

Спор в главном зале Храма Парящего Духа продолжался уже довольно долго, и все это время Кэддерли хранил молчание, оценивая настроение собравшихся. Во время жестокой битвы прошлой ночью погибло несколько жрецов и магов, но все они были приезжими, гостями храма. Кэддерли с радостью отметил, что оставшиеся люди — около семидесяти пяти жрецов и чародеев, искушенных в божественной и колдовской магии, — не впали в отчаяние из-за неожиданно разразившегося сражения. Они сохранили боевой дух, а Кэддерли знал, что это обстоятельство станет решающим в преодолении любых трудностей.

Он снова прислушался к Гинанс, которую считал своим другом и одним из мудрейших и знающих членов своего окружения.

— Мы еще не убедились, что Храм Парящего Духа полностью очищен от этих существ, — сказала она, слегка остудив горячность остальных.

— Но они и не пытаются больше напасть на нас! — упорствовал первый жрец.

Поднявшийся шквал голосов, требующих активных действий за пределами храма, казалось, ошеломил Гинанс.

— Вы считаете их безмозглыми или, по крайней мере, глупыми созданиями, — вступил, наконец, в разговор Кэддерли.

Он даже не повышал голоса, но в зале мгновенно воцарилась тишина, и все взгляды обратились в его сторону.

Подобное внимание послужило очередным напоминанием об уважительном отношении

к нему, и Кэддерли тяжело вздохнул. Создание Храма Парящего Духа было, безусловно, нелегким делом, и все же его нервировало оказываемое почтение, особенно со стороны тех, кто был более искушен в вопросах сражений и магии. Одна группа жрецов, прибывших из Сандабара, провела несколько лет на нижних уровнях, воюя с демонами и дьяволами. Но даже они, приехав в Храм Парящего Духа, затаив дыхание, прислушивались к каждому его слову.

— Вы полагаете, что они отступили только потому, что не выносят солнечного света, а не по тактическим соображениям, — продолжал Кэддерли, тщательно подбирая слова. Он вспомнил о своих пропавших детях и братьях Валуноплечих и постарался преодолеть глупую стеснительность. — А теперь полагаете, что оставшиеся в храме существа должны были продолжать атаки, а не таиться, дожидаясь более подходящей ситуации.

— А что думаешь ты, добрый Кэддерли? — спросил тот самый молодой жрец, который так энергично спорил с Гинанс. — Должны ли мы сидеть внутри и укреплять здание, готовясь к следующей атаке, или надо выйти и самим отыскать врагов?

— И то, и другое, — ответил Кэддерли, и подтверждением его слов стали многочисленные кивки, особенно старших соратников. — Многие из вас пришли сюда не поодиночке, а с доверенными друзьями и помощниками, так что я предлагаю это учесть при формировании боевых групп, определении их численности и назначения. Я бы только предложил, чтобы в каждой группе были и физически крепкие люди, и знатоки магии, как божественной, так и колдовской. Мы не знаем, когда закончится это нашествие и не станет ли обстановка еще хуже, а потому должны постараться предусмотреть все возможности.

— Я предлагаю, чтобы в группах было не меньше семи человек, — высказался один из старших чародеев.

Они продолжили беседу, и Кэддерли счел это неплохим признаком. Эти мужчины и женщины не нуждались в его помощи для обсуждения деталей обороны. Но к нему подошла Гинанс, которая никак не могла успокоиться, услышав предположение о возможном присутствии в храме непрощенных гостей.

— Все ли наши собраты оправились после вчерашней ночи? — спросил ее Кэддерли.

— Почти все. Два десятка человек хоть сейчас готовы отправиться на осмотр помещений, если только ты не захочешь вместе со всеми остальными выйти наружу.

— На это потребуется только несколько человек, — решил Кэддерли. — Надо предложить самым опытным нашим братьям — тем, кто занимался поисками полезных трав и хорошо знает окрестности, — войти в состав разведывательных групп, образованных нашими гостями. Но и внутри храма надо оставить опытных людей, хорошо знающих подземелье, туннели и пристройки. В первую очередь это, конечно, относится к тебе.

Гинанс ответила на комплимент поклоном:

— Леди Даника оказала бы нам неоценимую помощь, как и Айвен...

Она замолчала, заметив обращенный в ее сторону грустный взгляд Кэддерли.

— Даника некоторое время будет отсутствовать в Храме Парящего Духа, — объяснил Кэддерли. — Она отправилась на поиски Айвена и...

— Они в безопасности в Кэррадуне, — заверила его Гинанс. — Все трое, и Пайкел с ними.

— Будем надеяться, — только и смог ответить Кэддерли.

* * *

Спустя некоторое время Кэддерли сидел на балконе в своей комнате и смотрел в сторону Кэррадуна. В его голове метались мысли, полные самых разных тревог и опасений. Жрец беспокоился о своих детях и Данике, отправившейся на их поиски, и о пропавшем Айвене Валуноплечем. Он боялся за свой дом, за Храм Парящего Духа, беспокоился о последствиях, которые могли повредить его ордену и ему лично в случае падения храма. Орды загадочных чудовищ, что с такой яростью набрасывались на обитателей храма,

причинили не слишком много разрушений, но каждое разбитое окно отзывалось в теле жреца почти физической болью, словно кто-то пальцем протыкал его кожу. Он ощущал тесную связь с этим местом и порой сам не до конца ее понимал.

Среди всех этих тревог не последней была тревога о судьбе бога, которому посвятил свою жизнь Кэддерли Бонадьос. Он был там, у истоков Пряжи, и обнаружил Денира, в этом он не сомневался. И еще ему послали заклинания, которых он не знал прежде.

Это был Денир и вместе с тем не Денир, как будто его бог менялся у него на глазах. Как будто Денир, бог философской мысли, которую Кэддерли считал основой своего существования, становился частью чего-то еще, частью чего-то другого, возможно чего-то большего... и темного.

Кэддерли казалось, что Денир, в своей попытке разгадать тайну распада, вписал себя в переплетение Пряжи или, пытаясь объединить Пряжу и «Метатекст», в процессе присоединил к ним и себя!

Вспышка пламени в лесной долине на востоке вернула Кэддерли к действительности. Он поднялся, подошел к перилам и пристально взгляделся в даль. Огонь охватил сразу несколько деревьев — наверняка кто-то из магов разведывательной группы метнул огненный шар или жрец призвал столб пламени.

Это означало, что они столкнулись с чудовищами.

Кэддерли перевел взгляд на юг, в сторону предгорий и далекого Кэррадуна. Стоял ясный день, и жрец, различив очертания западного берега озера.

Импреск, попытался найти утешение в спокойной глади его вод.

Кэддерли стал молиться, чтобы происшедшая катастрофа ограничилась пределами Храма Парящего Духа, чтобы его дети и Пайкел, ушедшие в Кэррадун, не столкнулись с толпами чудовищ, которые появились в горах.

— Отыщи их, Даника, — прошептал он налетевшему утреннему ветерку.

* * *

Даника первой в тот день вышла из Храма Парящего Духа. Путешествие в одиночку позволяло ей передвигаться значительно быстрее. Благодаря многолетним тренировкам женщина быстро оставила позади библиотеку и продолжала идти на юго-восток по узкой фунтовой дороге, ведущей в Кэррадун. Вернее, не по самой дороге, а вдоль нее, легко скользя между кустами и деревьями.

Ее надежда окрепла, когда за спиной встало солнце, а вокруг так и не появилось никаких признаков чудовищ или следов нападения.

Но вскоре женщина почувствовала запах гари.

Не снижая скорости, но, соблюдая большую осторожность, Даника поднялась на насыпь и увидела сцену недавней битвы: разбитую повозку и обгоревшую землю.

Чародеи из Врат Бальдура.

Сбежав по крутой насыпи, она заметила куски опаленной плоти и без труда узнала останки тех же самых чудовищ, которые прошлой ночью атаковали Храм Парящего Духа.

После недолгого осмотра выяснилось, что человеческих останков нигде не видно. Даника обернулась на северо-запад, где остался Храм Парящего Духа. Она припомнила, что в тот вечер, когда четверо магов пустились в путь, Айвен заготавливал дрова, и обычно дворф занимался этим именно здесь, вдоль восточной дороги.

Надежда Даники найти своего друга быстро таяла. Неужели он тоже столкнулся с этой темной ордой? Или увидел, что чудовища напали на бальдурианских чародеев, и поспешил к ним на помощь?

Ни один из вариантов не сулил ничего хорошего. Отличный воин, умный и смелый, Айвен был один в лесу, а та орда, что напала на Храм Парящего Духа и наверняка погубила четверых могущественных чародеев, могла справиться с кем угодно.

Женщина глубоко вдохнула, чтобы немного успокоиться, и сказала себе, что не стоит

делать преждевременных пессимистических выводов относительно судьбы магов, Айвена и опасности, грозящей ее детям.

Все они могли постоять за себя, напомнила себе Даника.

Кроме того, тела чародеев и дворфа она так и не обнаружила.

Даника стала внимательнее осматривать поляну в поисках разгадки. Откуда появились чудовища и куда они ушли?

Она нашла след — полосу засохших деревьев и пожелтевшей травы, уходящую на север.

После взгляда в сторону Кэррадуна и короткой молитвы о благополучии детей Даника отправилась на охоту.

* * *

Кровь на лице Гинанс подсказала Кэддерли, что его опасения насчет скрывающихся в храме чудовищ оправдались.

— Подземелье кишит этими монстрами, — подтвердила женщина. — Мы очищаем от них комнату за комнатой, склеп за склепом.

— Методично, — заметил Кэддерли.

Гинанс кивнула:

— Мы не оставляем неосмотренных помещений, так что им не удастся напасть на нас сзади.

Последнее заявление обрадовало Кэддерли. Оно подтверждало, что все жрецы, в последние несколько лет пришедшие в храм по зову сердца, были людьми разумными и усердными. Ведь все они были последователями Денира и Гонда, а эти два божества считали разум краеугольным камнем любой веры.

Гинанс подняла осветительную трубку. Это устройство сочетало в себе магию и механику; бесконечное заклинание превращало металлическую трубку с особым покрытием и стеклянной линзой в вечный фонарь. Такой светильник имелся у каждого жреца Храма Парящего Духа и очень пригодился в этой трудной ситуации, чтобы прогнать темноту из самых потаенных уголков подземелья.

— Ничего не оставляйте за спиной, — посоветовал Кэддерли, и Гинанс, кивнув, вышла за дверь.

А Кэддерли мерил шагами свою небольшую комнату и злился, что возложенная на него ответственность удерживает его в храме, в полном бездействии, когда ему следовало быть рядом с Даникой. Потом он немного успокоился и тряхнул головой. Путешествуя в одиночку, его жена может двигаться быстрее и незаметнее, а потому более безопасно. Наверное, ему лучше пойти в подвал и помочь Гинанс очистить библиотеку от пришельцев.

Нет, окончательно решил Кэддерли, его место не в подземелье, но и не в своей комнате. Ему надо восстановить силы, как физические, так и моральные, надо успокоиться и только потом вернуться в мир духовности и искать Денира.

Хотя нет. Кэддерли уже знал, куда ушел его бог. В «Метатекст».

И возможно, навсегда.

Кэддерли требовалось время, чтобы это обдумать, а заодно попытаться оценить изменения, произведенные неожиданно пришедшими к нему заклинаниями.

Но не сейчас.

Он надел пояс с арбалетами, пополнил запас дротиков и повесил связку через плечо на грудь. Потом взял вращающиеся диски — две острые круглые пластины, соединенные короткой перемычкой и привязанные на длинную бечеву эльфийской работы. Кэддерли мог бросать диски на расстояние до трех футов, а потом быстро подтягивать их назад, меняя направление под любым углом, поражая противника, подобно нападающей змее. Он не был уверен, что это оружие окажется полезным против ползунов, но все же решил взять диски с собой и сунул их в кармашек на поясе.

Он уже шагнул к двери, но по пути остановился у висевшего на стене зеркала. Взглянув на отражение, он задумался, насколько его облик соответствует главной и самой важной его цели — руководству людьми.

Он прекрасно выглядел в своей белой рубашке и бежевых брюках, но решил, что этого недостаточно, поскольку казался слишком молодым, чуть ли не моложе своих детей. С ироничной улыбкой, выдававшей истинный возраст жреца, Кэддерли вернулся к шкафу, вытащил широкую голубую накидку и набросил ее на плечи. Потом достал и надел шляпу, тоже голубую, с красной лентой, на которой спереди золотом были вышиты око и горящая свеча — эмблема Денира. Наряд дополнила гладкая трость с набалдашником в форме головы овна, и Кэддерли снова посмотрелся в зеркало.

Теперь он выглядел молодым человеком, который впервые осознал истинность своей веры.

Какие удивительные это были времена! Какое приключение! В период создания Храма Парящего Духа от Кэддерли потребовались все его силы, вплоть до полного самоотречения. Созидательная магия быстро и постоянно старила его, и в какой-то момент все окружающие, в том числе и его любимая Даника, стали думать, что он не переживет строительства. По завершении работы Кэддерли и сам был готов умереть, и к этому все и шло. Но преждевременная старость оказалась лишь испытанием, посланным Дениром, и та самая магия, что превратила его в бессильного старика, потом снова укрепила его, вернула возраст к той точке, с которой начались изменения. После этого он выглядел и чувствовал себя полным сил и энергии молодым человеком лет двадцати, но сохранил мудрость, накопленную за вдвое больший срок реальной жизни.

И теперь он снова был призван на борьбу, хотя Кэддерли опасался, что угрожавшая внешнему миру опасность сейчас гораздо сильнее, чем угроза Проклятия Хаоса.

Он опять посмотрел в зеркало и увидел в нем избранника Денира, готового к сражениям, готового победить силу хаоса силой своего разума.

В Храме Парящего Духа Кэддерли обрел уверенность. Бог не покинет его, и рядом с ним его друзья и могущественные союзники.

Даника отыщет детей.

Храм Парящего Духа выстоит и, после того как они разберутся с возникшей турбулентностью магии, будет вести за собой людей к новым целям.

Он должен в это верить.

И должен вести себя так, чтобы все вокруг знали, что он в это верит.

Кэддерли спустился на первый этаж, в главное фойе, распахнул настежь высокие двойные двери и приготовился встречать разведчиков.

Ему не пришлось долго ждать. Едва Кэддерли успел обойти холл, как в двери ввалилась первая группа разведчиков, вернее, половина группы. Четверо членов отряда остались мертвыми на поле боя.

При виде двоих жрецов Денира, которые с обеих сторон поддерживали молодого и крепкого приезжего клирика, одновременно пытаясь наложить повязку на его обгоревшую руку, Кэддерли с трудом устоял на ногах.

— Они были повсюду, — начал рассказ один из разведчиков. — На нас напали меньше, чем в половине мили отсюда. Чародей попытался запустить огненный шар, но тот взорвался почти сразу и обжег мне руку. Жрец попытался ее вылечить, однако заклинание сработало неверно и вызвало еще более сильный ожог, но уже на его теле. У него вся грудь обуглилась, и... Мы уже не можем полагаться на магию!

Кэддерли выслушал его, мрачно покачивая головой:

— Мне кажется, я видел вашу битву с балкона. К востоку...

— Это было на севере, — поправил его жрец. — Скорее даже, на северо-западе.

Его слова болью отозвались в сердце Кэддерли, поскольку он заметил огонь как раз в противоположной стороне. А утверждение о том, что «они были повсюду», напомнило о детях, и он снова попытался убедить себя в том, что дети остаются в безопасности в

Кэррадуне.

— Наше положение осложнится, если мы не сможем применять магию, — сказал он.

— Все еще хуже, чем мы думали, — сказал второй жрец Храма Парящего Духа, и Кэддерли угрюмо посмотрел на него, ожидая продолжения.

— Четверо из девяти человек нашей группы были убиты, — сказал жрец. — Но они недолго пролежали на земле.

— Воскресли, да? — спросил Кэддерли.

— Превратились в зомби, — пояснил жрец. — Они встали и продолжили борьбу, только уже против нас.

— Среди монстров был кто-то из жрецов или магов?

Клирик пожал плечами:

— Они умерли, упали, а потом встали, вот и все.

Кэддерли хотел что-то сказать, но внезапно ужаснулся и промолчал. Прошлой ночью во время битвы в Храме Парящего Духа погибли, по меньшей мере, пятнадцать мужчин и женщин, и их тела были сложены в одном из помещений первого уровня подземелья.

Кэддерли, не скрывая тревоги, бросился к выходу.

— В чем дело? — спросил разведчик.

— Пойдемте со мной, все трое, — приказал Кэддерли и направился в дальнюю часть холла.

Он свернул в боковой коридор, который вел в обход основных помещений огромной библиотеки.

* * *

Даника со всей осторожностью, но быстро шла по следу, держась в стороне от зоны мертвого леса. В центре полосы от пяти до десяти шагов шириной деревья были сломаны или вырваны с корнем, как будто здесь прошло огромное существо колоссальной силы. По краям тоже виднелись признаки поражения, но не такого сплошного, как в середине, а кое-где следы гниения остались даже на деревьях с обеих сторон на значительной высоте.

Женщина намеревалась пересечь этот след и даже осмотреть центральный участок, где разрушение было самым сильным, но затем на ровной поверхности заметила какой-то отпечаток и решила, что сначала должна взглянуть на него. Приблизившись, Даника затаила дыхание. Она узнала этот отпечаток гигантской четырехпалой лапы с длинными когтями. Отпечаток лапы дракона.

Даника опустилась на колени и внимательно осмотрела след, обращая особое внимание на траву. Не вся растительность погибла в этой полосе, но чем ближе к отпечатку лапы, тем сильнее проявлялось опустошение. Женщина выпрямилась, посмотрела на стоявшие по краям деревья и мысленно представила, как шел дракон, ломая попадающиеся на пути деревья и кусты, как он время от времени разворачивал крылья и задевал ими стволы деревьев.

Она присмотрелась к омертвевшим заплаткам коры, так резко отличавшимся от ничем не пораженных участков. Неужели одно лишь прикосновение крыльев чудовища несет в себе смерть?

Потом перевела взгляд на отпечаток лапы и окружающие его абсолютно безжизненные участки земли.

Да, это дракон, но дракон, убивающий простым прикосновением.

Даника тяжело вздохнула, осознав, что темные плотные существа могут быть не самой сложной из их проблем.

Глава 15

БРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

— Они совсем не верят в чутье дворфа, если считают его идиотом, — сказала Ханалейса Тимберли, сильно расстроенному перешептываниями в рядах кэррадунских беженцев.

Тимберли настаивал, что вывести их из темноты способен только Пайкел, единственный дворф в группе и единственный, кто мог поддерживать горение своего волшебного светильника в беспросветной тьме подземелья. Несколько человек шепотом выразили недоверие к лишенному дара речи зеленобородому дворфу, но открыто протестовать никто не осмелился. Да и как они могли, если Пайкел был бесспорным героем прошлой ночи, когда заморозил воду и позволил им вовремя отступить?

Но это было вчера, а последние несколько часов они то шли, то останавливались, то возвращались назад и все сильнее убеждались, что заблудились в бесконечных туннелях. По крайней мере, им больше не встречались скелеты и зомби, но в сырых и грязных пещерах, в проходах, где даже дети могли двигаться только ползком, где повсюду шныряли мерзкие насекомые, это было слабым утешением.

— Они испуганы, — прошептал Тимберли. — И стали бы жаловаться на любого, кто возглавил бы отряд.

— Потому что мы заблудились. — Ханалейса поворотом подбородка указала на Пайкела.

Дворф стоял впереди остальных, придерживая светящийся посох обрубком руки, а здоровой рукой почесывал зеленую бороду. Необычно выглядевший дворф уставился на три расходившихся в разные стороны туннеля, вероятно не зная, куда повернуть.

— А как мы могли не заблудиться? — спросил Тимберли. — Разве раньше здесь кто-нибудь бывал?

Ханалейса в ответ лишь пожала плечами и, взяв брата за руку, повела его к Рорику, который стоял рядом с дворфом и опирался на подаренную кем-то палку, чтобы помочь раненой ноге.

— Дядюшка Пайкел, ты знаешь, где мы находимся? — спросила Ханалейса, как только они подошли ближе.

Дворф оглянулся на нее и пожал плечами:

— А где Кэррадун? В каком направлении?

Ничуть не задумываясь, Пайкел уверенно показал назад и вправо, примерно в том направлении, откуда они вышли. Ханалейса считала, что это направление на юго-восток.

— Он старается вывести нас повыше в горы, прежде чем искать выход из туннелей, — пояснил Рорик.

— Нет! — воскликнул Тимберли, вызвав удивленные взгляды Рорика и Пайкела.

— Э?.. — произнес дворф.

— Мы должны выбраться из туннелей, — сказал Тимберли. — И поскорее.

— Ух-ух, — не согласился Пайкел.

При этом он вытянул обе руки вперед и изобразил мимикой зомби, подчеркивая смысл своего несогласия.

— Но мы наверняка уже достаточно далеко от Кэррадуна, чтобы не опасаться этого безумия, — настаивал Тимберли.

— Ух-ух.

— Еще не настолько далеко, — объяснил Рорик. — Туннели сильно петляют. Если мы сейчас выберемся наружу на какой-то возвышенности, то еще сможем увидеть Кэррадун.

— Я бы не возражал, — вздохнул Тимберли.

— Но все равно мы должны выйти из туннелей при первой же возможности, — добавила Ханалейса. — Если мы и дальше будем тащить тяжелораненого мужчину по туннелям, он наверняка погибнет.

— А если выйдем рано, погибнем все, — отрезал Рорик.

Ханалейса и Тимберли обменялись понимающими взглядами. Вид поднимающихся мертвецов, которые тотчас кидались в бой против своих недавних друзей, сильно

встревожил Рорика, и старшие брат и сестра вполне разделяли его отвращение и ужас.

Ханалейса подошла к дворфу и обняла его за плечи.

— Хотя бы покажи нам дневной свет, — прошептала она. — Эти замкнутые пространства и бесконечные темные туннели нервируют людей.

Пайкел повторил пантомиму, изобразив зомби.

— Я знаю, знаю, — ответила Ханалейса. — Я тоже не хочу выйти наружу только для того, чтобы опять столкнуться с этими чудовищами. Но мы не дворфы, дядюшка Пайкел. Мы не можем бесконечно долго оставаться под землей.

Пайкел оперся на свою дубинку и тяжело вздохнул. Потом зажал дубинку под обрубленной рукой, сунул в рот палец, немного пососал его и, громко причмокнув, выдернул. Закрыв глаза, он выставил перед собой мокрый палец и стал читать заклинание, позволявшее уловить малейшее движение воздуха.

В конце концов, он указал на правый туннель.

— Ты выведешь нас наружу? — спросила Ханалейса.

Пайкел пожал плечами, не желая давать никаких обещаний. Подхватив свою дубинку, он зашагал вперед.

* * *

— Нам потребуются еще четверо, — решил Яраскрик. Он все еще оставался в теле Айвена. — Лич Первого Предка Ву для нас потерян, по крайней мере, на некоторое время, но остальные ждут нашего вызова.

— Они заняты, — возразил Гефестус.

— Сейчас нет более важной проблемы, чем та, что стоит перед нами.

Драколич угрожающе зарычал.

— Я их достану! — проревел он.

— Дроу и человека.

— Ты и так знаешь, о ком я говорю.

— Из-за дроу мы уже потеряли Первого Предка Ву, — напомнил ему Яраскрик. — Хотя не исключено, что Джарлакс и сам погиб в той схватке.

— Нам неизвестно, что случилось с Первым Предком Ву.

— Зато известно, что для нас он потерян, что он... пропал. Больше нам и не надо ничего знать. Он отыскал Джарлакса и проиграл, и если дроу тоже был убит...

— Мы бы все узнали, если бы ты потрудился поискать! — рыкнул Гефестус, выдав истинную причину своей неугасимой ярости.

— Не перестарайся, — предостерег его иллидид в обличье дворфа. — Мы могущественны и сильны, и чем больше слуг поднимается из трещины, чем больше мертвецов восстает, тем сильнее мы становимся. Возможно, мы отыщем способ оживлять трупы ползунов, и тогда наша армия станет неистощимой. Но и наши враги тоже обладают могуществом, особенно те, кто находится здесь, в пределах досягаемости, в местечке, которое они называют Храмом Парящего Духа.

— Магия разваливается.

— Но она не исчезла. Да, она стала непредсказуемой, но не утратила своего потенциала.

— Фетчигрол и Сольме сумели загнать этого могущественного противника в угол! — саркастически возразил Гефестус, сделав особое ударение на слове «могущественный».

— Но даже сейчас они идут по нашим следам.

— И многие погибают!

— Всего несколько человек, не больше, — поправил его Яраскрик. — Зато эти схватки стоят нам немалых жертв. А мы не черпаем ползунов из неиссякаемого источника, великий Гефестус.

— Зато не иссякает поток мертвецов — миллионы и миллионы откликнутся на наш зов.

И чем больше они убивают, тем многочисленнее их же ряды, — заявил драколич.

— В этом мире очень просто вызвать мертвецов, — согласился Яраскрик. — Но все же это не проходит даром для Креншинибона, а кто может отыскать обратное заклинание, как не могущественный жрец Кэддерли?

— Я их уничтожу! — снова взревел Гефестус. — И дроу, и его приятеля-человека, этого калишита. Я схвачу их и проглочу!

Тело Айвена Валуноплечеого отшатнулось назад. Обитавший внутри иллитид смиренно качнул головой.

— Тот, кто прожил не одно столетие, должен бы научиться терпению, — негромко проворчал Яраскрик. — Надо уничтожать противников по одному. Давай сначала убьем Кэддерли и разрушим Храм Парящего Духа, а потом отправимся на охоту. Призовем духов...

— Нет!

— Нам потребуются все наши силы, чтобы...

— Нет! Двое на севере, и двое на юге. Двое против дроу, и двое против человека. Если вернется Первый Предок Ву, возьмем его к себе, а другие четверо будут продолжать охоту, пока не отыщут дроу и человека. Я сам займусь этими мерзкими предателями. И можешь не бояться Кэддерли и его дружков. Мы будем изматывать их силы, пока они не ослабеют, а потом на них обрушится катастрофа по имени Гефестус. Я только сегодня ходил к Сольме, и земля умирала под моими лапами, а прикосновение крыльев сгноило немало деревьев. Я не боюсь ни одного смертного, ни Кэддерли, ни кого-то еще. Я Гефестус. Я катастрофа. Всякий, кто увидит меня, обречен!

Немалая часть сознания иллитида до сих пор оставалась в объединенном разуме, который он делил с Гефестусом и Креншинибоном, и потому Яраскрик без труда понял, что убедить дракона не удастся. Иллитид, к своему немалому огорчению, осознал, что в соперничестве за союз с Креншинибоном дракон одержал верх.

Возможно, он сделал ошибку, отозвав из объединенного разума большую часть своего сознания. Возможно, пора вернуться к остальным, чтобы противостоять упрямому ящеру.

На лице Айвена Валуноплечеого появилась улыбка, и весьма саркастическая, поскольку в этот момент иллитид решил, что, пожертвовав телом дворфа, он сумеет на некоторое время утихомирить ярость дракона, а Яраскрику этого должно хватить, чтобы восстановить свое превосходство.

* * *

Отблески дневного света были встречены измученными беглецами Кэррадуна нестройным хором радостных восклицаний. Они даже не представляли себе, какими глубокими и темными могут быть подземные туннели, кроме Пайкела, разумеется, выросшего в дворфских шахтах.

Даже Рорик, предостерегавший остальных от преждевременного выхода на поверхность, не смог скрыть своего облегчения оттого, что беспросветная тьма туннелей заканчивается. Обрадованные люди с надеждой ускорили шаг и обогнули пологий выступ, загораживавший доступ к дневному свету.

И, словно по команде, одновременно вздохнули, испытывая глубочайшее разочарование.

— Ух-ух, — произнес Пайкел.

Как оказалось, они вышли не к концу туннеля, а к образовавшейся естественным путем трубе, да к тому же еще очень длинной и узкой.

— А мы, оказывается, глубже, чем я предполагал, — сказал Тимберли, заглянув в вертикальную шахту, уходящую вверх на добрую сотню футов.

Большая ее часть была совершенно непроходимой и слишком узкой даже для Ханалейсы и Рорика, самых стройных в группе.

— А ты знал, что мы спустились так глубоко? — спросила Ханалейса у Пайкела.

В ответ дворф стал рисовать пальцем в воздухе силуэты гор, а потом просто пожал плечами.

И Ханалейса, и все, кто за ними наблюдал, понимали, что его доводы имеют смысл, поскольку относительная глубина туннеля зависела от профиля горной цепи, расположенной над ним.

Однако высокая вертикальная шахта свидетельствовала о том, что они уже вышли в горы Снежные Хлопья.

— Ты должен вывести нас на поверхность, — сказал Тимберли Пайкелу.

— Чтобы опять столкнуться с толпами мертвецов? — напомнил ему Рорик, заслужив при этом раздраженный взгляд старшего брата.

— Или хотя бы покажи нам... покажи им, — он оглянулся на остальных беженцев, уже обогнувших поворот, — что выход есть. Даже если мы не покинем туннели, — Тимберли многозначительно посмотрел на младшего брата, — им очень важно знать, что путь навверх есть. Мы ведь не дворфы.

Внезапно раздался испуганный крик.

— Они напали на нас сзади! — закричала женщина. — Зомби! Опять погибшие рыбаки!

— Теперь мы точно знаем, что отсюда есть выход, — печально заметила Ханалейса. — Поскольку есть вход.

— Даже если это тот самый вход, откуда мы пришли, — добавил Тимберли.

И они с Ханалейсой побежали вдоль цепочки беглецов, чтобы снова взяться за оружие и сразиться с кровожадными чудовищами, словно вышедшими из самых ужасных кошмаров.

Тимберли и Ханалейса добрались до места происшествия к тому времени, когда стычка уже закончилась. Три поднявшихся со дна моря полусгнивших трупа уже неподвижно валялись на полу туннеля, но и застигнутая врасплох женщина из Кэррадуна тоже погибла. Зомби одним ударом разорвал ей горло.

— Что же мы будем с ней делать? — спросил один из рыбаков, в то время как муж женщины, тоже рыбак, горько оплакивал свою спутницу.

— Сожгите ее, и побыстрее! — закричал кто-то.

В ответ раздалось многочисленные возгласы, но мнения разделились. Обе стороны все более энергично отстаивали свои мнения, пока не возникла опасность, что дебаты перерастут в жестокую драку.

— Мы не можем ее сжечь! — закричала Ханалейса.

То ли из уважения к детям Бонадьус, то ли просто из-за силы и уверенности, прозвучавшей в ее голосе, но люди, хотя бы ненадолго, прервали словесную баталию.

— Нельзя же допустить, чтобы она встала и присоединилась к ним! — протестующе воскликнул один из седых моряков. — Лучше уж сжечь тело, чтобы исключить такую возможность.

— У нас нет ни дров, ни настоящего огня, — возразила Ханалейса. — А если бы и были, как мы сможем пойти дальше, когда дым и ужасный запах последуют за нами?

Муж погибшей женщины вырвался из рук удерживающих его людей, снова бросился на колени перед телом, бережно приподнял голову погибшей жены и весь затрясся от рыданий.

Ханалейса и Тимберли, не зная, что предпринять, неуверенно переглянулись.

— Тогда надо отрезать ей голову! — раздался из задних рядов чей-то крик, и несчастный муж ответил на кощунственное предложение взглядом, полным ненависти и угрозы.

— Нет! — снова крикнула Ханалейса, опять немного утихомирив толпу. — Соберите побольше камней. Мы похороним погибшую под каменным курганом, со всем уважением, как она того и заслуживает.

Ее предложение немного успокоило несчастного мужа, но кое-кто из окружавших

опять громко выразил свое несогласие.

— А если она все же поднимется, как и остальные, и бросится на нас? Сможете ли вы зарубить ее прямо на глазах у несчастного мужа? Вы уверены, что ваша доброта не приведет к жестокости?

Ханалейса не знала, что на это сказать, и бремя ответственности тяжелым грузом придавило плечи молодой девушки. Посмотрев на мужа погибшей, она встретила его умоляющий взгляд, хотя мужчина не мог не понимать сложности стоящей перед ней проблемы.

— Значит, надо больше камней, — сказала Ханалейса. — Если мерзкое существо, которое поднимает мертвецов, и доберется до нее, что мне кажется маловероятным, погибшая женщина не сможет подняться, чтобы напасть на нас или кого-то еще.

— Но тогда она будет биться в этой каменной ловушке целую вечность! — возразил старый моряк.

Люди опять принялись спорить, а осиротевший муж крепче прижал к себе голову погибшей жены.

— Ага, а если мы отрубим ей голову, она, по-твоему, будет ходить, держа ее под мышкой? — раздался еще чей-то возглас.

— Как мне все это ненавистно, — прошептал Тимберли сестре.

— У нас нет выбора, — напомнила ему Ханалейса. — Если не мы, то кто?

В конце концов, они остановились на предложении Ханалейсы и, собрав камни, соорудили над телом женщины высокий курган. Пайкел по просьбе девушки провел церемонию освящения небольшой пирамиды и земли вокруг нее, а Ханалейса постаралась убедить всех, особенно мужа погибшей, что теперь ее покой не потревожит никакая магия некромантов.

После этого несчастный муж немного успокоился, а спорщики смягчились, хотя, по правде говоря, Пайкел не обладал даром освящения, а исполненный им танец и импровизированное песнопение были всего-навсего спектаклем.

Но Ханалейса понимала, что в этом темном месте в такое тяжелое время спектакль не помешает.

Это все-таки лучше, чем другой вариант, о котором она даже не хотела задумываться.

Глава 16

ТЕМНЫЕ ДЫРЫ

Даника заметила вход в пещеру задолго до того, как поняла, что след дракона ведет к этому месту. Но чутье подсказывало ей, что существо, сеющее вокруг себя смерть и разложение, не склонно наслаждаться солнечным светом.

След немного пропетлял по лесу, но потом направился точно к темнеющему пятну в склоне горы, где внезапно оборвался. Похоже, что дракон взлетел.

Добравшись до подножия, Даника взглянула на черневшее отверстие. Пещера, должно быть, была огромной, раз в ней смог спрятаться громадный ящер, и располагалась она высоко над землей, в неглубокой впадине на крутом склоне, недостижимая для тех, кто не мог летать.

Или не обладал искусством мастера-монаха.

Даника закрыла глаза и сосредоточилась, добиваясь полной гармонии тела и духа. Она представила себя невесомой, неподвластной силам притяжения. Потом медленно открыла глаза и, подняв голову, наметила маршрут подъема. Не многие увидели бы здесь хоть какую-то возможность забраться наверх, но для Даники любой выступ шириной с палец был такой же надежной ступенькой, как и площадка, на которой могли уместиться пятеро человек сразу.

Она мысленно приподняла свое тело, протянула руку к небольшому выступу, ухватила за него пальцами и одновременно представила себе последовательность

следующих шагов. А затем стала подниматься, словно паук по гладкой стене, без каких бы то ни было видимых усилий. Она двигалась по склону, используя и руки, и ноги, то вытягиваясь, то сжимаясь в пружину. Даника все время просчитывала каждое следующее движение и, выбирая лучшие зацепки и упоры, продвигалась не только вертикально, но и горизонтально.

Солнце уже миновало зенит, а Даника все еще карабкалась. Задул ветер, но она не обращала внимания на его холодные укусы, не позволяла ему сбить себя с пути. Гораздо больше ее тревожила продолжительность подъема. Планируя добраться до пещеры, она предположила, что преследуемое ею существо предпочитает ночное время, и меньше всего хотела быть застигнутой появившимся чудовищем, когда была распростерта на скале в сотне футов над землей.

С этой тревожной мыслью Даника форсировала подъем, хотя ее пальцы и ступни по-прежнему осторожно ощупывали каждый выступ и каждую впадину. Она постоянно перемещала вес тела, чтобы не перегружать одну руку, или ногу, или один палец. Ближе ко входу в пещеру поверхность скалы стала более неровной, а склон — менее крутым, и даже попадались участки, на которых Даника смогла задержаться и перевести дыхание. Последний отрезок пути можно было просто пройти, но она не стала спешить и по дороге к мрачной темноте пещеры внимательно осматривалась, отыскивая любое укрытие среди беспорядочно нагроможденных камней.

* * *

Числа.

Он считал, складывал, вычитал и снова подсчитывал. Каждая мысль неизменно сводилась к вычислениям, к поискам последовательностей чисел, постоянно мелькавших в его мозгу.

Числа всегда привлекали Айвена Валуноплечего. Дворф с большим удовольствием брался за изобретение новых устройств, поиски нужных соотношений или нагрузок. Так было и в тот раз, когда Кэддерли показал ему гобелен, где были изображены темные эльфы с их знаменитыми арбалетами в руках. Используя это изображение, свою интуицию и знания, Айвен изготовил превосходные копии этого оружия.

Числа. Все дело в числах. «Все всегда сводится к числам» — по крайней мере, так обычно говорил Кэддерли. Все можно выразить числами, и, если у того, кто это сделал, хватит ума понять порядок и последовательность, можно все изменить по своей воле.

«Вот в чем разница между богами и смертными», — обычно добавлял Кэддерли. Боги способны выразить числами саму жизнь.

Подобные мысли никогда не посещали более прагматичного и не склонного к теоретизированию Айвена Валуноплечего, но поучения Кэддерли, вероятно, оставили в его разуме более глубокий отпечаток, чем он предполагал.

Он задумался о смысле чисел, и только воспоминание о давнишнем разговоре заставило одурманенного дворфа осознать, что числа постоянно мелькают в его голове, совершенно опустевшей после целенаправленного и злонамеренного вмешательства.

Айвену казалось, что он идет вдоль журчащего ручья, и этот момент узнавания звука прорвался через его сны и вызвал ощущение устойчивости и реальности, от которой можно было оттолкнуться, чтобы вернуться в бодрствующий мир.

Числа еще настойчивее замелькали в его мозгу. Последовательности возникали и тотчас исчезали.

Вмешательство.

Что-то удерживало его в неуравновешенном состоянии, словно вне его собственного сознания. Он не мог по своей воле закрыть глаза, потому что они уже были закрыты.

Нет, не закрыты; он внезапно понял: открыты они или нет, не имеет большого значения, поскольку ими пользуется кто-то другой. А он беспомощно заблудился в

водовороте своих мыслей.

Но что-то привело его в это состояние.

И что-то удерживает — какая-то сила, или существо, или разум, поселившийся в его голове.

Дворф разорвал чары вмешательства и вырвался из роя чисел, но пока его разум метался вслепую.

В памяти быстро промелькнули сцены сражения на скалистом склоне к северу от Мифрил Халла, вращающийся обломок сланца, просвистевший в воздухе и оторвавший руку его брата.

Так же внезапно, как исчезла рука Пайкела, исчезли и воспоминания, но Айвен продолжал барахтаться в темноте своего разума, отыскивая вспышки и отблески собственной личности.

Он наткнулся еще на одно воспоминание — полет на драконе. Ничего существенного, просто ощущение свободы и ветра, от которого развевались волосы, а борода свесилась на спину.

И мелькнувшее на мгновение величие встающих перед ним гор.

Ощущение показалось дворфу вполне подходящим. Он и сейчас чувствовал себя примерно так же. Как будто его дух поднялся над тем, кто был Айвеном Валуноплечим, как будто рассматривал себя издали, как будто был посторонним наблюдателем собственных мыслей.

Но теперь он знал. Он избавился от постороннего влияния и понял, кто он.

И начал бороться. Айвен цеплялся за воспоминания, старался удержать их и укрепить мысли. Он увидел Пайкела, увидел Кэддерли и Данику, увидел детей.

Дети.

Они выросли у него на глазах и из беспомощных крикливых младенцев превратились в высоких и стройных молодых людей, полных сил и энергии. Он гордился ими, словно собственными детьми, и не мог о них не заботиться.

В конце концов, во всем мире не найдется более упрямого существа, чем дворф. И лишь немногие дворфы обладали такой сообразительностью, как Айвен Валуноплечий. Воспользовавшись проблесками узнавания, он сразу же начал при помощи телепатии исследовать вторгшееся в него существо, постепенно поворачивая поток информации в обратную сторону.

Через чужие воспоминания он получил представление о том, что его окружает. До некоторой степени понял грозящую ему опасность и отчетливо ощутил силу драколича.

Он понимал, что, если есть хоть какой-то шанс остаться в живых, если ему удастся восстановить контроль над своим смертным существом, нельзя допускать ни мгновения растерянности или удивления.

* * *

На лице Айвена Валуноплечевого, контролируемом исключительно иллитидом Яраскриком, появилась улыбка.

Дворф начал просыпаться.

Причиной тому послужила оплошность пожирателя разума, поскольку Яраскрик, задумавшись о целесообразности возвращения всего своего сознания в разум дракона, где обитал и Креншинибон, неизбежно ослабил контроль над дворфом.

Яраскрик отлично знал: как только настойчивое разумное существо — а дворфы соответствовали этому понятию лучше всех остальных рас — прорвет кокон первоначального вторжения псионической власти, оно начнет действовать с упорством ручейка, размывающего земляную дамбу.

Теперь дворфа не удастся остановить, даже если бы Яраскрик этого захотел. Можно, вероятно, подавить его сознание на какое-то время, но удержать в полном повиновении уже

нельзя, поскольку мысленная паутина, при помощи которой пожиратель разума удерживал его сознание в темной яме, уже начала разрушаться.

Иллитид утешал себя мыслью о том, что освободит дворфа прямо перед разверстой пастью разъяренного Гефестуса. Он решил почти полностью покинуть сознание Айвена, оставив лишь тоненькую ниточку, чтобы ощутить безграничный ужас его последних мгновений.

В конце концов, что может более полно олицетворять непреодолимую власть над другим существом, как не пристальное наблюдение за его переживаниями в момент гибели?

И Яраскрик неоднократно проделывал подобный опыт, всякий раз задумываясь над ощущениями неотвратимой гибели. Но, к разочарованию иллитида, ни одно из существ не смогло увлечь за собой его разум в царство смерти.

Яраскрик решил, что это не имеет значения, и лишь мысленно вздохнул, признав свои неудачи. Все же последние мгновения жизни доставляли ему немалое удовольствие, и он разделял с подвластными ему существами самые сильные переживания и неожиданный ужас, вызываемый мысленным вторжением в такой интимный для разумного создания момент.

Глазами Айвена Валуноплечего Яраскрик посмотрел на дракона. Гефестус свернулся в дальнем конце огромной пещеры, но не спал, поскольку сон существует только для живых. Дракон медитировал, он строил планы и предвкушал грядущие победы.

Но Яраскрик ощутил исходящее от дракона чувство превосходства и решил, что лишит его удовольствия от этого убийства.

Иллитид в теле дворфа продолжал методичную подготовку. Он водрузил на голову рогатый шлем дворфа, поднял его тяжелый топор и на ходу изменил план. Он по-прежнему жаждал ощутить растущий ужас дворфа, его ярость и его отчаяние. Яраскрик направился к выходу из пещеры, взяв с собой четверку мертвецов, бывших чародеев из Врат Бальдура. На каменистой площадке он остановился и призвал Фетчигрола.

По приказу иллитида призрак снова переступил невидимый порог между царством смерти и Миром Теней, открывшимся из-за распада Пряжи Мистры.

Яраскрик помедлил еще мгновение, наслаждаясь нетерпением в мыслях Айвена Валуноплечего.

А потом позволил дворфу снова овладеть чувствами и мыслями смертной оболочки и очнуться в окружении врагов, без шансов убежать, без шансов одержать победу.

* * *

Айвен сознавал, кто он такой и что ему противостоит, — все это он почерпнул в сознании своего поработителя. Поэтому он не испытал шока, когда иллитид покинул его разум, и очнулся уже в движении. Боевой топор со свистом рассекал воздух, описывая широкие круги. Первым же ударом Айвен сокрушил одного из обгоревших чародеев, и в воздухе закружились частицы обуглившейся кожи. Обратным движением он раскрыл грудь второго зомби и отшвырнул его далеко в сторону. А когда подскочил третий противник, сумевший уклониться от оружия, Айвен нагнулся и со всех сил ударил головой. Оленьи рога шлема пробили в теле мертвеца глубокие дыры.

Зомби со стоном стал падать назад, но дворф, ударив сбоку, успел достать топором до его головы. Топор пробил череп насквозь и погрузился в тело четвертого противника, который уже готовился схватить дворфа.

Первый взрыв ярости Айвена начал иссякать, но к этому моменту навстречу устремились другие противники — приземистые плотные существа.

Айвен помчался прочь от пещеры, хотя из чужих воспоминаний знал, что этот путь ведет в тупик, поскольку площадка заканчивается отвесным обрывом. Но чужой разум еще не полностью покинул его сознание и, догадался Айвен, подталкивал его к пропасти.

Упрямый дворф развернулся, яростно растолкал ближайших преследователей и еще

быстрее ринулся в обратную сторону, прямо в пещеру.

А там лежал полусгнивший скелет огромного дракона, ожившего благодаря все той же темной магической силе. Чудовище уже зашевелилось, когда Айвен ворвался в пещеру, и с невероятным проворством вскочило на четыре лапы.

Увиденная картина едва не лишила Айвена способности дышать. Еще до того, как он очнулся, он знал, что в пещере находится что-то большое и ужасное, но такого монстра не мог себе даже представить.

Не будь Айвен таким решительным и опытным воином, он при виде дракона остановился бы у входа — и преследующие его твари набросились бы сзади целой толпой. Если бы даже дворф сумел уцелеть в этой схватке, огромный ящер быстро его прикончил бы.

Айвен не колебался ни мгновения. Высоко подняв топор, он испустил боевой клич своего бога, Морадина, и бросился вперед. Он не сомневался, что обречен, но решил погибнуть в бою, как и подобает настоящему воину.

* * *

При первых же звуках боя Даника насторожилась. Она осторожно обогнула камень, и ее сердце сжалось при виде Айвена, сражавшегося против орд ползунов и нескольких ужасно искалеченных мертвецов. А в стороне она ощутила присутствие призрачного существа, руководившего этими монстрами. Этот дух виделся ей всего лишь расплывчатой тенью, мерцающим сгустком серого тумана. Первым инстинктивным побуждением было желание пробиться к дворфу или обогнуть наседавшую толпу ползунов и атаковать управлявшее ими существо, но в этот момент дворф развернулся и бросился к пещере.

Монстры понеслись следом. За ними проплыл по воздуху призрак.

Даника подкралась ближе.

Айвен вбежал в пещеру. Ползущие чудовища, зомби и призрак тоже скрылись внутри. Даника подобралась к самому входу и невольно замерла. Она увидела смерть. Смерть Айвена, свою смерть и кончину всего мира.

При виде ужасного драколича Даника не смогла даже перевести дыхание. На обрывках оставшейся плоти ящера она заметила знакомые красные чешуйки. Ее взгляд приковала морда дракона — наполовину сгнившая, с торчащими белыми костями черепа, с горящими злобным огнем глазницами и необычным рогом в самой середине лба, от которого исходило зеленоватое свечение.

Она ощутила источаемую этим рогом силу.

Ужасную силу.

Боевой клич Айвена вывел ее из транса, и Даника, опустив взгляд, увидела, как дворф ринулся в атаку. Он высоко поднял над головой топор и бросился вперед, словно хотел прорубить себе путь прямо сквозь драконий скелет. Айвен нацелился на переднюю лапу ящера, но тот в последний момент поднял ее. Айвен продолжал бежать, а за ним устремились трое ползунов и один зомби, в котором Даника с грустью узнала одного из чародеев Врат Бальдура.

Дракон топнул лапой с такой силой, что содрогнулась вся гора и по каменному полу паутиной разбежались многочисленные трещины.

Воздух вокруг чудовищной лапы окрасился кровью, во все стороны полетели обрывки плоти, и грохот оповестил об окончании схватки.

Даника не удержалась и вскрикнула.

Те существа, что не последовали за Айвеном навстречу смерти, поспешно разбежались во все стороны, и некоторые из них слышали ее слабый голос.

Даника стремглав бросилась из пещеры, и кровожадные ползуны тотчас устремились в погоню. Она бежала по каменистой площадке, пытаясь сообразить, куда ей свернуть, чтобы попасть к тому месту, откуда она поднялась.

Она оглянулась, резко развернулась и обогнула каменный выступ, потом еще один,

стараясь выиграть время, чтобы успеть хоть немного спуститься с обрыва.

Но преследователей было слишком много, и все ее усилия приводили лишь к тому, что за спиной оказывались все новые и новые противники.

Площадка закончилась, и Даника резко остановилась у скалы, на самом нижнем краю отлогого участка, хотя обрыв за ним был гораздо опаснее, поскольку с этой стороны у подножия гор тянулась глубокая впадина.

Даника едва успела развернуться, как тут же бросилась на землю, уклоняясь от первого прыгнувшего на нее ползуна. Темное существо пролетело над ее головой, и злобный вой быстро сменился испуганным визгом, а потом затих вниз.

Даника вскочила и отпрыгнула в сторону, отправив вниз следующего преследователя. Третий ползун, словно не видя судьбы своих предшественников, тоже взвился в воздух, и Даника снова пригнулась. Но на этот раз, плотное тело ползуна, пролетая мимо, задело ее. Даника напрягла все мышцы и сумела восстановить равновесие, однако острый коготь в последний момент впился ей в плечо и дернул назад.

Внезапно шум и суматоха схватки куда-то исчезли, и уши Даники наполнились завыванием ветра.

Женщина полетела вниз.

Она согнулась и увидела в тысяче футов под собой верхушки очень высоких деревьев.

Даника подумала о Кэддерли, о своих детях и о незавершенном жизненном пути.

СУММА ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ

Мы живем в опасное время, и оно стало еще опаснее после того, как магия начала претерпевать изменения, а возможно, и настоящий коллапс. Если догадки Джарлакса верны, мы стали свидетелями столкновения миров, или уровней, и появления трещин, которые могут привести к еще более значительным переменам, касающимся всех нас.

И я подозреваю, что пришло время героев.

Я давно привык, что моей натуре необходимы активные действия. Я всегда чувствую себя лучше, когда предстоит преодолевать самые сложные препятствия. В такие критические времена я ощущаю себя частицей чего-то большего, чем я сам, ощущаю общую ответственность, долг поколения и нахожу в этом неиссякаемый источник бодрости.

Теперь мы все будем необходимы — каждый клинок и каждый разум, каждый ученый и каждый воин, каждый чародей и каждый жрец. Происшествия в Серебряных Землях, тревога на лице леди Аластриэль — все это не только местные явления, а, боюсь, лишь отголоски событий, происходящих по всему Торилу. Могу себе представить, какой хаос воцарился в Мензоберранзане, когда стало невозможно прибегнуть к помощи магов и жрецов. Угроза нависла над всем матриархальным обществом, и главные Дома, вероятно, осажжены толпами разъяренных кобольдов.

Положение в Верхнем Мире не менее угрожающее, и потому я повторяю: пришло время героев. Что, значит, быть героем? Что возвышает отдельных личностей над толпами воинов и боевых магов? Конечно, немалую роль играют обстоятельства: во времена самых тяжелых испытаний чаще возникают ситуации, требующие необычайного мужества и необычных поступков.

И, тем не менее, результатом величайших кризисов чаще всего бывает катастрофа. Не появляются герои. Нет лидеров, способных увлечь воинов в сражение или победить дракона, и города полыхают огнями пожаров.

В нашем мире, к счастью или к несчастью, благоприятные условия для появления героев стали почти привычными.

Но дело не только в благоприятных условиях или счастливых случаях. Удача может сыграть свою роль, и на самом деле некоторые личности — и к ним я причисляю себя — более удачливы, чем другие. Но я не верю в существование благословенных душ или проклятых душ, как не верю и в то, что тот или иной бог склоняется над чьим-то плечом и руководит нашими поступками, а потому я твердо убежден в наличии еще одного качества, необходимого для тех, кто ищет возможность подняться над общим уровнем.

Если поставить цель, а в тридцати шагах от нее выстроить три десятка лучших лучников, собранных со всех окрестностей, они все попадут в точку. Добавьте к соревнованиям пари на несколько золотых, и лишь некоторые из них под смех товарищей покинут состязание.

А теперь замените цель преступником, который угрожает кинжалом тому, кто каждому из стрелков дороже всего на свете. Теперь у лучника всего один шанс. Если он попадет в цель — в преступника, — дорогое для него существо будет спасено. Если промахнется, убийца поразит свою жертву.

Герой попадет в цель. И на это способны лишь немногие стрелки.

Это и есть то необходимое качество — способность сохранять самообладание и спокойствие, способность ясно мыслить, несмотря ни на какие возможные последствия неудачи, способность достигать абсолютной концентрации в моменты эмоциональных и психических потрясений. И не от случая к случаю или в удачные моменты. Герой делает выстрел.

Герой живет ради такого выстрела. И ради него тренируется каждый день помногу часов и с предельным вниманием.

В мире много отличных воинов, которые несут службу в своих армиях, и не важно, используют ли они меч, лук или огненные шары. Все они достойно отражают нападки стихий и врагов. Многие достигли мастерских высот и удостоились наград.

Но когда мир балансирует на грани катастрофы, когда победа или поражение зависят не только от храбрости и силы, когда от хаоса отделяет граница не толще лезвия меча, тогда герой находит выход — находит путь, невероятный для тех, кто не до конца понимает законы битвы, взлет и падение меча, кто не может найти логический противовес преимуществу противника.

Воин должен обучаться владению оружием, должен знать, как использовать щит, как парировать выпад и нанести контрудар, но действия истинного бойца, героя, выходят далеко за рамки общепринятой тактики. Каждое движение совершается инстинктивно, словно мускулы сами собой сокращаются с поразительной плавностью и координацией. Каждый блок логично обоснован и выполнен настолько четко, что может быть объяснен не только рефлексам, но и предвидением. И любые слабые места противника видны подлинному бойцу с первого взгляда.

Истинный воин должен сражаться спокойно, контролируя гнев и подавляя страх. Каждая ситуация лежит перед ним словно на ладони, каждое решение сверкает безупречной ясностью. И герой на шаг опережает обстоятельства, находит путь или сам пролагает тропу к победе, когда нет готового решения.

Герой находит путь и, когда путь найден, делает последний рывок, или ставит блок, или парирует удар и крадет у противника победу. Так было, когда Реджис своим рубином парализовал волю мага в Лускане. Так Вульфгар бросился навстречу йоклол, чтобы спасти Кэтти-бри. И сама Кэтти-бри решилась на отчаянный выстрел в катакомбах Калимпорта, чтобы отвлечь Энтрери, когда он едва не прикончил меня. И так Бренор использовал всю свою хитрость, силу и непоколебимую волю, чтобы одолеть темного

дракона по имени Мерцающий Мрак, угрожавшего Мифрил Халлу.

Для героя не существует понятия верной смерти, потому что именно в тот момент, когда гибель кажется неминуемой — когда Бренор улетел на горящем драконе в глубину ущелья Гарумна, — герой возносится над всеми остальными воинами. И в этот момент он действует инстинктивно, не думая ни о себе, ни о своей жизни.

Герой делает выстрел.

Сегодня, как мне кажется, всем нам предстоят испытания. В это время растерянности и опасности многое будет висеть на грани катастрофы, и многие рухнут с этого темного обрыва. Но найдутся немногие, кто перешагнет эту границу, кто отыщет путь и сделает выстрел.

Однако в такие моменты важно помнить, что репутация ничего не значит, и, если даже прошлые деяния вселяют уверенность, они не могут гарантировать победу в настоящем или будущем.

Я надеюсь, что мои руки будут крепко держать Тулмарил, когда я перешагну эту черту, потому что знаю: я обязательно шагну в тень смерти, где поджидает черная пропасть. И чтобы понять, насколько высоки ставки в этой борьбе, мне достаточно вспомнить о сломленном Реджисе или взглянуть на мою возлюбленную Кэтти-бри.

Я надеюсь, мне представится возможность выстрелить в преступника, кем или чем бы он ни был, который угрожает всем нам, и, если это случится, я попаду в цель.

Потому что это последнее условие, позволяющее стать героем. Если придерживаться истории о лучниках, герой хочет, чтобы решающий выстрел выпал на его долю. Когда ставки так высоки, герой хочет, чтобы результат зависел от него. И дело не в высокомерии, а в необходимости и уверенности в том, что герой всю свою жизнь тренируется и готовится именно к этому выстрелу.

Дзирт До 'Урден

Глава 17 НИЧЕГО, КРОМЕ ВЕТРА

Все исчезло. Сражение, страх, погоня. Все закончилось, остались только шум ветра и величественный вид с огромной высоты. Ощущение пустоты и одиночества заполнило сердце женщины. Свободы. Неминуемой гибели.

Поворот, наклон и совершенный контроль над телом моментально помогли Данике вернуться в вертикальное положение, и она развернулась лицом к скале, с которой только что сорвалась. Она вытянулась и подалась вперед, тщательно осматривая поверхность скалы перед собой и снизу и одновременно отмечая любые выступы и изменения угла наклона каменной стены. Затем хлопнула одной ладонью по камню, потом второй, повторила этот прием еще несколько раз и все время напрягала мускулы, препятствуя падению.

Выступающий камень далеко внизу и слева заставил ее вытянуть ногу в том направлении, хлопнуть сразу обеими ладонями по камню с небольшим толчком в сторону. Прodelав это десяток раз почти без перерыва, она добилась небольшого смещения влево.

Ступня попала на выступающий камень, и Даника всем телом оперлась на левую ногу, согнув колено, чтобы погасить инерцию толчка. Этого было недостаточно, чтобы остановить падение, но она сумела хоть немного уменьшить скорость падения.

Таков был путь монаха. Даника могла пробежать по стене высокого здания и приземлиться без каких бы то ни было повреждений. Она не раз проделывала это раньше. Даже самое высокое здание, конечно, не шло ни в какое сравнение с этой скалой, да и поверхность ее была не совсем ровной, местами она опускалась отвесно, местами — под отрицательным углом. Но Даника продолжала сосредоточенно работать, и ее мускулы подчинялись каждому приказу мозга.

Еще один выступ дал ей возможность немного уменьшить скорость падения, а узкий карниз позволил оттолкнуться сразу обеими ногами, и каждый раз мышцы ног отчаянно сопротивлялись силе притяжения.

В середине полета Даника так яростно работала руками и ногами, что стала похожа на стремительно падающего паука.

Мимо нее сверху вниз пронеслось темное тело, и женщина едва не утратила концентрацию внимания. Она узнала в нем темное мясистое чудовище, но не стала гадать, как и почему оно свалилось со скалы.

Для этого у нее не было времени, как не было времени ни для чего, кроме абсолютной концентрации на стоящей перед ней задаче.

Все ее ощущения ограничивались свистом ветра и контурами каменной стены.

Земля уже приближалась, а она продолжала падать слишком быстро, чтобы надеяться выжить. Даника не могла упасть и прокатиться по земле, чтобы погасить инерцию удара. Поэтому она свела ноги вместе и сильно оттолкнулась от стены назад, одновременно согнувшись. В этот момент навстречу уже рванулись верхушки увиденных сверху высоких деревьев.

А потом она врезалась в дерево и полетела вниз, сбивая иголки и ломая ветки. Один из сучьев разорвал ее блузку и вырвал из бока внушительный лоскут кожи. Следующая толстая ветка не сломалась, а согнулась, и Даника понеслась вниз головой, кувыркаясь, отскакивая от толстых сучьев, а вслед за ней летели потоки иголок. А до земли оставалось еще не меньше тридцати футов.

С трудом сохраняя сознание, почти ослепнув от боли, она все же сумела сгруппироваться и слегка согнуть ноги.

От удара о землю женщина перевернулась на бок, перекатилась через голову три, пять, девять раз, пока не остановилась и не закричала от непереносимой боли в ногах, в раненом боку, в плече, которое, как она поняла, было вывихнуто.

Даника сумела чуть-чуть повернуться и увидела неподалеку темную кляксу, оставшуюся от упавшего ползуна.

По крайней мере, она выглядит не так плохо. Но хотя она и не разбилась насмерть, как этот монстр, Даника опасалась, что не выживет после падения и результат окажется тем же.

На нее навалилась холодная темнота.

Но Даника боролась с ней, убеждая себя, что драколич будет ее искать, что она еще не в безопасности и, если она даже не умрет сразу после падения, чудовище уничтожит ее.

Она перевернулась на живот и приподнялась на локтях, вернее, попыталась, потому что взрыв боли в вывихнутом плече не позволил ей этого сделать. Но Даника сумела опереться на одну руку, и ее стало рвать. Спазмы и судороги пробудили новые очаги боли в ребрах, и на миндалевидных глазах выступили слезы.

Она говорила себе, что должна двигаться.

Но не могла даже шевельнуться.

Холодная темнота окутала ее со всех сторон, и даже сильная Даника уже не могла ей противиться.

* * *

В темном проеме маленькой кладовки на склоне ущелья Кэтти-бри с трудом различала силуэты своих друзей, освещенных отблесками факела из соседнего зала. Все они, похоже, оказались в тупике, псы-призраки преследуют их по пятам, а выход заблокирован драконом. Они потеряли Дзирта, а Вульфгар, лежащий рядом с Кэтти-бри, попал в черное облако ядовитого дыхания дракона, которое погрузило его в мрачное оцепенение и сделало почти беспомощным.

Она продолжала всматриваться в проем и отчаянно молилась, чтобы ее отец нашел выход и спас их. Но не могла понять, в чем дело, когда Бренор снял украшенный

драгоценными камнями шлем, а вместо него надел старый, изрядно побитый и увенчанный рогами.

Затем он протянул корону Реджису:

— Береги корону повелителя Мифрил Халла.

И тогда она поняла, что он задумал.

— Но он твой, — возразил хафлинг, протянув сияющий шлем дворфу, и в его голосе прозвучал тот же страх, что сжал сердце Кэтти-бри.

— Нет, он больше не принадлежит мне ни по праву, ни по заслугам. Пойми, Пуз... пойми, Реджис, Мифрил Халла больше не существует. Я уже больше двухсот лет — Бренор из Долины Ледяного Ветра, а моя тупая башка додумалась до этого только сейчас!

Кэтти-бри не расслышала последующих слов, потому что вскрикнула, осознав дальнейшие намерения дворфа. Реджис что-то спросил. Она не разобрала слов, но догадалась, что он задал тот же самый вопрос, ответ на который оглушил ее мысли.

Бренор вышел из маленькой комнаты и направился прямо в ущелье.

— Это один из тех трюков, на которые ты горазд, малыш! — крикнул он и посмотрел в ту сторону, где находились Кэтти-бри и Вульфгар. — Но раз уж я додумался прыгнуть на спину дракона, я не промахнусь!

Этими словами он открыто признавался, что жертвует собой ради спасения остальных из темных глубоких пещер, когда-то называвшихся Мифрил Халлом, где их запер в ловушку дракон Тьмы.

— Бренор! — услышала Кэтти-бри свой собственный крик.

Она не создавала, что кричит, — настолько шокировала ее мысль о предстоящей утрате дворфа, ее приемного отца, великого Бренора, бывшего основой всей жизни и силы Кэтти-бри из клана Боевого Топора.

В этот ужасный момент все в мире стало двигаться страшно медленно. Вот Бренор бежит по дну ущелья, вот он поджигает свой плащ, а под ним просматривается целый бочонок масла!

Но дворф не сомневается и не замедляет шага, когда взбирается на выступ и высоко поднимает топор, хотя вся его спина уже объята пламенем.

Отчаяние и ужас выгнали Кэтти-бри из укрытия, и вместе с Реджисом она в оцепенении смотрела, как горящий дворф прыгает на спину огромного дракона Тьмы.

Бренор не показал и тени колебаний, но его поступок потребовал от Кэтти-бри напряжения всех ее сил. Она едва держалась на ногах, глядя, как ее отец гибнет, жертвуя своей жизнью ради того, чтобы она, Вульфгар и Реджис смогли выбраться из ущелья и покинуть темноту Мифрил Халла.

Но она боялась, что на это сил у нее уже не хватит и ее отец погибнет напрасно.

Потом рядом с ней появился Вульфгар, все еще хмурый от борьбы между отчаянием, вызванным дыханием дракона, и решимостью, характерной для варвара из Долины Ледяного Ветра. И Кэтти-бри озадачил его поступок: варвар поднял свой волшебный молот и метнул его в дракона.

— Ты сошел с ума? — воскликнула она, хватая за руку Вульфгара.

— Бери свой лук, — произнес он и снова стал прежним Вульфгаром, освободившись от коварного заклятия дракона. — Если ты считаешь себя другом Бренора, не дай ему погибнуть напрасно!

Истинный друг? Слова поразили Кэтти-бри, напомнив, что Бренор не только ее друг, но и отец, ее опора в жизни.

Она понимала, что Вульфгар прав, и потому дрожащими руками подняла лук и прицелилась, несмотря на то, что глаза застилали слезы.

Она не могла помочь Бренору. Она не могла спасти его от добровольного самопожертвования — он сам сделал этот выбор, чтобы помочь им троим выбраться из ловушки.

Это был самый трудный выстрел в ее жизни, но ради Бренора она должна его сделать.

Серебристая стрела молнией вырвалась из Тулмарила, и яркая вспышка отразилась в мокрых глазах Кэтти-бри.

Кто-то обнял ее и крепко прижал руки к бокам. Донесся свист далекого шепота, но она не могла разобрать слов, как не могла увидеть того, чье прикосновение почувствовала.

В этих сильных и нежных руках она узнала руки Дзирта.

Но Дзирт был потерян для них. Это бессмысленно.

И Бренор...

Ущелье исчезло, дракон исчез, ее отец исчез, как исчез весь мир, оставив после себя только коричневый туман, из которого появлялись похожие на тени существа и тянули к ней свои лапы.

Они не могли до нее дотянуться, не могли причинить ей боли, но Кэтти-бри в бескрайней пустоте от этого было не легче. Она ничего не чувствовала, ничего не видела в этой незнакомой местности, кроме уродливых ползущих тварей.

Она была совершенно одна в этом месте.

И еще хуже, хуже всего остального, было то, что линия между двумя реальностями казалась такой тонкой и расплывчатой, что это несоответствие обескураживало Кэтти-бри, лишая чего-то более личного, чем близкие друзья и знакомое окружение.

Она пыталась сопротивляться, пыталась сосредоточиться на ощущении прикосновения этих сильных рук — это должен быть Дзирт! — но быстро поняла, что больше не ощущает объятий, даже если они и продолжались.

Расплывчатые картины начали рассеиваться. Два мира соперничали между собой, посылая в ее мозг отрывочные образы и раздражающую какофонию бессмысленных звуков, означающую столкновение двух реальностей, от которого невозможно скрыться.

Она углубилась в себя, старалась удержать свои воспоминания, свою реальность, свою личность.

Но удержаться было не за что, не было ни одной вехи, напоминавшей хоть о чем-нибудь, даже о самой Кэтти-бри.

Не было ни убедительной мысли, ни ясных воспоминаний, ни самосознания.

Она так основательно заблудилась, что и сама этого не понимала.

* * *

Пятно оранжевого света пробилось сквозь сомкнутые веки Даники и прорезало темноту, овладевшую ее чувствами. Она с трудом приоткрыла один глаз и увидела, что наступил рассвет. Сияющий шар едва показался над горизонтом и заглянул в узкую впадину между двумя склонами. Данике даже подумалось, что далекие горы специально направили свет солнца ей в глаза, чтобы она очнулась.

В голове пронеслись воспоминания о событиях прошлого дня, и женщина с трудом смогла отличить реальность от ужасных кошмаров.

Или ей все это только приснилось?

Тогда почему она лежит на дне каньона у подножия высокой скалы?

Даника начала разматывать загадочный клубок, и туман понемногу рассеялся.

Она попыталась подняться на локтях, но взрыв боли в поврежденном плече опять бросил ее на землю. Зажмутив глаза, с искаженным страданием лицом, она вспомнила падение, вспомнила удары о ветки деревьев, потом вернулась к сцене, происшедшей наверху, в логове не-умершего дракона.

Айвен погиб.

Тяжесть потери усилила ее страдания. Даника снова слышала грохот, когда драколич топнул лапой, снова увидела кровавые брызги и ошметки плоти, разлетевшиеся по всей пещере. Она вспомнила, как Айвен заботился о ее детях, словно любящий дядюшка, который преподает суровые, но необходимые уроки, в отличие от своего более мягкосердечного брата Пайкела.

— Пайкел, — прошептала она, осознав, что должна будет сказать ему об участии Айвена.

При мысли о Пайкеле она вспомнила о своих детях, которые бродили где-то вместе с дворфом.

Даника открыла глаза — нижний край солнца уже показался, утро было в полном разгаре.

Дети попали в беду. В этом она уже не сомневалась. С ними что-то случилось, или опасность их уже настигла, и Даника не могла смириться с этой мыслью.

Из груди вырвался мучительный стон, но Даника сумела приподняться на одной руке, потом подтянула ноги и, оттолкнувшись, села на колени. Левая рука бессильно повисла вдоль тела, причем не прямо, а чуть позади. От боли женщина не могла повернуть голову, чтобы осмотреть плечо, но и так знала, что оно вывихнуто.

Так не пойдет.

Она осмотрелась. За спиной уходила вверх каменная стена. Даника решительно кивнула, вскочила на ноги и, не дожидаясь, пока боль лишит ее сил, рванулась к стене, развернувшись в прыжке и ударилась поврежденным плечом в стену.

Раздался звонкий щелчок, и Даника поняла, что это прелюдия к очередному взрыву боли. В следующее мгновение она уже согнулась пополам, и ее опять вырвало.

Но теперь она могла видеть плечо, сустав встал на место, и боль быстро проходила. Рукой можно было даже двигать, хотя малейшее усилие причиняло сильные мучения.

Она еще долго стояла, прислонившись к стене, стараясь найти хоть небольшой островок спокойствия в бушевавшем шторме боли, который завладел ее телом.

Наконец она снова открыла глаза, и взгляд тотчас уперся в тела ползунов, сплюснутых ударом о землю. Даника заставила себя обернуться и посмотреть вверх, на скалу, вспомнила об ужасном драконе и о том, что должна предупредить тех, кто мог бы помочь ей уничтожить чудовище.

Движимая материнским инстинктом, она обратила взор к югу, в сторону Кэррадуна, куда ушли ее дети, и куда она отчаянно стремилась. Но потом сосредоточилась, пытаясь сориентироваться на местности относительно северной дороги, ведущей к Храму Парящего Духа.

Вскоре Даника поняла, что ей не придется пересекать каменистую грядку, чтобы выйти на эту дорогу, и удовлетворенно кивнула. Теперь она совершенно точно представляла, где находится — в нескольких милях от храма, — и упрямо зашагала вперед, хотя ноги грозили подогнуться в любой момент.

Спустя некоторое время Даника остановилась, опираясь на палку, борясь с непрекращающейся болью и со страхом глядя на ведущую к дому дорогу. Она была гораздо круче, чем путь, ведущий к Кэррадуну, и в голову закралась мысль продолжить путь к портовому городу, а потом воспользоваться более удобными тропами.

Едва задумавшись над этими смехотворными оправданиями, Даника не могла удержаться от улыбки. На такой маршрут уйдет больше суток, а у Кэддерли и остальных людей совсем нет времени.

На дорогу она вышла вскоре после полудня, но силы таяли с каждым шагом, а разорванная одежда уже прилипла к вспотевшему телу. Даника снова посмотрела на юго-восток, где стоял невидимый отсюда Кэррадун, снова подумала о своих детях. Но, закрыв глаза, повернула на юг. Ради них она должна преодолеть этот путь.

Она вспомнила, что около четверти мили дорога идет прямо, а потом начинается тяжелый подъем к горам Снежные Хлопья. Она должна преодолеть подъем. Это не просто желание, это ее долг. Кэддерли должен знать.

И Даника решила идти всю ночь, чтобы рассказать ему о драконе. Она медленно шагала вперед, волоча одну ногу и тяжело опираясь правой рукой на палку, тогда как левая рука бессильно повисла вдоль тела. Каждое движение отдавалось болью в плече, и Данике пришлось остановиться, чтобы оторвать от блузки еще один лоскут и соорудить повязку.

Решительно вздохнув, она продолжила путь, теперь немного быстрее, но сил оставалось совсем немного.

Она потеряла счет времени, но заметила, что тени стали длиннее, когда сзади донесся звук, — ее догонял то ли всадник, то ли повозка. Даника свернула в сторону и упала позади кустов, а потом еще и проползла немного, чтобы видеть дорогу. Пытаясь не застонать от боли, она прикусила губу, но, когда неожиданные странники показались из-за деревьев, от удивления она совершенно забыла обо всем.

Сначала она увидела лошадь — похожее на скелет существо, из-под копыт которого вылетали язычки пламени, а из ноздрей вырывался дым. Это, без сомнения, был адский скакун, а когда Даника увидела возницу, вернее, его широкополую шляпу и эбеновую кожу, она вспомнила его.

— Джарлак? — прошептала она.

Что еще более удивительно, рядом с ним сидел другой темный эльф, которого Даника тоже хорошо знала.

Тот факт, что Джарлак ехал в одной повозке с Дзиртом До'Урденем, совершенно выбил ее из колеи. Как это могло быть?

И что это могло означать для нее и для Кэддерли?

Повозка подъехала ближе, и Даника различила еще две головы, очевидно принадлежащие дворфам. Громкий визг привлек ее внимание, и она заметила третьего дворфа верхом на боевом вепре, который, похоже, мог пастись на просторах нижних уровней, вместе с черной лошадью, тащившей повозку.

Даника говорила себе, что этот эльф не может быть Дзиртом, что злодей Джарлак, вероятно, был виновником несчастья, обрушившегося на Эрлказар. Она не может выйти к ним, повторяла Даника, пока повозка приближалась к ее укрытию.

Но когда повозка остановилась футах в десяти и адский конь зафыркал, выбрасывая из ноздрей пламя, и забил копытами, Даника осознала, что у нее нет выбора, и, несмотря на все свои опасения, поднялась на колени и позвала на помощь.

— Леди Даника! — воскликнули одновременно Джарлак и Дзирт.

Двое дружно соскочили с повозки, подбежали к Данике и встали с двух сторон на колени. Общими усилиями они осторожно поднимали женщину и озабоченно переглянулись, недоумевая, кто мог так сильно покалечить столь искусного воина-монаха.

— Что там случилось, эльф? — спросил один из дворфов, спрыгнув через задний борт повозки. — Это подруга Кэддерли?

— Леди Даника, — объяснил Дзирт.

— Вы должны... — выдохнула женщина. — Вы должны отвезти меня к Кэддерли. Надо предупредить его...

Она замолчала, потеряв сознание.

— Мы отвезем, — пообещал Дзирт. — А теперь отдохни.

* * *

Дзирт взглянул на Джарлакса, не в силах скрыть самых мрачных опасений. Он не был уверен, что Даника переживет эту поездку.

— У меня есть снадобья, — сказал Джарлак, впрочем, не так уверенно, как того хотелось бы Дзирту.

Кроме того, кто мог предугадать, какого действия можно ожидать от зелья в то время, когда магия стала непредсказуемой?

Они как можно удобнее уложили Данику на заднее сиденье повозки, рядом с Кэттибри, абсолютно безучастной ко всему, что творилось вокруг. Джарлак остался с раненой женщиной и вливал ей в рот свои снадобья, а Бренор изо всех сил погонял адского скакуна. Дзирт и Пуэнт побежали рядом с повозкой, опасаясь, что существо, от которого пострадала Даника, могло быть где-то неподалеку. Атрогейт на своем вепре по приказу Джарлакса тоже

держался поблизости, впереди лошади.

— Подъем становится круче, — вскоре предупредил Бренор. — Твоему коню это не нравится.

— Мулы уже достаточно отдыхали, — сказал Джарлак. — Проедем, сколько сможем, а потом запрежем их.

— К тому времени настанет ночь.

— Возможно, сегодня нам не придется останавливаться на ночлег.

Бренору очень не хотелось соглашаться, но он с удивлением обнаружил, что кивает, несмотря на свои опасения.

— Эльф? — спросил дворф, как только Дзирт с обочины вернулся к повозке.

— Ничего, — ответил Дзирт. — Никаких признаков чудовищ и никаких следов, кроме следа самой Даники.

— Что ж, это тоже неплохо, — сказал Бренор и, схватив эльфа за пояс, помог ему запрыгнуть на борт повозки.

— У нее выровнялось дыхание, — заметил Дзирт, взглянув на Данику.

— Снадобье помогло, — кивнул Джарлак. — Какая-то часть магии все еще сохраняет свои свойства.

— Ба! Да она еще не сказала ни слова, — вмешался Бренор.

— Я погрузил ее в состояние транса, — объяснил Джарлак. — Ради ее же собственного блага. Это совсем простое заклинание, — добавил он в ответ на подозрительные взгляды Дзирта и Бренора.

Он вытащил из кармашка подвеску с рубином, точь-в-точь такую же, как у Реджиса.

— Эй, брось! — воскликнул Бренор и дернул поводья, заставляя скакуна прибавить шаг.

— Это не амулет Реджиса, — заверил его Джарлак.

— Но ты забрал амулет у него еще в Лускане, — вспомнил Дзирт.

— Только на время, — возразил Джарлак. — Чтобы мои ремесленники смогли изготовить точную копию. — Бренор и Дзирт продолжали смотреть на него, и дроу пожал плечами. — Только для этого.

Бренор и Дзирт со вздохом переглянулись.

— Я ничего у него не крал, хотя это было не трудно, — настаивал Джарлак. — И я не убил его или тебя, хотя...

— Это было не трудно, — вынужден был признать Дзирт. — Когда ты выведешь ее из транса? — спросил он.

Джарлак перевел взгляд на женщину и решил, что она вполне успокоилась.

— Скоро, — произнес он.

Но едва он успел договорить, как Даника вдруг вытянула руку и схватила цепочку, на которой покачивался рубин. А потом плавным и простым движением она приподнялась на скамье, забросила цепочку на шею ошеломленному Джарлаксу и натянула ее, не давая дроу возможности шевельнуться.

— Тебя предупреждали, чтобы ты никогда не возвращался в эти места, Джарлак Бэнр, — заговорила Даника, наклонившись к самому уху темного эльфа.

— Твоя благодарность меня поражает, леди, — сумел прохрипеть в ответ дроу.

Но он заметно напрягся, когда Даника сильнее стянула концы цепочки.

— Только попробуй хоть пальцем потянуться за оружием, дроу, — предупредила она. — Я сломаю тебе шею, как сухую ветку.

— Не поможешь? — шепотом попросил Джарлак у Дзирта.

— Даника, отпусти его, — попросил Дзирт. — Он нам не враг. По крайней мере, сейчас.

Даника немного ослабила хватку, скептически посмотрела на разведчика-дроу, потом перевела взгляд на Бренора.

Дзирт толкнул дворфа в бок.

— Рад, наконец, встретиться с тобой, леди Даника, — заговорил Бренор. — Король Бренор из клана Боевого Топора к твоим...

Дзирт еще раз толкнул его локтем.

— Да отпусти беднягу, — попросил Бренор. — Это Джарлакс дал тебе зелье, чтобы поддержать жизнь, и он обещал помочь моей дочери.

Даника перевела взгляд на дроу, потом оглянулась на Кэтти-бри.

— А что с ней? — спросила она, отпустив Джарлакса.

Дроу тотчас перепрыгнул на переднее сиденье, чтобы оказаться подальше от Даники.

— Ни разу не видел, чтобы Джарлакса так легко поймали, — заметил Дзирт.

— Я и сам удивлен не меньше тебя, — признался темный эльф.

Дзирт усмехнулся, наслаждаясь кратким моментом торжества. Затем он перепрыгнул через поручни и сел на освободившееся место рядом с Даникой.

— Я постараюсь больше не допускать таких промашек, — негромко пообещал Джарлакс.

— Вы должны отвезти меня в Храм Парящего Духа, — решительно заявила Даника.

— Мы как раз туда и направляемся, — кивнул Дзирт. — Кэтти-бри поразила упавшая нить из Пряжи Мистры — какой-то голубой огненный шар. И теперь она заперта наедине со своими мыслями в каком-то темном мире, где обитают сгорбленные ползающие монстры.

Услышав его описание, Даника едва не вскрикнула.

— Ты видела их? — спросил Джарлакс.

— Чудовища с длинными лапами, коротконогие — почти совсем без ног, — с темно-серой шкурой. Они напали на Храм Парящего Духа прошлой ночью, — пояснила женщина. — А потом я отправилась на разведку... — Она помолчала и печально вздохнула, — Айвен Валуноплечий погиб, — добавила она.

Бренор горестно вскрикнул, Дзирт поморщился, а Тибблдорф Пуэнт громко застонал.

— Это дракон, — продолжила Даника. — Вернее, драколич, и даже нечто большее...

— Драколич? — переспросил Джарлакс.

— Дракон издох, а ходит все равно, он зол ужасно, мне кажется, это забавно! — вмешался в разговор Атрогейт, и Пуэнт кивком одобрил его очередную попытку говорить стихами, за что получил раздраженный взгляд Бренора.

Даника изумленно посмотрела на эксцентричного дворфа.

— Ему не каждый день встречаются драколичи, — с невозмутимым видом заметил Джарлакс.

Даника, казалось, удивилась еще сильнее.

— Ты говорила, что заметила еще что-то странное? — подтолкнул ее Джарлакс.

— Он сеет смерть одним своим прикосновением. Я поняла это, когда шла по его следу. Там, где прошло чудовище, погибли вся трава, кусты и даже деревья.

— Никогда не слышал ничего подобного, — удивился Бренор.

— А когда я увидела это гигантское и ужасное существо, поняла, что моя догадка была верной. Его прикосновение грозит смертью. Вернее, он и есть воплощение смерти, но не только. Рог на его голове сияет могуществом, — продолжала Даника, прикрыв глаза и словно через силу вспоминая то, что хотела бы забыть. — Я думаю, это...

— Креншинибон, Хрустальный Осколок, — сказал Джарлакс, кивая при каждом слове.

— Да.

— Опять это проклятое создание, — проворчал Бренор. — Ты же искал его, эльф. И, похоже, не уничтожил.

— Я уничтожил, — поправил его Джарлакс. — И боюсь, именно в этом источник всех моих проблем.

Бренор только сокрушенно тряхнул лохматой головой.

Даника показала на высокую вершину к северу от них:

— Он их контролирует. — Она пристально взглянула в глаза Джарлакса. — Я уверена, что это Гефестус, огромный красный ящер, чье дыхание разрушило артефакт, по крайней

мере, мы так считали.

— Да, это наверняка Гефестус, — согласился Джарлакс.

— Тогда, может, расскажешь, что нас ждет в ближайшем будущем?

— Я уже говорил о своих опасениях, — ответил Джарлакс. — Дракон и личи. Каким-то образом им удалось освободиться из плена артефакта, который они же сами и создали.

— Хрустальный Осколок теперь там, — Даника постучала пальцем по своему лбу, — в голове драколича.

— Их соединила магия разрушающейся Пряжи, — сказал Джарлакс. — И столкновение миров.

Даника недоверчиво покачала головой.

— Я тоже не слишком в этом уверен, — пояснил Джарлакс. — Это всего лишь догадки. Но в том, что все события связаны между собой, я не сомневаюсь. — Он оглянулся на Кэттибри, задержав взгляд на ее широко открытых, но невидящих глазах. — Ее несчастье, эти чудовища, восставший из мертвых дракон... Все это части одной и той же катастрофы, масштаб которой нам еще не известен.

— И нам придется это выяснить, — сказал Дзирт. — А Кэттибри мы возем к Кэддерли в надежде на его помощь.

— А еще мне кажется, что вам пригодится наша помощь, — добавил Бренор, глядя на Данику.

Данике нечего было возразить, и она лишь беспомощно вздохнула. А потом обернулась к высокой горе, где было логово драколича и Креншинибона, где осталась могила Айвена Валуноплечега. Она старалась не смотреть в ту сторону, но не могла удержаться. Душу Даники терзал страх за детей.

Глава 18 РАЗРЫВ

Яраскрик понимал, что это не только независимая мысль. Это уже независимое желание.

Такие вещи терпеть нельзя. Семеро личей, создавшие Хрустальный Осколок, должны представлять собой единую волю, выражаемую Креншинибоном. И больше недопустимы никакие чувства, никакие мнения, никакие желания.

Однако в вопросе Фетчигрола восприимчивый иллирид явно уловил оттенок желания. Это существо не просто руководствовалось целесообразностью и необходимостью, чтобы удовлетворить желание троих повелителей, объединившихся в Короле Призраков. Фетчигрол чего-то хотел.

А мнение Креншинибона, высказанное в то время, когда обсуждалось решение Короля Призраков, оказалось не более чем поддержкой призрака-лича.

Яраскрик мысленно обратился к Гефестусу, призывая его отвергнуть домогательства лича, и постарался внушить ему тревогу, но ему приходилось маскировать свои чувства, чтобы Хрустальный Осколок не заметил беспокойства иллирида.

То ли Гефестус не уловил его осторожного давления, то ли просто из неприязни к Яраскрику, но дракон ответил выражением своего нетерпения, чего и добивался Фетчигрол.

— Сколько можно вызывать слуг из преобразованного Мира Теней, чтобы без помех объявить себя их повелителями, повелителями этого мира? — спросил вслух Яраскрик.

Гефестус в полную силу использовал контроль, полученный над телом мертвого дракона.

— Ты что, боишься этих уродливых комков плоти? — громко спросил он.

— Дело не столько в ползунах, сколько в самом Мира Теней, — ответил Яраскрик после недолгих сомнений относительно того, восстановился ли его собственный голос. — Лучше уж воспользоваться мертвецами нашего уровня — их численность практически не ограничена.

— Но они неэффективны! — взревел драколич, так что задрожала гора. — Они безмозглые...

— Зато контролируемые, — прервал его иллитид, усилив словесный натиск в борьбе за физическое превосходство.

— Мы Король Призраков, — заявил Гефестус. — Мы выше всех.

Яраскрик был готов продолжить спор, но заметил, что стоявший неподалеку Фетчигрол кивает. Он даже ощутил удовлетворение, исходившее от призрачного существа, и понял, что Креншинибон уже встал на сторону дракона и Фетчигрол получил разрешение вернуться в Кэррадун, чтобы призвать очередную армию ползунов истребления всех горожан, которые скрылись в туннелях.

Удовлетворение такого существа! Как может Гефестус не понимать, насколько опасны независимые эмоции любого из этой Семерки? У них не может быть другого удовлетворения кроме удовлетворения от служения, а Фетчигрол действует в соответствии с собственными желаниями, а не из чувства долга перед своими повелителями. Он вполне мог позавидовать Сольме, которого направили в Мир Теней, тогда как Фетчигролу оставалось только поднимать из могил мертвецов. К тому же бегство значительной группы людей из Кэррадуна усилило недовольство призрака, и теперь он стремится исправить положение.

Но призраку не положено испытывать беспокойство. Почему же Гефестус этого не понимает?

С компетентными генералами мы еще сильнее, — поступила ответная мысль, и Яраскрик понял, что это Креншинибон, предпочитавший не пользоваться голосом дракона.

— Они не осмелятся нам перечить, — добавил Гефестус.

Посмотрим, на что они способны в ярости.

Ради какой цели? Яраскрик предусмотрительно скрыл эту мысль от остальных. Какую выгоду сулит им преследование горстки кэррадунцев? Зачем тратить время и силы на этих беглецов?

— Твоя осторожность начинает утомлять, — сказал драколич, как только Фетчигрол покинул пещеру и направился к Кэррадуну. Яраскрик помедлил. Он догадался, что эти слова принадлежали Гефестусу, но выбор слов и интонация соответствовали продуманному замечанию, а не яростному рычанию, более свойственному дракону. — Разве мы не можем уничтожить просто ради собственного удовольствия?

Иллитид не обладал физическим телом и, соответственно, не мог дрожать, но в этот момент откровения он наверняка вздрогнул бы. И это изумление не ускользнуло от внимания двух других существ. Пожирателю разума было куда спрятаться от...

— От кого?

От Короля Призраков, — последовал мысленный ответ дракона, читавшего его мысли, словно свои собственные.

В тот момент до Яраскрика дошло, насколько прочна связь между Гефестусом и Креншинибон. Они действительно превратились в одно целое и обладали одним мышлением.

Иллитид даже не пытался скрыть страх, что такая же судьба ждет и его самого. Будучи пожирателем разума, он хорошо знал, что такое коллективный разум, — в его родном Подземье сотни сородичей объединялись в ульи, образуя нечто вроде хранилища разума, философии и теорий. Но то были тоже иллитиды, равные друг другу существа, обладающие схожим разумом.

— А Король Призраков значительнее, чем твои сородичи, — ответил ему драколич. — Это тебя пугает?

Все его мысли были для них открыты!

— Твое место здесь, Яраскрик, — сказал Король Призраков. — Гефестус — это инстинкт, ярость и физическая сила. Креншинибон — хранилище почти вечной мудрости и бесстрастия, а потому обладает суждением настоящего бога. Яраскрик — это свобода неограниченного воображения и понимание сюрреализма соединившихся миров.

Одно только слово, скрытое в середине этой декларации власти, открыло Яраскрику истину: суждение. Из всех составных частей заявленного целого суждение, безусловно, стояло на верхней ступени, следовательно, это Креншинибон намерен был сохранить свою личность. Дракон будет действующей силой, иллидид послужит консультантом, а Креншинибон станет осуществлять общий контроль.

Яраскрик с ужасом понял, что сам Креншинибон и предоставил призракам некоторую свободу, и сделал это потому, что не сомневался в их вечной преданности ему, их наивысшему творению.

У иллидиды оставался только один шанс: достучаться до дракона и объяснить ему, что такая роль приведет ящера к полной утрате личности.

В ответ на вырвавшуюся у пожирателя разума мысль дракон расхохотался оглушительным скрежещущим хохотом.

* * *

Сольме перехитрил Фетчигрола. Несколько столетий назад они оба и еще пятеро единомышленников объединились ради общей цели, создали союз, результатом которого стало появление вечного артефакта непревзойденной силы. Тогда Фетчигрол не придавал значения тому, что Сольме его превзошел. Взаимодействие в составе Креншинибона было добровольным и не подразумевало соперничества.

И призрак — составная часть более значительного, чем Фетчигрол, существа, всего лишь инструмент для поддержания Креншинибона — не должен был об этом тревожиться.

Но он беспокоился. И позже, той же ночью, стоя на разрушенном причале Кэррадуна, когда уже был достигнут уровень Мира Теней, Фетчигрол ощутил восторг. Не ликование Креншинибона, а свой собственный восторг.

И когда его сознание вернулось к Торицу, когда начала открываться расселина, он ощутил огромное удовлетворение — свое собственное, а не Креншинибона — оттого, что следующую поучительную лекцию предстоит выслушать Сольме, а не ему.

В открывшуюся щель хлынул поток ползунов. Фетчигролу не пришлось их контролировать — они сами вывели его к небольшой бухте к северу от доков, где затихали волны озера Импреск и находился вход в туннели. Темнота подземелья не пугала ползунов. Им нравились узкие мрачные закутки, и ни одно существо во всем многообразии Вселенной не наслаждалось так охотой, как эти ненасытные существа из Мира Теней.

Множество злобных тварей просочилось в этот мир, но вскоре расселина начала затягиваться, возвращаясь к своему природному состоянию.

Помня о благословении Креншинибона, деятельный Фетчигрол снова открыл ее.

И еще раз сделал это чуть позже, хотя и знал, что процесс каждый раз ослабляет барьер, разделявший два мира. Этот барьер, это естественное и всегда существовавшее препятствие было единственным способом контроля. Со временем и третья расселина начала сужаться.

И Фетчигрол опять открыл ее!

С каждым разом в реальный мир выходило все меньше ползунов, поскольку сумрачное пространство, где обитали эти существа, почти опустело.

Но Фетчигрол не желал ни в чем уступать Сольме. Он глубже погрузился в Мир Теней и направил свой призыв в самые отдаленные уголки Царства, даже в те области, которых не мог различить.

Он ничего не увидел и не услышал, потому что это существо, как и всякое порождение Тьмы, двигалось совершенно бесшумно. Черное облако охватило призрак и поглотило его целиком.

В этот ужасный момент он сообразил, что проиграл. Но это уже не имело значения, потому что спастись от этой напасти возможности не было.

Просто неудача. Полная, абсолютная и неисправимая. Фетчигрол понял это сразу. И в его сознании не мелькнуло ни единой мысли о сопротивлении.

Дракон из Царства Теней не мог проникнуть сквозь расселину, но он сумел достаточно далеко просунуть в нее голову и схватить зубами зазевавшегося призрака.

У Фетчигрола не было ни единого шанса. Сдвиг уровней просто перенесет его целиком на другую сторону барьера и оставит перед злобным драконом. Да и желания сопротивляться у призрака не было, потому что темное облако дыхания дракона погрузило его в бездну отчаяния и заставило поверить, что уничтожение — это лучший выход.

И он был уничтожен.

* * *

Дракон отступил в Мир Теней, но запомнил то место, где появилась расселина. Он надеялся, что однажды щель откроется достаточно широко, и он сможет пройти. А вслед за ним пройдут и другие существа.

Темнокрылы — гигантские черные летучие мыши — распахнут свои кожистые крылья и будут кружить над развалинами Кэррадуна, мечтая насладиться легкой плотью материального мира.

Зловещие, внушающие ужас призраки, похожие на истощенных людей в ветхих темных накидках, способные одним прикосновением высосать из жертвы все силы, украдкой выберутся на волю и начнут охоту.

И ночные странники — черные безволосые гиганты двадцати футов ростом, обладающие силой горных великанов, — протиснутся в щель и разбредутся по берегам озера Импреск.

* * *

А в горной пещере Королю Призраков было уже все известно.

Фетчигрол исчез, и поток его энергии прервался, а потом окончательно иссяк.

Яраскрик был иллитидом. А илликиды придерживаются холодной логики и не злорадствуют, зато драконы подвержены эмоциям, и, когда иллитид заметил, что он не зря возражал против плана Фетчигрола, на него обрушились волны ярости.

И со стороны Гефестуса, и со стороны Креншинибона.

Яраскрик не сразу понял причину такого единогласия между Хрустальным Осколком и летающим ящером. Креншинибон способен мыслить логически, склонен к прагматизму и не поддается эмоциям, как и иллитид.

Только вот в отличие от пожирателя разума, Креншинибон был очень амбициозен.

И в тот момент Яраскрик окончательно убедился, что их союз не выдержит, что триумvirат в сознании дракона никогда не сможет стать прочным. Придется искать убежище вне тела дракона, но иллитид мгновенно спрятал эту мысль. В конце концов, нет более могущественного существа, чем драколич, и Гефестус ни за что не оставит его в живых.

Придется бороться.

Гефестус сочился злобой и окружил себя стеной ярости, и иллитид принялся методично отыскивать нестыковки и слабые места в логике противника, напоминая ему о неоспоримых истинах — о том, что безрассудно открывать широкий проход на неизведанный уровень и что для борьбы с объединенными силами Храма Парящего Духа необходима крайняя осторожность. Только эти истины могли помочь Яраскрику добиться своей цели.

По всем канонам ведения дискуссий Яраскрик намного превосходил своего оппонента. На его стороне были логика и неопровержимые истины. Иллитид продолжал отыскивать несоответствия в поведении своих союзников, взывал к разуму и надеялся склонить на свою сторону Креншинибона, чье решение, как он опасался, будет в этом споре окончательным.

Внутренний спор становился таким ожесточенным, что его отголоски выплеснулись наружу. Драколич Гефестус бросался на стены, царапал когтями пол, и своим огненным

дыханием плавил камни, а заодно и подвернувшихся ползунов, и оглашал окрестности оглушительным ревом.

Постепенно ярость дракона стала ослабевать, внутренняя битва несколько утихла, сократившись до состояния диалога и спокойных рассуждений. С подачи иллитида Король Призраков стал прикидывать, как уменьшить последствия от гибели Фетчигрола. Наступил момент смириться с прошлым и сделать шаг к началу более масштабной и более важной борьбы.

Одержанная победа немного утешила иллитида, хотя Яраскрик признавал, что перемирие носит временный характер и, до того как ему удастся все утрясти, придется еще не раз схватиться с необузданным драконом.

Свои рассуждения и аргументы иллитид строил на той предпосылке, что гибель Фетчигрола вызвана его слишком глубоким проникновением на изменившийся Уровень Теней. А Уровень Теней по причинам, неизвестным Королю Призраков, стал гораздо больше и опаснее. Кроме того, он как будто стал ближе к Материальному Уровню. Надо ли учитывать возможные последствия таких изменений?

Креншинибону, похоже, было все равно, и он не сомневался, что хаос только укрепит могущество Короля Призраков.

А если через трещину вырвется что-то слишком опасное и сильное, Король Призраков может просто улететь. Как понял Яраскрик, Хрустальный Осколок был больше озабочен гибелью двух призраков из семи.

А Гефестусу оставалось только злиться и буйствовать при мысли о том, что он не может отомстить тем, кто в свое время лишил его жизни.

Пока Яраскрик размышлял о грядущих временах и вероятных путях развития, Креншинибон обдумывал, как сохранить оставшуюся пятерку призраков, а дракон без устали настаивал на немедленной атаке Храма Парящего Духа.

Они не стали единым существом, их по-прежнему было трое, и для Яраскрика барьеры, разделявшие триумвират Короля Призраков, оставались такими же непроницаемыми, как и прежде. И иллитид мог прийти только к одному выводу: необходимо найти способ достичь превосходства собственного разума и воли и таким путем добиться единства.

Он надеялся, что сумеет скрыть эти опасные амбиции от своих слишком близких союзников.

Глава 19 НИЧЬИ ЖРЕЦЫ

— Мы ничто! И там ничего нет! — кричал жрец, ворвавшись в главный зал Храма Парящего Духа и топая ногой при каждом слове.

Его утверждение подкреплялось видом слипшихся окровавленных волос и плеча, хотя рана была не такой опасной, как можно подумать с первого взгляда. Из пяти человек, которые отправились на разведку в горы Снежные Хлопья, повезло только ему одному, потому что в живых осталась только еще одна женщина, лишившаяся ноги, да и вторая у нее была так изувечена, что подлежала ампутации, если несчастная сумеет пережить операцию.

— Менлидис, старый глупец, сядь и успокойся! — прикрикнул один из жрецов. — Неужели ты считаешь, что твоя тирада чем-то поможет?

Кэддерли очень хотел, чтобы Менлидис, его товарищ по братству Денира, прислушался к этому совету, хотя и не слишком на это надеялся. А поскольку этот человек был лет на десять его старше, хотя выглядел старше на целых три десятка лет, Кэддерли не считал возможным вмешиваться, чтобы успокоить разъяренного жреца. Кроме того, он разделял разочарование, постигшее Менлидиса, и не мог оспорить его заявление. Кэддерли и сам обращался к Дениру и опасался, что бог покинул их навеки, словно каким-то образом растворился в потоке чисел, составлявших «Метатекст».

— Это я глупец?! — воскликнул Менлидис и стал быстро ходить взад и вперед, стуча

себя пальцем в грудь и даже изобразив некоторое подобие усмешки. — Я обрушивал столпы огня на головы врагов нашего бога. Или ты забыл об этом, Донри?

— Конечно же, я ничего не забыл, — ответил Донри. — Как не забыл и Смутные Времена, и прочие трудные ситуации, в каких мы оказывались и которые пережили.

Кэддерли понравились его слова. Он украдкой взглянул на прочих жрецов и увидел, что они разделяют его реакцию.

Но Менлидис коротко рассмеялся.

— Сейчас совсем другое, — бросил он.

— Мы не можем об этом судить, пока не поймем истинную причину молчания.

— Причина в нашей собственной недальновидности, — негромко произнес расстроенный Менлидис. — Вы только посмотрите на себя! Кто мы? Актеры! Художники! Поэты! Мужчины и женщины, дворфы и эльфы — все ищут в вере и искусстве глубокий смысл. Я называю художниками тех, кто пробуждает чувства и мысли своими картинами и сочинениями, кто тщательно играет словами ради драматического эффекта. — Он презрительно фыркнул. — Или мы все здесь только фокусники?

— Ты и сам в это не веришь, — возразил Донри.

— Мы все верим только в свои собственные иллюзии, — продолжил Менлидис. — Потому что не можем иначе. Потому что не можем смириться с тем, что больше ничего нет, что все это лишь плоды нашего воображения, разве не так? Потому что истина заключается в том, что боги, которым мы поклоняемся, вовсе не бессмертные существа, а обманщики, сулящие вечность, чтобы добиться нашей верности, но мы боимся это признать, чтобы не впасть в полное и непреодолимое отчаяние.

— Мне кажется, мы уже достаточно слушали тебя, брат, — сказала известная чародейка, весьма искушенная к тому же в жреческой магии.

— Разве?

— Да, — сказала она, и в ее голосе отчетливо прозвучали нотки если и не угрозы, то чего-то похожего.

— Мы все здесь жрецы, все до одного, — заявил Менлидис.

— Не совсем так, — возразили несколько чародеев, и на окровавленном лице Менлидиса снова появилась усмешка.

— Да, так, — не унимался он. — То, что мы называем божественной силой, вы считаете магией — наши алтари не так уж отличаются друг от друга!

Кэддерли не удержался и поморщился, поскольку последнее заявление напомнило ему дни молодости, проведенные в Библиотеке Назиданий. Тогда он был жрецом-агностиком и тоже задумывался над вопросом: не относятся ли слова «божественная» и «магическая» к одному и тому же виду энергии?

— Отличие в том, что наши способности изменяться основаны не на догмах! — закричал один из чародеев, и в зале поднялся шум, жрецы и маги разбились на группы и затеяли бесконечный и громкий спор.

— Тогда я обращаюсь не к вам, — сказал Менлидис, заметив сердитый взгляд Кэддерли. — А только к братьям-жрецам. Разве мы не претендуем на знание абсолютных истин? Божественных откровений?

— Брат, я прошу тебя, прекрати, — заговорил Кэддерли.

Он уже понял, к чему клонит Менлидис, и такой поворот ему совсем не нравился, несмотря на кажущееся хладнокровие старого жреца.

Кэддерли поднялся и, сохраняя хотя бы видимое спокойствие, шагнул к Менлидису. О настоящем спокойствии он не мог и мечтать, поскольку до сих пор не получил никаких известий ни о Данике, ни о своих детях. Внутри у него все сжималось и дрожало от тревоги.

— Разве я не прав?! — воскликнул в ответ Менлидис. — Кэддерли, жрец Денира, высший из всех, тот, кто создал Храм Парящего Духа по воле и с помощью Денира, ты должен подтвердить мои слова!

— Все гораздо сложнее, — сказал Кэддерли.

— А разве твой опыт не подсказывает, что все наши заповеди не более чем догмы, а не божественные откровения? — запальчиво возразил Менлидис. — Если бы ты был только проводником силы Денира во время сооружения этого величественного храма, этой колоссальной мировой библиотеки, разве ты не рассмеялся бы мне в лицо, услышав о сомнениях, как это сделали наши мирские друзья?

— У всех нас бывают моменты сомнений, — ответил Кэддерли.

— Этого не должно быть! — воскликнул Менлидис и громко топнул. Но этот последний взрыв, видимо, окончательно истощил его силы, и широкие плечи понуро опустились. — И все же мы сомневаемся, поскольку увидели истину. — Менлидис посмотрел на другой конец зала, где лежала несчастная Даглания, в которой едва теплилась жизнь. — Я молил о благословении на исцеление, — невнятно пробормотал он. — Хотя бы о самом простом — об избавлении от боли. Денир не откликнулся на мои мольбы.

— Дело не только в этой печальной истории, — тихо произнес Кэддерли. — Ты не можешь винить...

— Я посвятил служению ему всю свою жизнь. И в тот единственный раз, когда я обратился с отчаянной просьбой, он отверг меня.

Кэддерли тяжело вздохнул и успокаивающим жестом положил руку на плечо Менлидиса, но рассерженный жрец сердито стряхнул ее.

— Потому что мы ничьи жрецы! — снова закричал Менлидис. — Мы претендуем на мудрость и понимание, мы заявляем, что находим абсолютные истины в линиях картин и скульптур. Мы находим значение там, где его нет, и, если боги действительно существуют, они, наверное, забавляются, глядя на наши жалкие потуги.

Кэддерли не надо было даже смотреть на уставшие и встревоженные лица, чтобы понять, как быстро распространяется зараза, в какое противоречие вступили воля и вера, грозя сломить людей. Он уже хотел приказать силой вывести Менлидиса из зала или громко отчитать его, но быстро отбросил эту идею. Не Менлидис создавал эту напасть — он просто выразил вслух общие опасения.

Кэддерли и сам не мог отыскать Денира, все его молитвы остались безответными. Он боялся, что Денир навсегда покинул их, что этот чрезмерно любознательный бог вписал себя в Пряжу Мистры или затерялся в ее бесконечных переплетениях. Хотя в сражении против темных хищников ему была дарована сила в виде сильнейших заклинаний, какие он мог бы попросить у Денира.

Но Кэддерли подозревал и опасался, что эти заклинания пришли не от того, кого он знал как Денира. Это существо было ему незнакомо, если вообще за способностью освятить землю под ногами стоял кто-то определенный.

И это беспокоило жреца больше всего.

Ведь заявления Менлидиса были вполне оправданны: если боги не бессмертны, какой смысл им поклоняться?

Если боги не так мудры и могущественны, чтобы отвести угрожающее Фаэруну несчастье, на что тогда надеяться людям?

И еще страшнее: какой в этом смысл? Кэддерли постарался избавиться от этой сокрушающей мысли, как только она оформилась в его мозгу, но, едва вспыхнув, страх успел заразить всех собравшихся.

Менлидис напоследок снова бросил свое обвинение:

— Ничьи жрецы.

* * *

— Мы уходим, — сказал Менлидис Кэддерли на следующее утро после удивительно спокойной ночи.

Хотя передышка не слишком ободрила Кэддерли, ведь Даника так и не вернулась в храм.

Не было вестей ни от детей, ни от жены, и, что хуже всего, Кэддерли не получил ответов на свои отчаянные призывы к Дениру.

— Мы? — повторил он.

Менлидис показал на дверь в соседнюю комнату, где собралась группа одетых для путешествия мужчин и женщин.

— Вы уходите? — не веря своим ушам, переспросил Кэддерли. — Храм Парящего Духа в смертельной опасности, и вы покинете...

— Денир покинул меня, а не я его! — резко ответил Менлидис, сохраняя мрачную решимость. — Их тоже покинули боги, а троих магов покинула Пряжа, и они обнаружили, что цель их жизни пропала, так же как и моя.

— Однако твою веру поколебало первое же серьезное испытание, Менлидис, — заметил Кэддерли и тотчас пожалел о своих словах, едва сам их услышал.

Несчастный жрец оказался покинут магией в самый критический момент, когда видел, что из-за его неудачи гибнут друзья. Кэддерли знал, что не вправе осуждать его отчаяние, хотя и не был согласен с выводами.

— Возможно, ты и прав, Кэддерли, ничейный избранник, — заявил Менлидис. — Я только знаю, что чувствую сам и во что верю — или теперь больше не верю.

— Куда же вы отправитесь?

— Сначала в Кэррадун, потом, я думаю, в Кормир.

Кэддерли встрепенулся.

— Да, конечно, твои дети, — заметил Менлидис. — Не бойся, мой старый друг, хоть я больше и не разделяю твоего энтузиазма в вере, я не забуду дружбы с Кэддерли Бонадьюсом и его семьей. Не сомневайся, мы отыщем твоих детей и позаботимся об их безопасности.

Кэддерли кивнул. Большого ему и не требовалось. И все же он не мог не упомянуть еще об одной проблеме:

— Ваша дорога сейчас небезопасна. Может, вам стоит пока остаться в храме? И не буду скрывать, вы нужны здесь. Мы едва сумели отбить прошлую атаку и не знаем, что нас ожидает в будущем. Наши темные враги все еще здесь, и, как, к несчастью, убедились многочисленные патрули, они полны сил.

— Мы достаточно сильны, чтобы пробиться через эту орду, — ответил Менлидис. — И я советую тебе убедить всех остальных пойти с нами. Оставьте Храм Парящего Духа — это ведь храм, библиотека, но никак не крепость.

— Это творение Денира. Я не могу оставить его, как не могу уйти от самого себя.

— Ничей жрец?

Кэддерли вздохнул, а Менлидис похлопал его по плечу, молчаливо пожелав удачи.

— Дружище Кэддерли, вам всем надо уходить с нами. Одной большой группой мы наверняка доберемся до Кэррадуна. А потом можно собрать армию и вернуться...

— Нет.

Менлидис пристально взглянул ему в лицо, но решительный тон Кэддерли удержал его от дальнейших споров.

— Мое место в Храме Парящего Духа.

— До самого конца?

Кэддерли не дрогнул.

— И ты всех остальных обрекаешь на ту же участь? — спросил Менлидис.

— Они сами вольны в своем выборе. Но я уверен, что здесь мы в большей безопасности, чем на дороге. Сколько патрулей, включая и твой отряд, встретилось с опасностями? Здесь есть хоть какая-то возможность защищаться. А снаружи мы будем вынуждены принимать бой с подачи врагов.

Менлидис ненадолго задумался над его словами, но затем фыркнул и помахал рукой собравшимся у дверей людям. Она взяли свои пожитки, подняли щиты, приготовили оружие и зашагали по коридору к выходу.

— В храме осталось всего пятьдесят защитников, — заметила Гинанс, когда удалился

отрекшийся клирик. — Если ползучие твари набросятся на нас с такой же яростью, как и в прошлый раз, нам придется нелегко.

— Теперь мы лучше подготовлены к атаке, — напомнил Кэддерли. — И знаем, что механизмы работают лучше, чем заклинания.

— Да, в этом мы убедились, — согласилась Гинанс. — Впрочем, зелья и волшебные палочки нас не подводили, когда заклинания оказывались безрезультатными или даже причиняли вред.

— У нас достаточно зелья. Есть волшебные палочки, жезлы и посохи, заговоренное оружие и щиты, — сказал Кэддерли. — Позаботься о том, чтобы все это было равномерно распределено между защитниками. Необходимо защищать каждую стену.

Гинанс кивнула и повернулась, чтобы уйти, но Кэддерли ее остановил:

— Догони Менлидису и предложи ему все, чем мы можем поделиться. Я боюсь, что его отряду пригодится любая помощь, которую мы можем оказать, а еще им потребуется удача, чтобы спуститься в предгорья.

Гинанс помедлила у дверей, потом с улыбкой кивнула.

— Если он покидает Денира, это еще не означает, что Денир должен его покинуть, — сказала она.

Кэддерли тоже сумел улыбнуться, хотя и опасался, что Денир, пусть и непреднамеренно, в силу обстоятельств, покинул их всех.

Но думать об этом было некогда, как некогда было сокрушаться об исчезнувшей жене и детях. В момент крайней необходимости он обрел требуемую силу, и теперь ради спасения близких он должен выяснить, каков же источник этой магии.

Но едва он приступил к вычислениям, как его отвлекли громкие крики.

Враги не стали дожидаться захода солнца.

Кэддерли, застегивая на ходу пояс с оружием, стремглав сбежал по лестнице и едва не столкнулся с Гинанс.

— Менлидис! — крикнула она, указав на распахнутую настежь входную дверь.

Кэддерли пробежал еще несколько шагов и с криком отшатнулся. Менлидис и все его спутники вернулись... на негнущихся ногах, с неподвижно висящими руками и пустыми взглядами мертвых глаз — у тех, у кого еще остались глаза.

А вокруг зомби ползали и прыгали темные существа.

— К оружию! — закричал Кэддерли оставшимся защитникам.

И во всем Храме Парящего Духа, у каждой двери, у каждого окна жрецы и маги подняли щиты и оружие, волшебные палочки и свитки.

* * *

В паре сотен футов впереди высоко взметнулся столб пламени — выше самых высоких деревьев, растущих на горной гряде. Дзирт, Бренор и Джарлакс вытянулись на скамье возницы, сидевшая позади Даника тоже насторожилась.

— Это Храм Парящего Духа, — произнес Дзирт.

— Что произошло? — спросила Даника, подавшись вперед и глядя на дорогу между спинами Дзирта и Бренора.

За линией леса к небу стали подниматься клубы густого дыма.

— Это они, — выдохнула Даника. — Гоните быстрее!

Дзирт обернулся и удивленно моргнул, заметив, как быстро исцелилась эта женщина. Сказались ее целеустремленность и тренировка вкупе со снадобьями Джарлакса и способностями монахини.

Дзирт мысленно пообещал себе расспросить Данику о ее тренировках, но быстро прервал размышления и толкнул Бренора. Дворф понял его, кивнул и прыгнул с повозки. Дзирт последовал за ним. Бренор на ходу окликнул Пуэнта, и они втроем взялись за задний борт.

— Погоняй! — крикнул Дзирт Джарлаксу.

Дроу щелкнул поводьями, погоняя мулов, а трое спутников уперлись плечами в борт и что было сил налегли, крепко упираясь ногами, чтобы помочь упряжке втащить повозку на крутой склон.

Через пару мгновений к ним присоединилась и Даника. Хоть она и морщилась — давало о себе знать поврежденное плечо, — но толкала наравне с остальными.

На перевале Джарлакс скомандовал: «Прыгай!» — и все четверо, крепко ухватившись за борт, подтянули ноги, а повозка, набирая скорость, покатила вниз. Передышка оказалась недолгой, потому что впереди дорога снова круто уходила вверх. Мулы налегли на упряжь, четверо путешественников уперлись плечами в борт, и экипаж медленно пополз дальше.

На дорогу выскочили темные существа и метнулись им навстречу, но Джарлакс даже крикнуть не успел, как Атрогейт на адском ведре выскочил из кустарника с противоположной стороны, оставляя позади на ветках клочья дыма. Дворф бросился на ползунов, его боевой ведрь топтал их копытами и пронзал клыками, так что от двух ближайших тварей остались только кровавые кляксы. Но третий, оставшийся с краю, успел отреагировать и, высоко подпрыгнув, оказался на пути у Атрогейта.

— Ба-ха-ха! — заревел дворф, уже раскручивая кистени в разные стороны.

Шары одновременно ударили в монстра — правый повыше, а левый пониже, и плотный комок, завертевшись, взлетел в воздух. В завершение Атрогейт ловко подвел правую руку под левую, потом изменил движение шара и резко дернул его назад, так что снаряд звучно шлепнул ползуна точно по уродливой морде. Вдобавок ко всему дворф активировал магическое средство кистеня, и на шипах выступила взрывчатая жидкость.

Громкий хлопок подсказал наблюдавшим путникам, что магия подействовала. Но даже и без взрыва ползуну здорово досталось — сила удара заставила его обмякшее тело несколько раз перекувырнуться по земле.

Атрогейт почти не задержался, а послал своего фыркающего пламенем скакуна вперед, не опуская бешено крутящиеся шары. Описав широкую дугу, дворф выгнал из кустарника еще одного ползуна и несколькими ударами шаром прикончил и его. Затем он сжал коленями бока ведре и быстро догнал своих товарищей.

Как раз в этот момент повозка перевалила через последнюю гряду. Дальше дорога немного петляла среди деревьев, а потом выходила на открытое пространство, где возвышался величественный Храм Парящего Духа.

Вся лужайка, так же как и стены храма, кишела ползунами. Верхний угол здания горел, и дым вырывался сразу из нескольких окон.

Атрогейт остановил ведре рядом с Бренором и Пуэнтотом:

— Эй, дворфы, не жалеите рук! Мы зададим им знатный урок!

Бренор лишь искоса взглянул на кивнувшего Дзирта, запустил руку в повозку и достал старый боевой топор, отмеченный множеством зазубрин. Пуэнтот всегда был при оружии и уже стоял рядом с Атрогейтом.

— Защищай моего короля! — крикнул Пуэнтот, и Атрогейт ответил своим неизменным «Ба-ха-ха!».

Для Тибблдорфа Пуэнтота этого было достаточно. Его представление о защите выражалось в неистовом и стремительном броске вперед, так что его не могли догнать даже нападающие с флангов враги.

— Ты не против образовать клин? — спросил его Атрогейт, подскакав ближе.

— Ага, это неплохой способ себя показать!

Атрогейт возглавил клин из троих дворфов, слегка придерживая ведре, чтобы двое его пеших товарищей не слишком отставали.

Позади них Джарлакс, внимательно следя за мулами и повозкой, вопросительно взглянул на Данику и Дзирта.

— К боковой двери с правой стороны! — крикнула Даника вслед дворфам.

Дзирт, обнажив мечи, встал рядом с Джарлаксом.

— Вперед, вперед! — поторопила их Даника, уже перебираясь в задний отсек повозки. — Кэтти-бри и мулы будут в безопасности.

Умоляющий взгляд Дзирта показал, как не хотелось дроу тащить повозку с беспомощной Кэтти-бри в самую гущу схватки.

— Нам некуда бежать, — сказал Джарлакс, заметив его сомнения. — Или мы пройдем вперед, или вернемся, но, если Кэддерли проиграет, мы тоже проиграем.

Дзирт кивнул и повернулся к своему компаньону.

— Расчищай небольшой отрезок и передвигай повозку, — проинструктировал Джарлакс Данику. — Потом расчищай очередной участок и переезжай на новое место.

— Как только мы выйдем на открытое место, они навалятся всем скопом, — сказал Дзирт, снова с тревогой оглядываясь на повозку, где осталась его возлюбленная.

— Значит, надо больше убивать, и как можно быстрее, — ответил Джарлакс и прикоснулся к шляпе.

После этого прикосновения в его руке оказалось огромное перо. Затем дроу выхватил из волшебных ножен кинжал и двумя поворотами запястья превратил его в длинный меч.

Дзирт подхватил под уздцы ближайшего мула, потянул упряжку за собой и вывел повозку из-под деревьев, навстречу ордам темных монстров.

Прямо перед ними Бренор и двое других дворфов уже вступили в отчаянную борьбу.

* * *

Атрогейт яростно взвыл, поднял над головой руки, откинулся назад и ловко спрыгнул на землю позади фыркавшего огнем вепря.

Темные чудовища бросились на дворфов сразу с трех сторон. Лобовую атаку принял на себя адский вепрь. Он выбрасывал из ноздрей огонь, топтал ползунов копытами и разбрасывал их клыками. Атрогейт, раскрутив шары, повернулся вправо. Удары покрытых шипами кистеней разрывали мясистые тела и разбрасывали окровавленные клочья в разные стороны.

Тибблдорф Пуэнт от него не отставал. Он встретил атакующих монстров боком, словно предлагая им найти слабые места в его устрашающих латах. А потом стал вертеться, прыгать, бить руками и ногами и даже головой, с яростной готовностью пуская в ход все шипы и лезвия лат, составлявших все его вооружение, безотказно разрывавшее плоть ползунов. Предводителя «веселых мясников» в Мифрил Халле считали самым неистовым бойцом — а это немало! — и Атрогейт уже давно удостоился такого же звания среди дворфов своего огромного клана. Перед этими двумя воинами быстро рассеивались целые толпы ползунов.

Но любой наблюдатель, склонный считать, что они защищали своего короля, быстро изменил бы мнение, поскольку этот король не нуждался в защите.

Адский вепрь исчез в клубке когтистых лап и хищных зубов. Последняя вспышка пламени обожгла темные тела чудовищ, и скакун дворфа исчез, чтобы вернуться на родной уровень. Но едва ползуны оправились от вспышки, сопровождаемой густым черным дымом, как перед ними возник другой противник.

Бренор с разбегу ударил в монстров щитом, так что на плотных телах отпечатались пенящаяся кружка, символизирующая его клан. Первый же ползун от этого удара отлетел далеко назад. Бренор отвел руку со щитом влево, откинув второго противника, и одновременно взмахнул топором, разрубив третьему ползуну плечо. Едва завершив этот маневр, Бренор выдернул топор и со всей силы размахнулся слева направо. В конце выпада он подпрыгнул и неожиданным пируэтом усилил инерцию летящего оружия.

Еще один поверженный ползун остался лежать на месте.

Но Бренор не слишком ловко приземлился, и один из монстров умудрился оцарапать ему когтями лицо.

Дворф с ревом отбил лапу нападавшего щитом вверх, а когда монстр попытался

достать его второй лапой, дворф пустил в ход топор. Тяжелое оружие в сильных руках Бренора без труда отбило удар, но, поскольку топор даже не замедлил своего хода, лезвие заодно распорол ползуну живот.

Бренор краем щита сбросил застрявшего на топоре монстра, снова размахнулся и очередным ударом расколол череп соседнему существу. Резкий поворот и рывок быстро развалили череп на две половинки и освободили лезвие. В сопровождении своих неистовых спутников Бренор стал пробивать дорогу к храму.

* * *

Дзирту и Джарлаксу, отставшим от дворфов шагов на двадцать, некогда было любоваться боевой мощью соратников, поскольку и на их долю пришлось немало противников.

Дзирт двигался вперед и вправо, Джарлакс, пробиваясь вперед, отклонялся влево, и каждый из них встречал врагов с типичными для дроу ловкостью и мастерством. Джарлакс, предпочитая прямые клинки, чередовал шаги вперед и назад и так же прямолинейно орудовал мечами, каждый раз нанося смертельные уколы кончиками лезвий. Каждый его танцующий шаг сопровождался прямыми выпадами обоих клинков, и те ползуны, что оказывались в зоне досягаемости, замертво падали на землю с едва заметными точечными ранами.

А для Дзирта, с его кривыми саблями, боевой танец состоял из сплошных разворотов и круговых взмахов, и каждое лезвие рассекало темные тела с такой силой и точностью, что позади оставалась масса отрубленных лап и мертвых либо отскакивающих в испуге ползунов. Тогда как Джарлакс почти не оглядывался по сторонам, Дзирт редко смотрел в одном направлении больше чем одно или два мгновения. Дроу-разведчик отлично сознавал, что его преимущество заключается в ловкости и скорости, а потому стремительно вращался, прыгал, разворачивался или пригибался, но неуклонно двигался вперед.

Вот он опять высоко подпрыгнул и коснулся ногами голов двух ползунов, которые тщетно пытались повторить его маневр. Приземлившись позади них, среди других монстров, рвавшихся в бой, Дзирт снова взвился в воздух, сделал сальто назад и перелетел через ту пару ползунов, на которых только что наступил. Его преследователи, следя за предполагаемой жертвой, развернулись, и дроу опять встал у них за спиной.

Его клинки опустились, просвистев в воздухе, и следом за ними на землю покатались отрубленные головы.

На место поверженных тварей тотчас подскочили другие, такие же бесстрашные и ненасытные чудовища. И хотя оба дроу блестяще вели бой, им практически не удавалось приблизиться к осажденному Храму Парящего Духа.

Несмотря на их отчаянные усилия, все больше ползунов прорывались в тыл, стремясь к оставленной сзади повозке.

* * *

Бренор увидел их первым.

— Моя девочка! — воскликнул он, оглянувшись и заметив, что один из ползунов взбирается на повозку сбоку. — Мы слишком далеко! — крикнул он своим спутникам — дворфам и дроу. — Поворачивайте назад!

Пуэнт и Атрогейт, уже с ног до головы забрызганные кровью врагов, мгновенно развернулись. Бренор опять возглавил строй, и трое дворфов с удвоенной яростью стали пробиваться к повозке.

— Дзирт! Эльф! — с каждым шагом кричал Бренор, призывая друзей защитить Кэттибри.

Дзирт тоже понял, что у темных тварей хватило хитрости зайти им в тыл. Он попытался проделать тот же маневр, что и Бренор, и Джарлакс его поддержал.

Но противники наседали, и Дзирту, как и Джарлаксу, преграждали путь к повозке толпы ползунов. Дзирт мог только яростно работать саблями, надеясь отыскать трещину в плотном кольце ползунов. Он отчаянно окликнул Данику, предупреждая ее об опасности.

А чудовище уже ухватилось за поручни и подтянулось на борт. Дзирт со свистом втянул воздух.

— Джарлакс! — взмолился он.

Джарлакс, отставший от него шагов на пять, ободряюще кивнул и бросил на землю перо. В то же мгновение рядом с ним появилась огромная птица.

— Вперед! — скомандовал Джарлакс, а сам стал маневрировать, чтобы пробраться ближе к Дзирту.

Оба дроу, сражаясь плечом к плечу, старались обрести общий ритм и усилить эффективность разных стилей боя, но Дзирт понимал, что им не успеть к повозке вовремя.

И Бренор горестно вскрикнул, тоже сознавая тщетность их усилий.

Но при виде поднявшейся перед ползуном фигуры все пятеро — и дроу, и дворфы — вздохнули свободнее. Это Даника встала во весь рост, прижав к груди кулаки, с пустой перевязью, все еще болтавшейся на шее. Ее нога легко взлетела вверх и с удивительной точностью и силой опустилась на голову ползуна, еще глубже вбив ее в плечи. Чудовище слетело с повозки и звучно шлепнулось о землю, словно сбитое обломком скалы.

Все пятеро воинов, не переставая уничтожать врагов, дружно закричали, когда с другой стороны, за спиной Даники, на повозку запрыгнул еще один ползун. Но воительница не нуждалась в предупреждениях. Не снижая скорости, Даника ударила ногой назад и попала точно в морду второго противника. Этот ползун тоже покатился на землю.

Третье чудовище карабкалось через задний борт, но неожиданным круговым движением ноги Даника сильно ударила его в оскаленную челюсть. Для усиления разворота она приподнялась на носке правой ноги, и в сторону отлетел четвертый ползун.

Однако упорные твари не прекращали попыток, и очередной ползун был встречен шквалом ударов кулаками. Десяток точных толчков превратил его морду в кровавое месиво. Не успел он упасть, как Даника подхватила оглушенного монстра и, развернувшись, швырнула через всю повозку, сбив еще одного противника.

Затем женщина прыгнула в защитной стойке, заметив двоих ползунов на скамье возницы. Внезапно один из них странно дернулся, вслед за ним и второй, и в груди каждого появились кончики мечей. Резким рывком назад Джарлакс сбросил ползунов с повозки, высвободив мечи, и остался на передней скамье уже один.

Затем дроу с улыбкой повернул запястье, и волшебный меч уменьшился до размеров кинжала. Джарлакс, подмигнув Данике, метнул клинок в ее сторону — оружие пролетело очень близко, но вонзилось в ползуна, высунувшегося из-за заднего борта.

Дроу прикоснулся к полям шляпы, щелчком пальцев вызвал из ножен еще один кинжал и, повернувшись кругом, присоединился к Дзирту, который успел за это время уничтожить четверых ползунов, нацелившихся на мулов.

— Вы трое охраняете повозку, — предупредил Дзирт подоспевших дворфов.

В этот момент Джарлакс уже встал с ним рядом, и Дзирт, кивнув ему, стал пробиваться к тому месту, где диатрима с сердитыми криками клевала и топтала наседавших ползунов.

— Иди вперед, я прикрою! — крикнул Джарлакс, и его командный тон не укрылся от чуткого слуха Дзирта До'Урдена.

За время недолгой атаки и стремительного отступления ради спасения Кэтти-бри двое темных эльфов достигли такого взаимопонимания, которое Дзирт считал невероятным. Его беспомощная жена лежала в осаждаемой ползунами повозке, и все же Дзирт счел возможным задержаться и освободить мулов, ничуть не сомневаясь, что Джарлакс очистит

от противников скамью возницы и усилит оборону Даники.

С этого момента они сражались как одно существо. Дзирт пробивался вперед, сопровождая повороты и прыжки рубящими ударами, а из-за его спины в противников летели кинжалы. Каждый раз, когда Дзирт поднимал саблю, кинжал со свистом пролетал под его рукой. Когда он пригибался и кувырком перекатывался вправо, слева от него со свистом пролетал другой кинжал или целый поток клинков, поскольку волшебные ножны Джарлакса бесперебойно снабжали его все новым и новым оружием.

Вскоре диатрима исчезла под натиском ползунов, но это уже не имело значения, потому что вслед за дроу Бренор вел мулов, тащивших повозку, а Пуэнт и Атрогейт прикрывали их с флангов и истребляли любого, кто осмеливался приблизиться к ним. Даника осталась наверху и пристально следила за тем, чтобы никто из врагов не забрался наверх.

Наконец орды ползунов начали редеть, и друзья стали медленно продвигаться вперед. Дзирт метался то влево, то вправо, перекатывался кувырком и прыгал, используя любой шанс достать противника, в полной уверенности, что в случае прорыва обороны кинжал не замедлит поразить цель.

* * *

А за стенами Храма Парящего Духа стала быстро распространяться весть о неожиданных союзниках. Воодушевившиеся жрецы и маги приветствовали и подбадривали неожиданное подкрепление громкими криками. Не один радостный возглас прозвучал и по поводу возвращения леди Даники.

Скоро новости распространились по всей библиотеке, и защитники воспрянули духом, но больше всех — Кэддерли. В это время он при помощи арбалетов и взрывающихся дротиков методично очищал окна и балконы второго этажа да еще с высоты обстреливал подобравшихся к входной двери монстров, оставив там не меньше десятка мертвых тел.

Но при виде жены, да еще в обществе прославленных воинов, жрец так разволновался, что позабыл дышать. Он уставился на продвигавшуюся к храму повозку, на Дзирта До'Урдена и Джарлакса — Джарлакса! — которые расчищали дорогу и действовали как один четверорукий воин.

Дзирт прыгал и вертелся в самой гуще ползунов, но их когтистые лапы каждый раз хоть на мгновение, но опаздывали за его стремительными движениями. А позади него шагал Джарлакс, и его мечи, словно божьи молнии, насмерть поражали чудовищ короткими точными ударами.

С ними были еще и дворфы, и по легендарному однорогому шлему и щиту с пенящейся кружкой Кэддерли узнал короля Бренора. Этот воин со смертоносной эффективностью орудовал боевым топором и вел за собой упряжку мулов, а двое других защищали повозку с флангов. Каждое чудовище, которое осмеливалось подобраться слишком близко, было мгновенно сбито молниеносным ударом шаров или разорвано в клочья клинками и шипами, торчащими из доспехов дворфа с другой стороны.

В повозке стояла Даника, и еще никогда она не казалась Кэддерли столь прекрасной, как в этот момент. Он заметил, что она была ранена, и от этого его сердце сжалось от боли, но ее боевой дух не пострадал. Даника с прежней ловкостью и целеустремленностью исполняла свой боевой танец, стоя на скамье повозки, и не оставляла ползунам ни единого шанса ухватиться за поручни.

Из-под балкона, на котором стоял Кэддерли, раздался приказ: «Построиться!» — и он понял, что его товарищи собираются выйти, чтобы встретить подошедшую группу. Тогда он, наконец, оторвался от созерцания слаженной работы шестерки воинов и оценил обстановку. Помощь им наверняка потребуется.

Многие ползуны уже почуяли легкую добычу в приближавшейся повозке. Атака на здание стала ослабевать. Ужасные твари обратили хищные взгляды на новую добычу.

И Кэддерли осознал пугающую истину. При всем искусстве этих воинов, им никогда не справиться с ордой врагов. Толпы ползунов накатывались на них волна за волной, словно прилив на отлогий берег.

Его любимая жена не сможет попасть домой.

Он развернулся, намереваясь бежать к лестнице, но вдруг остановился, услышав далекий зов, как в прошлый раз в момент отчаяния, когда остался в одиночестве и был застигнут ползунами на верхнем этаже.

Кэддерли снова выглянул с балкона, но на этот раз его взгляд обратился к облаку, бегущему по небу. Он потянулся к нему, позвал, и часть облака оторвалась, а потом превратилась в колесницу, запряженную крылатым конем. Кэддерли взобрался на перила балкона, и колесница, спустившись, остановилась точно перед ним. Кэддерли без тени колебаний прыгнул в облако. Крылатый конь подчинился его мысленному приказу и на глазах у ошеломленных жрецов и чародеев, уже выбежавших на крыльцо, спустился еще ниже, к самой входной двери. Все, как по команде, вскрикнули и ринулись обратно в храм, а колесница понесла Кэддерли над головами перепуганных ползунов.

Среди чудовищ Тьмы были и ходячие мертвецы, в том числе и Менлидис. Некоторые из них попытались схватить нового врага, но Кэддерли, видя опасность, направил в их сторону проходящий сквозь него поток божественной энергии. Яркая вспышка прокатилась по земле концентрическими кругами, и зомби обратились в пепел.

Уничтожение бывшего друга опечалило Кэддерли, но он отодвинул горестные мысли в дальний уголок сознания и продолжал движение, быстро приближаясь к повозке, шестерым воинам и толпам окруживших их ползунов. Жрец снова сотворил заклинание, хотя и не понимал его смысла, а просто доверился ощущаемой силе. Он посмотрел туда, где собралось больше всего чудовищ, и произнес одно лишь слово, но с его губ сорвался не просто звук, а настоящий раскат грома, нацеленный только на ползунов, поскольку дворф в разящих доспехах, который отчаянно бился в самой гуще, ничуть не пострадал.

Впрочем, неистовый дворф явно был растерян и изумлен, когда все твари, тянувшие к нему страшные лапы, внезапно исчезли. От громового крика жреца они взлетели в воздух, беспомощно размахивая когтями, и приземлились футах в тридцати, где стали барахтаться и разбегаться, стараясь оказаться как можно дальше от жреца и его рокового голоса.

Кэддерли не стал больше следить за ними, а подвел колесницу к самой повозке, приглашая друзей подняться на борт. Он произнес еще одно слово силы, и вокруг них разлилось ослепительное сияние, от которого ползуны мгновенно стали корчиться и дымиться. Но ни сам Кэддерли, ни дворфы, ни дроу, ни женщины не ощутили ни малейшей боли. Мало того, их окатило исцеляющим теплом, и в этом золотистом сиянии стали затягиваться многочисленные раны и царапины.

Бренор окликнул Дзирта, и дроу велел ему подняться в колесницу. Дворф еще колебался, но подоспевшие Пуэнт и Атрогейт, подхватив короля с обеих сторон, быстро втащили его наверх.

Дзирт запрыгнул в повозку к Данике.

— Прикрой меня от этих тварей, — попросил он, полностью ей доверяя.

Затем он убрал мечи, подхватил на руки Кэтти-бри и вслед за Даникой легко запрыгнул в колесницу.

Джарлакс не последовал за ними, но махнул рукой Кэддерли, чтобы тот улетал. Дроу метнул кинжалы в ближайших ползунов, а потом вызвал своего адского скакуна. Подбежав к перепуганным мулам, Джарлакс выхватил из волшебных ножен еще один меч и несколькими ловкими ударами освободил их от повозки, но крепко схватил поводья. Он проскользнул между мулами, вскочил на бывшего огненными копытами коня и пустил его галопом по дорожке, которую проложила облачная колесница Кэддерли. Джарлакс сумел провести мулов по двору, затащил их на крыльцо и загнал внутрь, не позволив ни одному ползуну зацепить их когтями.

Жрецы проворно захлопнули двери за дроу и его четвероногим эскортом. Джарлакс

немедленно отпустил своего коня, а поводья передал ошеломленным защитникам храма.

— Негоже терять отличную упряжку, — пояснил он. — Эти мулы привезли нас сюда издалека.

Напоследок он рассмеялся, но тотчас умолк, оказавшись лицом к лицу с Кэддерли.

— Я же сказал тебе никогда сюда не возвращаться! — сказал жрец, не обращая внимания на собравшихся вокруг них любопытствующих наблюдателей.

Всем не терпелось узнать, какой магией воспользовался Кэддерли, чтобы превратить облако в колесницу, чтобы творить гром и распространять вокруг божественное сияние, излечивающее раны, чтобы обращать в пепел зомби одним только словом. Сами они уже не могли полагаться на простейшие двомеры и вдруг стали свидетелями чудес, представить которые было не под силу даже самому могущественному чародею Фаэруна.

Джарлакс молча поклонился и коснулся рукой лишившейся пера шляпы. Но ничего не ответил, а вместо этого толкнул локтем подошедшего к нему Дзирта, тогда как Даника мгновенно бросилась к Кэддерли.

— Он нам не враг, — заверила Даника мужа. — Больше не враг.

— Я и сам хотел сказать то же самое, — согласился Джарлакс.

Кэддерли перевел взгляд на Дзирта, и тот утвердительно кивнул.

— Да хватит об этом, кого теперь это волнует! — крикнул один из жрецов, проталкиваясь к Кэддерли. — Как ты обрел такую силу? Что это были за молитвы? Надо же, отбросить толпы врагов одним только словом! Превратить облако в колесницу! Кэддерли, прошу, расскажи нам. Это Денир откликнулся на твои мольбы?

Кэддерли окинул каждого из собравшихся задумчивым и сосредоточенным взглядом.

— Я не знаю, — признался он. — Я не слышал голоса Денира, и все же я уверен, что он в этом участвовал. — Потом он пристально посмотрел на Дзирта. — Как будто Денир дал мне ответ и последний дар...

— Последний? — с тревогой переспросила Гинанс, и сразу же раздались несколько растерянных возгласов.

Кэддерли обернулся к жрецам, но лишь пожал плечами, поскольку и сам не мог постичь загадку обретенной силы. Затем он посмотрел на Джарлакса:

— Я верю жене и верю Дзирту, так что добро пожаловать в храм, нуждающийся в любой помощи.

— И у меня имеется информация, которая, я уверен, тебя заинтересует, — сообщил Джарлакс, но не успел продолжить, поскольку ему помешал чей-то испуганный крик.

Все взгляды обратились к Кэтти-бри. Дзирт усадил ее на диван у стены фойе, но сейчас она парила в воздухе, раскинув руки, словно плыла под водой. Ее глаза опять закатились, оставив только белки, а волосы свободно колыхались вокруг головы, как в невесомости.

Внезапно она повернула голову и дернулась назад, словно получив пощечину. Глаза Кэтти-бри сверкнули голубизной, но смотрела она по-прежнему куда-то в даль, не замечая того, что творилось вокруг.

— Она одержима демонами! — воскликнул жрец.

Дзирт мгновенно натянул повязку, подаренную Джарлаксом, бросился к жене, осторожно обнял ее и опустил на диван.

— Осторожнее, она заперта в темноте, которая ищет новые жертвы, — предостерег Джарлакс Кэддерли, когда тот шагнул вслед за Дзиртом.

Кэддерли с любопытством посмотрел на дроу, но все же подошел к дивану и взял Кэтти-бри за руку.

Внезапно он вздрогнул, как от удара молнии. Глаза судорожно дернулись, и вся его фигура изменилась, словно вокруг образовался силуэт ангела, вплоть до покрытых перьями крыльев, поднявшихся над плечами.

Потом раздался крик Кэтти-бри, и Кэддерли тоже вскрикнул. Джарлакс схватил его за руку и оттащил назад. Призрачный силуэт мгновенно рассеялся, и остался лишь сам Кэддерли, недоуменно уставившийся на женщину.

— Она в ловушке между двумя мирами, — произнес Джарлакс.

Кэддерли посмотрел на него, облизнул внезапно пересохшие губы, но ничего не смог возразить.

Глава 20 УПРЯМСТВО ДВОРФА

В его сознание опять кто-то попытался проникнуть, чужая воля снова искала возможность овладеть его телом и мозгом. Но Айвен Валуноплечий был к этому готов. Его нельзя было назвать ни глупцом, ни новичком в военном деле. Ему уже приходилось испытать на себе доминирующую волю вампира — как раз перед тем, как Айвен окончательно уничтожил этого монстра. Так что Айвен, как и любой хороший воин-дворф, отлично усвоил методы чародеев, иллюзионистов и даже иллитидов.

Однако первое вторжение застало его врасплох. Храм Парящего Духа и горы Снежные Хлопья уже давно не видели войн, единственным напряженным моментом был приезд Артемиса Энтрери и Джарлакса Бэнра с Хрустальным Осколком, но после завершения строительства библиотеки Айвен, как и все остальные, привык считать это место своим домом, надежным и безопасным.

Даже с началом перемен во всем мире и проблем с магией — а эти проблемы мало беспокоили Айвена, привыкшего полагаться на свои мышцы, а не на заклинания, — дворф не был готов к нападению Короля Призраков. И тем более не был готов к вторжению в сознание, которое быстро лишило его собственной воли. Но почти все то время, пока над его сознанием господствовала чужая воля, Айвен Валуноплечий не переставал изучать своего захватчика. Он не стал вслепую биться в непроницаемую стену, которую был не в силах разбить, а терпеливо выжидал удобного момента и собирал всю доступную ему информацию, хотя и находился под контролем захватчика.

И потому, когда Яраскрик освободил его на высоком горном плато, Айвен был готов к битве, точнее говоря, к смерти. Но иллитид, сам того не желая, показал ему путь к спасению — трещину в полу под ногами драколича. Обычная трещина, которая оказалась довольно глубокой шахтой, спускавшейся внутри горы, и Айвен надеялся, что она приведет его к лабиринту туннелей, которые пронизывали нижние уровни гор Снежные Хлопья.

Ему все равно больше некуда было бежать, и наверху ждала неминуемая гибель, так что Айвен, надеясь на общую суматоху, решил попытаться спастись от когтей огромного ящера и полез вниз.

К его счастью, под ногу разъяренного драколича угодили и несколько преследовавших дворфа ползунов, и их кровь и останки, разлетевшиеся по всей пещере, послужили Айвену прекрасным прикрытием.

И еще больше ему повезло в том, что трещина не уходила вниз вертикально, а немного отклонялась в сторону, и это несколько смягчило удар, когда Айвен рухнул на камни и грязь, скопившуюся на дне. А дальше трещина расширялась, и он мог ползти глубже, и даже перевернуться вперед ногами, обутыми в крепкие сапоги, и тормозить, упираясь каблуками в нижнюю стенку. Следующее падение оказалось наиболее болезненным — двадцать футов отвесно вниз в полной темноте, после чего он пробил потолок подземной пещеры, но и здесь ему сопутствовала удача, о которой так не любят рассуждать истинные герои.

Он упал в воду. Озерцо оказалось не слишком глубоким и не слишком чистым, но воды было достаточно, чтобы смягчить удар. Айвен еще наверху потерял свой рогатый шлем, но сохранил топор, остался жив и оказался в таком месте, где чудовищный драколич не сможет его достать.

Удача предоставила ему еще один шанс.

Но очень скоро Айвен Валуноплечий обнаружил, что на этом милости фортуны иссякли.

До конца дня он наугад шлепал по воде, не в силах отыскать ни выхода из этой

пещеры, ни даже клочка сухого места. В грязной жиже, доходившей до середины бедра, он ощущал какое-то движение и понимал, что в этом подземном бассейне водится какая-то рыба или другие существа и можно попытаться поймать их, чтобы некоторое время продержаться.

Так или иначе, он убедился, что обречен рано или поздно умереть в полной темноте и одиночестве.

Что ж, так тому и быть.

А потом появился иллидид, попытавшийся что-то нашептывать ему и вернуть контроль над его телом.

Айвен воздвиг перед незванным пришельцем стену ярости и откровенного дворфского упрямства, чтобы не дать иллидиду ни малейшего шанса. Он был уверен, что сможет бесконечно долго сопротивляться вторжению и больше не уступит контроля над своим разумом.

— Пошел прочь, глупое создание, — произнес Айвен, сосредоточиваясь на каждом слове. — Что тебе надо от меня, когда отсюда нет выхода?

Довод казался ему вполне логичным. Но какую же цель преследовал иллидид?

Тем не менее, существо продолжало стучаться в его сознание, требуя контроля.

— Ты что, собираешься заставить меня летать, дурень? — крикнул дворф в темноту. — Хочешь, чтобы я поднялся к твоему мертвому дракону и твоим любимым темным бестиям?

Он ощутил гнев и легкое содрогание и понял, что на какое-то мгновение нарушил концентрацию пожирателя разума.

И тогда Айвен чуть-чуть ослабил свою защиту.

И сразу же отчетливо ощутил, как настойчиво требует это существо контроля над его сознанием и телом. От нахлынувшего отвращения у дворфа едва не подогнулись колени. Но он быстро оправился и еще немного опустил барьер.

Вскоре он уже пробирался к северному краю обширной пещеры. Он едва мог различить сваленные у той стены булыжники. Но он подчинился настоянию Яраскрика, который, по мнению дворфа, мог лучше рассмотреть окружающую его местность, и поднялся на груды камней. Отбросив в сторону верхний булыжник, он ощутил едва уловимое движение воздуха, а как только глаза привыкли к еще более плотной темноте, понял, что за каменной насыпью открывается широкий туннель.

«С тебя хватит!» — забила в его голове мысль, и Айвен Валуноплечий начал борьбу за жизнь. Он снова выставил против настойчивых попыток чужого разума всю силу ярости и упрямства, на какую только был способен. Он думал о брате, о своем клане, о короле Бреноре, о Кэддерли, Данике и их детях, обо всем, что напоминало ему о его личности, что придавало смысл его жизни и силу рукам.

Он отвергал Яраскрика. Он орал на него во весь голос и отгонял каждой своей мыслью. Он вел физическую борьбу, отбрасывая камни и расширяя проход в туннель, игнорируя удары падавших булыжников. И вел борьбу мысленную, заставляя упрямое существо убраться из его сознания.

Из *его* сознания!

Айвен пришел в такую ярость, что разбил в кровь пальцы, но не ощутил боли. Гнев подкреплял его силы, и дворф поднимал камни в половину своего веса и швырял назад, так что они с плеском падали в грязный бассейн. Он не обращал внимания на синяки и ссадины, на спазмы в мышцах. Он позволил ярости полностью овладеть его сознанием и поддерживать барьер, преграждавший путь ненасытному иллидиду.

Отверстие стало уже достаточно широким, чтобы можно было проползти, — настолько широким, что пройти могли одновременно уже два Айвена, — но дворф продолжал расшвыривать камни разбитыми руками, поддерживая ярость ощущением боли.

Он и представления не имел, сколько прошло времени — несколько мгновений или десятки часов. В конце концов, Айвен Валуноплечий протиснулся в отверстие и выкатился в туннель. Он упал лицом в грязь и долго лежал так, пока не восстановил дыхание.

Несмотря на боль, бородатое лицо дворфа дрогнуло от слабой улыбки. Теперь он наверняка знал, что остался совсем один.

Существо со щупальцами вокруг рта было окончательно изгнано.

Потом он заснул прямо в грязи, среди камней, даже во сне готовый отразить любое вторжение и надеясь, что поблизости нет никаких хищников из Подземья, которые могли бы его сожрать.

* * *

Рорик припал к полу, едва избежав когтей огромной черной летучей мыши.

— Дядя Пайкел! — закричал он в надежде, что друид что-нибудь придумает.

Пайкел в отчаянии потряс в воздухе сжатым кулаком и затопал ногами. У него ничего не осталось, никаких средств. Магия исчезла, пропала даже его природная способность общаться с животными. Еще несколько дней назад он уговорил корни растений укрепить баррикаду из камней. Но, похоже, и это оказалось лишь временной мерой, поскольку преследователи появились с той стороны. Дворф понимал, что не в состоянии достичь того уровня волшебства и, возможно, навсегда лишился своих способностей, а потому был вне себя от отчаяния в этой темной пещере в глубине гор Снежные Хлопья.

— О-о-ох! — простонал он и еще сильнее топнул обутой в сандалию ногой.

Но стон сменился рычанием, когда он увидел, что летучая мышь, от которой только что увернулся Рорик, изменила курс и несется прямо на него.

Пайкел обратил свой гнев на крылатую тварь. Конечно, это было бессмысленно, но теперь ничто уже не имело смысла. И потому он во всем обвинил летучую мышь. Именно эту тварь. Только эту. Из-за нее он лишился своей магии, и это она отвратила от него бога.

Пайкел нагнулся и подхватил свою дубинку. Она больше не была волшебным посохом, а просто крепкой и увесистой дубинкой, и летучая мышь скоро в этом убедилась.

Черное кожистое крыло взметнулось над головой Пайкела, а дворф подпрыгнул и развернулся, нанеся самый мощный удар здоровой рукой, какого не сумел бы нанести, даже если бы действовал обеими руками. Крепкое дерево треснуло о череп твари и раскололо кость.

Темнокрыл рухнул, словно на него с высоты упал огромный валун, и дворф, сцепившись с огромной летучей мышью, покатился по земле.

Пайкел отчаянно бил ногами и головой. Он кусался и тыкал в бестию обрубком руки, а второй рукой неустанно продолжал колотить дубинкой, ломая чудовищу все кости.

Неподалеку раздался крик мужчины, которому темнокрыл впился в плечи острыми когтями, но Пайкел его не слышал. Еще несколько людей испуганно вскрикнули, а женщина пронзительно завизжала, когда гигантское чудовище с жертвой в лапах устремилось к стене и со всего размаху швырнуло человека на острые скалы, где у бедняги с ужасным треском переломались все кости.

Пайкел ничего не слышал. Он все с той же яростью размахивал дубинкой и бил ногами, хотя напавшая на него летучая мышь уже была мертва.

— Вставай, дядя Пайкел! — окликнула его Ханалейса, пробегая мимо.

— А?.. — отозвался Пайкел и убрал с лица обрывок черного крыла, глядя вслед Ханалейсе, устремившейся к Рорику.

Рорик все еще лежал на земле, а над ним стоял Тимберли и размахивал мечом, пытаясь достать летучую мышь, которая кружила и пикировала, словно дразня воина. Но меч никак не успевал за зигзагами стремительного чудовища.

Зато успела Ханалейса. Миновав Тимберли, она высоко подпрыгнула и, усиливая удар, сделала сальто. Удар ноги пришелся в бок летучей мыши и оттолкнул ее на несколько футов, а Ханалейса ловко приземлилась, не теряя скорости.

Темнокрыл быстро оправился и обрушил свою ярость на девушку.

Тимберли воспользовался тем, что внимание врага переключилось на сестру, и все-таки

сумел рассечь черное крыло почти у самого плеча. Темнокрыл неуклюже покачнулся в воздухе и чуть не упал на пол, но Ханалейса и Тимберли уже были наготове и ринулись на противника, не дав ему расправить раненое крыло.

Ханалейса первой оставила едва живую жертву и стала кричать людям, пытаясь восстановить хоть какой-нибудь порядок и организовать оборону. Но в пещере царил хаос. Летучие мыши носились взад и вперед, многие люди уже были ранены, у кого-то сильно окровавлены плечи, а один мужчина был полностью оскальпирован. Все беглецы отчаянно метались по пещере в поисках безопасного укрытия.

Около десятка людей схватили драгоценные факелы, сложенные в углу пещеры, и устремились в туннель, куда они все собирались пойти после недолгой передышки. Остальные люди в панике бросились за ними.

Тимберли зарубил еще одного темнокрыла, и Ханалейса от него не отставала.

Другие чудовища вылетели из пещеры и ринулись в погоню за беглецами.

Когда схватка закончилась, в пещере осталось не больше двух десятков людей, и среди них — трое тяжелораненых.

— Мы так не продержимся, — сказала Ханалейса братьям и Пайкелу, как только они собрали все свои скудные пожитки и несколько оставшихся факелов. — Надо искать путь на Поверхность.

— Ух-ух! — решительно возразил Пайкел.

— Тогда зажги свой посох! — закричала Ханалейса.

— О-о-ох, — вздохнул дворф.

— Хана! — одернул ее Рорик.

Девушка вытянула перед собой руки и, чтобы успокоиться, сделала глубокий вдох:

— Прости. Но мы должны выбираться отсюда, и как можно скорее.

— Да, здесь нельзя оставаться, — согласился Тимберли. — Надо пробраться ближе к Храму Парящего Духа и там выйти наружу. — Он посмотрел на Пайкела, но дворф неуверенно пожал плечами. — Другого пути у нас нет, — настаивал Тимберли.

Собравшиеся вокруг них люди вдруг заволновались.

— Разведчик возвращается, — предупредил Рорик.

Все бросились навстречу рыбаку Алагисту, и даже при свете факела стало видно, насколько он потрясен.

— Мы боялись, что ты погиб! — воскликнула Ханалейса. — Когда налетели летучие мыши...

— Забудьте про этих тварей, — прервал ее пожилой мужчина, и в подтверждение его слов послышались раскаты, словно вдали прогремел гром.

— Что?.. — хором спросили Тимберли и Рорик.

— Это шаги, — ответил Алагист.

— Ух-ох, — вздохнул Пайкел.

— Это магия? — спросила дворфа Ханалейса.

— Ух-ох, — повторил он.

— Берите раненых! — крикнул Тимберли тем, кто еще оставался в пещере. — Берите все, что мы сможем унести! Надо быстрее уходить из этого места!

— Его нельзя трогать, — возразила женщина, склонившаяся над потерявшим сознание мужчиной.

Пещера содрогнулась от очередного шага.

И женщина не стала спорить, когда Тимберли взвалил раненого на плечо.

Во главе с Пайкелом, несущим факел, они торопливо покинули пещеру.

* * *

— Тогда выходи! — заорал Айвен в темноту. — Нечего высовывать голову, проклятый кальмар, покажись целиком! Выходи, и мы сразимся!

Он даже не стал снимать со спины топор, а ухватил пару булыжников и принялся стучать ими друг о друга с яростью, переходящей в злорадное ликование.

Физическая демонстрация гнева опять окутала мозг дворфа, и еще одна попытка вторжения со стороны Яраскрика закончилась провалом. Если иллитид и в этот раз пришел с надеждой завладеть его сознанием, Айвен с уверенностью мог сказать, что он опять устоял.

Но дворф все еще брел в одиночестве и в кромешной тьме, он очень устал и почти не надеялся, что когда-нибудь выберется из путаницы извилистых туннелей. Он оглянулся на залитую грязью пещеру, раздумывая, не повернуть ли назад, чтобы постараться выжить с помощью водившихся там рыбы или каких-то других обитателей подземного бассейна. Может, удастся отфильтровать воду, чтобы сделать ее пригодной для питья?

— Ба! — вскоре фыркнул он, решив, что лучше погибнуть, пытаясь выбраться, чем существовать в пустой и темной дыре.

И Айвен отправился в путь, держа в руках булыжники, по-прежнему усмехаясь и с кипящей в душе яростью, искавшей любого выхода.

Он шел несколько часов, часто оступаясь и спотыкаясь. Хоть его глаза и привыкли к темноте, отыскивать путь все равно приходилось на ощупь. Он обнаружил несколько боковых туннелей, но некоторые заканчивались тупиками, а в другие он сворачивал, поскольку просто «чувствовал» их более перспективными. Даже обладая врожденным чутьем дворфов, которые проводили под землей большую часть жизни, Айвен представления не имел, где он находится по отношению к Поверхности и даже к тому месту, где упал в грязную жижу подземного бассейна. При каждом повороте он удрученно вздыхал, и оставалось только надеяться, что он не ходит по кругу.

А еще при каждом повороте он засовывал один из камней под мышку, облизывал палец и поднимал руку над головой, стараясь уловить малейшее движение воздуха.

Наконец мокрого пальца коснулся слабый ветерок. Айвен, затаив дыхание, уставился в темноту. Он понимал, что это может быть всего лишь трещина, непроходимая труба или дразнящее узкое оконце, в которое невозможно протиснуться.

Он стукнул камнями и свернул навстречу ветерку, стараясь сберечь оптимизм и укрепляя себя яростью. Спустя час Айвен по-прежнему находился в полной темноте, но воздух стал не таким плотным, и каждый раз, поднимая влажный палец, он ощущал слабые дуновения.

А потом он заметил свет. Всего лишь слабый отблеск, отраженный от множества поворотов. Но, тем не менее, это был свет. Превосходное зрение дворфа уже различало силуэты стен и выступов. Темнота вокруг стала не такой непроницаемой, как прежде.

Айвен зашагал вперед, раздумывая над тем, как организовать контрудар против драколича, иллитида и их темных когтистых слуг. Затем опасения за свою собственную жизнь сменились страхом за оставшихся наверху друзей, за Данику и Кэддерли и их детей. Его шаги ускорились. Айвен мог сражаться за свою жизнь как одержимый, но, когда дело касалось жизни его близких, он бился, как целая толпа одержимых.

Однако вскоре он снова пошел медленнее. Разгоравшийся впереди свет не был отражением солнечных лучей или сиянием особых грибов, распространенных в Подземье. Айвен заметил, что это отблески огня, скорее всего факела.

А здесь, под землей, это могло означать присутствие новых врагов.

Он сжал кулаки и приготовился к битве. От напряжения у него побелели костяшки пальцев, Айвен скрипел зубами и представлял, как расколет несколько черепов.

Донесшийся издали голос мгновенно развеял все его кровожадные намерения и заставил дворфа изумленно моргнуть:

— О-о-ой!

Глава 21

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ИСТИНОЙ

Кэддерли почти полдня провел в комнате с Кэтти-бри, и, когда появился на пороге, его лицо было пепельно-серым, а взгляд выдавал крайнюю усталость.

Ожидавший в передней Дзирт посмотрел на него с надеждой, а составлявший ему компанию Джарлакс быстро перевел взгляд на жреца. Джарлакс все понял по лицу Кэддерли, тогда как Дзирт не мог — или не хотел — этого понять.

— Ты смог ее отыскать? — спросил Дзирт.

Кэддерли слегка вздохнул и протянул ему глазную повязку.

— Как мы и думали, — произнес он, обращаясь скорее к Джарлаксу, а не к Дзирту.

Дроу-наемник кивнул, и тогда Кэддерли повернулся к Дзирту.

— Кэтти-бри заперта в темном месте между двумя мирами — нашим и Миром Теней, — сказал жрец. — Прикосновение упавшей нити Пряжи привело к самым тяжелым последствиям у чародеев и жрецов по всему Фаэруну, и, насколько я слышал, ни одна болезнь не похожа на другую. Для Аргуста из Мемнона случай оказался фатальным, нить обратила его в глыбу льда — просто лед, никакой плоти внутри. Пустынное солнце быстро превратило его в лужицу. Другой жрец влачит теперь жалкое существование, по всему телу открылись ужасные язвы, и он вряд ли долго протянет. Многие случаи...

— Мне нет до них дела, — прервал его Дзирт. Джарлакс, уловив в голосе темного эльфа звенящую тревогу, успокаивающе похлопал его по плечу. — Как ты говоришь, мы выяснили, что Кэтти-бри заперта между двумя мирами, хотя, по правде говоря, мне кажется, что это очень сильная иллюзия, маскирующая злобные замыслы, возможно Красных Чародеев или...

— Это не иллюзия, — сказал Кэддерли. — Пряжа распадается, некоторые боги бежали или умерли... мы этого еще не знаем. То ли разрушение Пряжи послужило причиной столкновения, то ли столкновение так сильно повлияло на Пряжу, но какой-то другой мир надвигается на нас, и это вызвало расширение Уровня Теней, а возможно, даже открыло переходы в какое-то другое царство мрака.

— И ты обнаружил, что она — я говорю о Кэтти-бри — попала между нашим миром и этим местом. И как же нам вытащить ее, как вернуть в наш мир... — Дзирт, глядя в откровенно сочувствующее лицо Кэддерли, вдруг замолчал. — Должен быть какой-то способ! — закричал он, схватив жреца за тунику. — Не говори, что это безнадежно!

— Я и не собирался, — ответил Кэддерли. — Вокруг нас постоянно происходят неожиданные и необъяснимые явления! Я произносил заклинания, которых никогда не знал и не надеялся получить их от Денира. Да что там говорить, я не уверен даже в том, что их даровал мне Денир! Друг мой, ты задаешь вопросы, на которые я пока не могу ответить.

Дзирт отпустил жреца и устало ссутулился, не в состоянии скрыть душевную боль. Затем он вежливо поклонился Кэддерли:

— Я должен рассказать об этом Бренору.

— Позволь мне это сделать, — вмешался Джарлакс, вызвав удивленный взгляд Дзирта. — А ты иди к своей жене.

— Жена даже не ощущает моих прикосновений.

— Этого ты знать не можешь, — возразил Джарлакс. — Иди обними ее, и вам обоим станет легче.

Дзирт перевел взгляд на Кэддерли, и жрец одобрительно кивнул. Расстроенный дроу натянул на голову повязку и скрылся в соседней комнате.

— Она потеряна для нас, — негромко произнес Джарлакс, оставшись наедине с Кэддерли.

— Это пока неизвестно.

Джарлакс продолжал в упор смотреть на жреца, и Кэддерли не решился спорить.

— Я не вижу способа вернуть ее в реальный мир, — признался жрец. — И даже если бы мы и смогли это сделать, боюсь, ее разум необратимо изменился. Да, насколько я понимаю, Кэтти-бри для нас потеряна.

Джарлакс, хоть и не был удивлен таким прогнозом, тяжело вздохнул. И тут же решил,

что не станет рассказывать Бренору обо всем, что услышал от Кэддерли.

* * *

Еще одна неудача , — заметил Яраскрик.

Мы ослабили их!

Мы едва поцарапали стены. А теперь у них появились новые могущественные союзники.

Значит, я всех своих врагов уничтожу одним ударом!

Кэддерли, Джарлак и Дзирт До 'Урден. Я знаю этого Дзирта До 'Урдена, его не так-то легко одолеть.

Я тоже его знаю , — неожиданно вмешался в их внутренний диалог Креншинибон, и в его коротком телепатическом послании иллитид услышал звенящую ненависть.

Нам надо бы улететь из этого места, — осмелился предложить Яраскрик. — Через трещину с Уровня Теней вывались неуправляемые твари, а у Кэддерли неожиданно появились помощники...

От драколича не последовало никакого вятного возражения, а только продолжительное злобное рычание, отразившееся эхом в объединенном разуме триумvirата, представлявшего собой Короля Призраков. Это была плотная и непроницаемая стена ярости и отрицания, самое убедительное «нет», которое когда-либо приходилось слышать Яраскрику.

Мысленным взглядом иллитида, описавшего широкий круг над всей местностью, они увидели трещину в Кэррадуне. Они увидели ночных странников и темнокрылов и поняли, что на Материальном Уровне появилась новая сила. Точно так же глазами иллитида они наблюдали за последней битвой у Храма Парящего Духа, появлением дворфов и дроу и обретенной Кэддерли силой. Это неведомое проявление магии жреца больше всего встревожило иллитида, поскольку даже он ощутил раскаты волшебного грома и вынужден был отшатнуться от божественного сияния. Яраскрик прожил очень долгую жизнь и когда-то был частью гигантского улья пожирателей разума; он полагал, что знает каждый двумер Торила, но никогда не видел ничего подобного могуществу жреца, проявившемуся в тот день.

Расплавленная плоть ползунов и кучки пепла, оставшиеся на месте зомби, служили ему недвусмысленным напоминанием о том, что Кэддерли нельзя недооценивать.

Но драколич все еще рычал, и эта продолжительная буря отрицания стала утомлять всеобъемлющий разум иллитида. Он подождал, надеясь, что звук вскоре стихнет, но рычание не прекращалось. Он прислушался к третьему голосу, более сдержанному в своих эмоциях, но ничего не уловил.

И тогда он все понял. Неожиданное прозрение, мгновенное откровение обнаружили очень существенный факт: Король Призраков больше не являлся триумvirатом. Тональность рычания соответствовала не одному, а двум синхронным голосам. Два существа стали одним.

Ревущая стена гнева не пропускала ни одного отчетливого слова, но Яраскрик вынужден был признать, что все его доводы останутся без внимания. Они не намерены спасаться бегством. Они — иллитид и это двуединое существо, с которым он делил труп дракона, поскольку уже не мог воспринимать Гефестуса и Креншинибона по отдельности, — не потерпят никаких ограничений. Ни трещина между мирами, ни внезапно обретенная жрецом сила, ни неожиданное подкрепление, прибывшее в Храм Парящего Духа, — ничто теперь не удержит Короля Призраков от мщения.

Рычание продолжалось. Непрерывная, сводящая с ума стена звука заранее отвергала все предостережения и исключала возможность разумного обсуждения. Так же, как понимал иллитид, не оставляла места и для каких-либо планов, несмотря ни на новые обстоятельства, ни на появление новых противников.

Король Призраков решил атаковать Храм Парящего Духа.

Яраскрик попытался направить мысли сквозь эту стену, достучаться до Креншинибона или до того независимого существа, что осталось от Хрустального Осколка. Он старался своей логикой прекратить гневные вибрации драколича.

Но ничего не обнаружил. На все его попытки был только один ответ: изгнание.

Это уже не разногласие, не спор относительно дальнейших намерений или действий. Это бунт, откровенный и необратимый. Гефестус — Креншинибон решил изгнать Яраскрика и был настроен так же решительно, как тот дворф, что остался в подземелье.

С той лишь разницей, что в этом случае Яраскрику некуда было идти.

Рычание продолжалось.

Яраскрик одну за другой посылал в сознание дракона-кристалла волны мысленной энергии. Он собрал все свои псионические силы и тщательно пытался добиться цели.

Рычание продолжалось.

Иллитид атаковал Короля Призраков вихрем разрозненных эмоций и какофонией искаженных звуков, способной свести с ума любого мудреца.

Рычание продолжалось.

Он воззвал к страхам, живущим в сознании Гефестуса. Он воспроизвел картины уничтожения Хрустального Осколка, когда ослепительная вспышка выжгла глаза дракона.

Рычание продолжалось. Пожиратель разума не обнаружил ни малейшего зазора между драконом и артефактом. Они стали единым целым и объединились настолько полно, что Яраскрик не мог определить, где заканчивается один и где начинается другой, не мог определить, кто контролирует совместные действия или хотя бы кто придумал это рычание, так расстроившее и смутившее иллитида.

А оно продолжалось, не утихая, не изменяясь, и, как понял иллитид, могло продолжаться еще целую вечность.

Умное создание!

Пожирателю разума больше ничего не оставалось. Он больше не сможет контролировать движения драколича. Больше не будет ни споров, ни обсуждений. Не будет ничего, кроме этого рева, на протяжении нескольких мгновений, часов, дней, лет или столетий. Остается только рев, только непроницаемая стена звука одной и той же тональности, которая навсегда лишит его ощущений, лишит любопытства, заставит оставаться внутри, обрекая на бесконечную борьбу.

Яраскрик понимал, что мог бы справиться с одним Гефестусом. И не сомневался, что нашел бы способ уговорить Креншинибона.

Но эти двое отгородились от него стеной рева. И для иллитида все стало ясно. Хрустальный Осколок, такой же самоуверенный, как и сам Яраскрик, такой же упрямый, как дракон, и терпеливый, как само время, сделал свой выбор. В первый момент этот выбор удивил Яраскрика: почему Креншинибон предпочел более слабый интеллект дракона?

Да потому, что Хрустальный Осколок обладал большим самолюбием, чем предполагал иллитид. Креншинибон руководствовался не только логикой. Объединившись с Гефестусом, он получил доминирующую роль.

Рычание продолжалось.

В этом шуме время утратило смысл. Не было больше ни вчера, ни завтра, ни надежды, ни страха, ни наслаждения, ни боли.

Только стена, неизменная, непроницаемая, непреодолимая.

Яраскрик не сумел победить. И не смог выдержать. Король Призраков стал союзом двух существ, которые слились в одно, отделившись от иллитида.

И бестелесный интеллект пожирателя разума почти сразу же начал рассеиваться, погружаясь в забвение.

* * *

Все лучшие умы, оставшиеся в Храме Парящего Духа, собрались, чтобы обменяться мнениями, наблюдениями и догадками о столкновении миров и возникновении сумрачной области, образовавшейся из Уровня Теней, которую они договорились называть Царством Теней. В процессе обсуждения были отброшены все разногласия между чародеями и жрецами, между людьми, дворфами и дроу.

Все вместе они строили новые догадки и планы, пытаясь найти ответы. Все быстро согласилось, что темные ползающие существа, атаковавшие Храм Парящего Духа, были порождениями другого уровня, и никто не стал спорить по поводу основного предположения о столкновении или, по крайней мере, о каком-то опасном взаимодействии постороннего мира с их собственным. Но осталось еще много других вопросов.

— А откуда взялись ходячие мертвецы? — спросила Даника.

— Это вклад Креншинибона в общую суматоху, — с неожиданной уверенностью заявил Джарлак. — Хрустальный Осколок — это в первую очередь артефакт некромантии.

— Но ты утверждал, что он уничтожен, — полученное Кэддерли откровение подсказало способ его уничтожения, и мы выполнили все условия. Как же тогда?..

— Столкновение миров? — скорее спросил, чем ответил Джарлак. — Ослабление Пряжи? Просто хаос нашего времени? Я не думаю, что он вернулся точно таким же, каким был прежде, что это очередное воплощение разрушенного Креншинибона. Но вполне могло быть, что создавшие его личи вырвались на свободу. Мне кажется, что одного из них я убил, а вы сталкивались со вторым призраком.

— Ты допускаешь слишком много предположений, — заметила Даника.

— Цепочка умозаключений для начала расследования. Ничего больше.

— И ты считаешь этих личей лидерами? — спросил Кэддерли.

Даника опередила Джарлакса:

— Лидер — это драколич.

— Объединившийся с остатками Креншинибона, а, следовательно, и с личами, — добавил Джарлак.

— Ладно, что бы это ни было, происходит что-то плохое, и гораздо хуже, чем я видел за всю свою жизнь, — сказал Бренор, оглядываясь на дверь комнаты, где лежала Кэтти-бри.

Возникло напряженное молчание, и Бренор, что-то разочарованно пробормотав, ушел, чтобы побыть со своей несчастной дочерью.

К всеобщему удивлению и, прежде всего к своему собственному, Кэддерли по окончании дискуссии остался с Джарлаком. Дроу обладал удивительным даром предвидения и высказывал интересные гипотезы относительно взаимодействия двух миров. Кроме того, ему пришлось столкнуться с призрачным существом, которое они оба считали одним из личей, когда-то давным-давно создавших Креншинибон. И идеи дроу казались Кэддерли наиболее содержательными.

Ни Дзирт, ни Бренор, ни даже Даника не могли так полно постичь смысл ловушки, в которую угодила Кэтти-бри, не понимали неизгладимых последствий, которыми угрожало столкновение нового и старого мира и ослабление барьера между светом и тьмой. Никто из остальных магов и жрецов не мог себе представить непоправимость постигших их изменений, утраты магии и если не всех, то некоторых богов. Но Джарлак все понимал.

Денир исчез, и Кэддерли был вынужден это признать. Его бог не вернется, по крайней мере, в том облике, который был знаком жрецам. И Пряжа, источник всей магии Торила, не может быть восстановлена. Как будто сама Мистра — и вся сфера ее влияния, — казавшаяся незыблемой, внезапно исчезла.

— Какая-то магия останется, — сказал Джарлак, когда беседа подошла к концу, сведясь к высказываниям одних и тех же предположений. — Твои деяния это подтверждают.

— Или это просто последние вздохи умирающего волшебства, — заметил Кэддерли.

Джарлак пожал плечами и неохотно кивнул, признав вероятность такой теории.

— А в том мире, что столкнулся с нашим, есть магия и боги? — спросила Даника. — Увиденные нами чудовища...

— Они не имеют никакого отношения к новому миру, в котором, как и в нашем, наверное, есть и магия, и грубая сила, — бесцеремонно прервал ее Джарлак. — Ползуны явились из Царства Теней.

Кэддерли молча кивнул, выразив свое согласие с дроу.

— А их магия тоже умирает? — спросил Дзирт. — Затронуло ли это столкновение, о котором вы говорите, их Пряжу?

— Или они как-то по-новому переплетутся между собой, возможно включив в себя и Царство Теней, находящееся между ними? — предположил Джарлак.

— Нам это неизвестно, — покачал головой Кэддерли. — Пока еще не известно.

— А что же дальше?! — воскликнул Дзирт с оттенком отчаяния в голосе — отчаяния, вызванного страхом за судьбу Кэтти-бри.

— Нам известно, какими мы обладаем инструментами, — сказал Кэддерли, сложив руки на груди. — Мы ответим силой на силу и будем надеяться, что хоть какая-то магия откликнется на наши многочисленные заклинания.

— Ты уже прекрасно это продемонстрировал, — отметил Джарлак.

— Жаль только, что я не могу ни предсказать, ни контролировать эти явления и, уж конечно, не могу вызывать их по своему желанию.

— Я верю в тебя, — произнес Джарлак, и все четверо ненадолго замолчали, настолько это заявление казалось невозможным для предводителя Бреган Д’эрт — ни по отношению к Кэддерли, ни к кому-то другому!

— Может ли Кэддерли испытывать подобную уверенность? — спросила дроу Даника.

Джарлак растерянно моргнул, а затем, как ни странно, залиvisto засмеялся, и Кэддерли с Даникой к нему присоединились.

Только Дзирт не мог смеяться. Его взгляд постоянно возвращался к двери, за которой в бесконечной темноте мучилась Кэтти-бри.

Потерянная для него.

* * *

Реальность ситуации обрушилась на него всей своей тяжестью, и, обычно невозмутимым, Яраскриком овладело отчаяние. Воспоминания улетучивались, формулировки становились расплывчатыми. Ему пришлось познать физическое уничтожение, когда Гефестус обрушил на Креншинибона свое пламенное дыхание и разрушил артефакт. И только благодаря счастливой случайности — когда падающая нить Пряжи коснулась мертвого артефакта, а заодно и останков иллитиды — Яраскрик снова обрел сознание.

Но теперь угроза уничтожения снова нависла над ним, и на этот раз надежды на помилование не было. Бестелесный интеллект беспомощно метался несколько драгоценных мгновений, а потом отчаявшийся пожиратель разума устремился к единственному доступному сосуду.

Но Айвен Валуноплечий был настороже и возвел вокруг своего сознания такую непроницаемую стену ярости, что Яраскрику нечего было и надеяться на успех. Иллитид оказался настолько выбит из колеи, что едва ли понимал, где находится и что поблизости есть менее устойчивые существа, которые могли поддаться вторжению.

Но пожиратель разума не слишком сопротивлялся решительному отпору, поскольку понимал, что вторжение в чужое сознание не решит его проблему. Он не мог вечно удерживать разум существа против его воли, да и переселение в физическое тело слабого создания, будь то человек, дворф или даже эльф, влекло за собой огромные ограничения в свободе передвижения.

Настоящего решения не существовало. Но, тем не менее, едва отступившись от Айвена Валуноплечевого, пожиратель разума решил испытать еще одну идею и раскинул широкую сеть, охватившую весь Фазрун. Ему нужен был другой пробудившийся интеллект, другой

псионик, собрат-мыслитель.

Одного такого он знал. И сумел дотянуться до него, пока бездомный интеллект не разрушился полностью.

В уютной комнате под портовым городом Лусканом, за много миль к северо-западу, Киммуриэль Облодра, лейтенант Бреган Д'эрт, второй по рангу после самого Джарлакса Бэнра, слышал его зов.

Его отчаянную мольбу.

Глава 22 ШЕПОТ В НОЧИ

Ночь выдалась тихой, и лес позади широкого двора Храма Парящего Духа оставался неподвижным и молчаливым.

Слишком тихая ночь, решил Джарлакс, стоявший на страже на одном из балконов второго этажа. Он слышал, как кто-то говорил о благословенном спокойствии, сулившем надежду, но для Джарлакса этот обманчивый покой не предвещал ничего хорошего. Возникшая пауза свидетельствовала об осмотрительности врагов. Последняя атака обернулась для темных ползунов настоящим побоищем: их бесформенные опаленные тела до сих пор валялись по всей лужайке перед храмом.

Но это наверняка еще не конец. Судя по рассказу Даники, судя по ненависти, обращенной на него и на Кэддерли, дроу не мог надеяться, что враги оставят Храм Парящего Духа в покое.

Но эта ночь была мирной — неоспоримо, парадоксально и зловеще мирной. И тихой, без малейшего ветерка. И только Джарлакс — один Джарлакс — слышал призыв.

Несмотря на почти абсолютный контроль над своими чувствами, дроу широко раскрыл глаза и невольно оглянулся. Он понимал, насколько уязвимо его и Атрогеята положение в Храме Парящего Духа, и не хотел верить, что еще один из его союзников, которого вряд ли здесь будут терпеть, просит с ним встречи.

Дроу попытался проигнорировать этот тихий, но настойчивый зов, но он повторился снова.

Джарлакс всмотрелся в опушку леса и сосредоточил внимание на одном высоком дереве, стоявшем прямо у границы кустарника. А затем, больше не оглядываясь, скользнул через перила балкона и ловко спрыгнул на землю. Осторожно миновав широкую лужайку, дроу мгновенно растворился в темноте.

* * *

— Ба, я же говорил тебе, эльф, — ухмыляясь, сказал Бренор Боевой Топор Дзирту, глядя вслед исчезавшему в лесу Джарлаксу. — У Джарлакса нет других друзей, кроме него самого.

Тяжелый вздох Дзирта выдал его глубокое разочарование.

— Я пойду к Пуэнту, и мы вытрясем из этого окаянного дворфа все, что скрывается под проклятой шляпой его дружка.

Бренор повернулся к двери, но Дзирт, положив руку ему на плечо, остановил короля дворфов.

— Мы еще не знаем, что это означает, — напомнил он. — Дополнительная разведка? Может, Джарлакс что-то заметил?

— Ба! — фыркнул Бренор, вновь обернувшись к окну. — Иди и посмотри, если тебе так хочется, а я и так все знаю.

— Дождись моего возвращения, — попросил Дзирт.

Бренор ответил хмурым взглядом.

— Прошу, доверься мне, — настаивал Дзирт. — Все это слишком важно для нас всех и

для Кэтти-бри. Если кто-то и может нам помочь справиться с проблемой, так это Джарлакс.

— А я думал, что Кэддерли. Разве не из-за него мы оказались здесь?

— И он тоже, — согласился Дзирт.

Убедившись, что Бренор немного остыл, дроу выскользнул из окна и отправился вслед за Джарлаксом. Его легкие шаги не побеспокоили ни одно живое существо.

* * *

— Каждый раз я нахожу тебя в самых неожиданных местах. — Пальцы Киммуриэля Облодры проворно двигались, говоря на тайном языке жестов темных эльфов. — Теперь ты подружился с Кэддерли Бонадьюсом и его жалкими жрецами, верно?

— В наше беспокойное время приходится довольствоваться... получением взаимной выгоды, — так же беззвучно ответил Джарлакс. — Ситуация здесь сложилась непростая, можно сказать, отчаянная.

— Мне об этом известно больше, чем тебе, — заверил его Киммуриэль, жестикулируя, и Джарлакс взглянул на него с любопытством.

— Ты говоришь о распаде Пряжи? — негромко спросил он.

Киммуриэль покачал головой.

— О твоих затруднениях, — вслух ответил он. — О Гефестусе и Креншинибоне.

— И об иллитиде, — добавил Джарлакс.

— Благодаря иллитиду, — поправил его Киммуриэль, — Яраскрик, лишенный тела и под угрозой полного распада, отыскал меня в Лускане. Он больше не является частью того существа, которое они называют Королем Призраков. Его выбросили вон, обрекли на полное уничтожение.

— И он жаждет мести?

— Мщение не в обычае иллитидов, — пояснил Киммуриэль. — Хотя он был доволен предложенной мною сделкой.

— Объясни, — попросил Дзирт пальцами и заинтересованным выражением лица.

— Для него единственным выходом было путешествие на Астральный Уровень, где сознание не связано ограничениями материальной формы, — сообщил Киммуриэль. — А при существующих осложнениях в области обычной и божественной магии ему потребовался псионик, то есть я. Лишенный тела, пожиратель разума не в состоянии осуществить такой переход в одиночку.

— И ты его отпустил? — спросил Джарлакс, слегка повысив голос.

Тем не менее, он не столько разозлился, сколько был заинтригован. И между делом поднял руку, желая убедиться, что призывающее диатриму перо на его волшебной шляпе почти выросло.

— Чтобы прожить еще долгие годы, Яраскрик должен отыскать улей иллитидов. Мы, псионики, не можем не интересоваться тем, что происходит во множественной Вселенной, а имея таких союзников...

— Это никудышные союзники.

Киммуриэль пожал плечами:

— Иллитиды одни из самых способных существ среди смертных. Я не могу знать, что произойдет с моими силами, с моей магией, как волшебной, так и божественной. Я только знаю, что мир меняется — уже изменился. Даже добраться сюда при помощи портала между измерениями и то было большим риском, но пришлось на него пойти.

— Чтобы предупредить меня.

— Предупредить и проинструктировать, поскольку в обмен на переход Яраскрик рассказал мне все, что ему известно о Короле Призраков и об останках артефакта, Креншинибона.

— Я тронут твоей заботой обо мне.

— Ты мне нужен, — признался Киммуриэль, вызвав усмешку Джарлакса.

— Тогда поведай и мне, — сказал Джарлак, — как смогу я или мы победить Короля Призраков?

Киммуриэль кивнул и подробно повторил все, что сообщил ему Яраскрик о существе, бывшем одновременно и Гефестусом и Креншинибоном, о его способностях и слабостях. Он рассказал и об их слугах, и о трещинах, через которые ползуны попадают на Фаэрун. Одну из трещин иллитид заметил, хотя и не исследовал. Она находилась на берегу озера, у города к юго-востоку от храма, и была еще открыта. Еще он упомянул о людях и дворфах, до сих пор скрывающихся в подземных туннелях.

— Ты веришь этому пожирателю разума? — спросил Джарлак, когда рассказ был закончен.

— Обычно иллитиды заслуживают доверия, — ответил Киммуриэль. — Они могут вызывать отвращение, способны зачаровывать, но, если понять, чего они добиваются, их логика становится понятной. В данном случае Яраскрик преследовал одну цель — выжить. Он попал в ужасную ситуацию, созданную Королем Призраков. Насколько мне известно, это действительно так, и потому я поверил и его рассказу в целом.

Джарлак полагал, что и сам он неплохо знаком с образом мыслей иллитидов, поскольку давным-давно работал с Киммуриэлем Облодрой, а если кто-то из дроу и мог разобраться в том, что происходит в увенчанной щупальцами голове, так это определенно был Киммуриэль.

* * *

Дзирта До'Урдена, притаившегося в кустах неподалеку, весьма заинтересовал весь разговор, хотя многое из сказанного лишь подтверждало уже полученные ими сведения о могущественном противнике. Но потом он недоверчиво моргнул, выслушав ответ и инструкции Джарлакса, и еще раз убедился, что не зря доверял этому темному эльфу.

— Нельзя подвергать Бреган Д'эрт такому риску, — услышал затем Дзирт возражение Киммуриэля.

— Конечная цель оправдывает этот риск, — возразил Джарлак. — Лучше подумай о том, что здесь нам предоставляется возможность хотя бы отчасти разобраться в создавшейся ситуации.

Последний довод, видимо, показался Киммуриэлю убедительным. Дроу поклонился Джарлаксу, отвернулся и рассек перед собой воздух вытянутым пальцем, вызвав светящуюся голубую черту. Затем он махнул рукой, превратив черту в портал, шагнул в него и мгновенно пропал из виду.

Джарлак еще немного постоял, обдумывая полученные сведения, потом растерянно и изумленно потрянул головой и направился к Храму Парящего Духа.

Дзирт вернулся буквально через несколько секунд после Джарлакса и тут же обнаружил, что его и Бренора ждет Кэддерли.

И конечно, Джарлакса.

Глава 23 ВЫЗОВ БРОШЕН

С грозным ревом и клаясь когтей, распугавшими всех ползунов, Король Призраков вышел из пещеры. Огромное существо не обратило на мелких слуг ни малейшего внимания. Длинный хвост, на котором кое-где еще сохранились остатки гниющей плоти, сметал любого, кто по неосторожности оказывался поблизости. А остальных сдуло ветром, поднятым развернувшимися крыльями с обрывками кожи на костях.

Атака начиналась без всяких планов, без расчета на помощников. Король Призраков руководствовался лишь своей яростью. Избавившись от предостережений Яраскрика, могучее существо следовало только своим необузданным эмоциям. Королю Призраков не

пристало строить планы или ломать голову над соблюдением осторожности.

Широкие крылья подняли Короля Призраков с площадки перед пещерой и понесли выше, над вершинами гор Снежные Хлопья. Магический взгляд устремился на многие мили вперед, туда, где находился символ его врагов, объект непримиримой ярости.

Король Призраков поднимался все выше сквозь легкие облака, заслонявшие ночное небо и звезды. Там он описал широкий круг, набирая скорость и разжигая свой гнев, а затем сложил крылья, вытянул вперед змеиную шею и, словно молния, понесся к Храму Парящего Духа.

Губы Гефестуса уже почти полностью сгнили, но любой, кто мог бы его видеть в этот момент, заметил бы, что они скривились в злобной усмешке.

* * *

Двадцать один жрец и чародей, почти половина всех обитателей и гостей Храма Парящего Духа, стояли на страже, облизывая пересохшие губы и сжимая в руках камни, покрытые взрывчатым маслом. Вторая половина людей в эту слишком тихую ночь тщетно старалась уснуть. Они не раз проверили и перепроверили инструменты, оружие и броню, волшебные кольца и палочки, свитки и флаконы с зельем и тревожно ожидали нападения, которое, как всем стало известно, не заставит себя долго ждать.

После недолгого совещания с пришедшими в храм дворфами и дроу Кэддерли предупредил всех, что против них выступит огромное чудовище. Не осталось никаких сомнений, что возглавит следующую атаку дракон, вернее, драколич, повелевающий ордами ползунов, которых они уничтожали в предыдущих схватках.

Многие из защитников уже встречались с драконами, некоторым даже привелось стать свидетелями смертоносного могущества драколича. Все они были закаленными воинами и путешественниками и собрались в Храме Парящего Духа, чтобы попытаться выяснить причину безумия, охватившего их, и без того полный опасностей, мир.

Но и мужчины, и женщины чувствовали, как от тревоги пересыхает во рту; какое утешение мог дать им в этот отчаянный миг опыт всей предыдущей жизни?

Они небольшими группами разошлись по храму и заняли наблюдательные позиции, не выпуская из рук оружия.

В центральном зале второго этажа, откуда можно было быстро добраться до любой точки здания, в тревожном ожидании собрались Кэддерли, Даника, двое дроу и трое дворфов. Никто из них даже не пытался уснуть. Все ждали, когда Гинанс и ее патруль объявят о приближении дракона.

Храм Парящего Духа был начеку и готов к бою.

Но ничто не могло подготовить полсотни защитников храма к появлению Короля Призраков. Лишь несколько часовых на северо-восточном углу здания уловили какое-то движение наверху и подняли головы навстречу гигантскому снаряду, несущемуся к Храму Парящего Духа. Несколько человек успели прокричать сигнал тревоги, а один даже поднял щит в бессмысленной попытке прикрыться.

Король Призраков, благодаря невообразимой силе, не врезался в здание, а замедлил стремительное падение, вытянул мощные задние лапы и ударил в стену.

Ни один человек, даже король Бренор, всегда крепко стоявший на земле, даже Атрогейт, обладавший низким центром тяжести дворфа и силой горного великана, не смог удержаться на ногах после этого удара. Храм Парящего Духа содрогнулся до самого основания, от толчка во всем здании перекосило рамы и вылетели стекла. Все двери распахнулись, а из каминных труб посыпались кирпичи.

Все крики, звон и стук заглушил громогласный рев дракона.

Защитники быстро вскочили на ноги, не утратив решимости вступить в бой. К тому времени когда Кэддерли и его ударный отряд добрались до места, где на обломках разрушенной стены стоял Король Призраков, в него уже полетели камни, и при ударе о кости

и плоть чудовища взрывалось волшебное масло.

Король Призраков изогнул змеиную шею, горящий взгляд остановился на группе дерзких метателей камней, но переключить ярость он не успел, поскольку огненный шар, вырвавшийся из волшебного рубинового ожерелья, окутал обжигающим огнем всю его огромную голову.

Следом полетели магические молнии. Потом столб божественного пламени упал с небес и обжег затылок драколича.

Чудовище отозвалось новым взрывом рева и мощным броском. Опять задрожало все здание, опять попадали с ног мужчины и женщины, эльфы, дроу и дворфы. Взмах массивного хвоста выбил остатки стекол по всей стене, разбил каменную облицовку и расколол толстые опорные балки.

Передняя стена разрушилась почти полностью, и защитники во главе с Кэддерли отлично видели дракона еще издали. Бегущие впереди трое дворфов не стали медлить перед лицом опасности и, не сбавляя скорости, ринулись вперед. По плану Кэддерли им предстояло отвлечь на себя основное внимание чудовища.

Первый же удар драколича по зданию отозвался во всем теле Кэддерли, связанном с храмом волшебными узами. И теперь, стоя лицом к лицу с врагом, жрец ощущал, как в нем нарастает магическая сила. Она рождалась из его гнева, его отчаяния и протеста против разрушения, а вскоре в голове возникли и неведомые заклинания.

То ли дракон ощутил эту силу, то ли просто узнал Кэддерли, но взгляд Короля Призраков остановился на приближающейся группе, и его страшные челюсти разошлись.

— Падай! — закричал Бренор.

Тибблдорф Пуэнт упал на Бренора и сбил его с ног, и они вдвоем рухнули на откатившегося в сторону Атрогейта.

Дзирт, Джарлакс и Даника, прикрывающие фланги, легко отпрыгнули, уклонившись от прямой линии атаки.

Но Кэддерли не двинулся ни вправо, ни влево. Он вытянул перед собой руки, в одной из которых держал арбалет, а в другой — трость, и произнес неизвестные ему самому слова.

Из пасти дракона вырвалось пламя и заполнило все пространство перед ними. Здание Храма Парящего Духа, возведенное при помощи магии, ослабило страшную силу пламени, сохранив стены и полы, но мебель, книги и вся утварь мгновенно вспыхнули, и языки огня потянулись к живым целям и дверному проему. А там они были остановлены барьером Кэддерли.

Как только волна огня схлынула, жрец выстрелил из арбалета, скорее с намерением бросить вызов чудовищу, чем причинить ему хоть сколько-нибудь тяжелые повреждения. И взрыв дротика у самой морды могучего монстра вызвал на лице Кэддерли торжествующую улыбку.

В горящую комнату вбежали семеро воинов и бросились на противника. Справа и слева полетели камни, они били по дракону и взрывались, окатывая его вспышками волшебного огня. В ход пошла и оставшаяся магия: появился рой жалящих шершней, целый шквал молний, столбы божественного пламени.

В отместку дракон ударил крыльями по храму. Длинный хвост метался из стороны в сторону, разбивая дерево и камень, отшвыривая попадавшихся на пути жрецов и чародеев. Но чудовище по-прежнему не сводило взгляда с единственной комнаты, где против него встали семеро ничтожных по сравнению с ним храбрецов.

— Вот мы и встретились, — произнес Король Призраков, и от его голоса пошатнулись обгоревшие балки.

Кэддерли ответил вторым выстрелом из арбалета.

Бренор, Атрогейт и Пуэнт, ни минуты не медля, выскочили вперед и бросились в атаку. Огненное дыхание дракона отбросило их назад.

— Все вместе! — призвал Кэддерли, и все семеро встали плечом к плечу под защитой заклинания жреца.

Кэддерли произнес еще одно заклинание, и никто из них не понял ни слова, но каждый из защитников ощутил в себе силу, противодействующую опаляющему дыханию драколича. И они шагнули вперед, прямо в ослепительный клубок огня, вылетевшего из пасти Короля Призраков. Огонь расступился перед ними и снова сошелся за спинами воинов, так что они оказались в кольце пламени, пока не закончился выдох драколича.

Но воины упрямо шли вперед, и, как только огонь иссяк, Кэддерли скомандовал атаку.

И они подчинились. Бренор поднял боевой топор, Атрогейт раскрутил кистени, а Пуэнт первым проскочил между ними и бросился на чудовище. Неистовый воин запрыгнул на огромную заднюю лапу дракона, для устойчивости вонзил в него шипы сапог и принялся молотить руками, разрывая кожу и разбивая кость.

Дзирт и Даника двинулись сразу вслед за дворфами. Но Кэддерли ненадолго остановил Дзирта и накрыл своей ладонью правый кулак дроу, в котором тот держал меч.

— Ты посланник всего доброго, что есть в мире! — произнес Кэддерли, немало удивив Дзирта.

Затем жрец добавил еще несколько слов на непонятном им обоим языке, и Ледяная Смерть засверкала еще ярче, когда божественный огонь затмил ее обычное голубоватое сияние.

— Уничтожь чудовище! — приказал Кэддерли.

Дзирт с ужасом и некоторой надеждой понял, что это говорил не совсем Кэддерли, вернее, не только Кэддерли. Как будто кто-то еще, какой-то бог или ангел, овладел жрецом и не только наделил его силой, но и возложил на дроу тяжелую ответственность.

Дзирт изумленно моргнул, но не стал колебаться, а только призвал к себе Гвенвивар. А потом так стремительно развернулся, что сразу оказался перед драконом. Даника уже вступила в бой, она поворачивалась и прыгала и каждый раз наносила дракону увесистые удары. Король Призраков щелкал челюстями, пытаясь схватить ее, но она двигалась слишком быстро, чтобы попасться ему в зубы, и каждый раз в последний момент успевала отпрыгнуть в сторону.

Страшные челюсти, громко щелкнув, снова схватили только воздух, и Дзирт ринулся вперед, крепко держа сияющие мечи. Он нанес колющий удар Сверкающим, и превосходный клинок, пронзив кожу, почти расколол кость. А затем последовал рубящий удар Ледяной Смертью, которую Кэддерли как-то сумел наделить силой божественного могущества.

Звук удара можно было сравнить с грохотом упавшей скалы; он почти заглушил гул огненных шаров, а взрывы покрытых волшебной смесью шаров Атрогейта казались не громче стука птичьих клювов. Голова Короля Призраков резко отдернулась назад, и большая часть скулы вместе с верхней челюстью покатились на землю.

И в этот момент влетела Гвенвивар. Огромным прыжком пантера пронеслась над головой Дзирта и вцепилась когтями в уродливую голову чудовища.

От изумления все, включая неистового Пуэнта, на мгновение замерли.

— Впечатляюще! — приветствовал удар Джарлакс, стоя рядом с ошеломленным Кэддерли.

Дроу бросил на землю перо, и мгновенно появившаяся гигантская диатрима тоже ринулась в бой. Затем он поднял руки, держа сразу две волшебные палочки. Из одной с грохотом вырвалась молния, а из второй — залп клейких зеленых шариков, которыми дроу метил в голову ящера, надеясь ослепить его или склеить грозные челюсти.

Да, это были могущественные воины!

Но и противник ничем не уступал им.

Король Призраков не взлетел, не побежал, даже не отшатнулся от Дзирта и его сверкающего меча. Он сильно топнул задней лапой по обгоревшим перекрытиям и проломил потолок первого этажа. Несчастный Пуэнт, едва не угодив под град обломков, откатился в сторону, оказавшись на нижнем уровне и в изрядно покореженных доспехах.

Гигантский ящер яростно тряхнул головой и сбросил с себя Гвенвивар, а потом вдруг резко отдернул голову назад, метя в Дзирта. Этот удар, попади он точно в цель, мог бы убить

дроу, но еще никому не удавалось застать Дзирта До'Урдена врасплох. В самый момент поворота Дзирт бросился вниз и в сторону, поднырнув под огромной головой. Но даже скользящий удар заставил его не раз перевернуться, чтобы погасить инерцию толчка. В конце концов, Дзирт ударился в стену, вызвав фейерверк искр из еще тлевшего дерева.

Обожженный и слегка оглушенный ударом, Дзирт еще не был побежден. Он снова бросился на чудовище и вдруг увидел, как Атрогейт, схваченный за ногу, взмыл в воздух. Шары кистеней дворфа бешено крутились и били дракона по голове, раскалывая кости, но Король Призраков, не обращая внимания на удары, размахнулся и отбросил Атрогейта далеко в сторону.

— Кружится моя голова и вот-вот оторвется нога! — заорал неисправимый дворф и тотчас полетел на пол. — Как голыш по гладкой воде, так и я скачу по земле, — добавил он, отскочив от пола и ударившись об угол, только слово «земле» прозвучало у него как «зе-е-е-емле», когда Атрогейт окончательно приземлился.

Без двоих дворфов и Гвенвивар Бренору и Данике пришлось тяжело. Бренор отбивался топором из-за щита, не упуская возможности нанести ответный удар, и, хотя дворф нередко покачивался, он все еще крепко держался на ногах. Даника продолжала кружиться и прыгать, каждый раз на полшага опережая ужасные челюсти дракона.

— Мы долго не продержимся, — сквозь зубы бросил Джарлакс.

Даже когда Дзирт продолжил борьбу, снова бросившись на дракона со своим сияющим божественной силой мечом, напряженность не покинула лица наемника-дроу.

Джарлакс высказал горькую истину. При всем могуществе и хитроумных приемах, они наносили чудовищу лишь мелкие раны, а затянувшаяся схватка истощала их силы. К тому же из леса подоспели ползуны, и те, кто сражался с той стороны, были вынуждены развернуться.

В этот ужасный момент казалось, что для защитников Храма Парящего Духа все кончено.

Кэддерли воздел руки и сосредоточился на магической силе внутри себя. А потом всем, кто его видел, показалось, будто могущественный жрец снял с неба звезду или солнце и поместил ее в свое тело.

Кэддерли засиял, и так ярко, что лучи брызнули во все стороны, пробиваясь в каждую трещину стен храма. На всей лужайке и даже в лесу стало светло, как в разгар ясного дня.

Ночная темнота исчезла, как исчезли и раны у тех, кто оказался поблизости от жреца. Боль и усталость сменились благодатным теплом и приливом энергии, какой люди еще не знали.

Но на Короля Призраков это сияние произвело обратный эффект, и пораженное чудовище отпрянуло, корчась от мучительной боли.

Подбежавшие ползуны встали как вкопанные и замахали длинными лапами, тщетно пытаясь загородиться от губительного света. От их черной кожи начали подниматься струйки дыма. Самые проворные пытались отползти обратно в тень деревьев.

От яростного рева Короля Призраков снова задрожали стены храма. Чудовище не пыталось улететь, а еще сильнее стало метаться и наносить удары направо и налево. Особенно досталось Бренору, но дворф либо рычал в ответ, либо успевал наносить ответные удары. Прыжки, повороты и сальто Даники, казалось, отрицали силу притяжения, и передняя лапа дракона постоянно хватала воздух. Зато огромные челюсти монстра схватили диатриму, и дракон, пару раз резко тряхнув головой, разорвал птицу пополам.

Потом он попытался зацепить зубами и Данику, но ей на помощь подоспел Дзирт. Его мечи со свистом рассекали воздух во всех направлениях прямо перед лицом дроу и над головой, и заговоренная Ледяная Смерть при каждом выпаде рассекала остатки красной чешуи, сбивала ошметки плоти и раскалывала кости.

Король Призраков отпрыгнул назад и врылся задними лапами в землю. Едва он остановился, как Тибблдорф Пуэнт бросился головой вперед, и шип его шлема крепко впился в икру драколича. С другой стороны подскочил Атрогейт с одним кистенем,

поскольку второй был утерян после падения. Дворф раскрутил тяжелый шар над головой, держа его обеими руками, активировал взрывчатое вещество и ударил Короля Призраков по лапе с такой силой, что на землю посыпались красные чешуйки. Шар пробил остатки гниющей плоти и громко стукнулся о кость.

Но сильнее и мучительнее, чем атаки этих бесстрашных воинов или жалящие молнии Джарлакса и его раздражающие клейкие шарики, Короля Призраков терзали обжигающие лучи, исходявшие от Кэддерли. Этот непереносимый свет божественной силы пропитывал каждый дюйм огромного тела чудовища.

Драколич снова заполнил огненным дыханием все пространство перед собой, но защита Кэддерли свела на нет его усилия, а сияние мгновенно исцелило друзей жреца, так что они даже не успели ощутить боли от ожогов.

Попытка дорого обошлась Королю Призраков, поскольку он был вынужден нагнуть голову, чтобы направить пламя на противников, и Дзирт, забравшийся по лапе на его спину, получил шанс добраться до черепа дракона. Ледяная Смерть раз за разом обрушивалась на затылок огромного ящера, и после каждого оглушительного удара на землю летели чешуйки, обрывки мышц и осколки костей.

После нескольких ударов Дзирта поток пламени из пасти драколича внезапно иссяк. Король Призраков так сильно вздрогнул, что и Дзирт, и Атрогейт полетели на землю, а чудовище мощным прыжком вылетело с лужайки перед храмом.

— Прикончи его! — закричал Джарлакс.

В этот момент всем действительно казалось, что огромное чудовище охвачено предсмертной агонией и хватит одной последней атаки, чтобы избавиться от него навсегда.

И воины бросились в бой, но их оружие, их заклинания и снаряды пролетали сквозь Короля Призраков, не причиняя ему ни малейшего вреда. В этот момент вся поверхность драколича вспыхнула голубым огнем, и его существо утратило материальность. Тибблдорф Пуэнт разбежался от самых стен храма, взревел, как умел реветь только самый неистовый боец, прыгнул на дракона, но пролетел насквозь и плюхнулся в грязь.

Но еще более странным Дзирту, который устремился вслед за Пуэнтом, показалось поведение Гвенвивар. Пантера не стала атаковать Короля Призраков. Более того, прижав уши в несвойственной ей тревоге, никогда не проявлявшая страха, Гвенвивар развернулась и убежала.

Дзирт от удивления вскрикнул. Он смотрел на ужасное чудовище и видел, как Пуэнт бежит вокруг дракона, даже внутри его, не испытывая ни малейшего сопротивления.

А потом от Короля Призраков не осталось никаких видимых следов. Чудовище исчезло, словно испарилось. Его как будто и не было.

Пораженные защитники уставились на пустое место. Кэддерли, изумленно взирая на охваченный голубым огнем силуэт дракона, внезапно вспомнил Пророчество Алаундо, где 1385 год был назван Годом Голубого Пламени. Что это, совпадение или предостережение о грядущей катастрофе? Но жрецу не удалось, как следует поразмыслить над этим вопросом. Из храма донесся отчаянный крик Кэтти-бри.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Сознание своей беспомощности не просто огорчает — оно разрушает. В тех случаях, когда становится ясно, что силы воли, крепости мускулов и мастерства недостаточно, чтобы преодолеть возникшие препятствия, что ты совершенно беспомощен в сложившейся ситуации, начинаются жестокие моральные страдания.

Когда Эррту завлек Вульфгара в Абисс, мой друг подвергался там жесточайшим пыткам. Даже если он крайне редко соглашался говорить на эту тему, громче всего в его голосе звучали нотки отчаяния, вызванного беспомощностью. К примеру, демон позволял ему поверить в то, что Вульфгар свободен, что живет с любимой женщиной, а потом на глазах у бессильного что-либо сделать Вульфгара он убивал и эту женщину, и их воображаемых детей.

Эти пытки оставили в душе Вульфгара самые глубокие и незаживающие раны.

Еще будучи ребенком, в Мензоберранзане я получил урок, общий для всех мужчин-дроу. Моя сестра Бриза привела меня на край нашего пещерного поместья, где уже поджидал огромный элементаль земли. На великане имелась упряжь, и Бриза протянула мне поводья.

— Держи его, — приказала она.

Я не сразу понял ее приказ, и, когда элементаль шагнул, веревка выскользнула из моих рук.

Бриза, конечно, вытянула меня хлыстом и сделала это с удовольствием.

— Держи его, — повторила она.

Я взял веревку и уперся ногами в землю. Элементаль снова сделал шаг, и я полетел следом за ним. Он, похоже, даже не подозревал о моем присутствии, как и о том, что я напряг все свои скудные силы, чтобы помешать ему.

Бриза сердито нахмурилась и велела мне попробовать еще раз.

Я решил, что это испытание на сообразительность, и, вместо того чтобы тянуть веревку, обмотал ее вокруг ближайшего сталагмита и под одобрительные кивки Бризy крепко зажал конец в руке.

Элементаль по команде сестры опять шагнул, и я облетел вокруг сталагмита, словно свиток пергамента, подхваченный ураганом. Этот монстр снова не заметил моих усилий.

Полученный урок наглядно продемонстрировал мне мою слабость. Я убедился в собственном бессилии.

Потом Бриза одним заклинанием вернула элементаля на место, а вторым — отпустила его. Смысл этого урока заключался в том, чтобы показать: божественная сила Ллос превосходит и физическую силу, и мастерство. Это было не что иное, как еще одно проявление власти Верховных Матерей, предназначенное для того, чтобы мужчины Мензоберранзана знали свое место и не пытались претендовать на более высокое положение, особенно по отношению к избранницам Ллос.

А для меня, как, подозреваю, и для многих моих сородичей, урок имел скорее личное, чем социальное значение, поскольку я впервые столкнулся с могуществом, превосходящим мою силу воли и абсолютно мне не подвластным. Как бы я ни старался, каким бы ни был умным, я не мог повлиять на исход испытания. Элементаль все равно шагнул бы вперед, несмотря на все мои ухищрения.

Сказать, что я был унижен, — это еще слишком мало. Там, в темной пещере, я впервые познал истину смертности и предел, положенный смертной плотью.

И теперь я вновь испытываю то же самое чувство бессилия.

Глядя на Кэтти-бри, я понимаю, что ничем не могу ей помочь. Все мы мечтаем стать героями, найти выход из любого положения, выбрать момент и спасти мир. И все мы в некоторой степени боимся признать, что наши желания не всемогущи, что наша решимость и ум могут привести нас к ужасному поражению, — и это действительно так.

В некотором смысле.

Смерть — это наивысший барьер, и, когда мы сталкиваемся с неминуемой гибелью, своей или тех, кто нам дорог, смертное существо в большинстве случаев не испытывает абсолютной покорности.

Мы все верим, что сможем победить эту напасть или этот недуг хотя бы одной силой воли. Это нормальная, присущая каждому защита разума против общей для нас неизбежности. И я не знаю, что хуже: длительное умирание или сознание того, что твое собственное тело тебе уже больше не подчиняется.

В моем случае боль, которую я испытываю при взгляде на Кэтти-бри, не однозначна, и одна из граней мучительных страданий — это сознание своей беспомощности. Я отвергаю взгляды, которыми обменялись Джарлак и Кэддерли, и выражения их лиц, выдающих их невысказанные мысли. Не может быть, чтобы Кэтти-бри была обречена, и мы ничем не сможем ей помочь!

Они ошибаются, я на этом настаиваю.

И все же знаю, что они правы. Возможно, я «знаю» только потому, что боюсь, больше чем когда бы то ни было, их правоты, и, если это действительно так, мне не на что надеяться. Я не могу сказать «прощай» Кэтти-бри, боюсь, я уже это сделал.

Вот так, в моменты слабости, я теряю веру и понимаю, что они правы. Моя любовь, мой самый близкий человек потерян для меня навеки — и здесь снова вмешивается мое упрямство, поскольку первым побуждением было написать «возможно, навеки». Я не могу признать правду, даже если ее признаю!

Я не раз видел, как мои друзья возвращались от самого края смерти: Бренор после полета на спине дракона, Вульфгар из Абисса, Кэтти-бри с темного уровня Тартара. Как часто непреодолимые препятствия были покорены ими! И в конце мы всегда побеждаем!

Но это не так. И возможно, самая жестокая ирония состоит в уверенности, испытываемой моими компаньонами по Мифрил Халлу, благодаря нашей удаче и нашим подвигам.

И когда нас коснулась неотвратимая трагедия, суровая реальность кажется еще более жестокой.

Я смотрю на Кэтти-бри и вспоминаю о своих слабостях. Мои фантазии о спасении мира разбиваются об острые и неподвижные скалы. Я хочу спасти ее, но не могу. Я смотрю на Кэтти-бри и чувствую, что она потеряна для меня, и в такие моменты мечтаю уже не о победе, а о...

Я не могу даже подумать об этом. Неужели я опустился до того, что мечтаю о мирной и быстрой смерти для женичины, которую люблю больше всего на свете?

А вокруг нас, в этом безумном мире, продолжается борьба. И мои мечи уже нашли себе применение в схватке, которая, как я опасаясь, только начинается. И я должен оставаться посредником между Бренором и Джарлаком, между Джарлаком и Кэддерли. Я не могу остаться в стороне наедине со своим бесконечным горем и болью. Я не могу пренебречь своей ответственностью перед теми, кто меня окружает.

Но все это как-то неожиданно утратило для меня первостепенное значение. Какой смысл в этой борьбе, если со мной не будет Кэтти-бри? Зачем уничтожать драколича, если исход останется все тем же и все мы обречены? Разве наши мысли и дела, которые мы сами считаем очень важными, не оказываются незначительными и мелкими в толще тысячелетий необъятной мультивселенной?

Вот так из чувства бессилия появляется демон отчаяния. Более могущественный, чем безысходность, возникающая от дыхания Мерцающего Мрака, темного дракона. Более могущественный, чем последствия урока матерей из Мензоберранзана. Потому что вопрос: какой в этом смысл? — самый коварный и пагубный из всех вопросов.

Но я должен бороться. Я не могу сдаться ради тех, кто меня окружает, ради себя самого и, да, ради Кэтти-бри, потому что она не позволила бы мне опуститься до такого состояния.

Откровенно говоря, эта внутренняя борьба изматывает меня сильнее, чем любой демон, чем любой дракон, чем целая орда воинственных орков.

Да, этот мрачный момент демонстрирует мне мою уязвимость, но он же требует от меня веры — веры в то, что, кроме смертной оболочки, есть что-то еще, что, кроме

*нашего временного существования, есть место величайшего согласия и общего единения.
Иначе наша жизнь была бы слишком грустной шуткой.*

Дзирт До'Урден

Глава 24 СКИТАНИЕ В ТЕМНОТЕ

— Как я могу сказать тебе то, чего не знаю? — проворчал Айвен оторопевшему Тимберли.

— Я думал... ты можешь знать... — промямлил молодой человек.

— Ты же дворф, — сухо добавила Ханалейса.

— И он тоже! — вспыхнул Айвен, ткнув пальцем в сторону Пайкела. Но при виде недоверчиво-изумленных лиц близнецов его раздражение улеглось. — Я все понимаю, — тяжело вздохнул Айвен.

— Ду-ид, — уточнил Пайкел и, самодовольно добавив: «Харрумф», отошел в сторону.

— Но он здорово разбирается в верхних туннелях, — высказался Айвен в защиту брата. — Там, где есть свисающие сверху корни. Он разговаривает с ними, и эти штуки ему отвечают!

— А как насчет нашей ситуации? — вступив в разговор, напомнил ему Рорик. — Люди устали от туннелей и все сильнее беспокоятся.

— А они предпочли бы оказаться в Кэррадуне? — саркастически спросил Айвен, но, к всеобщему удивлению, Рорик даже не моргнул.

— Именно это они и говорят, — сказал он.

— Разве они забыли, из-за чего мы здесь оказались?! — воскликнул Тимберли.

— Они ничего не забыли, — покачал головой Рорик. — Кроме того, нам и в туннелях пришлось сражаться с этими чудовищами.

— Но в выгодных позициях, которые мы сами выбирали, — напомнила ему Ханалейса, на что Рорик только пожал плечами.

— А вы сами не могли бы отыскать дорогу к туннелям поблизости от Кэррадуна? — спросил Айвен у Тимберли и Ханалейсы.

— Ты не можешь... — заговорил Тимберли, но Ханалейса не дала ему продолжить.

— Мы сможем, — ответила она. — Я на многих развилках отмечала наш путь. Я уверена, что мы могли бы вернуться почти к самому началу.

— Возможно, это наилучший вариант, — сказал Айвен.

— Нет, — возразил Тимберли.

— Парень, нам неизвестно, кто здесь еще есть, — напомнил Айвен. — И мы знаем, что ждет нас в горах Снежные Хлопья, но в Кэррадуне ты не видел ничего подобного этому громадному ящеру, иначе был бы уже мертв. Я с удовольствием предложил бы тебе другой вариант — да я и сам бы обрадовался, если бы его нашел! — но я не знаю иного способа выбраться из туннелей, а та шахта, по которой я спустился, снизу недосягаема для нас. Да я в любом случае не стал бы по ней подниматься!

Тимберли и Ханалейса обменялись озабоченными взглядами, а потом оба посмотрели в другой конец освещенной факелом пещеры, где столпились изнуренные беженцы. Груз ответственности огромной ношей давил на плечи близнецов, поскольку от их решения зависела судьба каждого из людей, а возможно, и сама жизнь.

— Все равно выбирать вам не приходится, — выпалил Айвен спустя несколько мгновений, словно прочитав их мысли, что было не трудно, видя выражения лиц близнецов. — Вы отлично сделали, когда увели людей из Кэррадуна в туннели, и я обязательно скажу об этом вашим родителям, когда мы доберемся до Храма Парящего Духа. Но теперь я с вами, а с нашей последней встречи и я, и вы оба многому научились.

— Мы не можем здесь оставаться, в этом ваш брат прав. Если бы мы все были дворфами, мы расширили бы несколько пещер, поставили пару стен и назвали бы это место своим домом. Но вы не дворфы и должны выбраться наружу, и я не могу найти другого прохода, кроме того, которым попал сюда.

— Но нам придется сражаться, — предупредила его Ханалейса.

— Значит, тем более надо туда идти! — воскликнул Айвен и хищно оскалил зубы.

И они отправились в обратный путь, а когда сомневались, куда повернуть, поскольку отметины Ханалейсы не всегда отчетливо указывали путь, они шли наугад. Если же догадки оказывались неверными, они разворачивались и поспешно возвращались к развилке, подчиняясь энергичным приказам Айвена Валуноплечевого.

Он, конечно, резко покрикивал на беженцев, но вместе с тем вселял в них так необходимые людям энтузиазм и оптимизм. Его энергия оказалась заразной, и группа в первый же день проделала большой путь. Второй день тоже прошел благополучно, если не считать того, что Айвен, все время шедший впереди, упал в довольно глубокую яму.

Но на третий день шаги стали короче, а команды сменились обычными указаниями. И все же они продолжали идти вперед, потому что выбора у беженцев не оставалось. Когда поблизости раздавался рев чудовищ, доносящийся из далеких туннелей, все непроизвольно вздрагивали от страха, но вместе с тем люди надеялись, что их мучительные скитания приближаются к концу. Они страдали от голода, поскольку не могли найти другой пищи, кроме нескольких грибов и рыбешек из подземных озер. Они мучились от жажды, поскольку вода в этих озерах была слишком вонючей, чтобы ее можно было пить. Но люди тяжело вздыхали и продолжали путь.

За поворотом одного из туннелей, который расширялся в просторную пещеру, они встретили своих врагов, но не зомби, а темных ползучих тварей, с которыми так хорошо был знаком Айвен. И чудовища тоже заметили беженцев. Айвен Валуноплечий, сознавая, какой опасности подвергаются эти несчастные измученные люди, а также и дорогие ему дети Бонадьус, первым бросился в бой. Ярость ускорила его шаги, а решимость не допустить катастрофы придала сил могучим рукам. Дворф врезался в набегавшую толпу ползунов, словно огромная скала, разбивающая волны прибоя. Чудовища мгновенно окружили его, но те, кто оказывался рядом, быстро погибали от каждого взмаха боевого топора.

Слева от него встали Тимберли и Ханалейса, противопоставив врагам острый меч и шквал кулачных ударов, а справа подошли Пайкел и Рорик. Рорик попробовал одно заклинание, но, когда оно не удалось, схватился за висевший на поясе кинжал, радуясь, что учился драться наравне с братом и сестрой.

Что касается Пайкела, то он уже не мог вызвать волшебный свет на своем посохе и усилить его удары, но, как и его брат Айвен, зеленобородый друид достиг высшей степени ярости, которая возникает, когда дворф сражается не только ради себя, но ради всех, кто не сможет защитить себя сам.

— О-о-ой, — повторял он при каждом ударе, и голосу вторили стук дубинки и звук раскалывающихся черепов чудовищ.

Да, он мог орудовать только одной рукой, и дубинка больше не обладала волшебной силой, но ползуны один за другим отлетали под его ударами или падали на землю с разбитыми головами, корчась в предсмертных судорогах.

Видя перед собой пример пятерых опытных воинов, и остальные беженцы воспрянули духом и бросились на врагов. Неистовое поведение Айвена отметало любые мысли о том, чтобы остановиться и сомкнуть ряды или отступить назад, в туннель, поскольку дворф явно не собирался ни медлить, ни отступать. Казалось, он совсем не беспокоится о поддержке с флангов или о зашедших сзади ползунах.

И дело было не в особой тактике, а в неудержимом гнев Айвена: он разозлился на дракона и опасность, грозившую детям Кэддерли; на то, что его брата, покинутого богом, постигло разочарование; на то, что место, которое он привык считать своим домом, перестало быть безопасным. Топор со свистом двигался справа налево, потом обратно, и

Айвен не думал о защите, о том, чтобы блокировать тянущиеся к нему лапы или уклониться от прыгавших навстречу монстров. Топор отсекал вытянутые конечности, а прыгавших ползунов отбивали удары в морду, наносимые массивной рукояткой. А когда эти безмозглые существа неизбежно отлетали назад, Айвен добавлял удар ногой, а потом раскалывал черепа своим грозным двусторонним топором.

Дворф неудержимо двигался вперед, и весь пол пещеры за его спиной становился скользким от крови и выбитых мозгов и был усеян осколками костей и мертвыми телами.

Но Айвен слишком далеко обогнал своих друзей, и ползуны набрасывались со всех сторон, даже сзади.

И продолжали погибать вокруг разъяренного дворфа.

Они прыгали ему на плечи и рвали своими когтями. Повсюду, где тело не было закрыто доспехами, появились кровоточащие раны, и ползуны падали замертво, зажав в лапах пряди его желтой бороды. Но Айвен не останавливался, и его удары сыпались на врагов с еще большей силой и яростью.

Вскоре, однако, даже самые глупые ползуны поняли, что надо держаться от него подальше, и Айвен беспрепятственно добрался до противоположного края пещеры. Только тогда он развернулся, чтобы оказать помощь всем остальным.

Битва продолжалась еще долго, пока каждый взмах не начал отзываться болью в уставших руках, пока все беженцы не начали задыхаться, ловя ртами воздух. Но они не останавливались, и ползуны погибали один за другим. Когда, наконец, все закончилось и остатки темных врагов разбежались по боковым туннелям, весь пол пещеры был залит кровью и усеян телами, но ряды беженцев почти не поредели.

Однако никто из них не надеялся, что эта битва станет последней.

— В Кэррадун! — упрямо крикнула Ханалейса Пайкелу и Айвену, отчаянно надеясь, что ее громкий голос пробудит оптимизм в сердцах измученных людей.

Она прекрасно сознавала, что недостаток еды, постоянные схватки с врагами, темнота и горе понесенных утрат сильно ослабили моральный дух всей группы. Но на выручку Ханалейсе пришел Айвен, и его уверенный и бесстрашный голос на какое-то время приободрил людей, хотя и не всех.

— Нам придется с боем отвоевывать каждый шаг! — пожаловался пожилой рыбак с окровавленным лицом, не вставая с обломка скалы. — У меня подвело живот от голода, и болят руки.

— И впереди нет ничего, кроме темноты и смерти! — подхватил другой, и вслед за этим послышались и другие стоны и жалобы.

— Выводи нас отсюда, — прошептала Ханалейса Айвену. — Скорее!

Они уже не хоронили погибших под грудами камней и не слишком тщательно осматривали раны, а просто подставляли плечо и тащили друг друга вперед. Сразу после битвы группа вновь отправилась в путь, но теперь они двигались совсем медленно.

— Если дело снова дойдет до драки, исход будет зависеть от вас двоих, — прошептал Айвен, обращаясь к Тимберли и Ханалейсе. — Мы, конечно, не можем идти быстрее, это факт, но нельзя медлить в сражении, иначе мы все погибнем. Люди будут смотреть на вас двоих и в вас черпать новые силы.

Близнецы испуганно переглянулись, но опасения быстро сменились решимостью.

* * *

Неподалеку от того места, где братья Валуноплечие, дети Кэддерли и остальные беженцы из Кэррадуна одержали трудную победу, мрак пещеры внезапно нарушила голубая мерцающая точка, возникшая на высоте около шести футов над полом. И она продолжала двигаться, словно ведомая чьей-то невидимой в темноте рукой.

Потом на несколько мгновений шипящий магической силой голубой огонек повис на одном месте, превратился в линию, а вскоре и в трехмерный переход.

Из перехода, как будто материализовался из воздуха, появился молодой темный эльф. Держа в одной руке арбалет, а в другой — меч, он неслышно шагнул в пещеру, осмотрел один туннель, потом другой и, убедившись, что рядом никого нет, убрал меч в ножны и встал рядом с порталом.

По его сигналу в туннель вышли другие дроу. Первый разведчик на понятном только этой расе наречии пальцами приказал им провести разведку в туннеле и занять позиции часовых.

Через портал вышли другие дроу, и каждый, согласно строгой дисциплине, в точности следовал полученным указаниям, соблюдая полную тишину.

Голубоватое сияние портала усилилось. В пещеру вышли еще несколько дроу, и среди них Киммуриэль Облодра, который и создал этот межпространственный переход. Дроу, следующий за ним по пятам, начал сигнализировать пальцами, но, полностью уверенный в безопасности, Киммуриэль перехватил его руку и приказал разговаривать шепотом.

— Ты уверен? — спросил его дроу по имени Марив.

— Он следует указаниям и рекомендациям Джарлакса, — ответил второй дроу, прославленный разведчик Вейлас Хьюн, только что миновавший портал. — Нет, Марив, наш друг не уверен, поскольку ему известно, что не уверен Джарлакс. Он всегда ведет себя так, словно полностью уверен в своих поступках, но вся его жизнь — азартная игра, не так ли?

— И мне кажется, что именно это его самая привлекательная черта, — сказал Киммуриэль.

— И причина, заставляющая нас следовать его указаниям, — пожав плечами, добавил Марив.

— Вы идете за ним, потому что согласились идти за ним и обещали идти за ним, — напомнил Киммуриэль, явно недовольный подобными высказываниями, но мирившийся с ними.

В конце концов, Киммуриэль Облодра оставался, возможно, единственным дроу, достаточно близким к Джарлаксу, чтобы его понять: образ азартного игрока, бесспорно, был привлекательной особенностью Джарлакса, но Киммуриэль знал, что источник его привлекательности заключался не только в этом. Со стороны могло показаться, что Джарлакс постоянно ведет игру, но ни в одном из его ходов не было и тени неуверенности. И потому прагматичный, никогда не поддающийся азарту Киммуриэль полностью доверял своему другу. Дело было не в его очаровании, а в том, что его обещания всегда выполнялись.

— Ты, конечно, можешь изменить свое решение, — сказал он Мариву. — Но я тебе не советовал бы.

— Если только не хочешь погибнуть, — вмешался Вейлас Хьюн и отправился проверить, в безопасности ли периметр.

— Я понимаю, насколько это задание тебе не по вкусу, — добавил Киммуриэль, обращаясь к Мареву.

Подобное проявление сочувствия было весьма редким, почти неслыханным откровением со стороны жестокого и прагматичного псионика-дроу. Но Марив был его протеже, он завоевал себе высокое положение в Бреган Д'эрт в то время, когда Джарлакс отсутствовал и отряд находился под командованием Киммуриэля. Молодой чародей быстро завоевал расположение псионика и занял место в верхнем ярусе Бреган Д'эрт, где сам Киммуриэль был бессменным заместителем, а Джарлакс — бессменным лидером группы. Даже, несмотря на возникшие затруднения и непредсказуемость магии, способный Марив сохранил благосклонность Киммуриэля, поскольку обладал многими волшебными предметами огромной силы, а также прекрасно владел мечом. До того как пройти обучение в академии чародеев, Марив с успехом окончил Мили-Магтир, военную школу дроу, и потому даже в период распада Пряжи оставался ценным союзником.

Киммуриэль замолчал сам и жестом прекратил все другие разговоры, пока через ворота не прошли все остальные дроу его отряда и не были закончены последние приготовления. Убедившись, что подготовка завершена, он обратился к своим воинам.

— Вам известно, зачем мы здесь оказались, — негромко сказал Киммуриэль окружившим его темным эльфам. — Все приказы должны выполняться без оговорок. Атаковать жестко и только по моему приказу.

Псионик прекрасно знал, что не один воин смущен таким заданием, а многие могли бы его осудить. Но это его не тревожило. Киммуриэль верил, что его воины выполняют приказ, поскольку в противном случае им грозит гнев не только Джарлакса, но и Киммуриэля, а псионик, как никто другой, умел разнообразить и затянуть пытки до бесконечности.

Два десятка опытных и опасных бойцов Бреган Д'эрт вошли в туннели под горами Снежные Хлопья, близ Кэррадуна, и стали бесшумно углубляться в лабиринт.

Глава 25 УЖАСНАЯ ИСТИНА

Среди всеобщей растерянности и неуверенности раздался один робкий победный клич. Те, кто сражался снаружи — дворфы во дворе, жрецы и маги на балконах и у окон, — видели только то, что ужасный драколич дематериализовался у них на глазах, превратился в ничто под ослепительными лучами солнца, сиявшего в теле Кэддерли.

Чудовище исчезло, в этом никто не сомневался, а с исчезновением огромного ящера закончилась и атака его слуг. Опустевшая площадка перед Храмом Парящего Духа, где только что стоял драколич, так заморозила чародеев, что они даже не стали тратить огненные шары, чтобы уничтожить разбежавшихся ползунов.

И вскоре к одинокому голосу присоединился целый ликующий хор. Обитатели и гости храма свистели, хлопали в ладоши и кричали от радости, спускаясь на лужайку, с которой испарился могущественный враг.

Крики радости и надежды становились все громче. Чародеи утверждали, что теперь Пряжа восстановится сама собой. Жрецы ликовали, надеясь снова общаться со своими богами. Поздравления в адрес Кэддерли неслись со всех балконов, и кое-кто уже называл его божеством, способным дотянуться до солнца, чтобы наказать своих врагов.

— Все боятся Кэддерли!

Но так было за стенами Храма Парящего Духа. Эйфория овладела только теми, кто не мог слышать криков Кэтти-бри.

Дзирт, благодаря своим волшебным поножам, опередил Кэддерли, Данику и даже короля Бренора, сломя голову ринувшегося в комнату дочери. Дроу протиснулся по коридору, перемахнул через перила ведущей вверх лестницы и в несколько прыжков поднялся на третий этаж. Он стукнулся в стену, не желая тормозить на повороте в боковой коридор, а когда оказался у двери, уже с повязкой Джарлакса на голове и со сверкающим мечом в руке, распахнул дверь настежь ударом плеча.

Джарлакс уже ждал его, хотя, как дроу сумел прибежать первым, Дзирт понятия не имел, но не стал даже гадать.

Кэтти-бри съехала на полу у дальней стены, она больше не кричала, но от ужаса дрожала всем телом. Она закрыла лицо руками, но между пальцев Дзирт видел, что ее закатившиеся глаза широко раскрыты. Он бросился к Кэтти-бри, но Джарлакс за руку оттащил его назад.

— Повязка, — напомнил он.

Дзирт сохранил достаточно здравого смысла, чтобы опустить волшебную повязку и бросить на пол Ледяную Смерть. Потом наклонился к своей любимой, крепко обнял и попытался утешить. Но когда через пару мгновений в комнату ворвались еще трое, Кэтти-бри выглядела все такой же испуганной.

— Что происходит? — спросил Бренор, обратившись одновременно к Джарлаксу и Кэддерли.

У Джарлакса имелись кое-какие предположения, но он замолк, едва открыв рот, и только покачал головой. Ни у него, ни у Кэддерли не было никаких фактов, и они оба

смотрели на Дзирта, чей глаз, не закрытый волшебной повязкой, тоже расширился от ужаса.

* * *

Они не уничтожили Короля Призраков. Дзирт понял это сразу, как только обнял Кэтти-бри и скользнул в пучину отчаяния, ставшую ей тюрьмой.

Ее взгляд был обращен на этот чужой мир. Дзирт, на короткое время появившийся в этом сумрачном месте, увидел гористую местность, похожую на горы Снежные Хлопья, но только в Царстве Теней.

Король Призраков был здесь.

На равнине перед Кэтти-бри ревел и метался от боли и ярости драколич. Побелевшие кости ярко сверкали, а в тех местах, где с еще сохранившейся кожи осыпалась чешуя, отчетливо виднелись красные пятна и волдыри от ожогов. Пострадавшее от божественного сияния чудовище, казалось, совершенно обезумело, и Дзирт, хоть и сражался с ним совсем недавно, теперь не мог себе представить, как ему удалось выстоять против этого монстра в смертельной битве.

Кэддерли основательно обжег драколича, но Дзирт заметил, что нанесенные повреждения не были смертельными. Исцеление чудовища уже началось, и сам процесс восстановления выглядел не менее ужасным.

Драколич, во всем своем зловещем великолепии, поднялся на задних лапах и начал вертеться все быстрее и быстрее, и от его вращения темнота стала закручиваться длинными вихрями, словно образуя демонические лапы. Они тянулись по всему плато, хватали визжащих ползунов, и те, едва успев вскрикнуть, падали замертво.

Дзирт никогда не видел ничего подобного, но ему оказалось достаточно и малой части этого ужасного спектакля. Ради сохранения своего разума он должен был держаться подальше от проводника, каким стала Кэтти-бри.

Король Призраков высасывал жизненную энергию из любого живого существа, до которого мог дотянуться. Он опустошал ползунов и использовал полученную энергию для исцеления полученных ран.

Дзирт понял, что чудовище излечится, и произойдет это очень быстро. А потом Король Призраков снова обрушит свою ярость на Храм Парящего Духа.

Дроу через силу и с огромным сожалением оторвался от любимой жены. Он не мог ее утешить. Она даже не ощутила его объятий, не услышала его ласковых призывов.

Он должен вернуться к своим друзьям. Должен предупредить их. Наконец Дзирт разжал руки и прервал мысленную связь с Кэтти-бри. Усилие далось ему с таким трудом, что дроу рухнул на пол рядом с кроватью.

Сильные руки подхватили его, подняли и усадили на край узкой постели.

Дзирт открыл глаза и стащил с головы повязку.

— Ба, еще один приступ? — спросил только что вошедший в комнату Атрогейт, за спиной которого появился и Тибблдорф Пуэнт.

— Нет, — резко ответил Кэддерли, не сводя глаз с Дзирта.

Все взгляды обратились к жрецу, и многие из собравшихся, в том числе и Даника, изумленно вскрикнули.

Жрец больше не был молодым.

Долгие годы посетители Храма Парящего Духа с большим трудом привыкали к внешности Кэддерли Бонадыуса, поскольку известный и всеми уважаемый жрец, чьи деяния прославились еще два десятка лет назад, выглядел моложе своих детей. Но сейчас, перед изумленными взглядами троих дворфов, двоих дроу и собственной жены, покров юности Кэддерли рассеялся.

Сейчас жрец Денира казался мужчиной среднего возраста, даже старше. Его кожа местами обвисла, плечи слегка ссутулились, а мускулы все еще продолжали усыхать. Теперь он выглядел старше Даники, старше, чем был на самом деле. На вид ему можно было дать не

меньше шестидесяти лет.

— Кэддерли, — выдохнула Даника.

Жрец слабо улыбнулся в ответ и поднял руки, не позволяя приблизиться к себе. Затем процесс закончился, и Кэддерли предстал перед окружающими пожилым человеком, слегка за пятьдесят, что почти соответствовало его истинному возрасту.

— Люди, — проворчал Атрогейт.

— Магия храма, — произнес Джарлакс. — Храм поврежден.

— Что ты знаешь? — резко спросила Даника.

— Истину, — ответил ей Кэддерли, и Даника подбежала к мужу, и он позволил ей заключить себя в объятия. — Моя молодость и мое здоровье тесно связаны с Храмом Парящего Духа, — объяснил Кэддерли. — Чудовище ранило его — ранило нас обоих! — Он невесело рассмеялся. — Я тоже пострадал.

— Мы починим храм, — в отчаянии пообещала Даника.

— Дело не в гвоздях, камнях и бревнах, — покачал головой Кэддерли.

— Денир поможет тебе восстановить храм, — сказал Джарлакс, вызвав своим неожиданным проявлением сочувствия удивленные взгляды.

Кэддерли опять хотел покачать головой, но, взглянув на дроу, кивнул. Сейчас не время проявлять пессимизм.

— Но сначала нам надо подготовиться к возвращению Короля Призраков, — продолжил Джарлакс, и все взгляды обратились на Дзирта, который по-прежнему сидел на кровати и беспомощно смотрел на Кэтти-бри.

— Эльф, что она видела? — спросил Атрогейт. — Какие воспоминания были на этот раз?

— Это не воспоминания, — прошептал Дзирт, едва овладев голосом. — Она дрожала от ужаса перед Королем Призраков.

— В горах Снежные Хлопья? — уточнил Кэддерли.

Дзирт кивнул.

— Он где-то здесь, обезумел от ярости и залечивает свои раны, — сказал дроу.

Его взгляд, обращенный к потерянной жене, выражал глубокое горе и беспомощность. Он не мог до нее добраться. Он мог лишь смотреть и надеяться, что Кэтти-бри каким-то образом сама найдет выход из темноты.

В эти мрачные минуты Дзирт осознал, что его жене, возможно, лучше уж умереть, потому что он не видел конца ее бесконечным мучениям. Он мысленно вернулся к тому безмятежному утру на пути из Серебристой Луны. Тогда, рядом с любимой женщиной, он был счастлив, несмотря на уже распространившееся беспокойство по поводу магии. С тех пор как магическая нить Пряжи коснулась Кэтти-бри и забрала ее у Дзирта, прошло лишь несколько недель, но сейчас, когда он бессильно сидел у ее постели и был так далеко от нее, эти дни казались дроу целой жизнью.

Взглянув на друзей, он понял, что мучительная боль отражается на его лице. Бренор замер у двери, дрожа от ярости, сжимая кулаки так крепко, что мог бы раздробить камни, а по его заросшему волосами лицу текли слезы. И Даника, переживающая за мужа, все же порой смотрела на Дзирта, и ее сочувствие в равной мере делилось между ними обоими.

Джарлакс положил руку на плечо Дзирта.

— Если есть способ вернуть ее назад, мы его обязательно найдем, — пообещал он, и Дзирт знал, что дроу говорит от чистого сердца.

И когда он обернулся к Бренору, то увидел, что и дворф поверил в искренность Джарлакса.

Но они оба так же хорошо знали, что вряд ли кто-то сумеет им помочь.

— Он оправится от ран и вернется, — заговорил Кэддерли. — Мы должны подготовиться, и надо спешить.

— Навстречу смерти? — раздался голос из коридора.

Повернувшись к двери, они увидели Гинанс. Она бережно поддерживала одну руку

другой. Рукав ее одеяния был разорван в клочья, а из-под него виднелась едва прикрытая высохшей кожей рука. Ее коснулся смертоносный хвост драколича.

— Если мы снова его одолеем, он опять сбежит в тот, другой мир, о котором вы говорите, — печально сказала женщина, и Кэддерли вздохнул, услышав в голосе обычно жизнерадостной помощницы абсолютное отчаяние.

Его вздох был понятен каждому, особенно Дзирту, ведь дроу знал, что слова Гинанс могут оказаться правдой. Как победить чудовище, которое так легко исчезает и так легко исцеляет свои раны? Дзирт сам убедился в этом, когда обнимал Кэтти-бри.

— Мы найдем способ, — пообещал Кэддерли. — До возведения Храма Парящего Духа, еще в здании Библиотеки Назиданий, мы одолели вампира. То существо тоже было способно покидать поле боя, как только ему приходилось туго. Но мы нашли выход.

— Ага, дворфы загнали готовое испариться существо в кузнечные мехи! — громогласно подтвердил Тибблдорф Пуэнт, еще в Мифрил Халле заставлявший Айвена снова и снова пересказывать эту историю. — А потом стали понемногу выпускать прямо под палящим солнцем!

— Что ты говоришь? — Глаза Атрогейта загорелись любопытством и восхищением. — Это правда?

— Правда, — подтвердил Кэддерли и подмигнул остальным, радуясь этому легкомысленному отступлению.

— Ба-ха-ха! — взревел Атрогейт. — По этому поводу необходимо сложить песню!

Но выражения лиц собравшихся в холле людей почти не изменились, поскольку положение по-прежнему оставалось очень тяжелым.

— Надо подготовиться, — снова сказал Кэддерли, нарушив повисшее молчание.

— Или быстрее покинуть это место, — предложила Гинанс. — Уйти к Вратам Бальдура или в другой большой город, где чудовище не осмелится появиться.

— И армия лучников сумеет достаточно быстро его прикончить, не дав возможности убежать! — добавил кто-то из-за двери.

Хор голосов, ратующих за отступление, становился все громче и настойчивее, и Дзирт все это время не сводил взгляда с Кэддерли. Он понимал охватившее жреца смятение. Кэддерли не мог отрицать того, что было бы логичным бежать из этого, похоже обреченного, места.

Но сам Кэддерли должен был остаться. Гибель Храма Парящего Духа неизбежно затронула бы и его. Кроме того, Кэддерли и Даника не могли уйти далеко, ведь их пропавшие дети, возможно, находились где-то неподалеку или в Кэррадуне.

Дзирт вопросительно посмотрел на Бренора.

— Я никуда не уйду, — без малейших колебаний заявил король дворфов. — Пусть этот ящер возвращается, мы сотрем его в порошок.

— Но это глупо, — попыталась возразить Гинанс, однако по выражению лица Бренора поняла, что спорить бесполезно.

— Я не уйду, — повторил Бренор. — Если только не отправлюсь на поиски детей Кэддерли и своего друга Пайкела, который во времена бедствий оставался верным мне и моему клану. Как сказала леди Даника, он потерял здесь своего брата, но друзья из Мифрил Халла останутся с ним.

— Тогда ты погибнешь, — раздался чей-то робкий голос в коридоре.

— Мы все когда-нибудь умрем, — резко ответил Бренор. — А кое-кто из нас уже мертв, хоть и сам об этом не знает. Потому что тот, кто бежит, покидая друзей, уже считается погибшим.

Кто-то еще попытался продолжить спор, но вмешался Кэддерли.

— Хватит! — воскликнул он. — Спорить некогда. — Жрец так редко повышал голос, что все разговоры в комнате и за ее пределами мгновенно прекратились. — Идите и оцените повреждения, — приказал Кэддерли. — И сосчитайте раненых...

— И убитых, — послышался свистящий шепот.

— И убитых, — кивнул Кэддерли. — Идите и все узнайте, потом подумайте, но поспешите. — Он обернулся к Дзирту. — Сколько у нас осталось времени?

Но дроу смог только пожать плечами.

— Поспешите, — повторил Кэддерли. — И подготовьте повозки для тех, кто решит уйти. Нельзя, чтобы Король Призраков, когда вернется, застал вас в дороге.

* * *

Джарлакс, держа в руке свою огромную шляпу, вошел в комнату Кэддерли и Даники. Они оба сидели за столом жреца и следили за каждым его шагом.

— Ты меня удивляешь, — обратился Кэддерли к вошедшему дроу.

— А ты своей новой магией удивляешь всех вокруг, — парировал Джарлакс, присев на указанный Даникой стул — рядом с ней и напротив Кэддерли.

— Нет, — возразил Кэддерли. — Я не открыл никакой новой магии. Она сама нашла меня. Я даже приблизительно не могу ее объяснить, так как же я могу называть ее своей? Я не знаю, откуда она появляется и возникнет ли снова в критический момент.

— Будем надеяться, — сказал Джарлакс.

За окном послышались шум, ржание лошадей и громкие приказы.

— Они уезжают, — продолжил Джарлакс. — И твоя подруга Гинанс тоже.

— Я сам приказал ей уйти, — сказал Кэддерли. — Это не ее битва.

— Ты бы тоже ушел, если бы мог, — догадался по его тону Джарлакс.

Кэддерли тяжело вздохнул, пересек комнату и выглянул в окно.

— Это сражение подтвердило истину, которой я давно опасался, — пояснил он. — Строительство Храма Парящего Духа, когда Денир направлял энергию через мою смертную оболочку, меня состарило. Когда сооружение храма подошло к концу, я превратился в старика.

— И мы даже попрощались друг с другом, — добавила Даника.

— Я считал, что достиг конца своей жизни, и не роптал, поскольку выполнил свой долг перед богом. — Кэддерли помолчал, потом с любопытством спросил у Джарлакса: — А ты религиозен?

— Единственное божество, которое я узнал в детстве, я предпочитаю даже не вспоминать, — ответил дроу.

— Значит, ты признаешь только логику, — заметил Кэддерли.

— Нет, — поправил его Джарлакс. — Я не поклоняюсь никакому определенному божеству. Я хотел бы сначала поговорить с ним и спросить, какой рай оно может мне предложить, когда я уйду из этой жизни.

При этих словах Даника поморщилась, а Кэддерли коротко рассмеялся.

— Очередная острота Джарлакса, — сказал он.

— Просто я не считаю серьезным такой вопрос.

— Вот как? — с преувеличенным удивлением спросил Кэддерли. — Что может быть серьезнее, чем то, что лежит у тебя на сердце?

— Я знаю, что у меня в душе; возможно, я просто не считаю нужным об этом говорить.

Кэддерли снова засмеялся.

— Я бы солгал, если бы сказал, что не понимаю тебя.

— И я бы солгал, если бы назвал тебя невеждой. Или глупцом.

— Джарлакс далеко не глупец, — вмешалась Даника. — Последняя битва меня в этом окончательно убедила.

— Ты ранила меня в самое сердце, леди Даника, — сказал дроу, но при этом так заразительно усмехнулся, что Даника не могла не ответить ему улыбкой.

— Почему ты не уйдешь? — откровенно спросил жрец, и Джарлакс понял, что именно ради этого вопроса его пригласили в кабинет Кэддерли. — Дорога свободна, а наше положение, похоже, становится безнадежным. И все же ты остаешься.

— Молодой человек...

— Не такой уж и молодой, — поправил его Кэддерли.

— По меркам дроу, ты будешь считаться молодым, когда отпразднуешь свой сотый день рождения, и, проведя следующую сотню лет под землей, ты все равно останешься молодым, — пояснил Джарлакс. — Но дело не в этом. Мне просто некуда идти, Король Призраков все равно меня отыщет. Он обнаружил меня на севере, в окрестностях Мирабара. И после этого я понял, что он будет искать и тебя.

— И Артемиса Энтрери? — спросила Даника.

Джарлакс пожал плечами:

— С нашей последней встречи минуло уже много лет.

— Значит, ты пришел сюда в надежде, что я помогу тебе решить твои проблемы, — предположил Кэддерли.

И дроу снова пожал плечами.

— Или для того, чтобы вместе искать ответы на наши общие вопросы, — ответил он. — И я пришел не один, а с могущественными союзниками.

— А ты не чувствуешь вины, вовлекая в эту отчаянную борьбу Дзирта, Бренора, Кэтти-бри и их неистового друга Пуэнта? — спросила Даника. — Ведь ты обрекаешь их на почти неминуемую гибель?

— Вероятно, у меня больше веры в наши силы, чем у тебя, леди, — отшутился Джарлакс. Затем он повернулся к Кэддерли. — Я не кривил душой, когда предлагал Бренору и Дзирту привезти сюда Кэтти-бри. Я не сомневался, что найду в Храме Парящего Духа собрание выдающихся умов нашего времени. А что может лучше помочь нам осознать реальность, как не несчастье, постигшее Кэтти-бри? Что же касается Короля Призраков, я и тогда был уверен, что эти события связаны между собой. И рассказ Дзирта о том, что Кэтти-бри видела это чудовище в ином мире, только подтвердил мою догадку.

— Да, между ними существует связь, — согласился Кэддерли, опередив Данику. — И то, и другое — демонстрация одной и той же катастрофы.

— Решая одну проблему, мы могли бы отыскать способ справиться и со второй, — сказал Джарлакс. — И это уже произошло! Спасибо твоему богу, что Кэтти-бри была здесь, и мы могли узнать правду об исходе сражения и о скором возвращении Короля Призраков.

— Если мне посчастливится отыскать своего бога, я обязательно его поблагодарю, — грустно пообещал Кэддерли. — Но ты, бесспорно, прав, Джарлакс. Теперь мы знаем, что чудовище вернется, исцеленное и еще более озлобленное первой схваткой. И ты намерен снова принять участие в бою?

— Только это и поможет мне достичь моей цели, так что, мой добрый Кэддерли, с твоего позволения, я и мой друг-дворф будем рядом с тобой и в следующем бою.

— Договорились, — сказала Даника, опередив с ответом Кэддерли, а жрец лишь одобрительно улыбнулся жене. — Но нет ли у тебя каких-нибудь идей? Все говорят, что ты очень умен.

— А ты еще так плохо меня знаешь, что не составила собственного мнения, леди? — спросил Джарлакс, прижав руку к груди, словно прикрыв полученную рану.

— Еще нет, — ответила Даника.

Джарлакс коротко рассмеялся.

— Его надо убить быстро — это очевидно, — заговорил он. — Я не знаю способа помешать ему странствовать между мирами, так что мы должны уничтожить чудовище окончательно и бесповоротно.

— Мы обрушили на него всю магию, на которую я был способен, — сказал Кэддерли. — Я могу только надеяться, что сумею воспроизвести те же самые заклинания, у меня нет иллюзий относительно того, что мои силы возрастут.

— Есть и другие пути, — заметил Джарлакс, показав движением подбородка на арбалет и колчан с дротиками.

— Я стреляю всякий раз, как только предоставляется возможность, — напомнил ему

жрец.

— И рой пчел может ужалить человека, не нанеся ему особого вреда, — сказал дроу. — Но я побывал в пустыне, где водятся пчелы размером с человека. Можете мне поверить, никто из вас не перенесет более одного укола их жала.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Даника.

— Мой приятель Атрогейт — довольно смысленный парень, а король Бренор и того умнее, — ответил Джарлакс.

— Как я хотел бы, чтобы с нами был Айвен Валуноплечий! — воскликнул Кэддерли, скорее с оттенком надежды в голосе, чем с горечью.

— Осадные орудия? Катапульта? — гадала Даника, но Джарлакс снова пожал плечами.

— Дзирт, Бренор и его неистовый охранник тоже останутся, — заверил их Джарлакс, поднявшись со своего места. — Гинанс предлагала увести Кэтти-бри, но Дзирт отказался. — Он пристально взглянул в глаза Кэддерли. — Они не собираются проигрывать.

— Кэтти-бри надо было отправить, — посетовала Даника.

— Нет, — возразил Кэддерли. Оба собеседника вопросительно взглянули на жреца, но Кэддерли уже отвернулся к окну. Даника заметила, что он погрузился в размышления. — Она нужна нам, — уверенно добавил Кэддерли, хотя никто так и не понял, что он задумал.

* * *

— Держу пари, я знаю, о чем ты думаешь, эльф, — сказал Бренор.

Он подошел к дроу, стоявшему на балконе над двором Храма Парящего Духа и смотревшему на засохшие деревья, которыми был отмечен путь драколича.

Дзирт оглянулся, кивнул в ответ, но ничего не сказал и снова уставился в даль.

— Ах, моя девочка, — прошептал Бренор и встал рядом с дроу. Он не сомневался, что Дзирт не может думать о чем-то другом. — Ты считаешь, что она для нас безвозвратно потеряна.

Дзирт снова ничего не ответил.

— Надо бы хорошенько стукнуть тебя за то, что ты утратил веру в нее, эльф, — проворчал Бренор.

Дзирт обернулся и поежился под искренним взглядом дворфа, чья спокойная уверенность превосходила его собственное отчаяние.

— Тогда скажи, зачем мы остались? — решился спросить Бренор, лишь бы как-то рассеять непреодолимое упорство дроу.

Дзирт удивленно моргнул.

— Если не ради того, чтобы вернуть назад мою девочку, то ради чего мы остались? — пояснил Бренор.

— Разве ты оставил бы друзей в беде?

— Ладно, тогда зачем мы оставили здесь ее? — настаивал Бренор. — Почему не отправили в безопасное место в одной из тех повозок?

— Я не верю, что хотя бы половина этих людей выберется из леса живыми.

— Ба, ты думаешь совсем не об этом! — нахмурился Бренор. — Ты надеешься, что мы найдем способ ее вернуть. Что, убив этого проклятого дракона, мы сумеем помочь моей девочке. Вот о чем ты думаешь, эльф, и не смей мне лгать!

— Я надеюсь на это, — признался Дзирт. — Но не думаю. Это разные вещи. Надежда и логика.

— Не такие уж и разные, иначе ты не стал бы оставлять ее здесь, где всем грозит смерть.

— А есть ли в целом мире безопасное место? — спросил Дзирт. — Меня беспокоит кое-что еще. Когда драколич начал перемещаться на другой уровень, Гвенвивар убежала.

— Умной кошке надо было убежать задолго до этого, — буркнул Бренор.

— Гвенвивар не боится сражений, но она понимает, что при столкновении миров могут

возникнуть проблемы. Помнишь, когда в Долине Ледяного Ветра разбилась хрустальная башня?

— Ага, — ответил Бренор, слегка просветлев лицом. — И Пузан умчался на этой проклятой кошке к ней домой.

— А помнишь дворец паши Пуука в Калим-порте?

— И даже помню, что за твоей Гвенвивар примчалась стая кошек. Что ты задумал, эльф? Что твоя кошка может отнести тебя к моей девочке на другой уровень, а потом притащить вас обоих обратно?

— Я не знаю, — покачал головой Дзирт.

— Но ты думаешь, что выход может быть найден? — спросил Бренор с такой отчаянной надеждой, какой дроу никогда не слышал в его голосе. Он пристально посмотрел на дворфа и усмехнулся. — Разве не всегда находится какой-нибудь выход?

Бренор осторожно кивнул и, следуя взгляду Дзирта, посмотрел на опушку леса.

— Что они делают? — спросил Дзирт несколько мгновений спустя, когда из-за деревьев вышли Тибблдорф Пуэнт и Атрогейт с тяжеленным бревном на плечах.

— Если уж мы решили остаться и воевать, мы намерены выиграть бой, — сказал Бренор.

— А точнее, что они задумали? — настаивал Дзирт.

— Я боюсь даже спрашивать, — признался Бренор, и Дзирт был благодарен ему за так необходимую в этот момент усмешку. — Ты собираешься снова позвать эту чертову кошку, когда начнется бой? — спросил Бренор.

— Я боюсь. Трещина между двумя мирами и между жизнью и смертью слишком непредсказуема. Я не хочу потерять Гвен, как потерял...

Голос дроу оборвался, но Бренор и так все понял.

— Мир сходит с ума, — пробормотал дворф.

— А может, мир всегда был таким.

— Нет, не надо так говорить, — возразил Бренор. — У нас за плечами немало прекрасных лет, и ты сам это хорошо знаешь.

— И мы даже заключили мир с орками, — добавил Дзирт, отчего Бренор нахмурился и сердито заворчал.

— Эльф, ты как горячий огонь в холодную ночь, — хмуро произнес король дворфов.

Зато Дзирт улыбнулся, выпрямился и потянулся, подняв руки над головой.

— Мы остаемся и будем драться, мой друг. И еще мы...

— Победим, — подсказал Бренор. — Может, мы отыщем способ вернуть мою девочку, а может, и нет, но я буду драться изо всех сил. Он легонько ткнул Дзирта в плечо. — Ты готов победить дракона, эльф?

Дзирт ничего не ответил, но его глаза цвета лаванды вспыхнули огнем, который королю дворфов уже не раз приходилось видеть. В этот момент он был почти готов пожалеть драколича.

Во дворе, под балконом, идущий впереди Пуэнт оступися, и оба дворфа рухнули вместе со своим увесистым грузом.

— Если эти двое не погубят нас своими штучками, ящеру не удастся сбежать на другой уровень, — заявил Бренор. — А если он все же сбежит, я найду способ догнать его там и прикончить!

Дзирт кивнул. Он тоже был готов к бою, но после слов Бренора решимость на его лице на миг сменилась любопытством. Он протянул руку к поясной сумке, где хранилась статуэтка Гвенвивар, и задумался.

В конце концов, ему уже приходилось странствовать по уровням вместе с пантерой.

— О чем ты думаешь, эльф? — спросил Бренор.

Дзирт поднял взгляд, и его глаза снова загорелись решимостью и едва сдерживаемой яростью.

Бренор удовлетворенно улыбнулся. Его решимость и гнев не уступали чувствам дроу.

* * *

— Неужели нет никакой возможности узнать? — спросила у Кэддерли Даника.

Он покачал головой:

— Я пытался. Я спрашивал Денира, спрашивал любой разум, какой только мог обнаружить.

— Я больше не могу этого вынести, — пожаловалась Даника.

Она устало ссутулилась и закрыла лицо руками. Кэддерли тотчас подошел к жене, обнял, но ничем не мог утешить. Он и сам испытывал не меньшие мучения.

Их дети все еще где-то скитались. Может быть, они еще живы, но весьма вероятно, что они погибли.

— Я должна снова попытаться их найти, — сказала Даника, выпрямилась в кресле и глубоко вздохнула. — Я должна пойти в Кэррадун.

— Прощая попытка едва не стоила тебе жизни, — напомнил Кэддерли. — В лесу не меньше...

— Я знаю! — перебила его Даника. — Я знаю, но мне все равно. У меня сил нет сидеть здесь и просто ждать и надеяться.

— Но я не могу пойти с тобой! — воскликнул Кэддерли.

— И это я понимаю, — тихо и нежно ответила Даника, легонько погладив его по щеке. — Ты привязан к этому месту, я все понимаю. Ты не можешь оставить храм, потому что, если он погибнет, погибнешь и ты, и наши враги восторжествуют. Но я уже оправилась от ран, и мы сумели на какое-то время изгнать чудовище. — Кэддерли пытался что-то возразить, но Даника приложила палец к его губам. — Я все знаю, любовь моя, — сказала она. — Король Призраков вернется и снова нападет на Храм Парящего Духа. Я знаю. И я хотела бы принять участие в этой битве и увидеть, как чудовище будет уничтожено. Но...

— Но наши дети все еще где-то бродят, — закончил за нее Кэддерли. — Они живы — я в этом уверен! Если бы кто-то из них погиб, Храм Парящего Духа ощутил бы потерю.

Даника взглянула на него с любопытством.

— Они, так же как и я, связаны с этим местом, — попытался объяснить Кэддерли. — И я знаю, что они живы.

Даника отстранилась и пристально взглянула мужу в лицо. Она разделяла его уверенность, но отдавала себе отчет в том, что это чувство вызвано скорее желанием верить в благополучие детей, а не чем-то более существенным.

— Ты не можешь здесь оставаться, — сказал вдруг Кэддерли, и удивленная Даника выпрямилась, широко раскрыв глаза. — Если Король Призраков вернется и будет побежден... — Кэддерли умолк, словно подбирая нужные слова.

— То победа будет одержана благодаря силе Кэддерли, а не кулакам Даники, — догадалась она.

Кэддерли пожал плечами:

— Семеро воинов, оставшиеся в нашем отряде, представляют собой могучую силу, и у каждого хватит средств, чтобы бороться даже с Королем Призраков.

— А я — меньше всех остальных, — сказала Даника и подняла руки. — Мое оружие не так эффективно, как боевой топор Бренора, и у меня нет в запасе волшебных трюков Джарлакса.

— Я очень хотел бы, чтобы в этом сражении ты была рядом со мной, — признался Кэддерли. — Но, по правде говоря, никто не способен так ловко избегать встречи с чудовищами в лесу, как ты. И только ты сумеешь отыскать наших детей. А если их не будет...

— Тогда ради чего бороться? — добавила Даника.

Она наклонилась и горячо поцеловала мужа.

— Они живы, — повторил Кэддерли.

— И я их найду, — прошептала в ответ Даника.

Через час она уже покинула Храм Парящего Духа и зашагала по дороге, ведущей в Кэррадун, невидимая и неслышная в темноте ночи.

Глава 26 РАССВЕТ

— Почему мы не деремся? — прошептал Тимберли Айвену.

В притихших туннелях даже его приглушенный голос разбудил эхо.

— Потому что не знаем, — ответил дворф Тимберли и другим беженцам, которых осталось не больше двух десятков. — Надеюсь, это работа твоего отца.

— Бу-ум! — радостно прогудел Пайкел, вызвав укоризненные вздохи остальных. — У-упс, — извинился зеленобородый дворф и хлопнул ладонью по губам.

— Или они заманивают нас в ловушку, — вмешалась Ханалейса. Айвен кивнул, согласившись с необходимостью разведки. — Возможно, они извлекли урок из предыдущих сражений.

— И что же мы будем делать? — спросил Рорик.

Взглянув на младшего брата, Ханалейса заметила в его глазах нескрываемый страх и успокаивающим жестом похлопала Рорика по плечу.

— Пойдем дальше, что еще нам остается? — предложил Айвен, слегка повысив голос. — Если они притаились в засаде и ждут нас, значит, мы перебьем их и двинемся вперед по их вонючим трупам.

Айвен хлопнул ладонью по рукояти своего окровавленного топора и решительно шагнул.

— О-о-ой! — согласился Пайкел, поправил котелок-шлем на голове и направился вслед за братом.

Вскоре после этого разговора группа беглецов вышла в пещеру, где перед ними встала еще одна загадка, хотя на первый взгляд и вселяющая надежду. Весь пол пещеры был завален мертвыми телами ползунов, гигантских летучих мышей, и среди них лежал даже труп убитого гиганта.

Люди рассыпались по пещере в поисках каких-нибудь улик, в основном они искали тела тех, кто сражался здесь с чудовищами. Может быть, это еще одна группа беженцев?

— Неужели они перебили друг друга? — Тимберли задал вслух вопрос, который занимал и всех остальных.

— Нет, если только они не пользуются небольшими луками, — ответил один из беженцев.

Тимберли вместе со всеми подошел к мужчине и поднес факел. У него в руках оказался короткий дротик, похожий на тот, что использовал в своих арбалетах Кэддерли.

— Отец! — с надеждой воскликнул Рорик.

— Если это он, ему пришлось здорово потрудиться, — сказала Ханалейса, после того как осмотрелась и нашла такие же дротики в каждом трупe.

Она с сомнением покачала головой. В Храме Парящего Духа имелось всего два таких арбалета, а в этой пещере остались десятки, если не сотни дротиков. Ханалейса выдернула один из них, внимательно осмотрела и еще решительнее покачала головой. У этих стрел не было одной отличительной особенности: выемки, куда вставлялся флакон со взрывчатой жидкостью.

— Это не Кэддерли, — спустя мгновение подтвердил Айвен.

Поскольку он сам изобретал и изготавливал оружие для Кэддерли, в словах дворфа можно было не сомневаться.

— Тогда кто это? — удивился Рорик.

— Мы были не слишком далеко, — заговорил Тимберли. — А это сражение произошло не так давно. Все было сделано быстро и тихо.

Он с тревогой посмотрел на сестру, потом на Айвена.

— Стрелы отравлены, — предположила Ханалейса.

Многие испуганно ахнули, зная, какими ужасными последствиями грозят отравленные дротики, выпущенные из небольших арбалетов.

— Неужели весь мир перевернулся с ног на голову?! — серьезно, даже мрачно воскликнул Айвен. — Я считаю, что чем быстрее мы выберемся на поверхность, тем лучше.

Люди поспешно тронулись в путь, в полной уверенности, что враг их врага не обязательно окажется им другом.

* * *

Безволосый темнокожий гигант сделал еще один шаг.

Клик. Клик. Клик.

Еще три дротика, смазанные снотворным зельем, вонзились в тело чудовища, и гигант оглушительно заревел. Он уже едва передвигал ноги, и следующий шаг дался с большим трудом.

Клик. Клик. Клик.

Гигант, едва сознавая, что делает, упал на одно колено. Со всех сторон к нему тотчас же подбежали стройные темные фигуры с сияющими магией клинками в руках. Ночной странник размахивал руками, отбиваясь от противников, стараясь схватить и раскидать темных эльфов, словно назойливых насекомых. Но навалившаяся слабость сделала его движения слишком медленными, чтобы поймать проворных воинов. Его руки оказались даже не способны блокировать удары клинков, и огромный ночной странник хватал лишь застоявшийся воздух пещеры.

Они не стремились сразу убить гиганта. Зато нанесенные раны с изумительной точностью открывали самые крупные кровеносные сосуды. Не надо было наносить сотни ран, хватило и десятка, но для распростертого на полу гиганта, ослабевшего от сонного зелья и потери крови, они оказались смертельными.

— Последняя группа, — прожестикуюлировал Вейлас Хьюн Киммуриэлю. — Путь свободен.

Киммуриэль кивнул и прошелся по пещере. Очередная гигантская летучая мышь, внезапно заснув прямо на лету, рухнула на пол. Несколько ползунов еще бились в конвульсиях, но их неуверенные и беспорядочные движения продолжались только до тех пор, пока кто-нибудь из воинов не находил время, чтобы завершить дело смертельным уколом в шею.

Вскоре воины Бреган Д'эрт покинули пещеру, миновали еще один туннель и оказались на участке лабиринта, залитом озерной водой. Несколько поворотов, и темные эльфы прищурились от слишком яркого света на Поверхности. Ночь уже давно наступила, но взошла луна, и яркие лучи Селунэ обжигали чувствительные глаза дроу.

— Неужели нельзя просто покинуть это место? — Этот вопрос, обращенный к Киммуриэлю, выражала не одна пара рук, но единственным ответом стал его строгий взгляд, не допускающий компромиссов.

Он решил, что, прежде чем покинуть эти нецивилизованные места между Старым Шанатаром и Большим Баэриндином, надо посетить разрушенный город на берегу озера. Значит, они пойдут в Кэррадун.

Туннели заканчивались к северу от города, и эльфы проворно взобрались на скалы, откуда открывался вид на руины Кэррадуна. Больше половины домов сгорело дотла, нетронутыми осталось всего несколько зданий. Воздух был насыщен гарью и запахом смерти, а вдоль берега, словно памятники на братских могилах, стояли остовы рыбацких шхун. Темные эльфы сомкнутым строем спустились, соблюдая еще большую осторожность, чем в замкнутом пространстве пещер. Время от времени над их головами пролетали огромные темнокрылы, но стоило чудовищам приблизиться, как их встречал дружный залп

дротиков.

По приказу Вейласа Хьюна влево и вправо разбежались разведчики, обеспечивающие безопасность основного отряда.

Как только они оказались в городе, Вейлас при помощи пальцев задал очередной вопрос:

— Что ты ищешь в этих руинах?

В ответ Киммуриэль показал, что и сам точно не знает, но надо обязательно исследовать этот участок. Он остро чувствует что-то необычное.

Разговор был прерван поднявшимся шумом, и дроу обернулись, чтобы посмотреть на завязавшуюся схватку. Еще один ночной странник, обнаружив группу, имел глупость приблизиться к отряду. Бой быстро закончился, как только несколько эльфов заманили гиганта в узкую щель между двумя зданиями, где без помех обстреляли его отравленными дротиками.

Киммуриэль вместе с большей частью отряда не стал дожидаться смерти чудовища и продолжал путь.

Он был вполне уверен в мастерстве и опытности своей команды.

Возвратившийся разведчик принес ожидаемую информацию, и Киммуриэль поспешил к указанной точке.

— Это не сулит нам ничего хорошего, — увидев трещину, заметил Вейлас Хьюн — он впервые заговорил вслух, с тех пор как дроу вышли из туннелей.

Все без исключения темные эльфы мгновенно поняли, что находится перед ними: разрыв ткани между двумя различными мирами, магический переход.

Они остановились на приличном расстоянии, и разведчики, словно щупальца, снова разошлись в разные стороны, обеспечивая наблюдение за местностью, со свойственной только воинам Бреган Д'эрт сноровкой.

— Умышленно открыт? Или это результат нестабильности магии? — спросил Вейлас Хьюн.

— Не имеет значения, — ответил Киммуриэль. — Хотя, боюсь, нам придется встретить еще немало таких разрывов.

— Тогда хорошо, что дроу никогда не надоедают убийства.

Вейлас Хьюн умолк, заметив, что Киммуриэль прикрыл глаза и больше его не слушает. Потом псионик отшатнулся назад, вытянул руки по направлению к трещине и резко открыл глаза, выбрасывая вперед поток мысленной энергии.

Ничего не произошло.

— Создана намеренно, — произнес Киммуриэль. — И безрассудно.

— Ты не можешь ее закрыть?

— Ее не смог бы закрыть и целый улей иллитидов. И величайшие чародеи в свой самый удачный день, — добавил он, имея в виду Академию Магического Искусства Мензоберранзана.

— Что же теперь?

Киммуриэль оглянулся на Марива, уже приготовившего небольшой жезл, сделанный из металла и дерева. Вся его поверхность покрывали красные и коричневые руны. По знаку Киммуриэля Марив протянул ему жезл.

— Эта штука аннулирует магические эффекты? — поинтересовался Вейлас Хьюн.

Киммуриэль отыскал взглядом молодого воина — того самого, который первым проходил через портал, — и вызвал его вперед. Затем он пальцами свободной руки сообщил подчиненному, какими словами нужно активировать жезл, и протянул артефакт младшему дроу.

Молодой воин, облизнув внезапно пересохшие губы, шагнул к трещине. По мере того как он приближался к разрыву, его длинные белые волосы стали подниматься и расходиться в стороны, словно движимые исходящей от трещины энергией или раздуваемые ветрами, дувшими по ту сторону перехода.

Он оглянулся на Киммуриэля, и тот кивнул, приказывая продолжать.

Молодой воин поднял жезл, снова облизнул губы и произнес заклинание. Яркая вспышка энергии пробежала по всей длине магического предмета и устремилась в трещину.

Оттуда в ответ выплеснулась абсолютная тьма; серый туман, притянутый проводником энергии, коснулся руки воина-дроу, который то ли не сообразил, то ли не успел вовремя бросить жезл.

Он уронил его, когда рука уже бессильно упала. Темный эльф оглянулся на Киммуриэля и своих товарищей, и его лицо выражало такой беспредельный ужас, какого никто из них еще не видел. Туман Царства Теней мгновенно вытянул из него все жизненные силы, и опустевшее тело упало на землю.

Никто не поспешил ему на помощь, даже не подошел, чтобы осмотреть его.

— Мы не в состоянии ее закрыть, — объявил Киммуриэль. — Значит, на этом и закончим.

Он повел свой отряд обратно, и Вейлас Хьун по пути быстро вернул всех разведчиков. Как только Киммуриэль решил, что поле действия трещины не сможет им помешать, он активировал еще один межпространственный переход.

— Обратно в Лускан? — спросил Марив, когда следующий, самый молодой воин был отправлен вперед, чтобы удостовериться в эффективности портала.

— Пока да, — ответил Киммуриэль.

В этот момент он задумался над тем, что дорога, возможно, приведет их не только в Лускан, но и вернет в Подземье, в Мензоберранзан, где они станут частью оборонительных сил, состоявших из двадцати тысяч воинов, жриц и чародеев.

Молодой дроу пересек черту перехода и послал им сигнал с другой стороны, из подземного убежища, которое отряд Киммуриэля оборудовал для жилья под далеким портовым городом Побережье Мечей.

Отряд Бреган Д'эрт покинул берега Импреска так же быстро и незаметно, как и появился.

* * *

Беженцы из Кэррадуна тоже непроизвольно щурили глаза, наконец-то выйдя на поверхность после долгих мучительных дней сражений и блужданий по туннелям. Айвен, прикрывая лицо рукой от лучей утреннего солнца, отражавшихся в водах озера, привел группу в небольшую пещеру позади узкой бухты.

Всем не терпелось побыстрее ощутить на лице солнечный свет и выбраться из-под многотонного слоя камней и земли, и люди невольно ускоряли шаг. Теперь они смогли вздохнуть свободнее и насладиться тишиной ясного утра, нарушаемой лишь щебетом птиц и плеском волн.

Айвен быстро вывел их на открытое пространство. По пути им еще не раз встречались тела убитых темнокрылов, ночных странников и ползунов. Люди не сомневались, что в туннелях поселились темные эльфы, и все, включая самого Айвена, были рады убраться оттуда.

Но переправа через бухту заняла больше времени, чем ожидалось. Помня об оживших скелетах рыб, никто не отваживался войти в воду. На магическую силу Пайкела тоже нечего было надеяться, а передвигаться по отвесным скалам оказалось слишком трудно как для людей, так и для коротконогих дворфов. После нескольких неудачных попыток подняться наверх они все же по самому берегу достигли северной стороны бухты. Когда все снова собрались вместе, на востоке уже высоко взошло солнце.

Долго-долго стояли они на высокой скале, глядя на руины города, и мрачное молчание нарушали лишь негромкие всхлипывания.

— Нам незачем туда идти, — заметил Айвен спустя некоторое время.

— У нас там друзья... — возразил, было один из мужчин.

— Там не осталось ни одной живой души, — прервал его Айвен. — По крайней мере, ни одного живого существа, которое вы рады были бы видеть.

— А наши дома! — простонала женщина.

— Все разрушено, — ответил Айвен.

— Что же нам теперь делать?! — крикнул первый мужчина.

— Выбрать дорогу и уходить отсюда как можно скорее, — сказал Айвен. — Мы с братом идем в Храм Парящего Духа...

— Мо бра! — радостно воскликнул Пайкел и взмахнул обрубком руки.

— И дети Кэддерли пойдут с нами, — добавил Айвен.

— Шалейн ближе, и дорога туда безопаснее, — возразил мужчина.

— Вот и выбирайте ее, — сказал Айвен. — Желаю удачи!

На этом дворф счел прощание законченным. Он повернулся и зашагал на запад, намереваясь обогнуть разрушенный Кэррадун и выйти на тропу, ведущую к Храму Парящего Духа.

— Дядя Айвен, что же творится в этом мире? — шепотом спросила Ханалейса.

— Будь я проклят, если знаю, девочка. Будь я проклят, если знаю.

Глава 27 ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ ЯСНОСТЬ

Кэддерли наблюдал за сценой, которую разыгрывала перед ним женщина, и задумчиво постукивал пальцем по губам. Как он понял, Кэтти-бри разговаривала с Гвенвивар, и жрец никак не мог избавиться от ощущения, что поступает бестактно, словно подглядывая в замочную скважину.

— Она ведь такая красивая и умная, правда? — спросила Кэтти-бри и провела рукой, как будто гладила свернувшуюся у ног огромную пантеру. — Она прекрасно одевается, такая высокая, стройная, и подкрашенные губы никогда не произносят никаких глупостей.

Кэтти-бри здесь, и все же ее нет. Ее движения, выражение лица слишком сложны и закончены для обычных воспоминаний. Нет, она на самом деле заново переживает определенные моменты своей жизни. Разум Кэтти-бри возвращается в прошлое, в то время как ее физическое тело остается здесь.

После своего уникального опыта, пережив повторное старение, Кэддерли был поражен предполагаемым безумием Кэтти-бри. Да и была ли она, в самом деле, безумна? Или оказалась запертой в еще никому не известной, но реальной цепочке разрозненных пузырей бескрайнего океана времени? Кэддерли часто размышлял над прошлым, гадая, не был ли каждый прошедший момент краткой сценой нескончаемой пьесы и пропадает ли он бесследно с наступлением следующего мгновения.

Наблюдая за Кэтти-бри, он склонялся к мысли, что прошлое не так уж нереально, как подсказывает логика.

Есть ли способ путешествовать во времени? Есть ли возможность заранее распознавать признаки непредвиденных катастроф?

— Ты тоже считаешь ее красивой, Гвен? — спросила Кэтти-бри, нарушив размышления жреца.

За его спиной отворилась дверь, и, оглянувшись, Кэддерли увидел Дзирта. Дроу сразу понял, что его жена переживает очередной приступ, и печально нахмурился. Кэддерли, прижав к губам палец, попросил его помолчать, и Дзирт замер у двери, держа в руке поднос с едой для Кэтти-бри.

— Дзирт тоже считает ее красивой, — продолжала Кэтти-бри, не подозревая об их присутствии. — Он при каждой возможности посещает Серебристую Луну, отчасти из-за того, что леди Аластриэль так хороша. — Женщина помолчала и подняла голову, хотя, несомненно, смотрела не на Кэддерли или Дзирта. На ее губах возникла очаровательная, хотя и немного грустная улыбка. — Я надеюсь, что он найдет свою любовь, правда

надеюсь, — снова обратилась она к невидимой для них пантере. — Но только не с ней или с кем-то из ее приближенных, потому что тогда он нас покинет. Я хочу, чтобы он был счастлив, но не могу с ним расстаться.

Кэддерли вопросительно взглянул на Дзирта.

— Это было после того, как мы отбили Мифрил Халл, — пояснил Дзирт.

— А ты и леди Аластриэль?... — спросил Кэддерли.

— Мы друзья, — ответил Дзирт, не сводя взгляда с жены. — Она позволила мне войти в Серебристую Луну, и там я сделал первые шаги в освоении Верхнего Мира. — Дзирт кивнул в сторону Кэтти-бри. — Давно?

— Она уже довольно долго находится в этом ином мире.

— И только там она снова становится моей Кэтти-бри, — пожаловался Дзирт. — Только в плену своей памяти она обретает себя.

Кэтти-бри сильно задрожала, взмахнула руками, запрокинула голову, и ее глаза закатились, сверкнув белками. Пурпурные язычки пламени снова появились на ее теле, и она приподнялась еще выше над кроватью, разметав темно-рыжие волосы, словно их раздувал потусторонний ветер.

Дзирт поставил поднос и опустил на глаза повязку. Однако, повинаясь жесту Кэддерли, он немного помедлил, а жрец подошел к Кэтти-бри и в этот опасный момент перехода даже осмелился дотронуться до ее руки. Кэддерли опустил веки и открыл свой мозг для образов, мучивших несчастную женщину.

В следующее же мгновение он отшатнулся, и Дзирт, крепко обняв жену, бережно опустил ее на постель. Дроу оглянулся на Кэддерли, ожидая объяснений, но вдруг увидел, что тот еще более озадачен и широко раскрытыми глазами уставился на свою руку.

Дзирт тоже перевел взгляд на его кисть, только что коснувшуюся Кэтти-бри. Окутавшее ее голубое сияние быстро рассеялось, и рука восстановила свой нормальный цвет.

— Что это было? — спросил Дзирт, как только Кэтти-бри опять затихла в постели.

— Я не знаю, — признался Кэддерли.

— В последнее время я слишком часто слышу эти слова.

— Согласен.

— Но я вижу, что ты уверен: мою жену невозможно спасти, — чуть более резко произнес Дзирт.

— Я не хотел, чтобы у тебя сложилось такое впечатление.

— Я вижу, как вы с Джарлаксом качаете головами, когда разговор касается этой темы. Ты не веришь, что мы сумеем вернуть ее назад, по крайней мере, полностью. Ты потерял надежду. Но как бы ты себя чувствовал, если бы на месте Кэтти-бри была леди Даника?

— Друг мой, ты не должен...

— Я не должен отказываться от надежды, не так ли? Ты этого от меня ждешь?

— Ты не единственный, кто отчаянно цепляется за надежду, мой друг, — хмуро ответил Кэддерли.

При этом напоминании Дзирт немного смягчился.

— Даника их отыщет, — сказал он, но даже ему самому эти слова показались лишенными смысла. Голос дроу утратил резкость. — Я чувствую, что потерял всякую опору в жизни.

Кэддерли сочувственно кивнул.

— Можно ли надеяться, что, победив драколича, я верну свою жену? — Дзирт вновь повысил голос. — Или я буду сражаться с чудовищем, испытывая ярость оттого, что не могу ей помочь?

— Ты спрашиваешь меня... Но эти вопросы... — Кэддерли тяжело вздохнул и беспомощно поднял руки. — Я не знаю, Дзирт До'Урден. В том, что касается Кэтти-бри, я не могу сказать ничего определенного.

— Нам известно, что она безумна.

— Разве? — переспросил Кэддерли, но сразу умолк, не желая отягощать Дзирта своими недавними размышлениями.

Лишилась ли Кэтти-бри рассудка, или это ее рациональная реакция на мучительную реальность? Вспоминает ли она разрозненные эпизоды своей жизни, или на самом деле попадает в пространственно-временные пузыри и реально проживает эти моменты?

Жрец тряхнул головой. На отвлеченные размышления у него не было времени, тем более что ученые, мудрецы, жрецы и чародеи, посещавшие Храм Парящего Духа, единогласно отвергали возможность свободного путешествия во времени.

— Но ведь безумие может быть и временным, — напомнил ему Дзирт. — И, тем не менее, вы с Джарлаксом считаете Кэтти-бри потерянной для нас навеки. Почему?

— Когда безумие настолько мучительно, оно может непоправимо ранить рассудок, — ответил Кэддерли самым серьезным тоном, давая понять, что считает этот вариант единственно вероятным, а не предполагаемым. — Твоя жена, несомненно, испытывает страшные мучения, и я боюсь — и Джарлакс тоже, — что, если даже разрушить ее наваждение, в сознании останется глубокий след.

— Ты боишься, но не знаешь наверняка.

Кэддерли, обдумав его замечание, кивнул:

— И мне приходилось видеть чудеса, мой друг. В этом самом месте. Не отказывайся от своей надежды.

Это все, что он мог предложить в утешение, и все, на что мог надеяться Дзирт.

— Ты думаешь, у богов еще остались в запасе чудеса? — тихо спросил темный эльф.

Кэддерли смущенно улыбнулся и пожал плечами.

— Я достал с неба солнце и поместил его в свое тело, — напомнил он дроу. — Не знаю, как это вышло, и даже не буду пытаться объяснять. Я взял часть облака и превратил в колесницу. Не знаю, как это вышло, и даже не буду пытаться объяснять. Мой голос стал сильнее грома... Нет, не знаю, как это вышло, и даже не буду пытаться объяснять. Нет, правда, друг мой, лучше меня об этом не спрашивать. Мне лишь остается надеяться, что вы поверите в отсутствие у меня каких бы то ни было объяснений.

Дзирт, понимая состояние жреца, не смог удержаться от улыбки и молча кивнул. Затем он бережно погладил Кэтти-бри по густым волосам.

— Я не могу ее потерять, — прошептал он.

— Тогда давай сначала уничтожим врага, — предложил Кэддерли. — А потом все наше внимание, все знания и всю магию обратим на Кэтти-бри, чтобы отыскать ее в этих... запредельных откровениях... и вернуть в реальное время и место.

— Гвенвивар, — сказал Дзирт, и Кэддерли моргнул от неожиданности.

— Да, она разговаривала с пантерой.

— Нет, я имел в виду прошлую битву, — пояснил Дзирт. — Когда Король Призраков приготовился покинуть поле боя, Гвенвивар убежала первой. Она никогда не бегала от сражений. Ни от разъяренного элементаля, ни от могущественного демона, ни от дракона или драколича. Но в тот раз она унеслась в лес, прижав уши.

— Возможно, она преследовала ползунов.

— Она убегала. Вспомни рассказ Джарлакса о его столкновении с призраком, который, как он уверен, был одним из личей Хрустального Осколка.

— Гвенвивар принадлежит к другому уровню, и она боялась создать трещину, когда Король Призраков начал открывать портал, — догадался Кэддерли.

— Трещину, в которую Гвенвивар могла вылететь, — добавил Дзирт. — И в которую мог вылететь я вместе с ней и попасть в это сумрачное место.

Выслушав его предположения, Кэддерли не мог сдержать улыбку, и дроу удивленно моргнул.

— В старой поговорке не зря говорится, что великие умы разными путями идут к одной и той же цели, — сказал жрец.

— Гвен?! — с надеждой воскликнул Дзирт и потянулся за фигуркой пантеры.

Но Кэддерли покачал головой.

— Пантера принадлежит к Астральному Уровню, — объяснил жрец. — Она не может по собственной воле попасть туда, где находится Король Призраков, если только кто-то не призовет ее с помощью такой же статуэтки, как у тебя.

— Но она бежала...

— Потому что испугалась трещины, глубокого разрыва, который мог бы поглотить всех, кто находился вокруг, в том числе и Короля Призраков. Возможно, такая трещина отправила бы нашего врага на Астральный Уровень или куда-то еще, но чудовище достаточно прочно привязано к нашей реальности и к Царству Теней, чтобы вернуться. — Он снова покачал головой. — Я не слишком надеюсь на такой вариант и опасаясь худших последствий.

— Худших? — невесело усмехнулся Дзирт. — А может стать еще хуже?

— Неужели наше положение настолько безнадежно, что мы будем вслепую предпринимать самые отчаянные меры? — спросил Кэддерли.

— А разве это не так?

Жрец опять пожал плечами.

— Я не знаю, — признался он и посмотрел на Кэтти-бри. — Возможно, мы сумеем найти другой путь.

— Или Денир явит еще одно чудо?

— Мы можем надеяться.

— Ты хотел сказать — молиться.

— И это тоже.

* * *

Дзирт поднес ложку к ее губам, и женщина стала покорно жевать и глотать пищу. Он намочил в теплой воде салфетку и вытер с ее губ остатки каши.

Казалось, она этого далее не заметила, как не заметила и вкуса приготовленных им кушаний. Каждый раз, когда он подносил ложку к ее рту, она ела, но лицо Кэтти-бри не меняло выражения, и это причиняло Дзирту сильнейшую боль, напоминая, насколько тщетны его усилия. Он приготовил кашу так, как любила его жена, но прекрасно понимал, что вместо корицы и меда мог бы с таким же успехом добавить соль и перец. Кэтти-бри было все равно.

— Я тоже помню тот день в Пирамиде Келвина, — сказал Дзирт. — Как только ты заговорила о нем, слова всплывали в моей памяти еще до того, как ты их произносила. Я помню, как ты была причесана, и помню, что пряди с разных сторон были разной длины. Нельзя доверять ножницы дворфам, верно?

Он даже смог негромко рассмеяться, но Кэтти-бри как будто ничего не слышала.

— Я тогда еще не любил тебя. Не так, как сейчас. Но тот момент остался в моей памяти как нечто особенное, нечто очень важное. Особенно выражение твоего лица, любимая, — ты видела мое сердце, а не цвет кожи. Встретив тебя в Пирамиде Келвина, я понял, что обрел дом. Впервые за много лет я был дома.

И даже следующие несколько лет, пока я не догадывался, что между нами может быть что-то большее, чем дружба, — до того дня в Калимпорте, — ты всегда казалась мне особенной. И сейчас тоже, и мне необходимо, чтобы ты вернулась, Кэтти. Все остальное не важно. Мир стал темнее. С появлением Короля Призраков, с распадом Пряжи, с надвигающейся катастрофой я знаю, что мне грозят тяжелые испытания, и не только мне, а и всему нашему миру. Но я верю, что выдержу все испытания и мы вместе найдем выход. Мы всегда находим выход!

Но только в том случае, если ты ко мне вернешься. Чтобы победить грозного врага, воин должен иметь желание его победить. А какой смысл драться, если я опять одинок, моя любимая?

Он вздохнул и продолжал смотреть на нее, но Кэтти-бри даже не моргнула. Она не реагировала на его слова. Не слышала его. Он еще мог притворяться перед самим собой, чтобы сохранить рассудок, но в душе Дзирт сознавал, что окружающая Кэтти-бри темнота не пропускает ни звука.

Дзирт смахнул с ресниц слезинку, и его лицо приняло то же самое выражение, которое так сильно потрясло и ободрило Бренора. В его глазах появилось обещание Охотника, решимость и едва сдерживаемая ярость.

Дзирт наклонился, поцеловал Кэтти-бри в лоб и сказал себе, что во всем виноват Король Призраков, что именно драколич был источником всех бедствий, охвативших мир, а не более страшная катастрофа.

В глазах Дзирта До'Урдена больше не было слез. Он обрел готовность уничтожить чудовище.

Глава 28 ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ НЕНАВИСТЬЮ

Они знали, что враг вернется, и знали, где хотели бы принять бой но, когда это произошло, как они и ожидали, Атрогейт и Тибблдорф Пуэнт открыли рты от удивления.

Король Призраков вернулся в материальный мир Торила точно в том же месте, откуда и исчез. Сначала появился его контур, окаймленный бело-голубым пламенем. Затем чудовище предстало в своем подлинном виде во дворе храма, но, когда Пуэнт и Атрогейт закричали, оповещая о появлении противника, эхо в пустынных коридорах здания еще не успело затихнуть, как огромный ящер подпрыгнул, расправил крылья и исчез в высоком ночном небе.

— Он там, наверху! Он там, мой король! — орал Пуэнт, подпрыгивая и указывая в небо.

Бренор, Дзирт и все остальные тотчас вбежали в комнату с балконом, где дежурили двое дворфов.

— Драколич появился в том же самом месте? — спросил Кэддерли, явно придавая большое значение этому обстоятельству.

— Точно, как ты и предсказывал, — ответил Атрогейт. — Он сиял огнями, а потом подпрыгнул и улетел.

— Он там, мой король! — опять крикнул Пуэнт.

Дзирт, Кэддерли, Бренор и Джарлакс обменялись многозначительными взглядами.

— На этот раз он от нас не уйдет, — сказал Бренор.

После его заявления все взгляды обратились на Кэддерли, и жрец решительно кивнул.

— Внутрь! — приказал Кэддерли. — Чудовище обрушит на нас всю ярость и огненное дыхание. Храм Парящего Духа нас защитит.

* * *

Даника услышала ужасный пронзительный крик драколича, набирающего высоту, и, ухватившись рукой за ствол ближайшего дерева, сделала глубокий вдох, чтобы немного успокоиться. Она не могла удержаться, чтобы не оглянуться в сторону Храма Парящего Духа, хотя и оставшегося уже в нескольких милях позади, и напредила себе, что рядом с Кэддерли остались могущественные союзники и Денир или какое-то другое божественное существо обязательно услышит их мольбы.

— Они справятся, — тихо произнесла Даника — очень тихо, поскольку знала, что вокруг нее в лесу полно чудовищ.

Она уже видела группы ползунов, карабкающихся вверх по тропе, и слышала гулкие шаги огромного черного великана, никогда не виденного ею раньше.

До Кэррадуна оставалась еще половина пути, и Даника, хоть и стремилась добраться

туда как можно скорее, была вынуждена двигаться медленно и осторожно. Как ей ни хотелось уничтожить чудовищ, приходилось избегать драки. Ее целью был Кэррадун, и только Кэррадун, и, пока Кэддерли с друзьями сражается с Королем Призраков в Храме Парящего Духа, она должна отыскать детей.

Таков был план — они знали, что драколич вернется, — и Даника старалась не думать об исходе битвы. Она должна доверять Кэддерли. Нельзя поворачивать назад.

— Детки мои, — прошептала она. — Тимберли, и Рорик, и Хана, моя Хана... Я вас найду.

Позади, высоко в небе, крик Короля Призраков, подобно молнии и раскатам грома, расколол ночь.

Даника не стала оглядываться. Вместо этого она принялась осматривать лес, намечая скрытный и бесшумный путь среди деревьев.

— Убей его, Кэддерли, — снова и снова шептала она.

* * *

Король Призраков, не слыша больше назойливых предостережений Яраскрика, наслаждался полетом. Он знал, что его уязвимый враг находится внизу, и знал, что скоро уничтожит Храм Парящего Духа и тех глупцов, которые там остались.

Сладкий вкус предстоящей мести наполнил мертвую глотку Гефестуса. Больше всего ему хотелось сейчас же броситься камнем вниз и разнести здание до самого основания. Но, к удивлению обоих существ, составлявших сущность Короля Призраков, безрассудство сдерживалось болезненными воспоминаниями о предыдущем поражении. Король Призраков до сих пор ощущал жалящие укусы ослепительного огня Кэддерли и увесистые удары меча Дзирта. При всей своей уверенности в успехе второй атаки, Король Призраков не желал допускать оплошности.

И тогда с высоты, из-под самых туч, чудовище снова позвало своих слуг, направив их из лесов к Храму Парящего Духа, чтобы подготовить почву.

— Они не убьют Кэддерли! — прокричал Король Призраков налетевшему ветру. — Но они ослабят его защиту!

Драколич сложил крылья и ринулся вниз, потом снова расправил их и, отыскав восходящий поток, стал описывать круги над зданием, оглядывая окрестности.

Лес вокруг храма уже ожил — толпы ползунов и стаи темнокрылов, зомби и даже ночной странник устремились к цели.

Хохот Короля Призраков далеким громом раскатился по небу.

* * *

Раздался звон стекла одного из немногих оставшихся окон, но здание не вздрогнуло.

— Только этого не хватало! — расстроился Кэддерли.

— Проклятые ползуны! — поддакнул Бренор.

Они собрались в самом большом зале первого этажа — в не имевшей окон приемной, откуда расходилось несколько коридоров. Пуэнт и Атрогейт остались на северном балконе, рядом с изобретенным ими сооружением из двадцатипятифутовых бревен. Бренор и Кэддерли поднялись на возвышение напротив главного входа, откуда Кэддерли обычно обращался к гостям, а Дзирт стоял в проеме маленькой прилегающей комнаты, где лежала Кэтти-бри.

Дзирт подошел к кровати и поправил одеяло на постели жены.

— Он не получит тебя, — зашептал он. — Клянусь жизнью, я убью чудовище, моя любимая. Я найду или путь к тебе, или способ вернуть тебя к нам.

Кэтти-бри, как обычно, ничего не ответила, но лежала спокойно и смотрела куда-то в даль.

Дзирт наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Я клянусь, — прошептал он. — И я тебя люблю.

Где-то неподалеку треснуло дерево. Дзирт выпрямился, прислушался и вышел из маленькой комнаты, закрыв дверь.

Кэддерли, ощущая присутствие в Храме Парящего Духа темных тварей, дрожал всем телом.

— Очистить здание? — предложил сверху Атрогейт.

— Нет, оставайтесь на посту! — приказал Кэддерли.

В ту же минуту задрожала и затрещала дверь, соседняя с балконной. Кэддерли погрузился в себя, пытаясь вызвать магию Храма Парящего Духа, моля Денира укрепить здание.

— Давай же! — прошептал он потом, обращаясь к Королю Призраков. — Возглавь атаку!

— Он получил неплохой урок, — сказал Джарлакс подошедшему Дзирту. — Посылает вперед пушечное мясо. Он больше не собирается сражаться в одиночестве.

— Я его заставлю спуститься, — пообещал Дзирт и ринулся к тяжелой двойной двери в противоположном конце зала.

Трое друзей побежали вслед за ним. Кэддерли схватил дроу за руку у самого выхода. Дзирт обернулся, а жрец одной рукой обхватил его пальцы, сжимающие рукоять Ледяной Смерти, а второй — рукоять Сверкающего. Закрыв глаза, Кэддерли нараспев произнес несколько непонятных слов, и Дзирт ощутил, как оба его меча наливаются силой.

— Бренор, к двери! — скомандовал Джарлакс и вытащил пару металлических палочек. — И сразу же отскакивай в сторону и вниз.

Джарлакс кивнул Дзирту, потом Бренору, и дворф широко распахнул створки дверей. Коридор перед ними кишмя кишел ползунами, а сверху летали огромные темнокрылы.

Сумрак пронзила молния из волшебной палочки Джарлакса. Потом такой же разряд сорвался со второй палочки, и снова с первой, и снова со второй. Задымились обожженные тела, шарахнулись в стороны темнокрылы, в храме запахло горячей плотью.

Вспыхнула пятая молния, потом шестая. Чудовища толкались, в спешке покидая узкий коридор, и многие уже остались неподвижно лежать на полу. От седьмого разряда стены храма дрогнули.

— Вперед! — скомандовал Джарлакс Дзирту, посылая восьмой разряд шипящего голубого огня.

И Дзирт сразу же ринулся вперед. Он, как будто не глядя по сторонам, вертелся и подпрыгивал, размахивая мечами, но каждый удар был аккуратно рассчитан и бил точно в цель. Дзирт упорно стремился к цели. Огромный темнокрыл спикировал на дроу, вернее, просто рухнул, поскольку был сильно обожжен энергетическими снарядами Джарлакса. Дзирт ударом слева отшвырнул летучую мышь в сторону, и усиленное божественной магией лезвие без труда рассекло чудовище.

Дроу вскочил на головы двух умирающих ползунов и бросился на третьего. Он перевернулся в прыжке и, приземляясь, разрубил врага надвое. После этого Дзирт оказался перед дверями холла, уже изрядно расшатанными восьмью взрывами молний.

— Джарлакс! — закричал Дзирт и, пригнувшись, распахнул дверь, за которой толпились новые враги.

Ослепительные молнии одна за другой пронеслись у него над головой, взорвались обжигающим пламенем, ослепили и рассеяли толпу чудовищ. Следом за молниями рванулся Дзирт, и волшебные мечи без устали расшвыривали врагов с обеих сторон.

Дзирт миновал входную дверь и выбежал во двор.

— Сразись со мной, дракон! — закричал он.

Неосторожный темнокрыл спикировал на Дзирта, но был встречен сияющим мечом, который не только рассек кожу, плоть и кости, но и обрушил на порожденное тьмой чудовище лучи обжигающего света. Огромная летучая мышь закувыркалась в воздухе и

умерла еще до того, как рухнула на землю.

Все вокруг притихло, замерли даже ползуны на стенах и в окнах Храма Парящего Духа. Дзирт сумел привлечь к себе полное внимание противника. В следующее мгновение все чудовища устремились на одинокого врага.

Лицо темного эльфа озарилось жестокой усмешкой.

— Ну, давайте, — прошептал он и мысленно кивнул Кэтти-бри.

* * *

— Надо ему помочь! — вскричал Бренор.

Вместе с Кэддерли и Джарлаксом они очистили от врагов большой зал и вышли в фойе, откуда наблюдали за тем, что творилось во дворе.

— Спокойно, дворф, — откликнулся Джарлакс.

Дроу постоянно поглядывал на Кэддерли и убеждался, что жрец разделяет его уверенность в силах Дзирта.

Бренор собрался что-то возразить, но, увидев, как первая волна врагов обрушилась на его друга, прикусил язык.

Разведчик-дроу не останавливался ни на мгновение. Он подпрыгивал, вертелся, шагал по головам и спинам противников и с невообразимой ловкостью и точностью наносил удары обоими мечами. Один за другим ползуны превращались в груды истекающей кровью плоти или отлетали в стороны, отбрасываемые заколдованными клинками. Дзирт спрыгнул со спины умирающего ползуна, на мгновение коснулся земли, успел дважды вонзить клинок в тело второго, качнулся в сторону и мощным ударом слева зарубил третьего врага. Дроу не замедлил движений и, уклонившись от когтей противника, заколол четвертого монстра, другим мечом зарубил голову пятого и перепрыгнул через шестого ползуна, на лету успев нанести ему смертельную рану Сверкающим, а обратным движением заодно отрубил лапы подлетевшему темнокрылу.

— Ты давно его знаешь... — заговорил Джарлакс, обернувшись к Бренору.

— Но никогда не видел ничего подобного, — признался дворф.

Дзирт, словно увлекаемый штормом, отклонился в сторону и пропал из поля их зрения. Но непрекращающиеся вопли ползунов и свист клинков говорили о том, что его атака нисколько не замедлилась. Затем он снова появился, двигаясь в противоположном направлении, и все так же уничтожал врагов с каждым взмахом меча, в каждом выпаде, в каждом развороте. Ползуны взлетали в воздух и падали замертво, темнокрылы, кувыркаясь, шлепались на землю, а божественное сияние мечей Дзирта ничуть не уменьшалось, даже наоборот, — разгоралось еще ярче, словно подпитываемое его решимостью и яростью.

Шум за их спинами заставил друзей обернуться. Посреди зала в предсмертных судорогах бился ползун. Потом сверху, сопровождаемый ликующим смехом Тибблдорфа, свалился еще один.

— На Дзирта можно положиться! — воскликнул Кэддерли, и трое защитников занялись последними приготовлениями в просторном зале.

* * *

Массивная фигура Тибблдорфа Пуэнта почти полностью перекрывала дверной проем. Дворф молотил ползунов руками и ногами и все громче смеялся, когда на лезвиях, крючьях и шипах его доспехов появлялись все новые и новые клочья окровавленной плоти.

— Посторонись! — уже не в первый раз кричал ему Атрогейт, которому тоже не терпелось кого-нибудь убить.

— Ба-ха-ха! — откликнулся Тибблдорф Пуэнт, превосходно имитируя клич Атрогейта.

— Ха, — добавил Атрогейт, выдержал паузу, а потом и сам заорал свое «Ба-ха-ха!» в полную силу легких.

Тибблдорф Пуэнт пропустил мимо себя пару ползунов, и те, ворвавшись на балкон, попали под шквал ударов тяжелых шаров Атрогейта. Довольный дворф тоже разразился оглушительным хохотом.

А Пуэнт тем временем выскочил в коридор и продолжал расправляться с чудовищами. Первого он зацепил крюком на рукавице и точным быстрым броском швырнул извивавшегося монстра с балкона. Затем он отступил назад, пропустив в комнату очередную группу ползунов, которыми и занялся вместе с Атрогейтом.

* * *

Он не замедлял движений и не чувствовал усталости. В его сознании отчетливо сохранялся образ несчастной жены, и это видение разжигало ярость, а божественная сила, которой Кэддерли наделил его мечи, казалось, распространяется и на него самого.

Эта мысль лишь на мгновение мелькнула в голове Дзирта, поскольку он весь целиком отдался воинским инстинктам. Дзирт не тратил времени на размышления, поскольку после каждого разворота он оказывался лицом к лицу с новыми врагами, и каждый прыжок сопровождался рывками и разворотами, чтобы избежать протянутых лап и острых когтей.

Но Дзирту До'Урдену было все равно, сколько хищных лап тянется ему навстречу. Он всегда опережал их на долю секунды, а сверкающие клинки без труда расчищали ему путь, куда бы он ни повернул. Вокруг него громоздились курганы мертвых тел, а в воздухе постоянно висел кровавый туман. Каждый шаг, каждый взмах заканчивались уничтожением очередного чудовища.

— Сразись со мной, дракон! — закричал он, и его голос прозвучал почти насмешливо. — Спускайся на землю, трус!

Даже пока он это говорил, еще четверо ползунов упали замертво, и эти безмозглые твари уже начали сторониться обезумевшего дроу. Ситуация изменилась: вместо того чтобы уклоняться от многочисленных врагов, Дзирт вдруг понял, что вынужден их преследовать. И все это время он не переставал выкрикивать вызовы, обращенные к Королю Призраков.

На его крики откликнулся не дракон, а огромный ночной странник, который вышел из леса и затопал по направлению к танцующему дроу.

Дзирту уже приходилось встречаться с этими монстрами, и он знал, насколько опасны огромные создания. Их обманчиво-тонким конечностям, перевитым несколькими слоями крепких мускулов, под силу было вышибить из него дух одним движением.

Дзирт улыбнулся и бросился в атаку.

* * *

Многие ползуны, не надеясь справиться с Дзиртом, снова ринулись в открытые двери Храма Парящего Духа, миновали коридор и попытались ворваться в главный зал. Первый ползун уже почти проскочил в дверь, но там, прислонившись спиной к стене, стоял Бренор. Точный удар двустороннего боевого топора рассек голову и грудь чудовища и прервал его атаку.

Отбросив труп ползуна назад, Бренор схватил стоявший рядом щит и бросился на следующего противника, уже рвущегося в зал. Вместе с ползуном он откатился в сторону, освободив дорогу Джарлаксу и его смертоносным молниям. Два ослепительных заряда один за другим приостановили набегавшую из коридора толпу.

После этого к проему подошел Кэддерли. Он высоко поднял руки, дотянулся до магического потока и выбросил пучок энергии, распространив ее перед собой полукругом. Жрец отступил назад, и упрямые ползуны снова рванулись к залу, но, как только они дошли до освященного участка, их поглотило ослепительное сияние. Ползуны пронзительно завизжали, начали дымиться и вскоре уже корчились в смертельной агонии.

Джарлакс запустил в коридор еще пару молний.

Очередной ползун вылетел с балкона и шлепнулся на пол, но после этого в огромном зале стало тихо.

— Давайте, мелкие бестии! — закричал сверху Атрогейт.

— Давай, дракон! — произнес Кэддерли.

— Давай, Дзирт! — добавил Бренор.

* * *

Темнокожий монстр со всего размаху ударил кулаком, целясь в подбежавшего дроу. Этот чудовищный выпад мог бы сокрушить другого бойца, но Дзирт, благодаря своей ловкости и волшебным ножным браслетам, отступил влево, как только гигантский кулак двинулся в его сторону. Он инстинктивно понял, что чудовище успеет отреагировать на его маневр, и тотчас вернулся на прежнее место, так что ночной странник промахнулся.

Дзирт не останавливался, а только подпрыгнул и перевернулся, чтобы усилить выпад, и, приземляясь, резко опустил Ледяную Смерть. Он намеревался рассечь коленные связки, а инерцию удара собирался использовать для прыжка в сторону. Но, к своему удивлению, не ощутил толчка.

Он приземлился так, словно меч не встретил никаких препятствий, и, несмотря на предыдущий опыт использования осененного божественной силой клинка, Дзирт поразился, увидев, что отсек чудовищу лапу.

Импровизируя на ходу, Дзирт слегка развернулся влево и сделал сальто, приземлившись точно позади гиганта. Еще один поворот, и Ледяная Смерть вонзилась в бедро другой лапы. Чудовище взвыло от боли, хотя сразу же схватилось за обрубленную лапу.

Дзирт выдернул клинок, но только для того, чтобы освободить место Сверкающему, и клинок с безупречной точностью отрубил ночному страннику вторую лапу.

Массивный гигант рухнул на землю, и его вопли подействовали на Короля Призраков куда эффективнее, чем призывы дроу.

Дзирт не стал задерживаться, чтобы прикончить гиганта, — он и так истечет кровью. Вместо этого дроу со всех ног бросился к храму. Все враги разбегались перед ним: темнокрылы поспешно скрывались в темноте леса, а ползуны прыгали по спинам сородичей, лишь бы убраться с его пути. Дзирт все же настиг несколько ползунов и уложил их точными колющими ударами мечей, а затем еще раз обогнул храм, чтобы окончательно рассеять толпы противников.

Ночное небо разорвал крик, настолько пронзительный и громкий, что он отзывался в ушах болью. Дзирт прокатился кувырком по земле и вскочил на ноги, развернувшись лицом к чудовищу. Сначала он увидел горящие глаза, словно две кометы, драколича, несущегося навстречу, а затем различил и зеленоватое сияние Креншинибона, отметившее рог на черепе ящера.

— Давай! — закричал Дзирт и стукнул мечами друг о друга, высекая искры.

Потом он проворно бросил мечи в ножны и сорвал с плеча Тулмарил. Свирепο усмехнувшись, темный эльф послал одну серебряную стрелу, потом вторую, потом целый залп, обжигая спускающееся с неба чудовище.

Глава 29

ПРЕСЛЕДОВАТЬ ДО САМОГО КРАЯ РЕАЛЬНОСТИ

— Смотрите! — закричал Рорик и показал рукой в небо над горными вершинами.

Они уже слышали зловещий крик, а теперь, вслед за Рориком, увидели, как Король Призраков несется по звездному небосводу.

— Это над нашим домом! — воскликнула Ханалейса, и все пятеро припустили бегом.

Но Айвен требовал остановиться на каждом десятом шагу. В конце концов, все

запыхались и замедлили шаги.

— Мы будем держаться вместе, или мы все погибнем, — сердито произнес желтобородый дворф. — Я не могу бежать с тобой наравне, девочка!

— А я не могу смотреть, как враг нападает на наш дом, — возразила Ханалейса.

— Но и перенестись туда немедленно ты тоже не можешь, — сказал Айвен. — До храма еще полдня пути, несколько часов, если бежать со всех ног. Ты считаешь, что сумеешь столько пробежать?

— Если я... — начала говорить Ханалейса, но быстро замолчала, повинувшись знаку Пайкела.

Все посмотрели на зеленобородого дворфа, а он, подпрыгнув, развернулся и уставился в темную чащу.

В следующее мгновение они услышали треск и топот пробиравшихся через кустарник ползунов. Все пятеро поспешно приготовились к бою, но быстро поняли, что эти существа, служившие Королю Призраков, как все были уверены, стремились не к ним, а бежали прямо на запад, вверх по склону горы, к Храму Парящего Духа. Их враги спешили принять участие в далеком сражении.

— Идем быстро, но не бежим, — скомандовал Айвен. — И всем держаться поблизости друг от друга.

Ханалейса возглавила группу и торопливо зашагала вперед. Хорошо тренированная и ловкая, Ханалейса была уверена, что сумела бы пробежать весь путь до самого дома, хотя тропа все время поднималась вверх. Но она не могла оставить остальных в окружении врагов, особенно Рорика, с его раненой ногой, которому каждый шаг давался с трудом.

— Рядом с мамой и папой сотня могущественных чародеев и жрецов, — попытался успокоить ее Тимберли — и себя тоже, как было ясно по его голосу. — Они справятся с этой угрозой.

Уже через милю группа была вынуждена замедлить движение, поскольку лес вокруг кишел темными чудовищами. Ханалейсе не раз приходилось поднимать руку, чтобы остановить остальных и, притаившись за стволом дерева или кустарником, выждать время. Но чудовища, которых они слышали, каждый раз убегали вперед или обходили их, словно одержимые одной целью. Казалось, маленькая группа беглецов из Кэррадуна их совсем не интересует.

Со временем Ханалейса перестала останавливаться даже в тех случаях, когда враги оказывались совсем близко. Порой в душе она даже надеялась, что кто-то решится их атаковать: сумеют ли они уничтожить хоть несколько врагов в лесу, у дверей Храма Парящего Духа их было бы немного меньше.

Но вскоре Ханалейса услышала другие звуки — кто-то двигался прямо к ним. Девушка спряталась за стволом толстого дерева и махнула рукой остальным, призывая остановиться. Затаив дыхание, она вдруг поняла, что загадочное существо находится по другую сторону от дерева.

Девушка выскочила из укрытия и обрушила на противника град ударов, которые сделали бы честь самому искушенному бойцу.

Но каждый ее выпад натывался на блок, отводящий удары в сторону. Ханалейсе потребовалось одно мгновение, чтобы убедиться в своей неудаче, и еще одно, чтобы понять, что ее противником была женщина, тренировавшая ее с самого детства.

— Мама! — закричала она, и Даника заключила дочь в самые крепкие объятия.

Рорик и Тимберли тоже воскликнули: «Мама!» — и вместе с дворфами бросились вперед, чтобы обнять Данику.

Глаза Даники, увидевшей рядом с собой всех своих детей и Пайкела, наполнились слезами облегчения и наивысшей радости. А при виде Айвена слезы ручьями хлынули по ее смущенному лицу.

— Я видела, как ты погиб, — сказала она. — Я была на той скале, рядом с пещерой, когда тебя затоптал драколич.

— Вернее, затоптал ползунов, когда бросился на меня, — поправил ее Айвен. — Глупое животное даже не знало, что стояло на трещине — слишком маленькой для дракона, но вполне достаточной для меня!

— Но... — начала было Даника, но, замолчав, просто поцеловала Айвена в волосатую щеку. — Ты нашел выход, — сказала она потом. — И мы найдем выход.

— А где папа? — спросила Ханалейса.

— Он остался в Храме Парящего Духа, — ответила Даника, с тревогой оглядываясь на горы. — Сражаться против Короля Призраков.

— Но он окружен целой армией жрецов и чародеев, — заметил Рорик, однако Даника покачала головой.

— С ним осталась только небольшая группа могущественных союзников, — объяснила она, потом посмотрела на Айвена и Пайкела. — Там король Бренор, его неистовый «мясник» и Дзирт До'Урден.

— Бренор! — воскликнул Айвен. — Мой король пришел к нам на помощь в минуту тяжелого испытания!

— Дзирит Дурден, — с характерным смешком добавил Пайкел.

— Поспешим, миледи, — поторопил Данику Айвен. — Надо успеть, пока там еще есть с кем драться!

* * *

Король Призраков даже не стал расправлять крылья, чтобы замедлить падение. Он несся к земле смертоносной ракетой, прижав их к бокам, сверкая глазами, широко раскрыв пасть. Только в самый последний момент он резко поднял голову и раскинул крылья, чтобы изменить угол падения. Огромный ящер ударился о землю вытянутыми лапами и прокатился еще немного, оставляя за собой глубокую рытвину. Одного этого, казалось, было достаточно, чтобы уничтожить глупца, посмевавшегося бросить вызов богу, но Король Призраков, еще не остановившись, выдохнул колоссальный поток пламени.

Огонь прокатился по всей площадке до самых дверей Храма Парящего Духа. Трупы ползунов взрывались и плавились от непереносимого жара, трава мгновенно почернела и превратилась в пепел.

— Дзирт! — одновременно закричали из храма Бренор, Кэддерли и Джарлакс, нисколько не сомневаясь, что их друг погиб в пламени.

Огонь еще долго мог бы бушевать во дворе храма, и катастрофа казалась неизбежной, но меч в руке дроу, который должен был уже сгореть дотла, вдруг ударил сбоку по голове Короля Призраков.

Король Призраков, огорошенный и ошеломленный проворством дроу, обратил на него всю свою ярость.

Но сбоку на него опять обрушился удар меча, осененного божественной силой.

Драколич поднялся на задние лапы, намного превосходя Дзирта, хотя и стоял в канаве глубиной почти в два человеческих роста, прорытой когтями при посадке. Уже в следующее мгновение голова чудовища, подобно копыю, обрушилась вниз и ужасные зубы громко щелкнули. Стоявший в дверях храма Бренор испуганно вскрикнул, считая, что дракон проглотил его друга целиком.

Но Дзирт опять опередил врага. Мысленный образ несчастной Кэтти-бри все так же отчетливо стоял перед его внутренним взором, разжигая ярость и обостряя инстинкты воина. Дроу пригнулся к самой земле и бросился вперед, оказавшись вне досягаемости ужасных клыков. Еще три стремительных шага привели его к задней правой лапе чудовища, и Дзирт мгновенно пустил в ход оба меча.

Но ни магия Кэддерли, ни ярость и целеустремленность Дзирта До'Урдена не могли произвести такого же эффекта, как в схватке с ночным странником. Несмотря на все свое мастерство и решимость, Дзирт ни на минуту не сомневался: в одиночку ему не справиться с

Королем Призраков.

И он не останавливался ни на мгновение. Едва выдернув клинки, дроу снова пригнулся и бросился в сторону, увертываясь от страшных челюстей. Прокатившись кувырком по земле, Дзирт во весь дух бросился к дверям Храма Парящего Духа.

Повинуясь инстинкту, Дзирт вильнул в сторону и бросился на землю. В то же мгновение он ощутил жар прокатившейся волны пламени, выброшенной драконом. Дроу тотчас вскочил на ноги и пересек почерневшую полосу земли, опять на долю секунды опередив врага.

Как он и ожидал, огненный вал Короля Призраков застиг его внутри, ударил в спину, окутал языками пламени, заполнил невыносимым жаром весь коридор.

* * *

Огненное дыхание чудовища ворвалось в Храм Парящего Духа, повредило магию, поддерживающую здание и самого жреца, вызвало болезненный стон Кэддерли. Он высоко поднял руки, излучающие божественное сияние, направил его лучи в коридор, на Дзирта, и молился лишь о том, чтобы не опоздать.

Только когда Дзирт вырвался из пламени и ввалился в зал, Кэддерли снова смог дышать. Но его облегчение и облегчение всех, кто оставался в храме, длилось не долго. Спустя мгновение здание сильно содрогнулось.

Кэддерли пошатнулся, болезненно поморщился и снова застонал, когда удар повторился. Храм Парящего Духа, несмотря на всю свою магию, не мог противостоять неудержимой ярости Короля Призраков. Драколич бросался на стены, рвал дерево и камни зубами и когтями, бил своим крепким черепом. Стены здания не выдерживали его натиска, и чудовище, расширив проем, вторглось в храм, проломив перекрытие между этажами рядом с главным залом.

Четверо друзей шаг за шагом попятились назад, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие и уверенность. Вид Кэддерли ничем не мог развеять их тревог. С каждым ударом, с каждой сломанной балкой жрец мучительно вздрагивал — и старел. Прямо у них на глазах волосы Кэддерли окончательно побелели, кожа на лице высохла и покрылась глубокими морщинами, плечи ссутулились.

Передняя стена главного зала треснула, потом раскололась на части, и показался драколич. Король Призраков поднял голову и испустил полный ненависти оглушительный рев.

Огромный ящер сделал шаг, и здание задрожало, потом еще и еще, и вот уже защитники оказались в пределах досягаемости.

— За моего короля! — завопил с балкона Тибблдорф Пуэнт, сидевший верхом на обвязанном веревками бревне.

Прямо перед ним на перилах стоял Атрогейт. Он перерубил веревку, удерживающую второе бревно, и еще подтолкнул массивный снаряд, чтобы придать ему большую скорость.

Гигантское копье угодило Королю Призраков в бок, вонзившись чуть ниже плеча, прямо под крылом, и чудовище покачнулось от удара, хотя и не слишком сильно.

Для такого могучего создания даже веса бревна оказалось мало.

Но Тибблдорф Пуэнт перерубил веревку, удерживающую второе бревно, то, на котором он сидел. Дворф с оглушительным воплем пролетел мимо Атрогейта, а тот на всякий случай еще и подтолкнул его. Необычный снаряд в точности повторил траекторию первого бревна.

Второй удар оказался сильнее не только из-за добавочного веса дворфа. Бревно ударилось в конец первого гигантского копья, но наконечник у него был выдолблен и заполнен взрывчатым маслом. Дворфы изготовили увеличенную копию дротиков Кэддерли, и при столкновении раздался оглушительный взрыв.

Первое бревно получило такой мощный толчок, что приподняло Короля Призраков и

отбросило к противоположной стене. Второй снаряд разлетелся в щепки, и сидевший на нем дворф по инерции полетел вперед, отчаянно размахивая руками и ногами. У стены он врезался в драколича, вцепился в него, как живой якорь, и не выпускал, хотя в этот момент на ошеломленного Короля Призраков обрушился потолок. Тибблдорф Пуэнт, едва закрепившись шипами на теле драколича, начал рвать его шкуру при помощи своих доспехов.

Но на эту досадную помеху Король Призраков не стал обращать внимания, поскольку в атаку бросился Дзирт, сопровождаемый Бренором. Джарлакс, стоя рядом с сильно ослабевшим Кэддерли, поднял волшебные палочки и начал обстрел.

Дзирт, приближаясь, осыпал голову драколича жалящими стрелами из Тулмарила, а затем, отбросив лук, потянулся за мечами.

Но тут в его глазах вспыхнула искра вдохновения, и дроу обнажил только Ледяную Смерть.

* * *

Кэддерли ощущал, как трещат его кости, когда трещали балки Храма Парящего Духа. Он не мог без боли выпрямить спину, не мог держать перед собой дрожащие руки.

Но Кэддерли знал, что наступил момент истины, момент Кэддерли, Храма Парящего Духа и Денира, — он почему-то знал, что это последний миг Писца Огма, последнее деяние его бога.

И когда ему потребовалась энергия, он ее обрел. Как и в предыдущей битве против Короля Призраков, жрец мысленно потянулся вверх и поместил солнце в свое тело. Соратники черпали в его сиянии исцеляющую силу. Даже Атрогейт, прыгнув с балкона в зал, не успел застонать, как его сломанные лодыжки срослись, так что дворф даже не почувствовал боли.

Король Призраков вздрогнул, когда божественное сияние его обожгло, и жрец вышел вперед. Драколич заполнил пламенем весь зал, но защита Кэддерли оказалась сильнее, и смертоносное дыхание чудовища не остановило жреца.

Тогда Король Призраков сосредоточился на Дзирте, решив сначала избавиться от этого отчаянного воина, но его челюсти опять не успевали за танцующим эльфом, и, пока он пытался загнать Дзирта в угол между уцелевшей стеной и грудой обломков, оказалось, что он сам угодил в ловушку.

Дзирт ловко избежал ужасных зубов драколича, подскочил к нему вплотную и схватился свободной рукой за ребро, оголенное взрывом дворфского дротика. Прежде чем Король Призраков или кто-то другой успел догадаться, в чем смысл его неожиданного маневра, дроу подтянулся и запрыгнул внутрь грудной клетки чудовища.

Король Призраков начал отчаянно метаться и вертеться, обезумев от боли, а дроу, обнажив и второй меч, принялся кромсать его изнутри. Огромный ящер так яростно бился и ревел, что остальные участники сражения на мгновение остановились и закрыли руками уши, и даже Пуэнт слетел со спины монстра.

Но Дзирт, находящийся внутри драколича, дал выход своему гневу, и Кэддерли решительно шагнул вперед, распространяя вокруг себя сияние, подбадривающее друзей и обжигающее врага.

Король Призраков отпрыгнул от стены, завертелся на месте, но тут под его задней лапой проломился пол. Драколич отчаянно взревел, выдохнул пламя, и слабеющая магия храма уже не смогла сдержать его воздействия. Повалил густой дым, в котором почти потерялось сияние Кэддерли, но его эффект не уменьшился.

— Приканчивай его скорее! — закричал Джарлакс, видя, что чудовище уже бьется в агонии.

Бренор ринулся вперед, подняв топор, Атрогейт раскрутил кистени, и Тибблдорф Пуэнт, разбежавшись, прыгнул на заднюю лапу ящера.

Но возникший голубой огонь затмил золотистый свет, исходивший от Кэддерли, и оружие дворфов не встретило сопротивления.

Дзирт вывалился из уже нематериального туловища, легко приземлился на пол, но поскользнулся, поскольку весь был покрыт остатками гниющей плоти ящера. Пуэнт с громким «О-о-ох!» рухнул лицом вниз.

— Он убегает! — закричал Джарлакс.

За его спиной из маленькой комнатки послышался крик Кэтти-бри.

Король Призраков исчез.

Кэддерли, хоть и испытывал боль при каждом движении, первым бросился к комнате Кэтти-бри. Он отодвинул щеколду и распахнул дверь настежь, а второй рукой достал из-под одежды одолженную у Джарлакса рубиновую подвеску.

Перед ним дрожала всем телом и кричала Кэтти-бри. Сзади подбежавший Дзирт вытаскивал из поясной сумки ониксовую фигурку пантеры. Кэддерли оглянулся на Дзирта и покачал головой.

— Гвенвивар не сможет перенести тебя туда, — сказал жрец.

— Нельзя снова позволить ему удрать, — ответил Дзирт.

Он решительно шагнул к Кэтти-бри, чье лицо исказилось от боли.

— Он не убежит, — пообещал Кэддерли. Потом он глубоко вздохнул. — Скажи Данике, что я люблю ее, и обещаю, что разыщешь и защитишь моих детей.

— Мы все сделаем, — произнес Джарлакс.

Дзирт, Бренор и сам Кэддерли изумленно взглянули на дроу. Если бы не смертельная опасность, нависшая над ними, все трое непременно засмеялись бы, услышав от него подобное обещание.

Но напряженность спала всего на одно мгновение. Кэддерли, благодарно кивнув Джарлаксу, опять повернулся к Кэтти-бри и поднял рубиновую подвеску. Другой рукой он бережно прикоснулся к щеке женщины, придвинулся ближе, погрузился в ее мысли, взглянул через ее глаза.

Двое дроу и трое дворфов изумленно замерли, когда Кэддерли засиял тем же бело-голубым огнем, что и Король Призраков перед своим исчезновением. А когда жрец бесследно пропал, все вскрикнули.

Кэтти-бри тоже закричала, но на этот раз не от ужаса, а от удивления.

Дзирт снова потянулся за статуэткой Гвенвивар, но Джарлакс перехватил его руку.

— Не надо, — предостерег его дроу.

Громкий треск отвлек их внимание, и все обернулись. Огромная балка, охваченная пламенем, перегородила главный зал по диагонали от балкона до противоположного угла пола.

— Наружу! — сказал Джарлакс.

Дзирт, кивнув, нагнулся к Кэтти-бри и поднял ее на руки.

* * *

Это было сумрачное подобие оставленного им мира, лишенное воздвигнутых строений — мира, лишенного четкости и света, мира неясных теней и ужасающих монстров. Но среди клубящегося серого тумана появилось ослепительное сияние Кэддерли, а перед ним маячил сгусток абсолютной тьмы — Король Призраков.

И между ними началась битва, битва Света против Тьмы, божественного сияния, последнего дара Денира своему избраннику, против объединенных сил распада. Бесконечно долго тянулась борьба, бесконечно долго лучи божественного света пронзали и разгоняли темноту, но волны тумана накатывались снова и снова, заглушая сияние. Долго еще победа не склонялась ни на чью сторону, и все обитатели сумрачного мира, затаив дыхание, наблюдали за схваткой.

А потом чудовища испуганно отпрянули, потому что тьма не устояла перед этим

сиянием, перед неугасаемой теплотой Кэддерли Бонадьюса. Король Призраков, объединивший в себе разум дракона и мудрость многих столетий, не мог не видеть истины.

Король был свергнут, и в сумраке встал новый Король Призраков, поскольку Кэддерли не мог проиграть эту решающую битву.

Драколич, протестуя, вскрикнув, поднялся и исчез в темноте. Кэддерли тоже не остался здесь. Это не его мир, и ему все равно, выживет здесь чудовище или погибнет.

Но он не мог позволить ему вернуться в свой родной дом.

Он сознавал, что приносит себя в жертву. Он знал, что больше не сможет пересечь барьер между мирами, что связан обязательством перед Дениром, перед тем, что считал правильным, перед своей семьей и друзьями.

Кэддерли удовлетворенно улыбнулся, сознавая, что не зря прожил жизнь. А потом он покинул сумрачный мир и отправился в то место, которое почти, хоть и не совсем, было его домом.

Глава 30

ПОСЛЕДНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ МЕНЯЮЩИХСЯ БОГОВ

Кэтти-бри не лежала на руках Дзирта без движения, но, казалось, наблюдала за грандиозной сценой битвы, и по ее вздохам и крикам Дзирт мог только догадываться о том, как Кэддерли бьется против Короля Призраков.

— Убей его! — услышал он свой собственный шепот, выбегая из полуразрушенного храма на просторную веранду.

На самом деле, это была его постоянная мольба, обращенная к Кэддерли, чтобы тот отыскал способ вернуть Кэтти-бри. «Убей его!» — эти слова относились и к вполне осязаемому драколичу, и к безумию, охватившему мир, и к несчастью Кэтти-бри. Дзирт был уверен, что это его последний шанс. Если Кэддерли не отыщет средство вернуть его любимую, Кэтти-бри будет потеряна для него навсегда.

К всеобщему облегчению, во дворе храма не осталось ни одного чудовища. На земле валялись лишь трупы убитых Дзиртом и погибших во время яростной атаки драколича. Еще недавно цветущую лужайку перечеркивал уродливый шрам, оставшийся от когтей огромного ящера. Она почернела от его огненного дыхания.

Друзья поспешно отошли от горящего здания, и, когда они оглянулись на величественный храм, ставший делом жизни Кэддерли Бонадьюса, все поняли, почему атака Короля Призраков оказала на жреца такое сильное действие. Языки пламени вырывались во многих местах, но сильнее всего горело то крыло здания, откуда они только что вышли. Магия храма помогла ему выстоять во время первого нападения, но затем она стала слабеть. Огонь не сможет уничтожить все строение полностью, но причинит весьма значительные повреждения.

— Опустит ее, дружище, — предложил Джарлак, коснувшись руки Дзирта.

Дзирт покачал головой, и в этот момент глаза Кэтти-бри открылись, и на мгновение, всего лишь на одно мгновение Дзирту показалось, что она его видит, что Кэтти-бри его узнала.

— Моя девочка! — закричал Бренор, который тоже это заметил.

Но мгновение миновало, и, если этот миг прояснения и не привиделся им, он уже закончился. Кэтти-бри снова впала в то же летаргическое состояние, в котором пребывала все эти дни после прикосновения Пряжи.

Дзирт продолжал ласково окликать ее и даже тихонько встряхнул:

— Кэтти! Кэтти-бри! Очнись!

Но никакой реакции не последовало.

Как только все осознали, что ее состояние не изменилось, послышался крик Атрогейта. Соратники обернулись к дворфу и, следуя за его взглядом, уставились на открытые двери храма.

Оттуда вышел Кэддерли. Но не человек из плоти и крови, а только призрачный силуэт старого жреца, сгорбленного, но целеустремленно шагнувшего вперед. Он приблизился к группе, прошел прямо сквозь них, и каждый невольно вздрогнул, ощущая неожиданный холод.

Кэддерли пытались окликнуть, но он не отозвался, как будто ничего не слышал и даже не замечал их. И все поняли, что в новой реальности Кэддерли они не существуют.

Старый жрец с трудом добрался до границы леса, за ним последовали и все шестеро оставшихся защитников. Там, на фоне оранжевых языков пламени, он нагнулся и, что-то шепча, пошел вдоль деревьев, держа руку у самой земли. За ним на траве оставалась линия неярких голубовато-белых огоньков.

— Защитный круг, — догадался Джарлакс.

Он осторожно перешагнул через светящуюся черту и облегченно вздохнул, когда понял, что с ним ничего не произошло.

— Как барьер в Лускане, — согласился Дзирт. — Магическое заклинание, запирающее старый город, где разгуливают мертвецы.

А Кэддерли действительно двигался по кругу, обходя Храм Парящего Духа.

— Если Король Призраков вернется, он останется на этой площадке, — произнес Джарлакс, хотя явно был не слишком уверен в своих словах, прозвучавших скорее пожеланием, а не утверждением. — Никто из не-мертвых не может переступить черту.

— Но как долго он будет накладывать это заклятие? — спросил Бренор.

— Он знал! — воскликнул Дзирт. — Его слова для Даники...

— Вечно, — прошептал Джарлакс.

Жрецу-призраку потребовалось немало времени, чтобы закончить первый круг, а потом он сразу же стал обходить храм во второй раз, поскольку сияние магической границы уже начало угасать. Едва он пустился в путь, как из темноты леса донесся взволнованный голос.

— Отец! — кричал Рорик Бонадьос. — Он состарился! Мама, почему он стал таким старым?

Из-за деревьев выбежала Даника, потом трое ее детей, а с ними Айвен и Пайкел Валуноплечие. Но радостные объятия и приветствия были отложены из-за глубокой печали, омрачившей лица трех молодых людей и женщины, так любившей Кэддерли.

Дзирт, с Кэтти-бри на руках, особенно остро ощутил горе Даники.

— Что случилось? — спросила Даника, подбежав к ним.

— Мы сильно ранили чудовище, и оно попыталось уйти, — сказал Джарлакс.

— И Кэддерли пустился за ним в погоню, — добавил Бренор.

Даника, отвернувшись, посмотрела на горящий храм. Она, безусловно, знала, почему ее ставший призраком муж так сильно состарился. Храм Парящего Духа был разрушен почти полностью, и его магия стала исчезать. От волшебства, которое поддерживало не только бревна и камни храма Денира, но и молодость, и силы Кэддерли, почти ничего не осталось.

Чары были нарушены.

Ее муж не только состарился, но и превратился... В кого? Даника смотрела на него и не знала.

— Его последние мысли были о тебе, — сказал Дзирт. — Он любил тебя. И любит до сих пор, хотя служит Дениру и всем нам.

— Он к нам вернется, — решительно сказала Ханалейса. — Он выполнит свой долг и вернется!

Ей никто не возразил, да и зачем? Но взгляд Даники подсказал Дзирту, что она знает истину. Кэддерли стал Королем Призраков. И служение Кэддерли Храму Парящего Духа, его служение всему миру продлится вечно.

Рассвет застал призрачного жреца и его измученных соратников, все так же идущих следом, на середине третьего круга.

Сияние вокруг Кэддерли, затмеваемое лучами поднимавшегося солнца, стало меркнуть и, к ужасу его детей, смешанному с робкой надеждой, исчезло совсем.

— Он пропал! — закричал Тимберли.

— Он возвращается к нам, — заявил Рорик.

— Не пропал, — спустя некоторое время возразил Джарлак, подозвав к себе остальных взмахом руки.

Светящаяся линия продолжала разворачиваться, и у самой яркой, самой новой ее точки воздух был гораздо холоднее. Кэддерли все еще был здесь, хотя и невидимый при дневном свете.

Пожар в Храме Парящего Духа начал затихать, но они не зашли внутрь, а разбили лагерь снаружи, напротив входной двери. Только крайняя усталость заставила их уснуть, хотя кто-то постоянно оставался на страже. А как только сгустились сумерки, Король Призраков, дух Кэддерли, снова стал виден и снова продолжал свой бесконечный и одинокий обход.

Вскоре появилось несколько ползунов, явно намеревавшихся атаковать руины Храма Парящего Духа. Но как только первые монстры, выбежав из леса, приблизились к светящейся линии, они громко завизжали и исчезли в темноте.

— Охрана Кэддерли отлично действует, — заметил Бренор.

Весь вечер они продолжали отдыхать.

— Нам надо уходить отсюда, — ближе к полуночи сказал Джарлак. Взгляды присутствующих обратились к нему, но не на всех лицах читалось согласие. — Мы должны, — настаивал Джарлак. — Мы должны рассказать миру обо всем, что здесь произошло.

— Вот ты пойдешь и всем расскажешь, — проворчала Ханалейса, но Даника положила ладонь на плечо дочери, чтобы ее успокоить.

— Чудовища отступили, но они могут быть где-то неподалеку, — предостерег их Джарлак.

— А мы останемся здесь, и они не смогут до нас добраться, — возразил Рорик.

— Внутри этого круга может вернуться драколич, — не уступал Джарлак. — Надо...

Дзирт поднял руку, прося его помолчать.

— Утром, с первыми лучами солнца, — обратился он к Данике.

— Но это наш дом. Куда мы пойдем?

— Сначала в Мифрил Халл, а оттуда в Серебристую Луну, — ответил Дзирт. — Если мы сами не сможем найти ответы, обратимся к леди Аластриэль.

Даника посмотрела на своих детей, и те, как один, сердито нахмурились. Однако они не могли отрицать очевидное: даже если им повезет добраться до уцелевших запасов провизии в Храме Парящего Духа, этого хватит ненадолго.

В конце концов, они договорились подождать еще две ночи, и к тому времени все, даже Ханалейса, убедились, что отец вряд ли к ним вернется.

На третье утро печальная процессия отправилась в путь. Стоявшая во дворе повозка не слишком пострадала, и пятеро искусных дворфов быстро привели ее в порядок. Их настроение немного улучшилось, когда в дальнем коридоре храма обнаружили перепуганные и голодные, но живые и здоровые мулы, сохранившие свои волшебные подковы.

Отряд медленно спустился к разрушенному и покинутому Кэррадуну, а потом свернул на север, к Мифрил Халлу. Они были готовы к встрече с врагами в предгорьях Снежных Хлопьев и не ошиблись, но объединенным силам пятерых дворфов, семейства Бонадьос и двоих друу не были страшны никакие полчища ползунов, гигантских летучих мышей и даже ночных странников.

Обратный путь они проделали без особой спешки, и через два десятка дней группа пересекла реку Сарбрин и вступила в Мифрил Халл.

* * *

Той ночью сгорбленный и смилившийся Король Призраков Кэддерли снова обходил вокруг Храма Парящего Духа.

И так каждую ночь, во веки веков.

* * *

Вокруг Кэтти-бри клубились вихри серого тумана, застилавшие все перед глазами. Отрывочные образы, ужасные по большей части, раздражали ее чувства, толкали от одного воспоминания к другому, пробуждали ощущения прошлой, знакомой жизни.

Но потом все снова затягивало плотной дымкой.

И вдруг Кэтти-бри заметила в постоянно движущемся океане далекую точку, словно твердую опору или брошенную с противоположного берега веревку. Руками и мыслями она потянулась к этой опоре и, к своему удивлению, смогла до нее дотронуться. Она оказалась твердой и гладкой, как слоновая кость.

Облака тумана закружились, стали расходиться от этой точки, и вскоре взгляд Кэтти-бри прояснился впервые за последние несколько дней. Она взглянула на спасительную опору, увидела прямой рог. Потянулась к нему.

Единорог.

— Миеликки, — ахнула Кэтти-бри.

Сердце застучало чаще. Она попыталась избавиться от растерянности и вспомнить, что же произошло.

Нить распадающейся Пряжи! Она припомнила, как магическая нить коснулась ее и ранила.

И нить еще здесь, она внутри ее. Серые облака разошлись по сторонам, оставаясь лишь на границе поля зрения.

— Миеликки, — повторила она, нисколько не сомневаясь, что рядом с ней стоит богиня.

Единорог склонил голову и припал к земле, приглашая Кэтти-бри сесть верхом.

Сердце забило так сильно, что угрожало выскочить из груди. При мысли о том, что должно было последовать дальше, глаза женщины наполнились слезами, и она попросила об отсрочке.

Единорог посмотрел на нее, и в его больших темных глазах мелькнуло сочувствие. Затем он выпрямился и отступил на один шаг.

— Дай мне только одну ночь, — прошептала Кэтти-бри.

Она босиком выбежала из комнаты и распахнула дверь в соседнюю спальню, так хорошо ей знакомую. Здесь она жила с Дзиртом.

Он лежал на кровати, забывшись беспокойным сном. Кэтти-бри, развязав пояс своей волшебной блузы, сбросила ее на пол и скользнула в постель.

Дзирт проснулся, повернулся, и она встретила его страстным поцелуем. Переполюнявшие их чувства нашли выражение в крепких объятиях, и они любили друг друга, пока не упали, совершенно обессилив, но все так же не размыкая рук.

Дыхание Дзирта стало более размеренным и спокойным, а Кэтти-бри через некоторое время услышала в закрытую дверь негромкий стук рога. Она поняла, что Миеликки погрузила Дзирта в глубокий сон.

И зовет ее навстречу судьбе.

Она осторожно освободилась из объятий Дзирта, приподнялась на локте и поцеловала мужа в ухо.

— Я всегда буду любить тебя, Дзирт До'Урден, — прошептала Кэтти-бри. — Я ни о чем не сожалею в своей жизни, потому что узнала тебя, и ты наполнил мое существование глубоким смыслом. Спи спокойно, любимый.

Она выскользнула из постели, потянулась за блузой, но передумала и открыла шкаф. Там она нашла платье, подаренное ей леди Аластриэль, — белое, с широкой длинной юбкой,

с воланами и оборками, но без рукавов и с глубоким вырезом, даже без пояса. Это одеяние было сшито так, чтобы развеиваться при каждом движении, чтобы очаровывать, а не скрывать красоту ее тела.

На плечи она набросила черный плащ с капюшоном, спускавшийся до самого пола.

Кэтти-бри вышла из спальни босиком. Обувь ей больше не потребуется.

Единорог уже ждал ее, но не стал возражать, когда она повела его вглубь тускло освещенного коридора, еще к одной спальне. Там лежал Реджис — измученный, истощенный, удерживаемый в этой жизни только непрекращающимися заботами преданных жрецов Мифрил Халла. Один из них и сейчас сидел в кресле у кровати хафлинга и крепко спал.

Кэтти-бри не стала развязывать путы, удерживающие руки и ноги Реджиса, поскольку все это она оставляла здесь. Реджис освободился от своей смертной оболочки, и женщина, всегда бывшая ему верным другом, бережно взяла его на руки. Он негромко застонал, но Кэтти-бри зашептала ему на ухо, и ее дыхание, наполненное магией Миеликки, успокоило хафлинга.

В коридоре единорог снова опустился на колени, Кэтти-бри села боком ему на спину, и они отправились в путь.

* * *

Дзирта разбудил знакомый голос, вот только ужас, звучавший в его крике, слишком сильно противоречил удивительной теплоте прошедшей ночи.

Но если отчаянный вопль Бренора не смог до конца разрушить сонное заклинание, то представший перед глазами образ, словно продолжавший восхитительный сон, сделал это наверняка.

Рядом с ним, в его кровати, лежала Кэтти-бри. Ее глаза были закрыты, а лицо светилось безмятежным спокойствием, словно она спала.

Но это был не сон.

Дзирт выпрямился, широко раскрыв глаза, задышавшись и весь дрожа.

— Кэтти! — крикнул он. — Кэтти, нет! — Он нагнулся над холодным неподвижным телом, поднял на руки, прижал его к себе. — Нет, нет, вернись, Кэтти-бри!

— Эльф! — Бренор уже не кричал, а отчаянно вопил. Такой безысходности в голосе уравновешенного и сдержанного дворфа Дзирту еще никогда не приходилось слышать. — О боги! Эльф!

Дзирт опустил тело Кэтти-бри на кровать. Он не знал, что делать — обнять ее, попытаться вдохнуть в нее жизнь или целовать ее похолодевшее лицо. Он совсем растерялся. Но третий крик Бренора заставил его скатиться с кровати и выглянуть за дверь.

Позабыв одеться, весь в испарине, Дзирт бросился по коридору к Бренору. Король дворфов, пошатываясь, нес на дрожащих руках безжизненное тело Реджиса.

— Ох, эльф.

— Бренор, Кэтти-бри... — заикаясь, прошептал Дзирт, но Бренор не дал ему договорить:

— Она вместе с Пузаном на этой проклятой лошади!

Дзирт ошеломленно взглянул на него, а Бренор кивком указал на коридор и поплелся к ближайшему пересечению туннелей. Дзирт бережно поддержал его, и они вместе свернули за угол. Увиденная картина объясняла отчаяние, прозвучавшее в крике Бренора.

Единорог увозил сидевшую боком на его спине Кэтти-бри с Реджисом на руках. Ни необычный скаун, ни женщина не оглянулись, несмотря на то, что дроу и дворф попытались их догнать и громко окликали.

Коридор дальше резко уходил в сторону, но единорог не повернул.

Он прошел прямо сквозь стену и пропал из виду.

Дзирт и Бренор, запыхавшись, прислонились к стене и открывали рты, но не могли

подобрать слов.

Позади послышался топот ног. На крики короля выбежали другие дворфы, а также Джарлакс. При виде мертвого тела Реджиса на руках Бренора многие горестно вскрикивали. Хафлинг долгие годы верно служил клану, управляя Мифрил Халлом, а также был преданным советником его короля.

Джарлакс предложил Дзирту свой плащ, но был вынужден набросить его на плечи дроу, обезумевшего от горя. Спустя несколько мгновений Дзирт обратил внимание на стоявшего рядом Джарлакса, неожиданно схватил его за рубашку и прижал спиной к стене.

— Отыщи ее! — умолял Дзирт вопреки всякой логике, поскольку и сам знал, что его жена, мертвая и холодная, осталась в его спальне. — Ты должен ее найти! Я обещаю сделать все, что ты прикажешь... Все богатства этого мира!

— Я отдам Мифрил Халл и все, что в нем есть! — вслед за ним закричал Бренор.

Джарлакс попытался успокоить разведчика-дроу и короля дворфов. Он кивнул и похлопал Дзирта по плечу, хотя и не имел представления, с чего начинать поиски и что он должен искать — душу Кэтти-бри?

А обещания богатств и верности в тот момент показались Джарлаксу совершенно неуместными. Он найдет ее или, по крайней мере, попытается. В этом он был абсолютно уверен.

Но к удивлению самого Джарлакса, он не собирался взять за свои усилия ни гроша и не собирался воспользоваться обещанием покорности Дзирта До'Урдена.

Возможно, он и сам был покорен.

ЭПИЛОГ

Под босыми ногами Кэтти-бри как будто билось сердце земли в ритме самой жизни, и этот стук звал ее танцевать. Она никогда не была искусной танцовщицей, но сейчас движения стали плавными и грациозными, превосходно выражавшими красоту весеннего леса, где она оказалась. Ее бедро как будто никогда и не было ранено — а ведь все верили, что хромота останется навеки! — и она не чувствовала боли, высоко поднимая ногу, прыгая и кружась в неожиданном пируэте.

Кэтти-бри подбежала к Реджису, сидевшему на небольшой лужайке, заросшей дикими цветами, перед небольшим озером. Она улыбнулась хафлингу и стала танцевать вокруг него, звонко смеясь.

— Мы умерли? — спросил он.

Кэтти-бри не знала ответа. Где-то за деревьями, за весенним лесом, был мир, и все это было... здесь. Это бытие. Этот уголок рая, воплощение того, что было, дар богини Миеликки ей и Реджису и всему Торилю.

— Почему мы здесь оказались? — спросил хафлинг, которого больше не мучили и не преследовали ужасные чудовища.

Кэтти-бри знала, что это награда за хорошо прожитую жизнь. Потому что это был дар Миеликки не только им двоим, но и Дзирту. Это чудесное воспоминание, воплощенное богиней, знавшей, что мир необратимо изменился.

Кэтти-бри, танцуя, покинула полянку и запела. Она никогда не увлекалась пением, но сейчас, в этом зачарованном лесу, ее голос звучал удивительно мелодично.

Они все еще оставались на Ториле, хотя и сами этого не знали. Это был маленький лесной уголок вечной весны в мире, который с каждым днем становился все темнее и холоднее. Они были связаны с этим местом даже крепче, чем Кэддерли был связан с Храмом Парящего Духа. Уйти отсюда означало бы навлечь на себя ужасные кошмары и обречь себя на вечные блуждания.

И любому, кто попытался бы сюда проникнуть, грозили те же самые бедствия.

Потому что эта долина была проявлением чувств Миеликки, выражением

возможностей, того, что могло бы быть, а не того, что есть. Здесь не было никаких чудовищ, хотя встречались многие животные. И этот дар был сугубо личным, его невозможно с кем-либо разделить. Это тайное убежище богини Миеликки, ее неотъемлемое владение, ее представление о мире, который стал развиваться в другом направлении.

* * *

Две груды камней.

Два кургана, под одним покоится Реджис, под другим — Кэтти-бри. Всего только месяц назад Дзирт и Кэтти-бри пустились в путь из Серебристой Луны в Мифрил Халл, и, несмотря на проблемы с Пряжей, это было радостное путешествие. За восемь прошедших лет Дзирт обрел целостность, ощутил, как удваиваются все его радости и как вполонину уменьшается любая боль, пока он, словно танцуя, идет по жизни рука об руку с удивительной женщиной, подарившей ему свою верность, сочувствие и любовь.

А потом все исчезло, все это было отнято, и он никак не мог смириться. Он пытался утешить себя тем, что ее мучения закончились, что она успокоилась, по всей вероятности, рядом с Миеликки, поскольку они видели единорога. Ведь в последние недели она испытывала непереносимые страдания.

Но это не действовало, и он мог только качать головой, сдерживать слезы и бороться с желанием броситься на эти холодные камни кургана, возведенного в самом нижнем уровне Мифрил Халла.

Он посмотрел на меньший курган и вспомнил их с Реджисом путешествие в Лускан, а потом мысленно вернулся к первой их встрече в Долине Ледяного Ветра.

Дзирт опустил руку на голову Гвенвивар, приглашенную им на церемонию прощания. Ее присутствие показалось ему обязательным, и, если бы это было возможно, он позвал бы и Вульфгара. Дзирт решил, что снова отправится в Долину Ледяного Ветра, чтобы лично известить своего друга-варвара.

Мысль о предстоящем разговоре с Вульфгаром сломала последний барьер в душе Дзирта До'Урдена. Он начал всхлипывать, плечи затряслись, и он понял, что падает на пол, — как будто камни рванулись навстречу, желая его поглотить. Как он хотел, чтобы это случилось!

Бренор обнял его за плечи и тоже заплакал.

Но вскоре Дзирт стряхнул его руку с плеча и встал во весь рост, а его леденящий взгляд грозил заморозить кого угодно.

— Все будет хорошо, эльф, — прошептал Бренор.

Но Дзирт лишь отрешенно смотрел вперед, испытывая холодную ярость.

Он знал, что уже никогда не станет таким, как прежде; он знал, что душевные муки не уменьшатся ни через несколько дней, месяцев или лет, даже десятилетий. В конце этого темного туннеля больше нет сияющего света надежды.

На этот раз все кончено.

* * *

Как только Реджису захотелось найти леску, она сразу же обнаружилась. Когда ему понадобились крючок и удилище, они тоже быстро нашлись. А когда он вытащил из небольшого озера первую форель, он восхищенно вздохнул и подумал, не оказался ли он снова в Долине Ледяного Ветра.

Нет, конечно, он знал, что это не так, и, даже если этот лес рос на этой земле, все равно это было нечто другое.

Инструменты для резьбы по кости тоже лежали на виду, и Реджис, обнаружив их, уже не удивился. Он захотел их получить, и они появились. Он стал гадать, не было ли это просто его мечтой, какой-то грандиозной иллюзией.

Рай или преисподняя?
Может, он скоро проснется?
А хочется ли ему этого?

Он проводил дни, занимаясь рыбной ловлей или резьбой по кости, ему было тепло, и хафлинг был всем доволен. Он ел такую вкусную пищу, какой никогда не пробовал раньше, а, насытившись, отправлялся спать и видел прекрасные сны. И песни Кэтти-бри звенели в лесу, хотя видел он ее довольно редко и только издали, когда она танцевала в солнечных или лунных лучах, словно это были лесенки в небо.

Она все время танцевала. Лес оживал в ее движениях и в ее песнях, и веселые птички трели аккомпанировали ей при свете солнца, а теплый сумрак ночи расступался перед ее красотой.

Он не чувствовал себя несчастным или разочарованным, но из чистого любопытства Реджис несколько раз пытался пойти по прямой линии, не сворачивая ни на шаг ни вправо, ни влево, чтобы дойти до края леса.

Но каждый раз он неожиданно и необъяснимо оказывался на том же самом месте, откуда выходил, на берегу маленького озера.

Тогда он упирался руками в бедра и смеялся, а потом шел вытаскивать удочку.

* * *

Так проходило время, и само это понятие стало бессмысленным, поскольку дни и времена года здесь ничего не значили.

В лесу иногда выпадал снег, но холодов не было, и цветы цвели не переставая, и Кэтти-бри, воплощение чувств Миеликки, не прекращала своих танцев и песен.

Это было ее место, ее лес, и здесь она узнала счастье, спокойствие и ясность мысли, и, если бы на лес обрушились невзгоды, она встретила бы их со всей решимостью. Реджис все это понимал, как понимал и то, что он здесь всего лишь гость, хотя и всегда желанный, но не так прочно связанный с этим местом, как его друг.

Хафлинг принимал все это как должное и стал в некотором роде хранителем леса. Он развел сад и довел его до совершенства. Он выстроил себе домик на склоне холма, с круглой дверью, с красивым очагом, с полками, на которых стояли вырезанные им фигурки, с деревянными тарелками и чашками, со столом, всегда накрытым...

...для гостей, которые не придут никогда.